А. Н. Николаев

Токио: суд народов

А.Н. Николаев

ТОКИО: СУД НАРОДОВ

По воспоминаниям участника процесса

Москва
«Юридическая литература»
1990

67.91
Н 63

Редактор Т. С. Парфенова

Николаев А. Н.
Н 63 Токио: суд народов. По воспоминаниям участника процесса. — М.: Юрид. лит., 1990. — 416 с.
ISBN 5-7260-0143-5

Автор книги Чрезвычайный и Полномочный Посол, — доктор юридических наук А. Н. Николаев, участвовавший в работе Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока, рассказывает о судебном процессе над главными японскими военными преступниками, о планировании, подготовке и ведении ими агрессивных войн против Советского Союза, Китая, США и других стран, о материальном и моральном ущербе, причиненном народам этих стран и японскому народу.
Для широкого круга читателей.

Н $\frac{1207000000-007}{012(01)-90}$ КБ-23-43-89 67.91

ISBN 5-7260-0143-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло более 40 лет после того, как закончился Токийский судебный процесс над главными японскими военными преступниками, в котором мне пришлось участвовать в качестве судебного секретаря советской части Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока.

Этот уголовный процесс является самым продолжительным в истории: он начался 3 мая 1946 г. и длился по 12 ноября 1948 г., т. е. в течение 2,5 лет.

Токийский процесс непосредственно касался Советского Союза, и наши представители активно участвовали в нем.

Если по Нюрнбергскому судебному процессу у нас издан Сборник материалов в 7-ми томах, а сейчас выходит новое 8-томное издание, опубликовано значительное число книг и статей, то по Токийскому процессу опубликовано всего лишь три книги и несколько статей [1].

Между тем за границей, и прежде всего в Японии, вышло значительное число книг о международном суде в Токио. Во многих из них признается большое историческое значение этого суда и осуждаются развязанные бывшими японскими лидерами агрессивные войны, нанесшие огромный материальный и моральный ущерб многим народам, в том числе и японскому. Однако встречаются и такие исследования, в которых принижается значение Токийского процесса и ставится под сомнение законность и справедливость вынесенного приговора.

[1] Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М.-Л., 1950, 264 с.; Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. — М. 1984, 575 с.;
Милитаристы на скамье подсудимых; по материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985, 360 с.

Причем, некоторые японские авторы в своих рассуждениях доходят до того, что будто для народа Японии суд в Токио над бывшими его лидерами явился полной неожиданностью, что создание союзными державами-победительницами Трибунала для суда над японскими руководителями является незаконным, что в то время война не рассматривалась международным правом как преступление, что она признавалась законным состоянием взаимоотношений между нациями, что не существовало заговора против мира, что Япония не совершала агрессии против СССР, а начатая ею Тихоокеанская война против США и других западных держав была вынужденной в порядке самообороны, что нельзя предъявлять отдельным государственным деятелям обвинения в планировании, развязывании и ведении войны, поскольку-де она происходит между странами, а не отдельными лицами, что якобы предъявленное японским лидерам обвинение в совершении преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности является необоснованным, а вынесенный им приговор — суровый и несправедливый.

Надо сказать, что эти доводы не новы, так как они приводились адвокатами, защищавшими подсудимых на Токийском процессе.

Учитывая, что в нашей стране широкой публике мало известно о Токийском процессе, я и решил восполнить этот пробел, тем более что мне лично пришлось участвовать в этом процессе. К тому же время уходит, и живых свидетелей этого важного исторического процесса становится все меньше и меньше.

ВЫЗОВ В МОСКВУ

В 1945 году завершились сражения на фронтах Великой Отечественной войны и второй мировой войны.

Фашистская Германия и милитаристская Япония были разгромлены. Советский народ и народы других стран антигитлеровской коалиции праздновали великую победу над немецко-фашистскими и японскими агрессорами, развязавшими самую разрушительную и кровопролитную в истории человечества войну, в которой погибло свыше 50 миллионов человек.

Одним из важнейших решений, принятых союзными державами по окончании второй мировой войны, было решение о наказании военных преступников.

20 ноября 1945 года в г. Нюрнберге открылся судебный процесс над главными немецкими военными преступниками. За ним должен был последовать судебный процесс над главными японскими военными преступниками...

В марте 1942 года, по окончании Военно-юридической академии Красной Армии, я был направлен на Южный фронт. Затем служил на Северо-Кавказском и 2-м Украинском фронтах в должности

председателя военного трибунала гвардейской стрелковой дивизии, имея воинское звание гвардии капитана юстиции.

День Победы я праздновал в Пензе, а в сентябре 1945 года получил назначение на должность председателя военного трибунала гарнизона в городе Ульяновске. В отличие от напряженной обстановки на фронте, здесь, в Ульяновске, было спокойно и в свободное от исполнения служебных обязанностей время я занялся совершенствованием французского языка, который изучал в Военно-юридической академии. Мне казалось, что знание иностранного языка может пригодиться в моей дальнейшей службе...

В феврале 1946 года я получил телеграмму от председателя военного трибунала Приволжского военного округа с предписанием срочно выехать в Москву, в Управление кадров Народного комиссариата юстиции СССР, сроком на 7 дней.

Я был заинтригован и терялся в догадках: зачем меня вызывают в Москву?

Сборы капитана-холостяка были недолгими. На другой день я был уже в Москве. Со мной беседовал начальник Управления кадров. Однако из первой беседы я так и не понял причину вызова. И лишь потом, спустя примерно неделю, мне сказали, что есть решение направить меня в составе Советской делегации в Токио, в Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока, который будет судить главных японских военных преступников.

Я понял, что мне оказано высокое доверие.

Свыше месяца шла подготовка к этой ответственной командировке. Нам, военным, сшили два вида нового отличного обмундирования (под сапоги и под ботинки) и выдали комплект гражданской одежды.

И вот наступил день отъезда — 23 марта 1946 года. Мы прибыли на Ярославский вокзал, заняли несколько выделенных для нас комфортабельных по тому времени вагонов скорого поезда Москва-Владивосток и, простившись со своими родственниками и друзьями, а также с любимой Москвой, отправились в длинный путь на Дальний Восток.

В нашу делегацию входило около 70 человек: военные и гражданские судьи, прокуроры, следователи, эксперты, переводчики, административно-технические работники.

Возглавлял делегацию член Коллегии МИД СССР, начальник Договорно-правового управления МИД СССР, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, член-корреспондент АН СССР, доктор юридических наук, профессор Голунский Сергей Александрович — высокообразованный юрист, дипломат, имевший большой опыт работы в органах суда и прокуратуры и в Министерстве иностранных дел СССР. Он свободно владел английским, французским и немецким языками, участвовал в Ялтинской и Потсдамской конференциях глав правительств СССР, США и Великобритании и использовался И. В. Сталиным в качестве консультанта и переводчика. С. А. Голунский был назначен помощником главного обвинителя от

СССР на Токийском судебном процессе над главными японскими военными преступниками.

Членом Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока от СССР назначался член Военной коллегии Верховного Суда СССР генерал-майор юстиции И. М. Зарянов. Ранее он занимал должность начальника Военно-юридической академии Красной Армии. Он обладал необходимыми теоретическими знаниями и практическим опытом.

Поезд до Владивостока шел тогда 9 дней, и в течение всего пути мы усиленно работали над материалами предстоящего судебного процесса.

Под вечер 3 апреля прибыли во Владивосток — советский форпост на Дальнем Востоке.

Помню, шел сильный дождь, быстро наступили сумерки. Несмотря на ненастье, представители местных властей оперативно разместили нас на ночлег: большая часть группы отправилась в гостиницу «Челюскинцы», остальные — военная молодежь, в том числе и я — прямо на военный фрегат, приготовленный для нашего морского рейса.

Моряки встретили нас весьма радушно.

После горячего душа нас пригласили в кают-компанию, где уже были накрыты столы. За ужином поднимались тосты за флот и пехоту, за их братскую кровную дружбу в борьбе против врагов нашей Родины.

В течение семидневного пребывания в гостях у моряков мы хорошо отдохнули и подготовились к предстоящей работе. Погожим утром 10 апреля советская делегация на двух американских военных фрегатах, управляемых советскими моряками, вышла в Японское море, оставив позади живописный Владивосток — последний русский город на нашем далеком пути.

Благополучно миновав Японское море, мы вышли в Сангарский пролив, разделяющий острова Хоккайдо и Хонсю, затем пройдя этот пролив и выйдя в воды Тихого океана, круто повернули на юг и направились вдоль восточного берега Хонсю к Токио.

13 апреля фрегаты вошли в Токийский залив, в тот самый залив, где 2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» был подписан исторический Акт о капитуляции Японии. Перед нами расстилалось огромное водное пространство, окаймленное грядой синеватых гор. Далекие еще берега Японии, покрытые зеленью, медленно приближались.

Соответствующим морским сигналом корабли были остановлены, а через несколько минут к флагману, с шумом разрезая волны, подошел быстроходный американский катер. Из катера вышел американский солдат без головного убора, с расстегнутым воротом гимнастерки, в грубых без шнурков ботинках и, поднявшись по трапу на корабль, небрежно бросил переводчику несколько фраз по-английски, после чего вернулся на катер, который быстрым ходом направился к берегу.

Наши офицеры, стоявшие на палубе, спросили переводчика, что сообщил американец?

— Лоцман, который проведет наши корабли в Токийский порт, сможет прибыть не ранее чем через час. Так что нам придется ждать, — ответил переводчик.

Мы почувствовали некоторую обиду: к нам, высоким представителям великого Советского государства, прибывшим на двух военных кораблях, явился на встречу весьма разболтанный солдат. Обида усугубилась, когда вместо одного часа, нам пришлось ожидать пять часов. В течение этого времени мы наблюдали за американскими кораблями, по-хозяйски курсировавшими по заливу, и американскими самолетами, то и дело появляющимися в японском небе. Нам казалось, что это делается демонстративно, для нас, как бы подчеркивается господствующее положение США в Японии. Факт нашей задержки мы расценивали как неуважение к нашей делегации, как проявление «политики булавочных уколов», проводимой с ведома высшего американского начальства в отношении советских представителей.

Наконец в пятом часу прибыли гражданские японские лоцманы в сопровождении американских моряков и, переговорив в течение нескольких минут с капитанами, повели корабли в Токийский порт.

Корабли с советскими флагами в кильватерном строю плавно двинулись вперед, разрезая форштевнем голубоватые воды и ускоряя ход. Погода стояла великолепная. Впереди открывались новые виды: справа скалистые берега, голые и тоскливые, слева огромный порт Иокогама, акватория которого сплошь забита судами американского флота. Эскадрильи самолетов американского воздушного флота кружили над водами залива, Иокогама осталась позади, и вот в туманной дымке горизонта все яснее и яснее начали вырисовываться контуры Токио: заводские трубы, крыши зданий и неясные очертания линии огромного города.

У причала нас поразило огромное количество грузов американского производства, сложенных штабелями около пакгаузов. В порту царило оживление. Бесконечный поток американских грузовиков, вагонеток, огромные краны, много солдат и офицеров американской армии.

В 5 час. 30 мин. по местному времени наши корабли пришвартовались. Итак, мы прибыли в Токио — столицу бывшей Японской империи, страны восходящего солнца.

На просторной асфальтированной набережной стояло около двадцати легковых автомашин и два больших автобуса.

Среди присутствующих на набережной мы увидели наших товарищей, прибывших сюда ранее самолетом, представителя СССР в Союзном совете для Японии генерал-лейтенанта Деревянко К. Н. и двух других генералов, несколько гражданских лиц — работников нашего представительства. С криками, свистом и поднятыми руками восторженно приветствовала нас большая группа американских солдат, оказавшихся на пристани в это время.

Когда к нам подошел капитан корабля и сказал:

— Ну, знаете ли, так меня здесь никогда не встречали, — мы поняли, что наша обида на американцев была преждевременной и неосновательной.

Обвинитель от Советского Союза С. А. Голунский и член Международного Военного Трибунала И. М. Зарянов в сопровождении нескольких офицеров направились к представителям Союзного совета для Японии и Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока.

Затем мы сели в автомашины и через несколько минут прибыли в японскую гостиницу «Маринаути», где нас ожидали хорошие номера, разнообразный и высококалорийный американский ужин и низкие поклоны со стороны японской прислуги. Так закончился наш длинный путь Москва — Токио.

ЯПОНИЯ. ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Мы прибыли в Японию спустя семь месяцев после ее капитуляции.

В беседах с иностранцами японцы обычно подчеркивают, что Япония — страна солнца и цветов. И действительно, в Японии, расположенной на четырех больших островах Тихого океана — Хоккайдо, Хонсю, Сикоку и Кюсю — с живописными берегами и влажным тропическим климатом, много солнца и много цветов. Я помню, как в 1954 году на Гаагской конференции по защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта представитель Японии восторженно заявлял, что вся территория Японии — культурная ценность, служащая источником вдохновения для людей.

Однако перед нами Япония предстала не солнечными и цветными гранями, а мрачными видами последствий войны, в которую ее втянули собственные правители. Война принесла японскому народу много горя и страданий. Были убиты 2,5 млн. и искалечены 94,5 тысячи японских военнослужащих. Потери гражданского населения составили 668 тыс. человек, включая около 300 тыс. убитыми.

Япония оказалась первой в мире страной, подвергшейся атомной бомбардировке: американскими атомными бомбами «Малыш» и «Толстяк» были разрушены Хиросима и Нагасаки. От атомного смерча погибли сотни тысяч людей. Американские стратегические бомбардировщики подвергли разрушению Токио, Иокогаму, Осаку, Такамацу и другие города Японии.

Самолеты, бомбившие города, поднимались с авианосцев, пришедших к берегам Японии из Америки.

Раскинувшийся по берегам залива столичный город Токио предстал перед нами разрушенным, сожженным в результате бомбардировок примерно на 70—80 процентов. Как в центре, так и на окраинах города целые кварталы были уничтожены огнем. Нам потом рассказывали, что американские самолеты, волнами шедшие на го-

род, бросали огромное количество зажигательных бомб; ураганы пожаров бушевали над Токио; пламя, перекидываясь с квартала на квартал, моментально охватывало легкие японские строения. В заводской части, в одну из бомбежек, пожар мгновенно охватил большую территорию, людям некуда было бежать и несчастные сгорали заживо.

Вместе с тем, вглядываясь в столицу некогда могущественной Японской империи, нельзя было не заметить существовавший в ней резкий контраст: европейский просторный, зеленый и чистый центр и мрачные и грязные окраины. Впрочем, после войны грязь и мусор появились и в центре города.

Огромные разрушения в Токио невольно наводили на мысль: «посеявший ветер — пожинает бурю».

После того как Япония признала себя побежденной и подписала Акт о капитуляции, вся японская территория подверглась оккупации союзных войск. Власть императора и правительства Японии была ограничена главнокомандующим союзных держав.

Япония потеряла все острова на Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала первой мировой войны. Она лишилась всех территорий, которые захватила у Китая: Тайвань (Формоза), Маньчжурия, Пескадорские острова. Она была изгнана также из всех других территорий, завоеванных ею во второй мировой войне.

Разгром милитаристской Японии вызвал определенные тенденции к ее демократизации. Новая конституция, провозгласившая некоторые демократические права и свободы, установила запрет на вооруженные силы в стране и отказ от войны как суверенного права нации. В итоге проведения аграрной реформы большая часть помещичьих земель была за выкуп передана крестьянам. Крупнейшие монополии подверглись разделу.

Даже «божественный» император (Тенно) старался перерядиться в тогу демократа.

В Японии распространена религия синто, связанная с обожествлением личности императора. Согласно японским преданиям, император является сыном богини солнца Аматэрасу, колоссальная железобетонная статуя которой в 1938 году воздвигнута на одной из гор Тихоокеанского побережья. Мы видели ее из окон вагона, когда ездили в Камакуру. Это — огромное мертвенно-серое изваяние видно издалека.

После капитуляции император стал чаще появляться перед народом и даже произносить речи по радио. Один из выходов императора к народу мы видели. Это было осенью 1946 года, в день принятия новой японской конституции. На площади, расположенной между императорским дворцом и деловой частью города Токио, соорудили праздничные арки. В этот ясный безоблачный день огромная площадь с прудами и низкими карликовыми деревьями была полна народу. Большинство японцев сидели на корточках перед

трибуной; выделялись представители прессы с фото- и киноаппаратами. На трибуне находились члены императорской семьи и члены правительства и парламента.

Император с императрицей подъехали на скромном ландо, запряженном парой лошадей гнедой масти. Император Хирохито — невысокий, худощавый, в очках, в черном фраке, держал в правой руке цилиндр. Императрица — крупная, полная женщина с широким лицом и большими глазами была в длинном темном платье и в шляпке.

При виде императорской четы японцы замахали руками, головными уборами и что-то выкрикивали, видимо, приветствия.

Император с императрицей поднялись на трибуну, молча постояли около пяти минут, затем, сопровождаемые толпой, направились к ожидавшему их ландо и уехали во дворец. Так прошел выход императорских особ к народу.

Оккупационные власти запретили пропаганду религии синто, оказание ей правительственной поддержки и финансовой помощи, а также распространение милитаристских и ультранационалистических идей в ее доктринах, службах и церемониях. Тем самым было подорвано отношение к императору, как к божеству. Однако скульптурные изображения бога Синто продавались в магазинах и ларьках Токио и других городов.

В соответствии с распоряжениями главнокомандующего союзных держав американского генерала Д. Макартура, лица, активно поддерживающие милитаристские и националистические тенденции, снимались с ответственных постов государственных и частных организаций и предприятий, ультранационалистические и милитаристские общественные, политические, профессиональные и коммерческие организации распускались, милитаристские и националистические идеи исключались, а военное обучение в учебных заведениях упразднялось. Провозглашалась свобода вероисповедания.

Оккупационная администрация обязала японское правительство отменить и немедленно приостановить действие положений всех законов, декретов, указов и приказов, которые устанавливали или поддерживали ограничения свободы мысли, религии, собраний и слова, включая ограничения свободы обсуждений личности императора, императорских учреждений и императорского правительства; устанавливали или поддерживали ограничения в вопросах сбора и распространения информаций; ограничивали в правах граждан по мотивам расы, национальности, веры или политических мнений. Была восстановлена свобода собраний.

Японскому правительству предлагалось немедленно освободить всех заключенных, задержанных, а также лиц, находящихся под подозрением и наблюдением в связи с указанными выше актами.

Такие распоряжения оккупационных властей не могли дать японскому народу действительных свобод, однако побудили его на борьбу за эти свободы. Политическая жизнь Японии активизировалась: стали проводиться забастовки на предприятиях, уличные де-

монстрации. Американская военная полиция (МП — эмпи) не препятствовала демонстрациям, а только следила за тем, чтобы не нарушался порядок на улицах.

Мы наблюдали мощные тысячные первомайские демонстрации. Демонстранты несли транспаранты с лозунгами, призывающими к единству и солидарности, пели революционные песни: Интернационал, Варшавянку.

Однако рабочее движение Японии не отличалось единством: множество политических партий с различными платформами не способствовало объединению трудящихся. Именно этим объяснялся тот факт, что на проходивших тогда выборах победу одержали реакционные партии, чему содействовали и американские оккупационные власти. Однако в процессе выборов выросла популярность Коммунистической партии Японии.

Послевоенная жизнь японского населения была трудна: разруха, бедность, отсутствие жилья.

Мы видели, что многие японские семьи ютились в хижинах из старой фанеры, камней, ржавого железа. Бездомные спали прямо на улице в пыли и грязи. Беспризорные полуголые дети копошились в кучах городского мусора в поисках пищи.

Японцы одевались бедно: на мужчинах редко можно было видеть костюм, а женщины носили простое, недорогое кимоно. И мужчины, и женщины обувались в деревянные сандалии, которые характерно постукивали по мостовой.

На главной торговой улице Гинза наряду с большими магазинами, торговавшими предметами роскоши, ютились маленькие бедные лавочки и палатки, в которых продавались мелкие, иногда старые, дешевые вещи. С большими ресторанами, откуда доносились мощные звуки джаза, там соседствовали мелкие закусочные и чайные, в которые заходили бедные, плохо одетые, исхудалые люди.

На иены мы могли покупать японские товары в любом магазине. Кроме того, в специальном магазине, так называемом «пиэксе», нам отпускались японские товары за иены, но по сниженной цене.

Когда мы приехали в Токио, цены на товары были сравнительно низкими, но в 1947 году они сильно поднялись, причем такие товары, как кожа, кожаные изделия, различные ткани, меха и другие по приказу Макартура были вовсе изъяты из японской торговли.

Кстати, заметим, что в те времена японские товары не отличались высоким качеством, хотя выглядели прилично.

Излюбленное блюдо японцев — рыба. Они готовят ее со множеством остропахнущих приправ и специй. Поэтому по городу вечерами, особенно на его окраинах, растекались сильные неприятные запахи, исходившие из жилищ или просто с улицы, где разделывалась и готовилась к ужину рыба.

В японские магазины мы заглядывали и покупали нужные нам товары, а от посещения ресторанов и других увеселительных мест воздерживались.

Помню такой случай. Майор юстиции Е. И. Гаранин — тоже су-

дебный секретарь советской части Международного Военного Трибунала как-то предложил мне и полковнику юстиции начальнику секретариата советской части Трибунала Н. А. Виноградову в выходной день зайти в магазины, расположенные на улице Гинза. Я согласился, а полковник долго колебался: как бы чего не случилось. Надо сказать, что в Москве мы получили очень строгие инструкции о том, как надо вести себя в Японии. Все же полковник решился, и мы отправились. В магазине, где продавались японские кимоно, мы с Гараниным купили по красивому кимоно, а полковник, проявляя осторожность, воздержался. Когда с покупками мы шли по улице, нас догнала продавщица. Полковник прямо побледнел: «Ну, как я и думал! Что-то неприятное произошло, раз продавщица побежала за нами». Мы остановились. Приблизившись к нам, девушка низко поклонилась и из-за спины правой рукой вручила полковнику, как старшему в нашей группе, букет из красных цветов. Так магазин благодарил нас за покупки. Потом мы узнали, что таковы традиции японской торговли.

Чтобы как-то отвлечь население от трудностей жизни, японская печать и радио распространяли разного рода сенсации и небылицы. Так, газеты однажды сообщили, что некий Итиро Акимото питается... крысами и благодаря этому чувствует себя настолько бодрым в 60 лет, что решил жениться на молоденькой девушке. К тому же он оказался таким разборчивым женихом, что уже отказал 2124 претенденткам.

В другой раз газеты широко распространяли новость о том, что в Токио обнаружена 65-летняя женщина, которая все военные годы прожила в металлическом ящике и чувствует себя прекрасно.

На улицах города, по вечерам, можно было встретить массу разного рода гадальщиков и хиромантов. За небольшую плату они делали предсказания и всегда со счастливым концом.

К нам, советским людям, японское население относилось весьма сдержанно, так что контактов с ними было мало. Общение ограничивалось самым необходимым: в магазинах, в мастерских, иногда в медицинских кабинетах, во время загородных поездок — с обслуживающим персоналом. Было похоже, что японские официантки, уборщицы следили за нами и о нашем поведении докладывали начальству.

Жители города охотно смотрели советские кинофильмы, которые демонстрировались в токийских кинотеатрах. Однако американские власти старались ограничить показ советских кинофильмов, а стремились больше показывать свои.

Надо сказать, что в Японии живет значительное число белоэмигрантов, а теперь уже их детей и даже внуков. Некоторые из них приходили к нам, поздравляли с победой и выражали свои искренние симпатии Родине, которую когда-то покинули в силу разных обстоятельств и теперь вынуждены доживать свой век здесь, на чужбине.

В их семьях говорили по-русски, они охотно читали русскую и

советскую литературу. С большим вниманием слушали наши рассказы, от души радовались возросшему авторитету Родины на международной арене. С особым уважением они смотрели на советских офицеров, представлявших героическую Красную Армию, разгромившую вооруженные силы Германии и Японии.

Как уже отмечалось, в условиях оккупационного режима управление японским государством было полностью подчинено главнокомандующему союзных держав, конкретно — американскому генералу армии Дугласу Макартуру. На этот высокий пост он был назначен президентом США Трумэном. Ему было поручено принятие капитуляции Японии и ее осуществление. Его назначение на пост представителя Белого дома в Японии вполне соответствовало интересам крупных американских монополий, с которыми он был тесно связан. Его отец -- крупный плантатор, занимал пост генерал-губернатора Филиппин. Д. Макартур еще в 1932 году снискал печальную известность, когда он, будучи начальником штаба американской армии, организовал кровавую расправу над безработными ветеранами первой мировой войны, собравшимися в Вашингтоне.

Во вторую мировую войну Макартур командовал вооруженными силами США на Дальнем Востоке и союзными войсками на Филиппинах, которые в 1941 году почти без сопротивления сдал японцам и постыдно бежал в Австралию.

Здесь же он выступал в роли поработителя японского народа. Проводимая им политика была направлена на ремилитаризацию Японии, на превращение ее в военную базу США на Дальнем Востоке.

Его внешность — высокий, грузный, несколько сгорбленный, с крупными чертами лица и большим носом, с надменным, хмурым взглядом — вполне соответствовала этому назначению.

В Японии он ездил на автомашине с пятью звездами. Из здания своего штаба в Токио выезжал на ленч ровно в 13 часов. К этому времени обычно собиралась толпа, чтобы наблюдать «выход Макартура». Такая пунктуальность несомненно нравилась людям.

В 1947 году Макартур приезжал в представительство СССР на прием по случаю 30-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Был он недолго, держался сугубо официально, высокомерно, но охотно позировал фотографам. В отличие от него американские офицеры и гражданские служащие вели себя свободно, запросто общались с нашими военными и гражданскими людьми, охотно пили русскую водку, провозглашали тосты за дружбу между народами и армиями Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, пели, танцевали.

Вообще надо сказать, что в первые месяцы нашего пребывания в Японии американцы относились к нам хорошо, можно сказать с симпатией. Они с удовольствием встречались с нами, интересовались условиями жизни в СССР, открыто выражали свои симпатии к советскому народу и к его героической армии, восторженно произносили названия наших городов-героев: Сталинград, Ленинград.

Нам разрешалось свободно и бесплатно посещать американские театры и кинотеатры в Токио, пляжи на берегах Токийского залива.

Американские спектакли, концерты и кино были оформлены пышно, даже с блеском. Однако их содержание было для нас непривычным, все казалось безыдейным, а подчас просто пошлым: вымышленные, сказочные любовные истории с полуобнаженными красотками или детективы. Этим развлекались американские солдаты и офицеры.

В первое время такое искусство у нас вызывало некоторый интерес, но вскоре оно нам надоело и мы с удовольствием ехали в наше представительство, где можно было посмотреть советские фильмы.

Американские офицеры, и особенно солдаты, чувствовали себя хозяевами в Японии, а потому держались весьма свободно, если не сказать, разболтанно. Например, не считаясь с правилами дорожного движения, они ездили на автомашинах с бешеной скоростью, не гнушались пользоваться японскими рикшами, легко и свободно завязывали связи с молодыми японками.

Мы же на первых порах чувствовали себя довольно робко и совершали свои прогулки по Токио группами и с большой осторожностью. Но потом, освоившись с языком, нравами и обычаями американцев и японцев, разгуливали по Токио днем и вечером совершенно спокойно. Американцы в общем старались поддерживать оккупационный режим мирными средствами, как бы путем установления дружественных отношений с японцами. Однако, считали они, побежденная нация должна соответствующим образом вести себя. Так, японцам запрещалось посещать американские театры, а для американца считалось унизительным находиться в обществе японцев. В Трибунале, например, для японцев были указаны специальные подъезды и входы, которыми им разрешалось пользоваться, а также отведены самые неудобные места в зале суда.

Согласно договоренности, правительство США взяло на себя расходы по содержанию Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока.

По приезде в Токио советскую делегацию разместили в японской гостинице «Мариануги». Член Трибунала от СССР И. М. Зарянов был помещен в лучшей гостинице Токио «Империал». В ней проживали судьи и из других стран.

Американские власти обеспечили нас питанием и предоставили транспорт. Советские офицеры имели право вызывать из американского автопула машины в любое время. Генералу И. М. Зарянову была выделена персональная автомашина и шофер-американец.

Однако такое положение продолжалось недолго.

Над советско-американскими отношениями стали появляться темные тучи. В марте 1946 года в Фултоне (США) в присутствии президента Трумэна У. Черчилль выступил с антисоветской речью, в которой предложил образовать англо-американский военный со-

юз для борьбы с «восточным коммунизмом» и для установления господства «мира, говорящего по-английски». В речи Черчилля была по существу изложена программа «холодной войны».

А через год, в марте 1947 года, появилась на свет антикоммунистическая «доктрина Трумэна», положившая начало оформлению политики «холодной войны», ставшей официальным внешнеполитическим курсом США.

Резкое изменение в политике США и других западных держав по отношению к Советскому Союзу оказало влияние на работу Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока, а также на положение и условия жизни советской делегации в Токио. В частности, с нас потребовали платы долларами за питание, перестали давать автомашины.

Из шикарной гостиницы «Мариануги» мы переехали в отдельный, куда более скромный дом на Мицубиси. Но нам здесь понравилось: все было проще и свободнее. Иностранцы, живущие в большом количестве в «Марианути», стесняли нас, мы чувствовали себя неудобно. Здесь же жили только свои, знакомые люди, а на чужбине это очень важно. В этом же доме находилась столовая, в которой мы завтракали и ужинали, а 12-часовой ленч нам полагался по месту работы, т. е. в здании бывшего военного министерства, где заседал Международный Военный Трибунал. Зарплата выплачивалась нашим правительством в иенах.

В связи с общим ухудшением отношений между США и Советским Союзом американцы стали более осторожно относиться к нам.

Помню, в начале нашего пребывания в Токио американская военная администрация предложила нашему генералу направить одного из офицеров в дом отдыха для американских военнослужащих, расположенный в живописном месте под Токио.

— Ну как, согласен поехать в американский дом отдыха на недельку? — спросил меня И. М. Зарянов.

— Согласен, — сразу ответил я.

Мою кандидатуру сообщили в американский военный штаб, однако приглашения не последовало. Очевидно, американская администрация передумала и решила не принимать в свой дом отдыха советского офицера. Некоторые из американцев стали «не узнавать» нас, другие же избегали встреч с нами во избежание неприятностей.

Однажды во время приема американские артистки, прибывшие в Токио на гастроли, откровенно сказали нашим женщинам, что в штабе Макартура их предостерегали от встреч и разговоров с русскими.

Однако многие служащие из американского аппарата в Международном Военном Трибунале не скрывали своих симпатий к русским, относились к нам доброжелательно и даже помогали в работе.

До сих пор вспоминаю американского военнослужаще-

го — улыбчивого и веселого шофера Хилла, возившего нашего генерала. Он отлично нес свою службу, с большим вниманием и уважением относился не только к генералу, но и к другим советским сотрудникам, старался во всем помочь, работал, не считаясь со временем.

Летом 1947 года И. М. Зарянов выехал в Союз, в отпуск. Я остался старшим по советской части Международного Военного Трибунала. Однажды утром Хилл приходит ко мне в секретариат и взволнованно говорит: «Капитан, мне приказано оставить службу у вас и выехать в армию США в Корею. Мне не хотелось бы уезжать в Корею, тем более там война, а у меня в Вашингтоне жена и сын. Не могли бы Вы походатайствовать перед нашим штабом, чтобы меня не отправляли в Корею, а оставили на службе у вас.»

— Попробую, Хилл, — ответил я.

В тот же день я обратился к американскому полковнику, занимавшемуся административными вопросами по Трибуналу.

Рассказал ему суть дела и попросил его оставить этот вопрос до возвращения генерала. Отметил при этом, что генерал доволен службой Хилла и будет ругать меня за то, что, оставшись на месяц за старшего, упустил такого хорошего шофера.

Полковник выслушал меня внимательно и обещал доложить о моей просьбе командиру корпуса.

На другой день полковник пригласил меня к себе и сказал, что командир корпуса удовлетворил мою просьбу: Хилл не поедет в Корею, будет продолжать службу у нас.

Когда я сообщил Хиллу о решении командира корпуса, он прямо подскочил к потолку и закричал: «Капитан, я буду помнить вас всю жизнь и если потребуется, готов отвезти вас на своей автомашине в Москву и даже через Японское море».

В 1948 году, когда я отправлялся в Союз, Хилл, расставаясь со мной в порту, плакал.

Вообще, надо сказать, что подавляющее большинство американцев, с которыми мне пришлось встречаться в течение многих лет и в США, и в других странах, производили на меня хорошее впечатление: деловые, общительные и доброжелательные, они по своему психическому складу и характеру похожи на русских. С ними легко можно контактировать, поддерживать связи и успешно сотрудничать.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТОКИЙСКОГО ПРОЦЕССА

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ДЛЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

На Тегеранской конференции глав правительств трех союзных держав — СССР, США и Великобритании, состоявшейся 28 ноября — 1 декабря 1943 г., в ответ на предложение американской и английской делегаций участвовать в войне против Японии — союзника германо-итальянского фашизма, советская сторона заявила о готовности СССР вступить в войну на Дальнем Востоке после капитуляции Германии. При этом учитывалось, что Япония нарушала заключенный ею с Советским Союзом 13 апреля 1941 г. в Москве Пакт о нейтралитете. Она активно поддерживала Германию в ее войне против СССР, сосредоточила на границах с Советским Союзом Квантунскую армию численностью около миллиона человек, сковывая тем самым на Дальнем Востоке значительные силы Красной Армии, которые были крайне нужны на советско-германском фронте. Япония вынашивала планы наступательной войны против СССР, чинила препятствия советскому торговому судоходству на Тихом океане. В конечном счете без разгрома японских агрессоров невозможно было обеспечить прочный мир.

На Крымской конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании, проходившей 4—11 февраля 1945 г., было подписано Соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока, в котором говорилось, что «через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников» [1] и указывалось, что по окончании войны СССР будут воз-

[1] Тегеран, Ялта, Потсдам. М., 1971, с. 199.

вращены южная часть острова Сахалин и все прилегающие к ней острова, переданы Курильские острова. Здесь же отметим, что в Каирской декларации, принятой президентом США и главами правительств Великобритании и Китая 6 ноября 1943 г., заявлялось о намерении союзных держав «обуздать и наказать агрессию Японии».

Во время работы Потсдамской конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.) от имени глав правительств США, Великобритании и Китая 26 июля была опубликована декларация, в которой содержались требования к правительству Японии о безоговорочной капитуляции на предъявленных ему условиях, предусматривавших: устранение власти и влияния тех, кто обманул и ввел в заблуждение японский народ, втянув его в войну; оккупацию указанных союзниками пунктов на японской территории; ограничение суверенитета Японии на островах Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и на тех менее крупных островах, которые будут определены; роспуск всех вооруженных сил и полное разоружение Японии; суровое наказание военных преступников; устранение препятствий к возрождению и укреплению демократических начал; установление свободы слова, религии и мышления, уважение основных прав человека; разрешение иметь такую промышленность, которая позволит поддержать хозяйство Японии и взыскать справедливые репарации натурой, но не те отрасли промышленности, которые позволят ей снова вооружиться для ведения войны.

В Потсдамской декларации заявлялось, что союзники выведут оккупационные войска из Японии как только будут достигнуты эти цели.

28 июля японское правительство отклонило условия Потсдамской декларации.

Учитывая, что Япония нарушала условия советско-японского Пакта о нейтралитете, Советское правительство 5 мая 1945 г. денонсировало этот договор, как потерявший смысл.

Поскольку японское правительство отказалось принять требование США, Англии и Китая о безоговорочной капитуляции, Советское правительство в соответствии с обещанием, данным на Крымской конференции, 8 августа 1945 г. официально присоединилось к Потсдамской декларации и объявило, что с 9 августа СССР будет находиться в состоянии войны с Японией. «Советское Правительство считает, — говорилось в заявлении Наркоминдел СССР от 8 августа 1945 г., — что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции» [1].

[1] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. М., 1947, с. 363.

9 августа 1945 г. Советские Вооруженные Силы начали военные действия против японских войск в Маньчжурии, нанося им сокрушительные удары.

Ночью с 9 на 10 августа в Токио состоялось заседание Высшего совета по руководству войной с участием императора Японии Хирохито. На этом заседании премьер-министр адмирал Судзуки заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны» [1]. По его предложению было принято такое заявление: «Японское правительство готово принять условия Декларации от 26 июля. Японское правительство понимает, что эта Декларация не содержит требований, ущемляющих прерогативы императора как суверенного правителя Японии» [2].

Содержащаяся в заявлении японского правительства оговорка о неущемлении прерогативы императора, понятно, не могла быть принята союзными державами, поскольку она противоречила и духу, и букве их требования о безоговорочной капитуляции Японии.

Ввиду этого государственный департамент США 11 августа 1945 г. направил японскому правительству следующий ответ правительств США, Советского Союза, Англии и Китая:

«В отношении заявления японского правительства, в котором принимаются условия Потсдамской декларации, но в котором содержится заявление «при условии, что указанная декларация не содержит никакого требования, которое затрагивает прерогативы его Величества как суверенного правителя», наша позиция заключается в следующем.

С момента капитуляции власть императора и японского правительства в отношении управления государством будет подчинена главнокомандующему союзных держав, который предпримет такие шаги, какие он сочтет нужными для осуществления условий капитуляции... Форма правления Японии в конечном счете будет в соответствии с Потсдамской декларацией установлена свободно выраженной волей японского народа. Вооруженные силы союзных держав будут оставаться в Японии до тех пор, пока не будут достигнуты цели, изложенные в Потсдамской декларации» [3].

В результате первого этапа Маньчжурской стратегической наступательной операции с 9 по 14 августа советские войска в составе Забайкальского фронта, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, совместно с которыми успешно действовали монгольские кавалерийские дивизии и бронебригады, нанесли Квантунской группировке японских войск серьезное поражение. Они разгромили противника в 16 укрепрайонах и вышли на оперативный простор. Командование

[1] История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 11. М., 1980, с. 238.

[2] Милитаристы на скамье подсудимых, с. 29.

[3] Там же

Квантунской группировки никак не ожидало такого стремительного наступления советских войск в Маньчжурии [1].

В сложившихся условиях 14 августа на объединенном совещании Высшего совета по руководству войной и правительства с участием императора Хирохито после продолжительных дебатов было принято и опубликовано от имени императора следующее заявление:

«...Я повелел принять Потсдамскую декларацию. Мое мнение не изменилось... Я повелеваю всем присоединиться ко мне... Примите условия немедленно. Чтобы народ мог знать о моем решении, я повелеваю срочно подготовить императорский рескрипт по этому вопросу» [2].

В тот же день была отправлена телеграмма, которой правительства США, Англии, Советского Союза и Китая уведомлялись о принятии Японией условий Потсдамской декларации. В телеграмме заявлялось:

«1. Его Величество император издал императорский рескрипт о принятии Японией условий Потсдамской декларации.

2. Его Величество готов... также дать любые другие приказы, которые может потребовать главнокомандующий союзных вооруженных сил в целях осуществления вышеуказанных условий» [3].

На другой день военные действия между войсками США и Англии, с одной стороны, и войсками Японии, с другой, — были прекращены. Однако части Квантунской армии, сражавшиеся против советских войск, приказа о капитуляции не получили и продолжали оказывать ожесточенное сопротивление.

Следует отметить, что многие японские офицеры, особенно группа так называемых молодых тигров, решительно возражали против принятия Японией Потсдамской декларации и настаивали на продолжении войны, хотя бесперспективность ее для Японии была уже совершенно очевидна.

В создавшейся обстановке штаб Советской Армии вынужден был дать специальное разъяснение, в котором говорилось:

«1. Сделанное японским императором 14 августа сообщение о капитуляции Японии является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции. Приказ вооруженным силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление.

2. Ввиду изложенного Вооруженные Силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии» [4].

Советские войска начали второй этап маньчжурской стратегиче-

[1] См.: Победа на Востоке: к 40-летию разгрома милитаристской Японии, М., 1985, с. 35—36.

[2] Милитаристы на скамье подсудимых, с. 30.

[3] Там же.

[4] Там же.

ской операции, нанося мощные удары по Квантунской группировке японских войск, освобождая города и населенные пункты Маньчжурии.

15 августа был передан по радио рескрипт императора Японии о принятии условий капитуляции. В нем заявлялось: «Мы повелеваем нашему правительству передать правительствам Соединенных Штатов, Великобритании, Китая и Советского Союза сообщение о принятии нашей империей условий их совместной декларации» [1].

В итоге активных совместных действий Советских Вооруженных Сил — войск Забайкальского фронта, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, кораблей Тихоокеанского флота и Амурской флотилии Квантунская группировка японских войск была разгромлена и японскому главнокомандующему генералу О. Ямада пришлось 18 августа подписать текст акта о капитуляции. А на следующий день, 19 августа, начальник штаба Квантунской армии генерал С. Хата прибыл на командный пункт 1-го Дальневосточного фронта к главнокомандующему Советскими войсками на Дальнем Востоке маршалу А. М. Василевскому, где и были установлены условия и порядок капитуляции японских войск. Тем не менее в ряде районов Советским войскам приходилось вести боевые действия против отдельных японских отрядов и гарнизонов до 1 сентября.

Кампания Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке была кратковременной, но в ходе ее советскими войсками была одержана победа, которая способствовала ликвидации последнего очага второй мировой войны.

Сокрушив Квантунскую группировку, Советские Вооруженные Силы открыли народам Азиатского континента, порабощенным японским империализмом, путь для революционных преобразований, завоевания свободы и национальной независимости.

Советский Союз получил свободный выход в Тихий океан.

Правительство США, возглавляемое президентом Трумэном, по сути отвергло установление союзного контроля над Японией и взяло на себя подготовку подписания акта о ее капитуляции. 19 августа в Манилу была направлена японская делегация, с которой американское командование вело переговоры о процедуре подписания акта о капитуляции и деталях ее осуществления войсками союзников.

На другой день представителям Японии был вручен акт о капитуляции, согласованный союзными державами.

28 августа на аэродром Ацуги в префектуре Канагава высадился передовой отряд американской армии, а 30 августа в Японию прибыл генерал Д. Макартур.

Подписание Акта о капитуляции Японии состоялось 2 сентября 1945 года, в 10 час. 30 мин. по токийскому времени, на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе.

[1] Милитаристы на скамье подсудимых, с. 31.

Процедура подписания Акта о капитуляции Японии.

На борт линкора была доставлена японская делегация в составе министра иностранных дел Мамору Сигэмицу и начальника генерального штаба генерала Иосидзиро Умэдзу. Остановившись в нескольких шагах перед поставленным на середине палубы столом, за которым предстояло подписать акт, делегация в течение некоторого времени молча стояла под взглядами сотен представителей союзных стран-победительниц, исполняя церемонию «минуты позора». Затем японские представители были приглашены к столу. От имени японского императора, правительства и императорской ставки Сигэмицу и Умэдзу подписали акт о капитуляции Японии.

От имени всех союзных наций акт подписал американский генерал Д. Макартур. За ним свои подписи под актом поставили представители союзных держав: от имени Соединенных Штатов Америки — адмирал Ч. Нимиц, Китая — генерал Сун Юнчан, Великобритании — адмирал Б. Фрейзер, Советского Союза — генерал К. Н. Деревянко, Австралии — генерал Т. Блэйми, Франции — генерал Ж. Леклерк, Голландии — адмирал К. Халфрих, Новой Зеландии — вице-маршал авиации Л. Исит, Канады — полковник Н. Муркосгрейв.

В акте о капитуляции Японии было записано:

«Мы, действуя по приказу и от имени императора, японского правительства и японского императорского генерального штаба, настоящим принимаем условия декларации, опубликованной 26 июля

в Потсдаме главами правительств Соединенных Штатов, Китая и Великобритании, к которой впоследствии присоединился и СССР... Настоящим мы даем обязательство, что японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации...» [1].

В тот же день, 2 сентября, император Японии Хирохито обратился к японскому народу с воззванием, в котором сообщал, что он приказал японскому имперскому правительству и японской императорской ставке подписать от его имени акт о капитуляции и издать общие приказы военным и морским силам в соответствии с указаниями союзных держав.

В воззвании императора содержался приказ всему своему народу немедленно прекратить враждебные действия, сложить оружие и верно выполнять все положения акта о капитуляции и общих приказов, выпущенных японской императорской ставкой.

Так подписанием исторического акта о капитуляции Японии закончилась вторая мировая война.

Как уже отмечалось, в результате войны, развязанной японскими милитаристами, народ Японии понес огромные потери. Еще больше пострадали от японской агрессии народы других стран, особенно Китай. 100 млн. жителей этой страны остались без крова, 10 млн. погибли, в том числе 1,3 млн. были убиты на поле боя. Из стран Юго-Восточной Азии наибольшие потери понесли: Индонезия — 2 млн. человек, Филиппины — 1,1 млн. человек.

За период военных действий с 9 августа по 2 сентября 1945 г. потери советских войск на Дальнем Востоке составили: убитыми 8219 человек и ранеными — 22 264 человека.

Помимо людских потерь развязанная японскими милитаристами война нанесла народу Японии и народам других стран огромный материальный ущерб.

Таковы итоги японской военной агрессии.

На Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, состоявшемся 16—26 декабря 1945 г., было принято решение об организационных принципах осуществления условий капитуляции Японии. Участники совещания пришли к соглашению, к которому присоединился Китай, об учреждении Дальневосточной комиссии и Союзного Совета для Японии.

В Дальневосточную комиссию, штаб которой находился в Вашингтоне, входили представители 11 союзных держав, участвовавших в войне против Японии (СССР, США, Англия, Китай, Франция, Голландия, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Индия и Филиппины). Позже в ДВК вошли Бирма и Пакистан. Основной задачей ДВК было формулирование общей политической линии, в соответствии с которой Япония должна была выполнять обязательст-

[1] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III, с. 480—481.

ва по условиям капитуляции. Решения ДВК принимались большинством голосов при условии совпадения позиций СССР, США, Англии и Китая.

Союзный Совет состоял из представителей США (в качестве председателя), СССР, Китая и Великобритании, причем член от Великобритании представлял также Австралию, Новую Зеландию и Индию. Местом пребывания Союзного Совета был город Токио. Союзный Совет являлся совещательным органом. Консультации с главнокомандующим американскими оккупационными войсками в Японии, дача ему советов по вопросам, касающимся осуществления условий капитуляции, оккупации и контроля над Японией — цель Совета. Единственной исполнительной властью союзных держав в Японии был главнокомандующий американскими войсками генерал Д. Макартур, который издавал все приказы по выполнению условий капитуляции, оккупации и контроля над страной.

Как и победа над фашистской Германией на западе, победа над милитаристской Японией на Востоке явилась важным историческим событием в жизни человечества. Однако она слишком дорого досталась народам Объединенных Наций.

Во имя светлой памяти погибших миллионов невинных людей, во имя торжества человеческой морали и справедливости — суровая кара должна была обрушиться на головы тех, кто в своих низких эгоистических стремлениях к мировому господству планировал, готовил, развязывал и вел эти агрессивные человекоубийственные войны. Но не только нормы морали требовали сурового наказания поджигателей и организаторов агрессивных войн. Имелся целый ряд норм международного права, которые в силу закона обязывали применить эти суровые меры наказания к военным преступникам.

Идея о том, чтобы пресечь действия агрессоров, принудить их уважать общепризнанные нормы международного права, появилась давно. Источником этой идеи была давняя мечта миролюбивых народов установить вечный и прочный мир на земле, поставить на службу защиты мира уголовный закон. Однако осуществить эту идею было нелегко. Дело в том, что международное право, сложившееся под воздействием эксплуататорских государств, не запрещало агрессивную войну и не предусматривало индивидуальной уголовной ответственности физических лиц, совершивших преступление против мира, военные преступления и преступления против человечности. Стремление общественных деятелей поставить на службу мира уголовный закон особенно усилилось в период первой мировой войны, когда кайзеровские войска грубо нарушали законы и обычаи войны, совершали чудовищные злодеяния на захваченных ими территориях соседних стран. Мировое общественное мнение настойчиво требовало наказания виновных. Уже в годы войны в Бельгии, Франции, Англии и России были учреждены следственные комиссии для установления преступлений германской военщины. На основе Версальского договора Вильгельм II должен был быть предан Международному суду. Ему предъявлялось обвинение «в

высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров». Но Вильгельм не понес уголовное наказание за содеянное. 10 ноября 1918 г. он сбежал в Голландию, где ему было предоставлено убежище «как жертве международного конфликта». Союзные державы обратились с нотой к нидерландскому правительству, требуя выдачи Вильгельма для суда над ним. Однако правительство Голландии отказалось выдать бывшего кайзера, мотивируя тем, что подобное действие шло бы вразрез с конституционным правом Голландии и ее «историческими традициями», что предъявленное Кайзеру обвинение носит неопределенный характер и Голландия не считает обязательным для себя положения Версальского мирного договора, поскольку договор был заключен без ее участия.

Главный же мотив заключался в том, что союзные державы сами не стремились судить Вильгельма II и требовали его выдачи лишь формально, чтобы успокоить общественное мнение.

В известном пакте Келлога — Бриана, подписанном в Париже 27 августа 1928 г., почти все страны мира, в том числе и Япония, от имени своих народов торжественно заявили о том, что они осуждают войну как способ разрешения международных споров и отвергают ее как средство национальной политики в своих отношениях друг с другом.

Заботясь о судьбах человечества и стремясь обеспечить в будущем прочный мир на земле, советское правительство 4 декабря 1941 г. выступило с декларацией об ответственности и наказании военных преступников, в которой впервые провозглашалось, что наказание гитлеровских преступников неразрывно связано с обеспечением прочного и справедливого мира. «После победоносной войны, — говорилось в ней, — и соответственно наказания гитлеровских преступников задачей союзных государств будет обеспечение прочного и справедливого мира» [1].

В ноте наркоминдел СССР от 27 апреля 1942 г. говорилось, что «гитлеровское правительство и его пособники не уйдут от суровой ответственности и от заслуженного наказания за все их неслыханные злодеяния, совершенные против народов СССР и против всех свободолюбивых народов» [2].

В 26-ю годовщину Октября Сталин, обращаясь к советскому народу, заявил: «Вместе с нашими союзниками мы должны будем... принять меры к тому, чтобы все фашистские преступники, виновники нынешней войны и страданий народов, в какой бы стране они не скрывались, понесли суровое наказание и возмездие за все совершенные ими злодеяния» [3].

[1] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. I. М., 1944, с. 169.

[2] Там же, с. 235.

[3] Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны. М., 1949, с. 22.

Требования о наказании гитлеровских преступников выдвигались и другими государствами, которые вели борьбу против фашистской Германии.

В августе 1942 года президент США Франклин Д. Рузвельт, касаясь вопроса об ответственности гитлеровских преступников, сказал: «Справедливость требует, чтобы они получили предупреждение о том, что придет время, когда они должны будут предстать перед судом в тех самых странах, которые они сейчас угнетают, и нести ответственность за свои деяния» [1].

12 октября 1942 г. Рузвельт в обращении по радио к американскому народу, которое транслировалось по всему миру, подчеркнул: «Мы ясно дали понять, что объединенные нации не стремятся к массовым репрессиям в отношении населения Германии, Италии и Японии. Но клика лидеров и их жестоких сообщников должна быть названа по имени, арестована и судима в соответствии с уголовным законом» [2].

В опубликованной в Москве 2 ноября 1943 г. декларации глав трех правительств — Советского Союза, США и Великобритании — об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства было сказано: «...Три союзные державы, выступая в интересах тридцати двух объединенных наций, торжественно заявляют и предупреждают... что... те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за... зверства, убийства и казни, или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы... Пусть те, кто еще не обагрил своих рук невинной кровью, учтут это, чтобы не оказаться в числе виновных, ибо три союзные державы наверняка найдут их даже на краю света и передадут их в руки их обвинителей с тем, чтобы смогло свершиться правосудие». Однако декларация «не затрагивает вопрос о главных преступниках, преступления которых не связаны с определенным географическим местом и которые будут наказаны совместным решением правительств союзников» [3].

Таким образом, вопрос о наказании главных преступников должен быть решен особо на основе договоренности между союзными державами. Союзные державы определяли и судебную процедуру.

Данный вопрос обсуждался на конференциях трех держав — Советского Союза, США и Великобритании — в Крыму (февраль 1945 г.) и в Берлине (июль 1945 г.).

В протоколе работы Крымской конференции было записано:

[1] Цит. по: Трайнин А. Н. Уголовная ответственность гитлеровцев. М., 1944, с. 5.

[2] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. I, с. 277.

[3] Там же, с. 363—364.

«Конференция решила, что вопрос о главных преступниках войны должен после закрытия конференции подлежать рассмотрению тремя министрами иностранных дел для доклада в надлежащее время» [1].

В Сообщении о Берлинской конференции трех держав, в разделе «О военных преступниках» сказано: «Три Правительства отметили обсуждение, которое происходило за последние недели в Лондоне между британскими, американскими, советскими и французскими представителями, с целью достижения соглашения о методах суда над теми главными военными преступниками, чьи преступления по Московской декларации от октября 1943 года не относятся к определенному географическому месту. Три Правительства подтверждают свои намерения предать этих преступников скорому и справедливому суду. Они надеются, что переговоры в Лондоне будут иметь своим результатом скорое соглашение, достигнутое с этой целью, и они считают делом огромной важности, чтобы суд над этими главными преступниками начался как можно скорее. Первый список обвиняемых будет опубликован до 1 сентября сего года» [2].

8 августа 1945 г. в Лондоне представители СССР, США, Великобритании и Франции подписали Соглашение о создании Международного Военного Трибунала для суда над главными военными преступниками европейских стран оси и приняли устав, определивший порядок организации Трибунала и принципы его работы.

Учрежденный Международный Военный Трибунал имел «право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси индивидуально или в качестве членов организаций, совершили любое из следующих преступлений:

а) *преступления против мира*, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий;

в) *военные преступления*, а именно: нарушение законов и обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления;

с) *преступления против человечности*, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны,

[1] Цит. по: Тегеран. Ялта. Потсдам.., с. 198.
[2] Там же, с. 395.

или преследования по политическим, расовым и религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана» [1].

На основании своего устава Международный Военный Трибунал, заседавший в Нюрнберге с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г., осудил главных немецких военных преступников за совершенные ими преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Суду были преданы 24 главных немецких преступника.

Самый главный военный преступник — Гитлер покончил жизнь самоубийством до суда. Международным Военным Трибуналом были приговорены к смертной казни через повешение 12 его ближайших сообщников: главнокомандующий военно-воздушным флотом Геринг, министр иностранных дел Риббентроп, начальник верховного командования вооруженных сил Кейтель, начальник полиции безопасности Кальтенбруннер, министр по делам оккупированных восточных территорий Розенберг, рейхслейтер нацистской партии по правовым вопросам Франк, министр внутренних дел Фрик, один из организаторов фашистской партии, издатель антисемитской газеты «Дер Штюрмер» Штрейхер, обергруппенфюрер СС и СА, генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы Заукель, начальник штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных сил Йодль, видный руководитель фашистской партии Зейсс-Инкварт, глава канцелярии национал-социалистской партии Борман. Но Борман не был разыскан и поэтому осужден заочно.

К различным срокам тюремного заключения приговорены семеро: члены совета министров по обороне империи Гесс, Функ и гросс-адмирал Редер, главнокомандующий германским военно-морским флотом Дениц, глава нацистской молодежной организации «Гитлерюгенд» Ширах, министр вооружения и военной промышленности Шпеер, президент тайного совета Нейрат. Из них первые три — к пожизненному заключению.

Подсудимый Лей, возглавлявший так называемый гитлеровский трудовой фронт, еще до начала судебного процесса покончил жизнь самоубийством.

Подсудимый Гальбах, крупнейший промышленник, организатор

[1] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Т. I. М., 1987, с. 147—148.

перевооружений германской армии, был признан врачебной комиссией неизлечимо больным, и дело о нем было Трибуналом приостановлено.

В ночь с 15 на 16 октября 1946 года смертные приговоры десяти осужденным были приведены в исполнение. Геринг наложил на себя руки за 3 часа до казни.

Следует отметить, что в Нюрнберге были осуждены не все главные немецкие военные преступники. Многие из них благодаря содействию США и других западных держав не привлекались к суду Международного Военного Трибунала и остались безнаказанными. Но и из тех, кто был посажен на скамью подсудимых, не все осуждены.

Так, большинством голосов безосновательно оправдан Шахт, занимавший пост президента рейхсбанка и министра без портфеля; фон Папен, посол Германии в Турции; Фриче, глава отдела радиовещания при министерстве пропаганды и уполномоченный по политической организации германского радиовещания. Трибунал не признал преступными организациями правительственный кабинет, генеральный штаб и высшее командование германских вооруженных сил.

Член Международного Военного Трибунала от СССР генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко не согласился с этой частью решения Трибунала и представил свое особое мнение, которое было занесено в протокол.

Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций своей резолюцией от 11 декабря 1946 г. подтвердила принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в его приговоре. Таким образом, ООН признала, что агрессивная война, военные преступления и преступления против человечности являются тягчайшими международными преступлениями.

Впервые как уголовные преступники были подвергнуты наказанию государственные деятели, виновные в подготовке, развязывании и ведении агрессивной войны.

УЧРЕЖДЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ДЛЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Нюрнбергские принципы были положены в основу создания Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока, который должен был судить главных японских военных преступников.

Как уже отмечалось, решение о суровом наказании японских военных преступников было выражено в Потсдамской декларации так: «Мы не намерены превратить японцев в расу рабов или уничтожить их как нацию, но суровое наказание постигнет всех военных

преступников, включая и тех, кто подвергал военнопленных жестокому обращению» [1].

В ходе дальнейших дипломатических переговоров между СССР, США, Великобританией, Китаем, Францией, Австралией, Канадой, Новой Зеландией и Голландией было достигнуто соглашение о том, что главных японских военных преступников будет судить Трибунал, состоящий из представителей этих девяти государств. Позже к соглашению присоединились Индия и Филиппины. Из представителей названных 11 стран и был сформирован Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока.

На Московском совещании министров иностранных дел Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании, проходившем в декабре 1945 года, было принято решение о том, что Главнокомандующий союзных держав в Японии будет проводить все мероприятия, необходимые для осуществления условий «капитуляции, оккупации и контроля над Японией». К данному решению присоединился и Китай [2].

Следует подчеркнуть, что это решение имело весьма важное значение, так как оно предоставляло главнокомандующему союзных держав, а по сути главнокомандующему американских оккупационных войск в Японии Макартуру огромные права по осуществлению условий капитуляции, оккупации и контроля над Японией, включая порядок организации и работы Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока. И хотя Международный Трибунал в Токио создавался на основе нюрнбергских принципов, тем не менее, его Устав, подготовленный в основном американскими юристами и утвержденный Макартуром, существенно отличался от Устава Международного Военного Трибунала в Нюрнберге, и это, несомненно, сказалось на ходе и результатах токийского процесса.

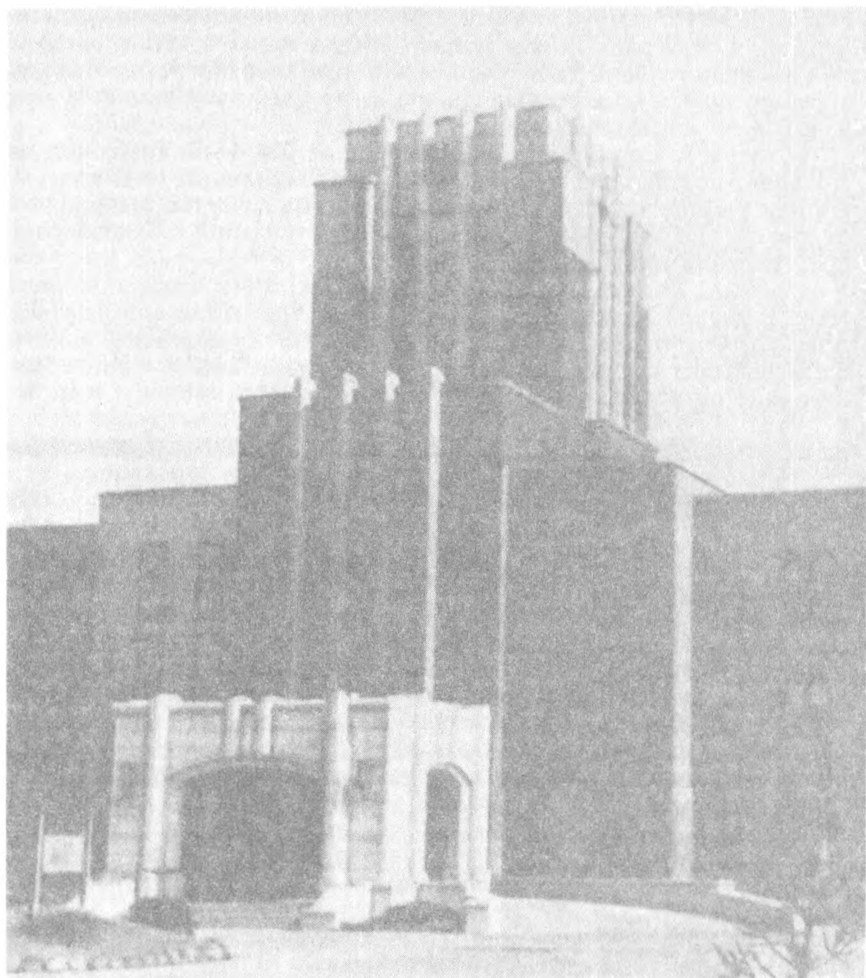
Устав Международного Военного Трибунала в Нюрнберге был выработан на основе соглашения между правительствами четырех держав его участниками.

Статья 1 этого устава гласила: «В соответствии с Соглашением, заключенным 8 августа 1945 г. между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным Правительством Французской Республики, учреждается Международный Военный Трибунал... для справедливого и быстрого суда и наказания главных военных преступников «европейских стран оси».

В отличие от Нюрнбергского организация Международного Военного Трибунала в Токио поручалась главнокомандующему в Японии.

[1] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. VI. М., 1980, с. 383.

[2] Известия, 1945, 28 дек.

Здание бывшего Военного министерства Японии в Токио, в котором заседал Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока.

Исходя из этого, Д. Макартур 19 января 1946 г. издал специальную прокламацию — приказ «об организации Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока». В ней заявлялось:

«Поскольку Правительства Соединенных Штатов, Великобритании и Советского Союза, рассмотрев на Московской конференции 26 декабря 1945 г. выполнение Японией условий капитуляции, по согласованию с Китаем договорились, что Главнокомандующий должен издавать все приказы по проведению в жизнь условий капитуляции, — в настоящее время и в силу вышеизложенного я, Ду-

глас Макартур, выступая в качестве Главнокомандующего союзных держав, в силу данных мне полномочий, а также в целях проведения в жизнь условий капитуляции, которые требуют осуществления сурового правосудия по отношению к военным преступникам, приказываю и устанавливаю нижеследующее:

«*Статья 1.* Создается Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока для суда над лицами, обвиняемыми индивидуально, или в качестве членов организаций, или в качестве тех и других одновременно — в совершении любых преступлений, составляющих преступления против мира.

Статья 2. Статут, юрисдикция и функции этого Трибунала изложены в Уставе Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока, утвержденном мною сего дня» [1]. В дальнейшем в Устав были внесены отдельные изменения и дополнения. В окончательном виде он утвержден Макартуром 26 апреля 1946 г.

УСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ДЛЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В Уставе определяются задачи, структура, компетенция и порядок судебной процедуры Трибунала. В нем содержатся также нормы материального права, которые определяют составы преступлений, относящихся к юрисдикции Трибунала.

Устав Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока состоит из 17 статей, сгруппированных в пять разделов.

Раздел 1-й. «Статут трибунала» включает четыре статьи: учреждение Трибунала; члены Трибунала; руководящий состав Трибунала и секретариат; созыв, кворум, голосование и неприсутствие (члена Трибунала).

Раздел 2-й. «Юрисдикция и общие положения» состоит из четырех статей: юрисдикция Трибунала в отношении лиц и преступлений; ответственность подсудимого; правила судопроизводства; обвинитель.

Раздел 3-й. «Обеспечение справедливого суда над подсудимыми» охватывает две статьи: процессуальные гарантии для подсудимых; порядок подачи заявлений и ходатайств.

Раздел 4-й. «Права Трибунала и судопроизводство» имеет пять статей: права Трибунала; обязанности Трибунала; доказательства; место судебного разбирательства; процессуальный порядок судебного разбирательства.

Раздел 5-й. «Приговор и его исполнение» содержит две статьи: наказание; вынесение приговора и его исполнение.

Для сравнения отметим, что Устав Международного Военного Трибунала в Нюрнберге имеет семь разделов, в которых содержится 30 статей. Разделы озаглавлены так: I. «Организация Международного Военного Трибунала»; II. «Юрисдикция и общие принци-

[1] Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я. Указ. соч., с. 44.

пы»; III. «Комитет по расследованию дел и обвинению главных военных преступников; IV. «Процессуальные гарантии для подсудимых»; V. «Права Трибунала и судебное заседание»; VI. «Приговор»; VII. «Расходы».

Можно сказать, что Устав Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока по структуре похож на Устав Международного Военного Трибунала для суда над главными военными преступниками европейских стран оси. Основная разница по форме заключается в том, что в первом нет разделов «Комитет по расследованию дел и обвинению главных военных преступников» и «Расходы», которые имеются во втором.

Помимо Уставов были выработаны Правила процедуры Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока и Регламент Международного Военного Трибунала (для суда над главными военными преступниками европейских стран оси).

Правила вытекали из статьи 7 Устава, а Регламент — из статьи 13 Устава соответствующих международных военных трибуналов.

Правила процедуры Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока состоят из 9-ти правил: извещение подсудимых; дополнительные документы; порядок на процессе; свидетели; ходатайства и заявления до начала приема доказательств и издание судебных постановлений во время процесса; протоколы, принятые судом доказательства (exhibits) и документы; печать; присяга и подписка; право внесения поправок и добавлений.

Регламент Международного Военного Трибунала включает в себя 12 правил, а именно: право на отступление от Регламента и дополнение его; оповещение обвиняемых и право их на судебную защиту; представление дополнительных документов; вызов свидетелей и истребование документов; порядок на суде; свидетели; присяга; заявления и ходатайства до начала процесса и руководство процессом; секретариат Трибунала; протоколы, доказательства и документы; изъятие доказательств и документов; срок действия Регламента.

Сравнивая эти документы, можно сказать, что они регулируют общие вопросы судебной процедуры международных военных трибуналов и по структуре похожи друг на друга.

В Правилах менее чем в Регламенте говорится о секретариате Трибунала и об изъятии доказательств и документов (в Регламенте эти вопросы выделены особо), но есть самостоятельное правило о печати Трибунала, какового нет в Регламенте.

Рассмотрим по существу Устав и Правила процедуры Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока и проследим, в чем они принципиально отличаются от соответствующих документов Международного Военного Трибунала для суда над главными военными преступниками европейских стран оси и в чем сходны.

В первых статьях обоих Уставов указывается, что они учреждаются «для справедливого и быстрого суда и наказания главных военных преступников...». Следовательно, цели *учреждений* обоих Трибуналов — одни, с той лишь разницей, что в одном Трибунале

должны быть наказаны главные военные преступники европейских стран оси, а в другом — главные военные преступники на Дальнем Востоке.

Но в порядке *организации* Трибуналов имеется существенная разница. Если Международный Военный Трибунал в Нюрнберге был образован на основе соглашения между четырьмя союзными державами, то Международный Военный Трибунал в Токио был создан приказом Главнокомандующего союзных держав в силу предоставленных ему полномочий.

Международный Военный Трибунал в Нюрнберге по уставу состоял из четырех членов и их заместителей, назначаемых соответственно четырьмя союзными державами, подписавшими соглашение.

Члены Трибунала до начала судебного процесса договаривались между собой о выборе одного из них председателем.

Каждая из подписавших соглашение держав назначала главного обвинителя для расследования дел и обвинения главных военных преступников. Главные обвинители действовали в составе Комитета по расследованию дел и обвинения главных военных преступников, в котором решения принимались большинством голосов. Комитет выделял из своего состава председателя.

Главные обвинители в Комитете согласовывали план распределения обязанностей по поддержанию обвинения по отдельным разделам обвинительного акта, окончательно определяли круг лиц, подлежащих суду Трибунала, утверждали обвинительный акт и передавали его в Трибунал.

Приговор должен приводиться в исполнение согласно приказу Контрольного Совета в Германии, который в любое время может смягчить или каким-либо образом изменить приговор, но не вправе усилить наказание.

В Уставе Нюрнбергского трибунала ничего не сказано о его секретариате. О нем говорится в Регламенте Трибунала. Согласно правилу 9, секретариат Трибунала должен состоять из генерального секретаря, четырех секретарей и их помощников. Трибунал назначает генерального секретаря, а каждый член Трибунала назначает одного секретаря. Генеральный секретарь и секретари соответственно назначают других необходимых служащих: переводчиков, комендантов, стенографов.

Расходы по содержанию Трибунала покрываются подписавшими соглашение сторонами за счет фондов, выделенных на содержание Контрольного Совета в Германии.

В Уставе Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока записано, что Трибунал будет состоять не менее чем из шести и не более чем из одиннадцати членов, назначаемых главнокомандующим союзных держав из числа лиц, предложенных государствами, подписавшими акт о капитуляции, а также из представителей Индии и Филиппинской Республики.

Главнокомандующий союзных держав назначает одного из членов трибунала его председателем.

Необходимо отметить, что несправедливо не была допущена к подписанию акта о капитуляции Японии и к участию в Трибунале Монгольская Народная Республика, которая являлась жертвой японской агрессии и внесла немалый вклад в разгром агрессора, но вследствие противодействия США и других западных держав не была принята тогда в Организацию Объединенных Наций.

В отношении Обвинения в Уставе Трибунала записано так: «Главный обвинитель, назначенный Главнокомандующим союзных держав, ответствен за следствие и поддержание Обвинения против военных преступников в пределах юрисдикции настоящего Трибунала. Он также оказывает правовую помощь Главнокомандующему, когда в этом есть необходимость...

Любое государство, входящее в Объединенные Нации, с которым Япония была в состоянии войны, может назначить дополнительного обвинителя в помощь Главному обвинителю».

В отношении исполнения приговора указано, что он будет приведен в исполнение в соответствии с приказом Главнокомандующего союзных держав, который имеет право в любое время смягчить наказание или каким-либо образом изменить приговор, но не может повысить наказание.

В Уставе Токийского Трибунала записано, что секретариат Трибунала образуется из генерального секретаря, назначаемого Главнокомандующим союзных держав, а также из помощников секретаря, клерков, переводчиков и другого персонала, который будет необходим.

Следовательно, в Международном Военном Трибунале в Токио и члены трибунала, и председатель, и главный обвинитель, а также секретариат назначались единоличным приказом Главнокомандующего союзных держав в Японии генералом армии США Д. Макартуром. Ему же предоставлялось право утверждения приговора, вынесенного Трибуналом.

В Уставе Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока ничего не сказано о порядке покрытия расходов по содержанию Трибунала, поскольку правительство США как главный организатор данного Трибунала приняло на себя оплату расходов по его содержанию.

В соответствии с Уставом первый суд должен был происходить в Токио, а последующие — в тех местах, какие будут установлены Трибуналом.

Аналогичная статья имеется и в Уставе Нюрнбергского Трибунала: «В случае необходимости и в зависимости от количества требующих рассмотрения дел могут быть учреждены другие трибуналы; порядок учреждения, функции и процедура каждого из трибуналов будут тождественны и будут регулироваться настоящим Уставом» (ст. 5). В Уставе отмечается, что первый процесс состо-

ится в Нюрнберге, а последующие — в местах по определению Трибунала.

В любом суде, а в международном особенно, имеет большое значение решение вопроса о языке, на котором должно вестись судопроизводство. По Уставу Международного Военного Трибунала в Нюрнберге «все официальные документы представляются и все судебные заседания ведутся на русском, английском и французском языках и на языке подсудимого» (ст. 25), т. е. на языках четырех союзных держав, подписавших соглашение, и на немецком. Такое решение является демократичным.

По Уставу же Международного Военного Трибунала в Токио вопрос о языках решался иначе: «Заседание суда и все остальное судопроизводство будут вестись на английском языке и на языке обвиняемых. Перевод документов и других бумаг будет производиться по мере необходимости и по требованию» (ст. 9), т. е. на английском (для судей) и на японском (для подсудимых). Такое решение о языках нельзя признать правильным. В нем отчетливо проявился «американский характер» Международного Военного Трибунала в Токио.

Теперь остановимся на других положениях, содержащихся в Уставе и Правилах процедуры Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока.

Согласно статье 4 Устава, если присутствуют не менее шести членов Трибунала, они могут созвать официальное заседание Трибунала. Для кворума необходимо большинство членов Трибунала.

Все решения и постановления этого Трибунала, включая признание виновности и вынесение приговора, принимаются большинством голосов присутствующих членов трибунала. В случае, если голоса разделяются поровну, голос председателя считается решающим.

Если член трибунала не присутствует на заседаниях в течение некоторого времени, а затем получает возможность присутствовать вновь, то он может участвовать во всех последующих заседаниях, если только он открыто не заявит в суде, что он некомпетентен вследствие недостаточного знакомства с работой суда, происходившей в его отсутствие.

На основании этого положения Трибунал мог заседать при наличии шести членов из одиннадцати и выносить приговор тремя голосами — председателя и двух членов Трибунала.

Устав Международного Военного Трибунала в Нюрнберге иначе решал эти вопросы. Там, для наличия кворума необходимо было присутствие всех четырех членов Трибунала или заместителей. Что же касается документов, то они должны были приниматься Трибуналом также большинством голосов, а при разделении голосов голос председательствующего являлся решающим; однако признание виновности и определение наказания должны были выноситься всегда большинством голосов не менее трех членов Трибунала.

Какие же преступления подпадали под юрисдикцию Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока?

В соответствии со статьей 5 Устава «Трибунал имеет право судить и наказывать военных преступников на Дальнем Востоке, которые обвиняются либо персонально, либо как члены организаций в преступлениях, включая и преступления против мира.

Нижеперечисленные действия или любое из них в отдельности считаются преступлениями, подсудными Трибуналу, за которые привлекают к индивидуальной ответственности:

а) *преступления против мира,* а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение объявленной или необъявленной агрессивной войны или войны, нарушающей международное право, договоры, соглашения или заверения, или же участие в совместном плане или заговоре в целях осуществления любого из вышеупомянутых действий;

в) *военные преступления,* предусмотренные конвенциями, а именно: преступления против законов и обычаев войны;

с) *преступления против человечности,* а именно: убийство, истребление, порабощение, насильственное перемещение в другие местности, а также другие бесчеловечные акты, совершенные до или во время войны, или преследования по политическим или расовым мотивам, которые были произведены при совершении любого преступления или в связи с любым преступлением, подсудным Трибуналу, независимо от того, нарушало или нет такое действие внутренние законы той страны, где оно совершалось.

Лидеры, организаторы, подстрекатели, пособники, принимавшие участие в разработке или осуществлении плана или заговора, предусматривавших совершение вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любым лицом при выполнении подобных планов».

Сравнивая составы преступлений, предусмотренные уставами международных военных трибуналов в Нюрнберге и в Токио, можно сказать, что они почти идентичны. В токийский вариант были внесены незначительные редакционные изменения. Так, в пункт «а» были внесены дополнения о ведении «объявленной или необъявленной» агрессивной войны, нарушающей «международное право». В пункте «в», наоборот, исключено описание «военных преступлений», но добавлено: предусмотренные «конвенциями». В пункт «с» включено дополнение: «насильственное перемещение в другие местности».

В статье 6 Устава Международного Военного Трибунала в Токио записано важное положение о том, что «ни служебное положение подсудимого в любой период времени, ни то, что он действовал по приказу правительства или вышестоящего начальника, не освобождают его от ответственности за совершение любого преступления, в котором его обвиняют, однако эти обстоятельства могут быть учтены Трибуналом при определении наказания, если Трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия».

Аналогичное положение содержится и в Уставе Международного Военного Трибунала в Нюрнберге.

В отношении защиты в Уставе Токийского Трибунала сказано, что «каждый подсудимый имеет право выбрать себе защитника. Трибунал может в любое время не утвердить выбранного защитника. Подсудимый должен сообщить в письменной форме генеральному секретарю трибунала фамилию своего защитника.

Если подсудимый не представлен защитником и на заседании суда ходатайствует о назначении такового, трибунал назначает для него защитника.

В случае отсутствия подобного ходатайства, трибунал может сам назначить защитника подсудимому, если это будет признано необходимым в целях справедливого суда» (ст. 9).

Примерно такие же положения о защите имеются и в Уставе Нюрнбергского Трибунала.

В статье 12 Устава Международного Военного Трибунала в Токио говорится о его обязанностях, в частности, указывается, что трибунал должен строго ограничивать судебное разбирательство быстрым рассмотрением вопросов, поставленных обвинением; принимать строгие меры для предотвращения любого действия, которое может вызвать необоснованную задержку, а также немедленно устранять все не относящиеся к делу вопросы и заявления, какого бы характера они ни были; обеспечивать поддержание порядка в суде и принимать решительные меры в отношении всякого рода неподчинения суду.

Трибунал, подчеркивается в статье 13, не должен быть связан техническими правилами представления доказательств. Трибунал установит и будет применять возможно более быструю и неосложненную формальностями процедуру и будет допускать любые доказательства, которые, по его мнению, имеют доказательную ценность.

Такая же статья имеется в Уставе Международного Военного Трибунала в Нюрнберге.

Устав Международного Военного Трибунала в Токио (ст. 15) определяет следующий процессуальный порядок судебного разбирательства:

оглашение Обвинительного заключения;

опрос каждого подсудимого, признает ли он себя виновным;

вступительные речи обвинителей и защитников;

представление доказательств обвинением и защитой;

допрос свидетелей и подсудимых;

заключительные речи защитников;

заключительные речи обвинителей;

вынесение приговора и объявление его.

Отметим, что в этом процессуальном порядке не предусмотрены последние слова подсудимых. В Уставе Международного Военного Трибунала в Нюрнберге они предусмотрены.

В соответствии со статьей 16 Устава Международного Военно-

го Трибунала в Токио Трибунал имел право приговорить подсудимого, признанного виновным, к смертной казни или любому другому наказанию, которое Трибунал признает справедливым.

Подобная статья содержится в Уставе Международного Военного Трибунала в Нюрнберге. В нем же отмечается, что Трибунал вправе в дополнение к определенному им наказанию постановить об отобрании у осужденного награбленного имущества и распорядиться о передаче этого имущества Контрольному Совету в Германии. Такой статьи нет в Уставе Международного Военного Трибунала в Токио. Очевидно, в ней не были заинтересованы американские власти, утверждавшие Устав.

Таково в основном содержание Устава Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока и его принципиальные отличия от Устава Международного Военного Трибунала для суда над главными военными преступниками европейских стран оси.

Теперь обратимся к Правилам процедуры Токийского трибунала.

В правиле 1 указывается, что каждый подсудимый, находящийся в заключении, должен получить не менее чем за 14 дней до того, как Трибунал начнет принимать доказательства, копии: обвинительного акта; устава; любого другого документа, приобщенного к обвинительному акту (в трибунале в Нюрнберге — за 30 дней).

Трибунал через своего председателя обеспечивает соблюдение порядка на процессе. Любой подсудимый или любое другое лицо, не соблюдающее указаний Трибунала и проявляющее неуважение к суду, может быть лишено права присутствовать на открытом заседании Трибунала (правило 3).

Перед дачей показаний на суде каждый свидетель принимает присягу, дает торжественное обещание или подписку, согласно тому, как это принято в его стране.

Трибунал, действуя через своего председателя, издает постановления по всем вопросам, возникающим в ходе процесса, включая вопросы допустимости доказательств, перерывов, запросов (правило 5).

Правило 6 предусматривает обязательное ведение записи всей устной части процесса. Принятые судом доказательства должны быть надлежащим образом оформлены и последовательно пронумерованы.

Поскольку это является осуществимым, копия каждого документа, который обвинение или защита намерена привести в доказательство, вручается соответствующему подсудимому, или его защитнику, или обвинению, в зависимости от случая, а также заведующему языковой секцией секретариата не менее чем за 24 часа до того, как такой документ будет предъявлен в качестве доказательства.

По запросу любого правительства или другого трибунала, генеральный секретарь с согласия Трибунала может засвидетельствовать и выдать копию или фотокопию любого принятого судом до-

казательства, протокола заседания Трибунала, официального акта или документа, принятого Трибуналом, или предъявленного ему.

В правиле 9 (последнем) записано: «Ничто из содержащегося здесь не должно быть истолковано таким образом, чтобы помешать Трибуналу в интересах справедливого и быстрого суда в любое время отступать от этих правил, изменять их или вносить добавления посредством установления общих правил или издания специального приказа для отдельных случаев в такой форме и по такому предварительному извещению, которые Трибунал сочтет необходимыми».

Аналогичные правила содержатся в Регламенте Международного Военного Трибунала в Нюрнберге.

Следует заметить, что в Правилах процедуры Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока содержится правило (8), в котором говорится, что генеральный секретарь и весь штат секретариата Трибунала — секретари, стенографистки, переводчики и другие лица, обслуживающие членов Трибунала, должны подписать и подать Трибуналу подписку по следующей форме:

«Я (имя и профессия) никому не раскрою ничего из того, что мне станет известным как сотруднику Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока, за исключением сотрудника, имеющего право это знать, или члена Трибунала».

Этим же правилом корреспонденты при Трибунале и переводчики обязывались принять присягу или дать подписку по установленным формам. Для корреспондента, например, были установлены такие формы: присяга — «Я клянусь, что добросовестно буду выполнять обязанности корреспондента при Трибунале. Да поможет мне бог»; подписка — «Я обязуюсь добросовестно выполнять обязанности корреспондента при Трибунале».

Такого правила в Регламенте Международного Военного Трибунала в Нюрнберге не имеется.

Подводя итог рассмотрению Устава и Правил процедуры Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока и сравнению их с Уставом и Регламентом Международного Военного Трибунала для суда над главными военными преступниками европейских стран оси, можно сказать, что судебный процесс в Нюрнберге строился на комбинации процессуальных порядков всех четырех представленных в Трибунале держав. Судебный же процесс в Токио основывался главным образом на правилах процедуры англо-американского судопроизводства с некоторым лишь отступлением от сложных технических формальностей, присущих этому типу судопроизводства. Понятно, что отмеченные особенности в организации Международного Военного Трибунала в Токио не могли не сказаться на ходе этого процесса и, несомненно, обеспечили Соединенным Штатам Америки ведущее положение в трибунале и, таким образом, дали им возможность оказывать влияние на всю подготовительную стадию, а также на ход судебного процесса.

Нельзя также забывать, что Международный Военный Трибунал в Токио начинал свою работу спустя два месяца после того, как Черчилль 5 марта 1946 г. в присутствии президента Трумэна выступил в Фултоне с резкой антисоветской речью.

СУДЬИ

В соответствии с приказом Главнокомандующего союзных держав генерала Макартура Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока был образован в составе 11 судей — представителей 11 государств: Р. Пэл — от Индии, Б. Роллинг — от Голландии, С. Макдугалл — от Канады, У. Патрик — от Великобритании, М. Крамер — от США, У. Уэбб — от Австралии, Д. Мэй — от Китая, И. М. Зарянов — от СССР, А. Бернар — от Франции, Э. Норткрофт — от Новой Зеландии, Д. Джаранилла — от Филиппин.

Председателем Трибунала тем же приказом был назначен австралийский судья У. Уэбб.

Уэбб сидел в центре судейского стола, другие располагались справа и слева от него, в таком же порядке, в каком составлен настоящий список: справа — Крамер, далее — Патрик и т. д., слева — Мэй, далее — Зарянов и т. д.

Кстати, француз Бернар выразил некоторое недовольство тем, что ему предоставили третье место от председателя, тогда как он претендовал на второе, т. е. на место советского или английского судей. Однако члены Трибунала, вероятно, не сочли заявление Бернара достаточно обоснованным, оставив всех на своих местах в буквальном смысле слова. А. Бернар, не получив поддержки со стороны других членов Трибунала, без борьбы снял этот вопрос.

Изучение списка судей позволяет сделать вывод, что большинство стран, представленных в Трибунале, находились в той или иной степени под политическим, экономическим или военным влиянием США. Кроме того, в Японии размещались американские войска и главнокомандующим союзных государств на Дальнем Востоке являлся американец. Генерал Макартур, обладая общей властью в Японии, имел еще очень важное право — утверждать приговор Международного Военного Трибунала. На основании этих и других фактов многие, в частности, японцы, называли трибунал американским.

Здесь хочется рассказать о том, какими запомнились тогда мне, молодому секретарю советской части Трибунала, судьи — члены Трибунала и что известно из их биографий.

1. Судья Р. Пэл, высокий индус, стройный и подтянутый. Его смуглое до черноты лицо со сверкающими яркой белизной зубами,

Председатель Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока австралийский судья У. Уэбб и член Трибунала от СССР генерал-майор юстиции И. М. Зарянов.

картинно-эффектная походка невольно привлекали всеобщее внимание, когда он в черной судейской мантии, гордо подняв голову, медленно шествовал впереди остальных судей к своему месту за высокой трибуной.

Пэл родился в 1888 году в Индии, в крестьянской семье, благодаря своим блестящим способностям окончил два факультета, получил звание профессора, а в дальнейшем — ученую степень доктора математических и доктора юридических наук [1]. Пэл написал несколько научных работ. Его должность — до работы в Трибунале — член Верховного суда в Калькутте.

2. Светловолосый, невысокий сорокалетний голландец Б. Ро-

[1] В современных зарубежных учебных и научно-исследовательских учреждениях существуют ученые степени бакалавра, магистра, доктора наук.

Члены Международного Военного Трибунала
для Дальнего Востока.
Сидят, справа налево: И. М. Зарянов (СССР),
М. Жодао (Китай), У. Уэбб (председатель
Трибунала, Австралия), М. Крамер (США),
У. Патрик (Великобритания);
стоят, справа налево: Д. Джаранилла (Филиппины),
Э. Норткрофт (Новая Зеландия),
А. Бернар (Франция), С. Макдугал (Канада),
Б. Роллинг (Нидерланды), Р. Пэл (Индия).

линг, всегда ходил с низко опущенной головой, глядя в пол, как бы не желая видеть того, что происходит вокруг.

Профессор и доктор права, Б. Роллинг перед назначением в Трибунал был членом Верховного суда Голландии и профессором криминалистики в университете.

3. Судья С. Макдугалл — шотландец, среднего роста, с круглым лицом, несколько суровым взглядом.

Родился в 1886 году в Канаде, в дворянской семье, окончил два факультета, получив ученую степень магистра филологии и права, член Королевского апелляционного суда, автор ряда научных работ, крайне консервативен.

4. Судья лорд У. Патрик — невысокий блондин, холеный, чопорный, яркий представитель английской аристократии. Родился в 1889 году, по происхождению шотландец.

Патрику нравилось наблюдать, как японцы с жадностью набрасывались на выброшенный им в окно окурок «сенаторской» сигары, которую он обычно не успевал выкурить во время перерыва.

Работал королевским адвокатом и деканом факультета адвокатуры, а последние годы — членом Верховного суда Шотландии. Магистр искусств и права.

В суде — сторонник умеренных действий.

5. Сначала судьей от США был назначен Хиггинс — видный гражданский судебный деятель. Однако потом правительство США, видимо, по примеру Советского правительства решило назначить судьей военного. Им стал генерал-майор М. Крамер. Это был невысокий, худой, весьма подвижный человек. Ходил он сгорбившись, обмундирование висело на нем как на вешалке. Держался Крамер просто и даже несколько робко.

Крамер родился в 1881 году, окончил университет, получил степень доктора права и последние годы служил в должности генерального прокурора армии и начальника юридического отдела военного министерства. В Трибунале при обсуждении вопросов он не отличался активностью и занимал среднюю, умеренную позицию.

6. Судья У. Уэбб, председатель Трибунала. Родился в 1887 году, в Австралии, в провинции. Окончил католическую школу, затем университет. Работал адвокатом, нотариусом, судьей, а последние годы — членом Верховного суда Австралии.

Из всех 11 судей Уэбб был наиболее подходящей кандидатурой на должность Председателя Международного Трибунала, даже чисто внешне. Высокий, плотный, широкоплечий, с крупной головой и светлыми волосами с проседью на висках, орлиным носом и большими серыми глазами, Уэбб выглядел весьма внушительно. Держался он солидно, с большим достоинством и вызывал всеобщее уважение.

При входе в помещение он снимал шляпу и, держа ее в правой руке, а в левой — стэк, не спеша, с чувством значительности собственной персоны направлялся к себе в кабинет. При встрече он слегка наклонял голову, мягко и приятно улыбался. Его всегда сопровождали одна или несколько молодых мисс, в отношении которых он проявлял исключительное внимание и, видимо, испытывал от этого особенное удовольствие.

Судьи выходили из их комнаты и направлялись в зал судебных заседаний по одному. Впереди этой цепочки шел высокий смуглый индус Пэл, а белокурый красивый Уэбб, с легкой улыбкой замыкал всю эту длинную в десять человек цепочку. В свое кресло он садился последним и сидел, почти не двигаясь, слегка наклонив голову к микрофону. Чувствуя себя настоящим господином положения, он говорил в микрофон спокойно и тихо. В отличие от других судей, которых называли «Ваше превосходительство», Уэбба называли

«Ваша честь». Своим важным, солидным и спокойным видом он как бы подчеркивал беспристрастность суда.

По окончании судебного заседания Уэбб вставал первым и, не торопясь, направлялся к выходу, за ним следовали остальные. Замыкал цепочку Пэл.

Руководя судебным процессом, Уэбб проявлял большой такт. Говорили, что он особенно боялся нападок со стороны прессы, и в этом, пожалуй, была доля правды. С членами Трибунала он совещался редко, только по особо важным вопросам, а по менее значительным из них принимал решения единолично и объявлял их чаще от имени Трибунала и реже от своего имени, ссылаясь на мнения членов Трибунала, хотя их мнения и не спрашивал. С представителями сторон: обвинением и защитой он был весьма вежлив, как бы старался не обидеть никого из них. Поэтому иногда в суде происходили такие эпизоды. Защитник задает свидетелю вопрос, кажется, явно не относящийся к делу. Обвинитель выступает с возражением и просит Трибунал не разрешать свидетелю отвечать на вопрос защитника. Казалось бы, что в подобном случае председатель Трибунала должен был совершенно конкретно решить этот спор: или разрешить свидетелю отвечать на вопрос, или не разрешить.

Однако Уэбб в этих случаях говорил обычно так:

— Если я правильно понимаю мнение моих коллег, то данный вопрос действительно не относится к делу, хотя возможно, что защитник в ходе своего дальнейшего допроса и сможет показать полезность ответа на заданный им вопрос.

После этого следовал ответ свидетеля.

Или, например, так. Защитник предлагает Трибуналу в качестве доказательства какую-нибудь старую объемистую книгу, явно не относящуюся к делу. Обвинение категорически возражает против принятия данной книги, мотивируя свое возражение тем, что эта книга совершенно не относится к делу. Уэбб замечает: «Да, действительно, эта книга не относится к делу. Однако рамки следствия по делу, рассматриваемому нами, настолько велики, что может быть в дальнейшем эта книга и окажется полезной».

После такого заявления Уэбба генеральный секретарь Трибунала громогласно объявляет о принятии данной книги в качестве доказательства.

Такое ведение процессом мы, советские юристы, в кулуарах называли оппортунистическим.

7. Судья Д. Мэй китаец — маленький, худенький, живой, со смуглым лицом, черными коротко подстриженными волосами, весьма приятный и даже обаятельный человек.

Родился в 1905 году в Китае, учился в высших учебных заведениях Китая, Америки и Европы. Имел ученые степени — кандидата искусств и доктора права. В последние годы — член Национального законодательного юаня и профессор права в правовом институте. Мэем написано несколько работ по праву.

При решении вопросов в Трибунале занимал в общем антияпонскую позицию.

8. Генерал-майор юстиции И. М. Зарянов — стройный, широкоплечий, подтянутый, с открытым русским лицом, был общителен, держался просто, но с достоинством, чем вызывал симпатии окружающих.

Зарянов родился в 1894 году в Вятской губернии, окончил юридическую школу и институт Красной профессуры, в органах военной юстиции работал с 1920 года. Был председателем военного трибунала округа, а во время войны — фронта. С 1942 по 1945 год занимал должность начальника Военно-юридической академии Красной Армии. В последнее время работал членом Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Имея большой практический опыт и достаточную общетеоретическую и юридическую подготовку, он мог свободно ориентироваться в судебном процессе и активно участвовать в обсуждении вопросов, возникающих в заседаниях Трибунала.

Большим неудобством, которое постоянно давало себя знать в работе, являлось незнание им иностранных языков.

Зарянов слушал процесс в переводе на русский, а в судейской комнате и на приемах пользовался переводчиком.

Но бывали случаи, когда во время процесса, при решении того или иного вопроса, нужно было быстро передать Уэббу его личное мнение. Наши переводчики сидели далеко, в специальной будке. В этих случаях Зарянов писал записку, вызывал пажа (солдата), который относил эту записку в будку, там ее переводили, паж относил ее Зарянову и только после всех этих процедур он передавал записку Уэббу.

Это отнимало много времени и подчас не давало должного эффекта. Иногда, с горечью для себя, покидая судейскую комнату, он говорил: «Понимаете, ведь как бы я хорошо и убедительно ни выступал, но ведь все равно это непосредственно не доходит до них. В действительности я говорю для переводчика, а как он передает мою речь, я совсем не знаю. Может быть, я хочу сделать акцент на одном слове, а он делает ударение совсем на другом. Вот мое несчастье».

Правда, будучи в Токио, он занимался английским языком, но, понятно, невозможно так быстро и в такой степени овладеть языком, чтобы выступать на нем в судейской комнате по сложным юридическим вопросам.

В связи с этим мне вспомнился случай, когда однажды на приеме один из наших советских «ехидных» корреспондентов подошел к генералу Зарянову, который в это время стоял со своим переводчиком К., и обращаясь к нему, сказал:

— Генерал, Вы, кажется, вчера присутствовали при беседе К. с Макартуром.

Генерал улыбнулся и ответил:

— К сожалению, да.

Следует заметить, что председатель Уэбб с подчеркнутой вежливостью относился к Зарянову, оценивая его личные качества и понимая, какое государство он представляет в Трибунале.

9. Судья А. Бернар — типичный француз, брюнет с живыми серыми глазами. Ходил быстро и можно было подумать, что он всегда куда-то спешит. Бернар родился в 1899 году, окончил правовой факультет университета.

В 1940 году он вступил в войска Шарля де Голля и до конца войны служил в качестве главного обвинителя при различных военных трибуналах армии.

При решении вопросов он проявлял неуверенность и даже некоторую робость и обычно присоединялся к большинству. Во время французской фазы обвинения он заметно переживал и настороженно прислушивался к каждому слову со стороны Уэбба и защиты.

10. Судья Э. Норткрофт — среднего роста, сутуловатый, с медлительными движениями. За судейским столом сидел всегда опустив глаза в разложенные перед ним бумаги, что давало серьезное основание подозревать, что он попросту дремлет.

Норткрофт родился в 1884 году в Новой Зеландии. По окончании военной школы и юридического института работал адвокатом, а после членом Верховного суда. Во время второй мировой войны занимал должность Генерального прокурора вооруженных сил Новой Зеландии. Был также командующим артиллерийским соединением и начальником крепости, а по окончании войны ушел в отставку и занял прежнюю должность члена Верховного суда Новой Зеландии. При решении вопросов обычно придерживался консервативной позиции.

11. Филиппинец Д. Джаранилла — небольшого роста, круглолицый, со светло-русыми волосами, весьма приятный и обаятельный. Джаранилла сидел самым крайним слева, уткнувшись в бумаги и также, как и его сосед Норткрофт, видимо, частенько тихо дремал.

Родился Джаранилла в 1883 году, учился в народной школе и ввиду его отличных способностей правительством Филиппинской Республики был послан для завершения образования в Америку, где окончил два университета и получил ученую степень и звание профессора права.

По возвращении на родину работал судьей, генеральным прокурором, товарищем члена Верховного суда, а во время войны председателем трибунала филиппинской армии. По окончании войны занимал должность министра юстиции, а последнее время — члена Верховного суда Республики.

В судейской комнате проявлял сдержанность и занимал умеренную позицию.

Необходимо подчеркнуть, что большинство судей получили образование в старых европейских университетах, хорошо знали философию, историю, право, религию, что, в частности, проявлялось при составлении ими различных документов.

Достаточно сказать, что их меморандумы по вопросам юрисдик-

ции Трибунала пестрили большим числом выдержек из различных трактатов по естественному праву. Например, они ссылались на Юстиниана и приводили его слова о том, что «естественное право, которое существует у всех народов, даровано божественным провидением: оно всегда остается в силе и непоколебимо».

Цитировались слова Цицерона о том, что «единым всеобщим учителем и законодателем является бог. Закон зародился в божественной мысли, бог объявил его и бог судит по нему».

Неоднократно упоминались Исповеди Блаженного Августина. В большом ходу были законы Моисея и заповеди Христа.

Некоторые члены Трибунала при решении тех или иных вопросов выискивали в буржуазном праве различного рода аргументы в пользу подсудимых и в конечном счете для оправдания их.

ОБВИНИТЕЛИ

Прежде чем говорить о составе обвинения, следует отметить весьма значительную разницу в положении судьи и прокурора в условиях происходившего процесса. Эту разницу мы заметили сразу же по приезде и потом наблюдали ее в ходе всего процесса.

Положение судьи в Америке, Англии и многих других странах, представленных в Трибунале, считается исключительно высоким, во всяком случае, гораздо выше, чем положение прокурора. Судья независим, подчиняется только закону и в этом смысле считается верхом справедливости.

Не случайно Трумэн, перед тем как занять пост президента США, после смерти Рузвельта в 1945 году, прежде всего и раньше всего явился к председателю Верховного суда США Стоуэну и только после того, как Стоуэн признал полномочия Трумэна правильными с точки зрения Конституции США, Трумэн отправился в Белый дом и приступил к исполнению обязанностей президента. Высокому положению судьи в этих странах способствует несколько обстоятельств, вытекающих из англосаксонского права и, в частности, то, что судьи в своей практической деятельности руководствуются прецедентами, приобретающими силу закона.

При таких условиях отдельный судья является как бы законодателем, устанавливающим определенную правовую норму по определенной категории дел.

Так, даже в заседаниях Международного Военного Трибунала стороны неоднократно ссылались на прецеденты, т. е. на подобные дела, рассмотренные американскими или английскими судьями. В частности, несколько раз обвинение ссылалось на решения, вынесенные федеральным судом США под председательством Стоуэна.

Как известно, в нашей стране судья и прокурор находятся примерно в одинаковом положении, поэтому мы были весьма удивлены, когда по приезде в Токио столкнулись с совершенно иным отношением к судье. Когда мы сходили с фрегата, впереди нашей де-

легации шел обвинитель от Советского Союза, он же глава делегации, посланник С. А. Голунский, за ним судья И. М. Зарянов. Заметим, что Голунский в совершенстве владел английским языком и поэтому сразу же вступил в разговор с иностранными представителями Трибунала. Зарянов же, разговаривая через переводчика, понятно, сразу не мог занять такую активную роль в беседе, тем не менее, как только представители Международного Военного Трибунала разобрались, кто из прибывших — судья, и кто — обвинитель, то центром внимания сразу же стал Зарянов. В его распоряжение были немедленно предоставлены комфортабельная американская машина и роскошный номер в лучшей гостинице Токио «Империал», тогда как в отношении Голунского не было проявлено никаких особых забот и он жил в обычной американской гостинице «Дайити», пользуясь автомашиной из гаража нашего посольства.

Другой пример. К началу работы суда специальным приказом были строго распределены между сотрудниками Международного Военного Трибунала подъезды к зданию бывшего военного министерства, где заседал Трибунал. К главному подъезду номер один могли подъезжать только судьи и их секретари, тогда как сотрудникам обвинения, в том числе и главному обвинителю, к этому подъезду не разрешалось подъезжать, и они пользовались подъездом номер шесть. Судьи имели в своем распоряжении комфортабельные новые машины и высококвалифицированных, хорошо экипированных шоферов-американцев, тогда как обвинители пользовались обычными машинами и шоферами-японцами, что считалось гораздо менее престижным.

Наконец, почти на всех более или менее важных приемах в Токио присутствовали судьи, тогда как обвинители приглашались довольно редко и далеко не все.

Как уже было сказано выше, в Трибунале было представлено 11 государств. Все страны, за исключением Индии, имели своих представителей в обвинении, составляя отдельную секцию общего международного отдела обвинения.

Все обвинение в целом возглавлял главный обвинитель. Руководители национальных секций обвинения являлись помощниками главного обвинителя, которые в свою очередь имели своих помощников, выступавших в суде по отдельным фазам обвинения. Общее число обвинителей на суде было свыше 60 человек. Кроме того, обвинение располагало большим штатом технических работников: консультантов, секретарей, переводчиков, стенографисток, машинисток и др., — еще несколько сотен человек.

Познакомим читателей с главным обвинителем и его помощниками — представителями обвинения от отдельных стран.

1. Главным обвинителем являлся американец *Джозеф Кинан*. Он родился в Поутакете в 1888 году, окончил Браунский университет в 1910 году и Гарвардский юридический институт в 1913 году. Начал свою юридическую практику в Кливлен, штат Огайо, в 1914 году. До первой мировой войны был рядовым в одной из кавалерий-

Советский обвинитель Посланник С. А. Голунский и член Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока от СССР генерал-майор юстиции И. М. Зарянов.

ских пограничных частей, а с начала этой войны служил в артиллерии рядовым, а позже офицером.

После войны он работал в комиссии по расследованию преступлений в штате Огайо. Впервые принял участие в политических делах в 1932 году, когда поддерживал кампанию за избрание Рузвельта на пост президента. Затем был в Вашингтоне старшим помощником главного прокурора и занимался разработкой мероприятий по борьбе с преступностью в США. Он изучал условия, послужившие причиной роста преступности, и составлял доклады конгрессу. Потом Кинан стал начальником уголовного отдела, в котором руководил федеральным обвинением. Позже был произведен в должность помощника главного прокурора. В 1939 году он ушел в отставку из департамента юстиции и возвратился к частной юридической практике в Вашингтоне.

Кинан был невысокого роста, полный, с грубым красным лицом.

**Обвинители. Сидят, слева направо:
С. А. Голунский (СССР), А. Коминс-Карр (Великобритания),
Д. Кинан (главный обвинитель, США),
В. Бергергоф-Мульдер (Нидерланды),
М. Мэнсфильд (Австралия);
стоят, слева направо: Р. Квильям (Новая Зеландия),
Ч. Сянг (Китай), Р. Онето (Франция),
Л. Лопец (Филиппины), Г. Нолан (Канада).**

Одевался он хорошо, если не сказать щеголевато. Держался весьма непринужденно и вместе с тем солидно. Его выступления всегда отличались свежестью мысли, политической остротой и юридической обоснованностью. По английской пословице, это был надлежащий человек на надлежащем месте.

Его отношения с Уэббом были натянутыми, что бросалось в глаза при первом посещении судебных заседаний Трибунала.

Многие из обвинителей, при подходе к своему месту в зале судебного заседания, поворачивались в сторону «его чести» — председателя Трибунала Уэбба, делали ему поклон и только после этого садились за стол. Кинан был далек от того, чтобы отбивать подобные поклоны «его чести». Он, не глядя на Уэбба, садился за свой в

зале судебных заседаний стол и тут же вступал в деловые разговоры со своими помощниками. Уэбб, обычно смотревший на стол обвинения, при появлении Кинана немедленно отворачивался, как бы боясь встретиться взглядом с ним, принимал воинственную позу и настороженно прислушивался к каждому слову главного обвинителя. Уэбб не упускал случая, чтобы под видом отправления председательских обязанностей чем-либо уколоть Кинана. Кинан хорошо понимал возможность и значение этих уколов и, пользуясь широкой эрудицией и острым языком, быстро и легко парировал их.

К советской делегации, в частности к Голунскому, Кинан относился уважительно, с удовольствием посещал наши приемы, был на них оживлен и разговорчив. В зале судебного заседания Кинан часто разговаривал с Голунским, видимо, советовался, вырабатывал общую позицию, после чего поднимался с места, подходил к пульту и делал энергичные возражения против выступления защиты. Чувствовалось, что Кинан, выступая в качестве обвинителя на этом процессе, был искренно убежден в виновности бывших руководителей Японии и необходимости их сурового наказания.

К сожалению, после нескольких месяцев работы Трибунала Кинан был отозван в Вашингтон, откуда прибыл в Токио и приступил к исполнению своих обязанностей только в августе 1947 года. Таким образом, Токийский процесс почти в течение года проходил в отсутствие главного обвинителя.

Исполнявшие обязанности главного обвинителя на время отсутствия Кинана — американские юристы Хиггинс, а позже Тавеннер — в значительной степени отличались по своим качествам от Кинана. Их выступления подчас носили беспринципный характер и почти не оказывали влияния на ход процесса, который принял затяжной характер.

2. *С. А. Голунский.* Обвинитель от СССР. Родился в 1895 году. Доктор юридических наук, член-корреспондент АН СССР, Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

В течение ряда лет работал в органах прокуратуры. Автор нескольких книг по уголовному процессу и теории права. С 1941 года на дипломатической работе. В то время был начальником Договорно-правового управления, членом Коллегии МИД СССР. В составе советских делегаций участвовал в работе ряда международных конференций и совещаний.

Хорошо зная иностранные языки и имея большой опыт работы на международных конференциях, он по приезде в Токио быстро вошел в контакт с иностранными коллегами и пользовался у них большим уважением. Особенно была заметна симпатия к нему со стороны Главного обвинителя Кинана. В обращении с людьми он проявлял большую скромность, к работе относился с исключительным усердием, хорошо знал правовой и фактический материал и поэтому во время своих выступлений держался свободно, уверенно

и легко парировал нападки со стороны защиты, вызывая симпатии у судей и своих коллег.

К сожалению, Голунскому недолго пришлось быть в Токио.

По окончании советской фазы обвинения в октябре 1946 года он был отозван в Москву на свою постоянную работу. Его замещал бывший прокурор гор. Москвы государственный советник юстиции 2-го класса А. Н. Васильев.

3. *Артур Коминс-Карр*, обвинитель от Великобритании (он же являлся заместителем главного обвинителя). Родился в 1882 году в Лондоне, окончил Оксфордский университет, избирался в парламент от либеральной партии, был членом Ассоциации судей. Один из видных английских адвокатов. Высокий, худощавый блондин.

Ему поручалась подготовка наиболее трудоемких разделов обвинения. Его выступления отличались хорошим знанием фактического материала и юридической обоснованностью, но произносились они крайне сухо, монотонно.

4. *Чи Сянг*, обвинитель от Китая. Родился в 1896 году. Окончил университет в Китае и университет в США. Занимал должность главного прокурора при Шанхайском верховном суде.

Так же, как и судья Мэй, Чи Сянг был невысок, подвижен и постоянно улыбался. При встречах и разговоре с сотрудниками Трибунала вел себя скромно и учтиво, чем выделялся среди окружающих.

5. *Роберт Онето*, обвинитель от Франции. Родился в 1911 году, окончил Пойтьерский университет, доктор права. Работал адвокатом. Во время оккупации Франции был участником движения Сопротивления. После освобождения Франции стал начальником прокуратуры при специальном суде Республики по обвинению военных преступников в Версале. Затем был назначен помощником прокурора Республики, а позже — главным прокурором при уголовном суде в департаменте Сены и Марны.

Онето был довольно молодым, выше среднего роста, худощавый, с продолговатым лицом, черными глазами и острым носом с горбинкой, с редкими черными волосами и небольшой лысиной. Одевался он с большим вкусом и чувствовалось, что своему туалету он уделяет много внимания. Говорили, что он любил танцевать. Словом, он мало подходил к работе в Международном военном суде, что подтвердилось, когда он потерпел ряд неудач.

6. *Джемс Мэнсфильд*, обвинитель от Австралии. Родился в 1902 году. Закончил с почетной грамотой Сиднейский университет, получив ученую степень бакалавра права. Работал адвокатом, затем членом Верховного суда штата Квинсленд.

Мэнсфильд был среднего роста, широкоплечий, с маленькой лысой головой, с небольшими голубыми глазами и длинными темными ресницами, которые все время вздрагивали, что придавало ему постоянно возбужденный вид.

Он выступал в суде по-деловому, энергично.

7. *Генри Квильям,* обвинитель от Новой Зеландии, 1891 года рождения. Окончил юридический факультет университета. Работал в адвокатуре. Участвовал в первой мировой войне. Преподавал уголовное право в университете. С 1939 по 1944 год служил в армейском штабе, занимал пост заместителя начальника административного отдела. Имел воинское звание бригадного генерала.

Квильям был среднего роста, полный, широкоплечий, с большой лысой головой, с острым подбородком, прямым носом, широким ртом и большими серыми глазами. Держался он с достоинством и вместе с тем довольно скромно. Чувствовалось, что к своим обязанностям в Трибунале он относится добросовестно; его выступления носили деловой, обстоятельный характер.

8. Бригадный генерал *Г. Нолан,* обвинитель от Канады. Родился в Канаде. Закончил Оксфордский университет. Занимался адвокатской практикой. С 1915 года служил в армии. Во время второй мировой войны был заместителем главного прокурора Канадской армии.

Нолан также был среднего роста, полный, широкоплечий. Черные густые волосы всегда тщательно причесаны. Красивые черные глаза, прямой нос, короткие черные усики, толстые, немного выдающиеся вперед губы делали его внешность запоминающейся. Военный костюм всегда хорошо отутюжен, а бригадирские знаки различия и пуговицы начищены до блеска.

В судебное заседание он являлся с коричневым чемоданчиком, откуда медленно и с большой осторожностью доставал необходимые для работы документы. Как Квильям, так и Нолан к председателю Трибунала Уэббу относились с подчеркнутым уважением, на что Уэбб им отвечал тем же.

Этот канадский генерал пользовался уважением и со стороны других судей и всех присутствующих.

9. *В. Бергергоф-Мульдер,* обвинитель от Голландии, бригадный генерал. Родился в 1888 году. Окончил юридический факультет университета в Лейдене, доктор права, работал в адвокатуре, был судьей окружного суда, а с 1945 года — член специального суда по политическим и военным преступлениям в Гааге.

Мульдер был выше среднего роста, стройный, блондин с правильными чертами лица, добрый, располагающий к себе, отличался скромностью и подчеркнутой военной выдержанностью. Когда он иногда запаздывал и приходил в зал суда во время заседания, то, подойдя к столу обвинителей, поворачивался в сторону председателя Уэбба, отвешивал ему любезный поклон, после чего садился на свое место и со спокойным и серьезным видом слушал процесс.

10. *Педро Лопец,* обвинитель от Филиппин, 1906 года рождения. Окончил факультет прикладного искусства Филиппинского университета и Филиппинский юридический институт. Занимался адвокатской практикой. В 1941 году был избран членом палаты представителей конгресса Филиппин. Во время японской оккупации Филип-

Советская делегация в Международном Военном Трибунале для Дальнего Востока.

пин участвовал в движении Сопротивления. По окончании второй мировой войны в качестве члена и главы разных филиппинских делегаций принимал участие в работе ряда международных конференций, в том числе Генеральной Ассамблеи ООН.

Лопец был наиболее молодым и наиболее энергичным обвинителем. Небольшого роста, плотный, круглолицый, с черными густыми волосами, такими же черными глазами, с большими ресницами, толстыми вывернутыми губами и крупными белыми зубами, обладал характерным южным темпераментом. Его движения были быстрыми, энергичными. Около пульта он держался свободно, громко и отчетливо произносил свою речь. Это был единственный обвинитель, который выступал страстно, не скрывая своего личного презрения и негодования к подсудимым, которые развязали войну против его страны, оккупировали ее и причинили ей огромные материальные и людские потери.

11. *Говиндо Минон*, обвинитель от Индии. Он прибыл в Токио с опозданием и был представлен главным обвинителем Кинаном Трибуналу уже в ходе судебного заседания — 6 мая 1946 г. Его роль в суде была пассивной.

СОВЕТСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ

Советская делегация, прибывшая в Токио на Международный Военный Трибунал для суда над главными японскими военными преступниками, разделялась на две части: советская часть обвинения и советская часть Трибунала.

Состав делегации во время процесса постоянно менялся: часть сотрудников по разным причинам уезжала в Союз, другие прибывали на их место. В составе всей делегации было до 70 человек.

Заместителем обвинителя от СССР являлся А. Н. Васильев, а помощниками и следователями — работники прокуратуры: полковник юстиции С. Я. Розенблит, К. Н. Багинян, полковник А. И. Иванов, Н. Ф. Куделин, В. С. Тадевосян, Л. Н. Смирнов, П. Д. Морозов, майор юстиции Базенко.

Консультантом советской части Трибунала являлся профессор международного права Ленинградского университета М. Я. Рапопорт. Начальником секретариата советской части Трибунала был полковник юстиции Н. А. Виноградов, а судебными секретарями — гвардии майор юстиции Е. И. Гаранин и гвардии капитан юстиции, автор настоящей книги А. Н. Николаев.

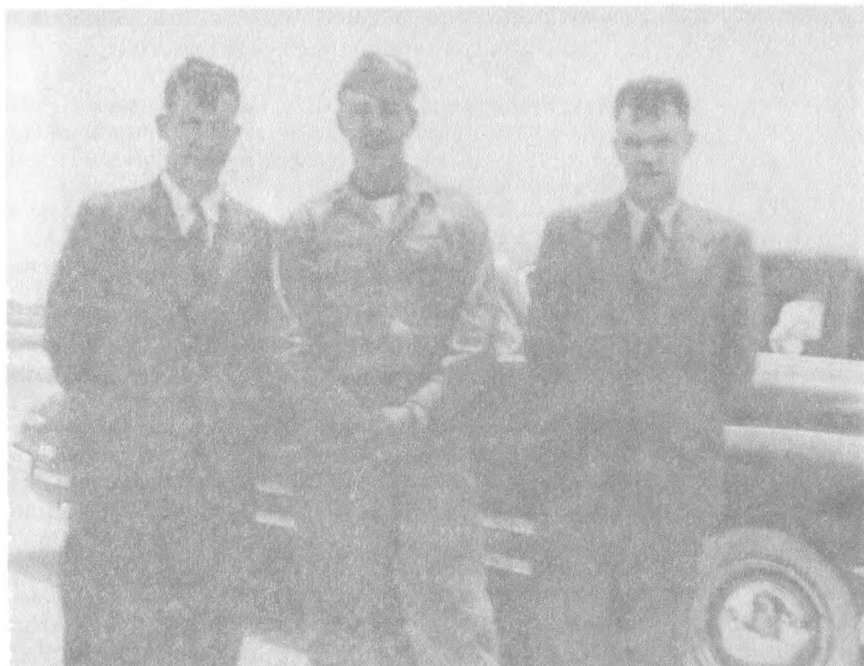
Кроме того, были секретари, переводчики, стенографистки, машинистки и административно-хозяйственные работники.

Обычно в зале суда сидели: член Трибунала, судебный секретарь, обвинитель или его помощник с переводчиком и два переводчика в будке. Остальные сотрудники работали в своих комнатах и посещали зал суда только тогда, когда там происходило что-либо интересное.

Работать приходилось много. Особенно большая нагрузка ложилась на судебных секретарей и переводчиков. Весь процесс велся на английском и японском языках, поэтому нам приходилось наши документы переводить на английский язык, а английские документы и речи переводить на русский. Объем этой работы был довольно большим. Достаточно сказать, что каждый день мы получали для перевода стенограмму судебного заседания со средним объемом 120 страниц. Кроме стенограммы было и еще много других больших документов на английском языке (меморандумы, ходатайства, заключения, акты, протоколы и другие документы). Одновременный перевод в суде английской речи на русский производился двумя нашими переводчиками, сидевшими в отдельной будке рядом с будками других переводчиков.

На первых порах этот перевод был весьма слабым, сбивчивым и подчас просто непонятным. Например, из будки летели в наушники такие фразы, как «воду брали из воды», «он ее ударил в желудок» и т. п.

Большие трудности вызывали перевод и редактирование стенограмм судебных заседаний на русском языке. В них тоже встречались курьезные ошибки, как, например: вместо слова «посол» писалось «осел» и др. Но прошло несколько месяцев работы в Трибунале и наши переводчики освоили устный и письменный перевод и

Судебный секретарь советской части Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока А. Н. Николаев (справа) с американским шофером Хиллом (в середине).

стали хорошо справляться со своими обязанностями. Здесь хотелось бы упомянуть заведующего бюро переводов Тархова В. И., который выполнял большую работу; переводчиков Бедову, Бронштейн, Гильденблат, Мичурину, Шестакову, Воротилина, Кунина, Куцобина, Лобачева, Мудрова. Особенно запомнилась мне Мария Семеновна Меньшова, которая учила меня английскому языку, так пригодившемуся в моей дальнейшей дипломатической работе. Вспоминаю такие эпизоды.

Была у нас переводчица японского языка Люка. Еще в детстве она жила со своими родителями в течение пяти лет в Японии. И таким образом еще девочкой освоила японский язык. Переводчица она была превосходная и даже внешне напоминала японку.

И вот однажды подсудимый Хиранума, бывший премьер-министр Японии, во время допроса сказал: «Если бы мне вновь пришлось быть премьер-министром, то я с удовольствием взял бы вашу переводчицу к себе личным секретарем».

А через несколько недель председатель Трибунала Уэбб во время судебного заседания во всеуслышание заявил: «Я не чувствую ни-

Выступает американский адвокат В. Блекни, защитник Тодзио.

какой разницы в произношении на английском языке между досточтенным английским судьей лордом Патриком и русским переводчиком Алексеем».

Он тоже мальчиком жил с родителями около пяти лет в Англии и с детства овладел английским. В дальнейшем Алексей и Люка поженились. Я был у них в гостях в Москве уже по окончании Токийского процесса.

ЗАЩИТНИКИ

Защита в Международном Военном Трибунале в Токио была представлена американскими и японскими защитниками из такого расчета, чтобы на каждого подсудимого приходился один американский и один японский защитник.

В основном состав защиты оставался стабильным — примерно пятьдесят человек, из которых половина был американцев и половина японцев, хотя в связи со смертью некоторых подсудимых и другими причинами произошли некоторые незначительные изменения.

Ряд защитников, особенно японских, имели по нескольку помощников. Кроме того, защита имела большой технический персонал из секретарей, переводчиков, стенографов, машинисток и других. Таким образом, если говорить в общем о всей защите, то она представляла собой огромный аппарат, насчитывающий несколько сот человек. Остановимся на общей характеристике защиты.

АМЕРИКАНСКИЕ ЗАЩИТНИКИ

Из 21 американского защитника к началу фазы защиты 7 человек были военные в звании от лейтенанта до подполковника, остальные 14 человек — гражданские.

Американские защитники назначались военным министром США.

На процессе они себя вели весьма свободно, а иногда просто развязно, особенно этими качествами отличались военные, которые неоднократно подчеркивали, что они прибыли в Международный Военный Трибунал по назначению военного министра и выступают на нем от имени американского народа.

Они не были учеными-юристами, как многие судьи, но все имели высшее юридическое образование и несколько лет практической работы в качестве адвокатов, судей, прокуроров.

Гражданские защитники вели себя более спокойно и скромно. Из них выделялись Левин и Блюэт, которые имели за своими плечами солидный стаж практической работы и выступали в суде наиболее серьезно.

Левин родился в России в 1887 году и вскоре вместе с семьей выехал в США, где окончил два университета, из коих один в Вашингтоне. Русского языка он не знал. В частных беседах Левин всегда подчеркивал, что хотя он и юрист, но заниматься политикой не любит и отдает большее предпочтение литературе. Действительно, он иногда заходил к нам и мы говорили о Пушкине, Толстом, Чехове, Гоголе. К русским он относился с уважением.

Несколько слов следует сказать еще об одном американском гражданском защитнике — Кэнинхэме, который часто выступал с антисоветскими выпадами, причем его выступления отличались грубостью, невежеством, на что неоднократно ему указывал председатель Уэбб, почти неприкрыто называя его выступление глупым, а его самого дураком.

Из военных защитников следует отметить майора Блекни, 1908 года рождения, окончившего Вирджинийский военный институт, юридический факультет Гарвардского университета, Сорбоннский университет и Оклахомский университет. Блекни один из немногих американских защитников, довольно бегло говоривший по-японски. Он изучал внешнюю политику Японии, военные вопросы и историю, включая период второй мировой войны. Им написано несколько статей о Японии, которые были опубликованы в серьезных японских журналах. Блекни вступил в армию в апреле 1942 года и служил в разведывательной школе начальником японского отдела; затем был лектором при авиационном штабе в Вашингтоне; совершил две командировки в разведывательных целях по различным странам мира.

Таким образом, это был высокообразованный человек, обладавший достаточными общими, военными и специальными юридическими познаниями. Он допрашивал свидетелей по наиболее слож-

ным вопросам международного характера, его выступления были всегда продуманными и серьезными. Блекни отличала особая манера поведения во время допроса свидетелей. Его лицо было совершенно беспристрастным: казалось, он совсем не реагирует на ответы свидетеля и на все происходящее в зале суда. По его лицу свидетель не мог сделать каких-либо выводов относительно качеств своих показаний. Свидетель мог говорить правду, мог давать заведомо ложные показания, мог добросовестно заблуждаться, мог говорить глупость, вызывающую смех у присутствующих, — но при всем этом у Блекни по-прежнему оставался тот же невозмутимый вид.

В условиях Международного Трибунала, где беспристрастность суда особенно подчеркивалась, поведение Блекни казалось безукоризненным и этим он обращал на себя всеобщее внимание.

В начале процесса отличался своей активностью американский защитник капитан Кольман. Родился он в 1906 году в Нью-Йорке, еврей. Во время выступления он постоянно, заискивающе улыбался и всячески лебезил перед председателем Уэббом. Его выступления были весьма поверхностными, носили демагогический характер и часто сопровождались нелепыми антисоветскими выпадами. Обычно спокойный, Уэбб слушал выступления Кольмана с заметным раздражением и часто обрывал его, а иногда просто заявлял, что Трибунал больше не желает его слушать. Через несколько месяцев он заболел, может быть, эту болезнь соответствующие власти несколько и преувеличивали, во всяком случае, было официально сообщено Трибуналу о том, что он выехал в Вашингтон и в Токио больше не возвратится.

ЯПОНСКИЕ ЗАЩИТНИКИ

Японские защитники представляли собой наиболее сильных юристов Японии. Все они окончили юридический факультет Токийского императорского университета; многие имели ученую степень, звание профессора и научные работы. Помимо императорского университета, некоторые из них окончили по несколько высших учебных заведений в различных городах Европы и Америки. Все они хорошо знали английский язык. До капитуляции Японии они работали судьями, прокурорами и адвокатами, а некоторые являлись профессорами и читали лекции в юридических институтах. Словом, это был цвет токийской ассоциации юристов.

Главным японским защитником являлся доктор права Удзава Сомэй.

Удзава родился в 1872 году, так что к началу процесса ему было 74 года. Это был небольшого роста седой старичок, который еле ходил. Однако этот человек обладал сильным характером и исключительной работоспособностью. Несмотря на слабое здоро-

вье, он стойко держался в течение всего процесса и успешно работал.

Удзава окончил юридический факультет Токийского императорского университета и с 1899 года начал заниматься юридической практикой. Шесть раз избирался членом парламента, а последние годы был членом палаты пэров — верхней палаты японского парламента и президентом христианской ассоциации.

Автор большого числа научных работ в области юриспруденции и философии. Удзава — ярый реакционер, полностью разделявший идеи главных японских военных преступников и потому защищал их в полном соответствии со своими убеждениями.

Наибольшей активностью, особенно по общим вопросам права, отличался доктор права Киосэ Итиро, защищавший главного подсудимого Тодзио Хидеки и по старшинству замещавший Удзава.

Киосэ также окончил юридический факультет Токийского императорского университета и занимался юридической практикой с 1910 года. Киосэ — председатель токийской ассоциации юристов, член парламента и товарищ председателя палаты депутатов. Им написан целый ряд научных работ в области права. Несмотря на свои 62 года, Киосэ был весьма подвижен. Мне часто приходилось видеть, как он вскакивал со своего места и буквально бежал к пульту, забыв о том, что был в наушниках, прикрепленных шнуром к столу. Это неожиданно сдерживало его стремление, заставляло придти в себя и возвратиться к столу. Сняв наушники, он уже медленно направлялся к пульту. Киосэ был одним из активных членов Ассоциации помощи трону. В 1946 году он выставил свою кандидатуру на выборы в японский парламент, но ему было в этом отказано, поскольку он попал под чистку в связи с директивой Макартура от 4 января 1946 года об отстранении всех реакционных чиновников, способствовавших развязыванию и ведению агрессивных войн.

Киосэ целиком разделял идеи главных японских военных преступников и потому убежденно и рьяно защищал их.

ПОДСУДИМЫЕ

Суду Международного Военного Трибунала в Токио были преданы 28 бывших государственных, политических и военных деятелей Японии. Каждый из них имел весьма длинный послужной список. Военным преступником № 1 считался *Тодзио Хидэки,* являвшийся фактическим диктатором Японии и бредивший идеей мирового господства.

В разное время своей служебной деятельности Тодзио занимал 120 должностей, имел 23 почетных звания и 11 наград, которых удостоил его император Японии.

В период, охватываемый Обвинительным заключением, т. е. с 1928 по 1945 год, Тодзио занимал следующие должности: началь-

ник первого отдела Генерального штаба (1931—1932 гг.), начальник следственного отдела в школе связи армии (1932 г.), начальник жандармерии Квантунской армии (1935 г.), начальник штаба Квантунской армии (1937 г.), помощник военного министра (1938 г.), генеральный директор военной авиации (1938—1939 гг.), военный министр (с июля 1940 г. по декабрь 1941 г.), премьер-министр и одновременно военный министр (со 2 декабря 1941 г. по июль 1944 г.); в течение этого периода в разное время он также занимал посты министра внутренних дел, министра вооружений и начальника Генерального штаба.

Находясь на этих высших государственных и военных постах, Тодзио играл ведущую роль в мобилизации людских и материальных ресурсов Японии для ведения агрессивных войн против соседних с ней государств. Он организовывал нападение на СССР, ведение агрессивной войны в Китае, развязывание тихоокеанской войны против США, Великобритании и других стран. По его приказам и инструкциям японские войска убивали и истязали военнопленных и интернированных граждан.

Небольшого роста, худой, с пожелтевшим лицом, напоминавшим бронзовую маску, узкоглазый, с приплюснутым носом и плотно сжатыми тонкими губами — таков портрет Тодзио. Он считал себя всемогущим политическим и военным лидером Японии и надеялся осуществить мечту о мировом господстве. Будучи подсудимым, был одет в японский военный мундир, но уже без погон полного генерала. На скамье подсудимых Тодзио пытался сохранить апломб премьер-министра среди бывших подчиненных ему министров и военачальников. Но он знал, какой приговор его ждет, и поэтому еще до суда пытался покончить с собой. Было это осенью 1945 года. Группа американских офицеров с японским переводчиком подъехала к загородному дому Тодзио. Выглянув из окна, Тодзио спросил: «В чем дело?» Переводчик ему объяснил, что группа офицеров прибыла, чтобы арестовать его. Тогда он сказал: «Вы зайдите, а я пока переоденусь». Он пошел к себе в кабинет и, взяв обычный японский пистолет военного образца, произвел из него выстрел себе в грудь. Но выстрел произошел в момент сжатия сердца, и пуля прошла чуть выше него. В течение месяца он находился в американском военном госпитале, а затем был заключен в тюрьму Сугамо. Уже находясь в тюрьме, в начале 1947 года, он вторично пытался покончить жизнь самоубийством. На этот раз он решил повеситься на веревке из куска кимоно, но тюремный полицейский вовремя заметил его приготовления и помешал ему совершить самоубийство. Тодзио пришлось сесть на скамью подсудимых и ждать приговора Трибунала.

Теперь перейдем к характеристике других подсудимых в алфавитном порядке (по Обвинительному заключению).

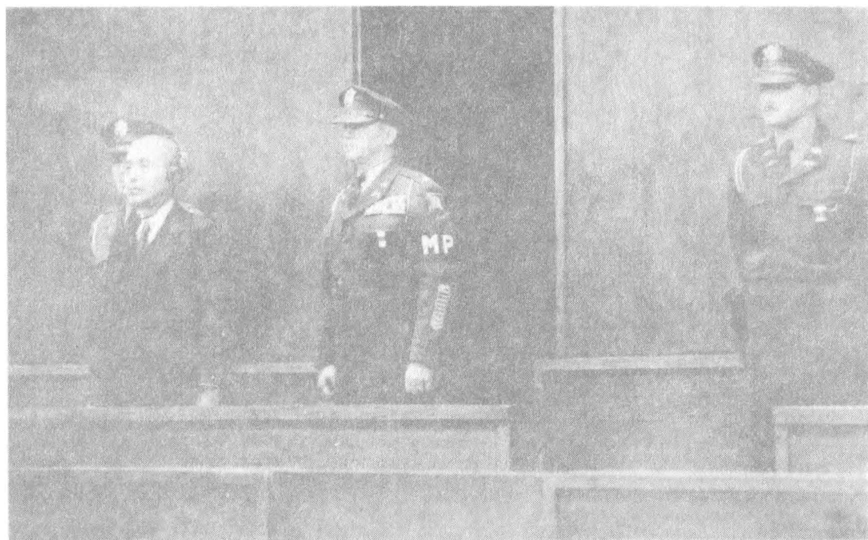
Араки Садао. Занимал следующие должности: начальник департамента общих дел управления генерального инспектора военной подготовки (1931 г.), военный министр (1931—1934 гг.), член

Подсудимый X. Тодзио, бывший премьер-министр и военный министр.

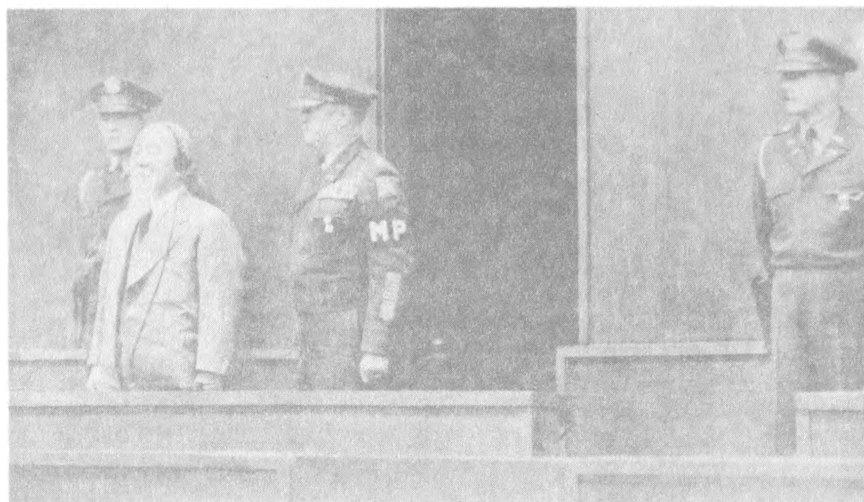
Подсудимый С. Итагаки, бывший командующий японской армией в Корее.

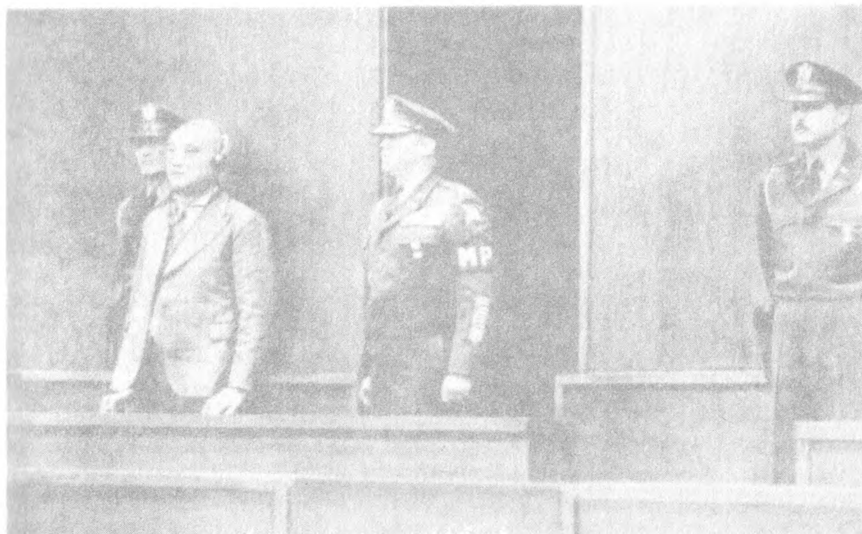

Подсудимый С. Хата, бывший командующий экспедиционными войсками в Центральном Китае.

Подсудимый Д. Минами, бывший член Тайного совета.

Подсудимый К. Сато, бывший начальник бюро военных дел военного министерства.

Подсудимый Т. Ока, бывший командующий военно-морской базой в Корее.

Подсудимый М. Сигэмицу, бывший министр иностранных дел.

Подсудимый Т. Судзуки, бывший советник при кабинете министров.

Подсудимый К. Кидо, бывший Лорд-Хранитель печати и главный тайный советник императора.

Высшего военного совета (1934—1936 гг.), член правительственного совещательного совета в Китае (1937 г.), министр просвещения (1938—1939 гг.), член правительственного консультативного совета (1940 г.). Имел звание полного генерала.

Араки занимал видное положение в армейской иерархии; являлся активным лидером армейского движения (группа «Кодо»), идеологом агрессивной политики Японии и подготовки японского народа, особенно молодежи, к ведению войн.

Активно проводил политику Японии в Китае, направленную на отделение Маньчжурии от Китая и создание на ее территории правительства, контролируемого Японией. Был одним из главных руководителей японской армии, которая вела агрессивную войну в Китае и совершала там в широком масштабе убийства и другие военные преступления.

Доихара Кэндзи. Занимал должности: начальника отдела спецслужбы в Маньчжурии (1931 г.), мэра г. Мукдена (1931 г.), главного советника автономного правительства Северного Китая; главнокомандующего 5-й японской армией в Маньчжурии (1938—1940 гг.), высшего военного советника (1940—1943 гг.), генерального инспектора военной авиации (1941 г.), командующего Восточной армией в Японии (1943 г.), командующего 7-й территориальной армией в Сингапуре (1944—1945 гг.), генерального инспектора военной подготовки (1945 г.). Имел звание полного ге-

нерала. Награжден дважды за участие в японо-китайской войне, награжден Гитлером в 1942 году.

Доихара считался самым искусным японским разведчиком, его называли японским Лоуренсом. В отличие от большинства своих соотечественников Доихара внешне выглядел как европеец: среднего роста, с седой головой, бородкой клинышком, открытым лицом, европейским разрезом глаз. Европейская внешность, а также знание 13 азиатских и европейских языков несомненно способствовали его шпионской деятельности, которая была направлена главным образом против Китая и СССР. Это он организовал взрыв поезда маньчжурского диктатора генерала Чжан Цзолина в 1928 году, вывез из Китая последнего представителя маньчжурской императорской династии Пу И, для того, чтобы сделать из него марионеточного императора захваченной японцами Маньчжурии. Затем он организовал убийство жены Пу И — китаянки и предложил ему в жены японку.

Доихара участвовал в организации нападения на территорию СССР в районе озера Хасан в 1938 году и на территорию МНР в районе реки Халхин-Гол в 1939 году.

Совместно с другими главными военными преступниками Доихара принимал участие в планировании и ведении агрессивных войн с целью установления японского господства в Восточной Азии.

Хасимото Кингоро. Служил в Генеральном штабе армии, командовал артиллерийским полком во время резни в Нанкине (1937 г.). Являлся идеологом японского милитаризма и агрессии, организатором фашистского молодежного движения. Автор большого числа книг и статей, в которых проповедовал ведение агрессивных войн. Был членом ряда обществ, которые ставили своей задачей контроль армии над политикой и поощрение агрессивных методов войны. Являлся организатором многих заговоров, направленных к устранению политических деятелей и офицеров, которых он считал недостаточно агрессивными. Рьяно выступал за правительство военной диктатуры. Был членом нижней палаты парламента Японии. Награжден дважды за участие в японо-китайской войне.

Хата Сюнроку. Служил на должностях командира дивизии в Маньчжурии (1933 г.), начальника департамента военной авиации (1935 г.), командующего Тайванской армией (1936—1937 гг.), генерального инспектора военного обучения и члена Высшего военного совета (1937 г.), главнокомандующего экспедиционными силами в Центральном Китае (1938 г.), члена Верховного военного совета (1939 г.), военного министра (1939—1940 гг.), главнокомандующего экспедиционными силами в Центральном Китае (1940—1944 гг.), был фельдмаршалом и членом Совета маршалов и адмиралов (1944 г.), генеральным инспектором военного обучения (1944 г.). Имел звание полного генерала. Дважды награжден за участие в войне в Китае.

Хата активно поддерживал внешнюю политику, направленную

Секретариат советской части Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока. Слева направо: судебный секретарь гвардии капитан юстиции А. Н. Николаев, начальник секретариата полковник юстиции Н. А. Виноградов, судебный секретарь гвардии майор юстиции Е. И. Гаранин.

на обеспечение господства Японии в Восточной Азии и в южных районах. Выступал за установление милитаристско-фашистского режима в Японии, за ликвидацию политических партий и создание вместо них ассоциаций содействия императорскому трону. Участвовал в подготовке и осуществлении нападения на территорию СССР у озера Хасан и на территорию МНР у реки Халхин-Гол, в войне против Китая. Экспедиционные войска в Китае, которыми он командовал, совершали в широком масштабе зверства и насилия в отношении китайского населения.

Хиранума Кинчиро. Занимал посты вице-председателя Тайного совета (1930—1936 гг.), председателя Тайного совета (1936—1939 гг.); премьер-министра (1939 г.), министра без портфеля, министра внутренних дел, вице-премьера (1940—1941 гг.), члена Совета по контролю над идеологией (1941 г.), председателя Тайного совета (1945 г.). Являлся основателем монархо-фашистской организации «Кокухон Ся» («Общества строительства основ государства») и ее председателем с 1926 по 1936 год.

Хиранума был одним из главных идеологов японского фашизма, агрессивной внешней политики Японии. Он не только поддерживал идею господства Японии в Восточной Азии и в районах Южных морей, но и активно содействовал ее осуществлению. Он уча-

ствовал в совещаниях у императора, на которых принимались решения о нападении Японии на СССР (1938 и 1939 гг.), Китай, США, Великобританию и другие страны. На совещании высших государственных деятелей 5 апреля 1945 г. он решительно настаивал на том, что «Япония должна бороться до конца».

Хирота Коки. Был послом в СССР (1930 г.), министром иностранных дел (1933—1936 гг.), премьер-министром (1936—1937 гг.), министром иностранных дел (1937—1938 гг.), советником кабинета (1940 г.). Награжден за заслуги при заключении антикоминтерновского пакта.

Занимая высшие посты в государстве, Хирота активно участвовал в проведении агрессивной внешней политики Японии. В то время, когда он возглавлял правительство, был заключен антикоминтерновский пакт, направленный прежде всего против Советского Союза. При его участии совершено нападение на СССР в районе озера Хасан. Он поддерживал экспансию Японии в Восточной Азии и в районе Южных морей, участвовал в планировании и ведении войны в Китае. Вместе с другими главными японскими военными преступниками нес ответственность за так называемую нанкинскую резню в декабре 1937 года — январе 1938 года.

Хосино Наоки. Служил в качестве начальника бюро общих дел Финансового департамента правительства Маньчжоу-го (1932 г.), начальника общего отдела министерства финансов и затем вице-министра финансов того же правительства (1934—1936 гг.), начальника общего департамента в Маньчжоу-Го (1938 г.), председателя планового совета и затем министра без портфеля (1940—1941 гг.), главного секретаря и государственного министра кабинета (1941 г.), советника в министерстве финансов (1944 г.). Дважды награжден за участие в войне в Китае.

Находясь на службе в правительстве Маньчжоу-го, Хосино старался использовать экономику этого марионеточного государства в интересах Японии. Он принимал участие в разработке планов агрессивных войн Японии против других государств и в реализации этих планов.

Итагаки Сэйсиро. Занимал должности заместителя начальника штаба Квантунской армии (1934 г.), командующего 5-й дивизией в Китае (1937 г.), начальника штаба Квантунской армии (1936—1937 гг.), военного министра (1938—1939 гг.), начальника штаба японской армии в Китае (1939 г.), командующего японской армией в Корее (1941—1945 гг.), члена Высшего военного совета (1943 г.), командующего 7-й территориальной армией в Сингапуре (1945 г.). Генерал. Награжден трижды за участие в войне в Китае.

Итагаки был одним из организаторов захвата Маньчжурии. Он участвовал в подготовке и осуществлении планов нападения на территорию СССР в 1938 году и на территорию МНР в 1939 году, был активным сторонником установления Японией «нового порядка» в Восточной Азии и в районе Южных морей и считал, что для осуще-

ствления этой идеи Япония должна будет вступить в войну против СССР и других стран.

Итагаки обвинялся в том, что действовавшие под его командованием японские экспедиционные войска в Китае, Корее, Сингапуре и других странах убивали и подвергали насилию и пыткам многие тысячи военнопленных и гражданских лиц.

Кайя Окинори. Был главным секретарем министерства финансов (1934 г.), министром финансов (1937—1938 гг.), председателем Северо-Китайской компании по развитию промышленности (1939—1941 гг.), вновь министром финансов (1941—1944 гг.). Награжден за участие в китайской войне.

Кайя старался мобилизовать хозяйство Японии на военные нужды, осуществлял связи между правительством и представителями финансового и промышленного капитала. Принимал активное участие в формировании и проведении агрессивной политики Японии.

Кидо Кончи. Занимал посты главного секретаря лорда-хранителя императорской печати (1930 г.), министра просвещения (1937 г.), министра обеспечения (1938 г.), министра внутренних дел (1939 г.), лорда-хранителя императорской печати (1940—1945 гг.), главного тайного советника императора и председательствующего на заседаниях экспремьеров. Имел титул маркиза. Награжден за участие в войне с Китаем.

Кидо, являясь представителем придворных кругов и ближайшим советником императора, предпочитал держаться за кулисами политической сцены, но он разделял идею установления господства Японии в Восточной Азии и поддерживал планы агрессии в целях осуществления этой идеи.

Кимура Хэйтаро. Служил на посту начальника штаба Квантунской армии (1940 г.), вице-военного министра (1941—1944 гг.), члена Высшего военного совета (1943 г.), главнокомандующего японской армией в Бирме (1944 г.). Был генералом. Награжден Гитлером в 1942 году.

Кимура являлся убежденным сторонником агрессивных планов Японии и принимал активное участие в их выполнении. Как главнокомандующий японской армией в Бирме нес ответственность за массовые зверства, совершенные японскими военнослужащими по отношению населения Бирмы.

Койсо Куниаки. Служил в качестве директора бюро военных дел военного министерства (1930 г.), вице-военного министра (1932 г.), начальника штаба Квантунской армии (1932—1934 гг.), командующего японской армией в Корее (1935—1936 гг.), министра колоний (1939—1940 гг.), генерал-губернатора Кореи (1942 г.), премьер-министра (с июля 1944 г. по апрель 1945 г.). Генерал. Награжден за участие в войне с Китаем.

Койсо полностью разделял японскую агрессивную политику и поддерживал план, по которому «Япония должна наступать во всех направлениях». Сменив Тодзио на посту премьер-министра в

1944 году, Койсо изыскивал пути, как с наименьшим ущербом выбраться из тяжелого положения, в котором оказалась Япония, и в этих целях старался по возможности затянуть войну, напасть на Советский Союз, а затем пытался заключить сепаратный мир с США и Великобританией, сославшись на то, что Япония ведет «священную борьбу с коммунизмом», и таким образом закончить неудавшуюся войну. Но планы Койсо оказались нереализованными.

Мацуи Иванэ. Был представителем японской армии на Женевской конференции в 1931 году, членом Высшего военного совета (1933 г.). Являлся основателем общества Великой Восточной Азии (1933 г.), главнокомандующим японских вооруженных сил в Центральном Китае (1937—1938 гг.), советником кабинета (1938—1940 гг.), советником по делам Великой Восточной Азии (1943 г.), председателем общества по развитию Великой Восточной Азии (1944 г.). Генерал. Награжден дважды за участие в китайской войне.

Мацуи был активным участником заговора японских милитаристов против мира и международной безопасности и рьяно проводил в жизнь агрессивную политику Японии. Под его командованием японские войска вели жестокую войну в Китае. Всему миру памятна учиненная его армией в период с 13 декабря 1937 г. по начало февраля 1938 г. «резня в Нанкине», где было убито свыше 100 тысяч людей, разграблена и сожжена в огромных размерах государственная и частная собственность.

Мацуока Иосукэ. В 1932—1933 гг. представлял Японию в Совете Лиги Наций. Был президентом Южно-Маньчжурской железной дороги (1935—1939 гг.), членом совещательного совета кабинета (1940 г.), министром иностранных дел (1940—1941 гг.). Автор книги «Возрождение Эры Сёва» (1938 г.) и других книг и статей, пропагандирующих агрессивные методы войны. Страстный поклонник Гитлера и его фашистского режима.

Мацуока в качестве министра иностранных дел активно проводил агрессивную политику японской империалистической клики. Он ездил в Европу с целью договориться с руководителями германского и итальянского фашизма о совместной агрессии и установлении «нового порядка» в Европе и Азии и вел продолжительные беседы с Гитлером, Риббентропом, Герингом и Муссолини.

Будучи в Москве, Мацуока 13 апреля 1941 г. подписал пакт о нейтралитете между Японией и Советским Союзом, который Япония не намеревалась соблюдать.

После вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз в июне 1941 года Мацуока настойчиво добивался того, чтобы Япония вступила в войну против СССР на стороне Германии. В своей дипломатической деятельности Мацуока отличался исключительным коварством и лицемерием.

27 июня 1946 г. Мацуока умер в госпитале Токийского университета от туберкулеза и хронического воспаления легких, и по причине смерти дело в отношении него Трибуналом было прекращено.

Этого ярого японского фашиста, одного из активных поджигателей второй мировой войны, лжеца и лицемера хоронили с большими почестями. На похоронах присутствовали премьер-министр Японии Сидэхара, другие официальные лица, все японские и американские адвокаты.

Минами Дзиро. Занимал должность командующего японской армией в Корее (1929 г.), военного министра (1931 г.), высшего военного советника (1931—1934 гг.), главнокомандующего Квантунской армией (1934—1936 гг.), генерал-губернатора Кореи (1936—1942 гг.), члена Тайного совета (1942—1945 гг.), президента общества «Великая Япония» (1945 г.). Генерал. Награжден за участие в войне в Китае. Минами являлся старейшим лидером японской милитаристской клики. Он играл руководящую роль в разработке планов нападения на СССР, активно участвовал в войне против Китая, которую он называл «Священной войной», и в захвате Маньчжурии, которую рассматривал как «жизненную линию Японии» и как военный плацдарм для войны против Советского Союза.

Был горячим сторонником идеи создания «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии» под руководством Японии.

Муто Акира. Был преподавателем в Академии Генерального штаба (1930—1932 гг.), начальником отдела Генерального штаба (1937 г.), заместителем начальника штаба армии в Северном Китае (1939 г.), начальником бюро военных дел военного министерства (1939—1942 гг.), командиром 2-й гвардейской дивизии на Суматре (1943 г.), начальником штаба территориальной армии на Филиппинах (1944 г.). Награжден дважды за участие в войне в Китае и награжден Гитлером в 1942 году.

Муто являлся активным деятелем в кругу японской фашистской военщины, убежденным проводником агрессивной политики Японии. Он принимал участие в разработке планов нападения на СССР и захвата Владивостока, Хабаровска, Благовещенска и других советских городов на Дальнем Востоке.

На Муто лежала ответственность за учиненную японскими войсками «резню в Нанкине» и за массовые убийства и истязания гражданского населения, военнопленных и интернированных граждан на территории Суматры и Филиппин.

Нагано Осаки. Служил в качестве помощника начальника военно-морского генерального штаба (1930 г.), являлся делегатом на Женевской военно-морской конференции (1931 г.), членом Высшего военного совета (1933 г.), главным делегатом на Лондонской военно-морской конференции (1935 г.). Был военно-морским министром (1936—1937 гг.), главнокомандующим Объединенного флота (1937 г.), членом Высшего военного совета (1940 г.), начальником военно-морского генерального штаба (1941—1944 гг.), главным военно-морским советником императора (1944 г.). Полный адмирал. Нагано являлся одним из главных участников заговора японской милитаристской клики против мира, активно участвовал в планиро-

вании и ведении агрессивных войн. Был одним из инициаторов развязывания Тихоокеанской войны. Ответствен за совершенные японскими вооруженными силами массовые военные преступления и преступления против человечности в отношении граждан СССР, Китая, США, Великобритании, Франции, Нидерландов и других стран. 5 января 1947 года Нагано умер от артериосклероза и туберкулеза легких.

Ока Такацуми. Находился на службе в военно-морском генеральном штабе (1930 г.). Являлся начальником отдела бюро общих и военных дел военно-морского флота (1940—1942 гг.), вице-адмиралом, помощником военно-морского министра, командующим военно-морской базой в Корее (1944—1945 гг.). Дважды награжден за участие в войне в Китае.

Ока был активным членом японской милитаристской клики, принимал участие в завоевании Маньчжурии, а также в планировании и ведении войны на Тихом океане против США, Великобритании и других стран.

Окава Сюмэй. Был генеральным директором Восточно-азиатского исследовательского института Южно-Маньчжурской железной дороги. Являлся организатором мукденского инцидента (1931 г.). Автор «Хрестоматии японской истории» (1935 г.), книг и статей, пропагандирующих методы агрессивной войны с целью изгнания силой народов белой расы из Азии и установления в ней господства Японии.

Окава являлся видным философом, рьяным идеологом японского милитаризма, был одним из вдохновителей и организаторов захвата Маньчжурии.

По своему внешнему облику он заметно отличался от остальных подсудимых: высокого роста, худой, с длинной шеей, продолговатым лицом с острым подбородком, прямым длинным носом. На скамье подсудимых он сидел в белой рубашке с открытым воротом. Выглядел сильно возбужденным: голова приподнята, руки сжаты в кулаки, взгляд устремлен вдаль, в одну точку. Его вид привлекал к себе внимание присутствующих в зале судебного заседания официальных лиц и публики.

Это был первый день заседания Трибунала 3 мая 1946 г.

Во время дневного заседания, около двух часов дня, Окава, сидя на скамье подсудимых, стал позволять себе недостойные для Высокого суда поступки: снял сандалию, широко расстегнул ворот рубашки, которая стала сползать с его плеч. Стоявший сзади американский полковник поправил ему рубаху. Но он опять ее расстегнул. Тогда полковник положил свои руки на плечи Окава и прижал его к скамье. Окава как будто успокоился. Воцарилась тишина. И вдруг Окава, сидевший во втором ряду скамьи подсудимых, неожиданно дважды ударил своей сандалией по затылку сидящего перед ним Тодзио. «Агрессивные» действия Окавы против бывшего премьер-министра вызвали большое оживление в зале. Американские корреспонденты, любители сенсаций, вовремя и удачно сфото-

графировали момент второго удара и эта интересная фотография в течение нескольких месяцев висела на многих газетных витринах в Токио, привлекая к себе внимание проходящей публики.

Начальник американской военной полиции, внимательно следивший за действиями Окавы и неоднократно предупреждавший его о недопустимости подобных действий, после второго удара был вынужден поднять Окаву и удалить его из зала судебного заседания. Так больше Окава и не появлялся на скамье подсудимых. Позже он был подвергнут тщательной судебно-психиатрической экспертизе, которая признала его психически больным, находящимся в маниакальном состоянии с манией величия.

Мне пришлось читать дневник Окавы, который он вел, сидя в тюрьме Сугамо. Это действительно бред сумасшедшего. Наши переводчики говорили, что им никогда в жизни не приходилось переводить такой трудный документ. Между прочим, Окава в своем дневнике почему-то многократно упоминал мадам Макартур.

На основании нескольких авторитетных экспертиз Окава был признан невменяемым, и дело в отношении него Трибуналом было приостановлено. Он был исключен из списка подсудимых.

Осима Хироси. Служил военным атташе в Берлине. В период 1938—1945 гг. был послом Японии в Германии. Генерал-лейтенант. Награжден за участие в войне с Китаем и за заслуги при заключении «антикоминтерновского пакта» в 1936 году.

Играл важную роль в японской клике заговорщиков против мира. Был ярым сторонником агрессивной внешней политики Японии. Преклонялся перед Гитлером и его фашистским режимом, был его личным другом. Всячески содействовал созданию известной оси Берлин — Токио — Рим. Активный участник японо-германского заговора против СССР.

Сато Кэнрио. Был преподавателем в Академии генерального штаба (1935 г.), членом планового бюро, начальником отдела военных дел и бюро военных дел военного министерства (1937—1944 гг.), командующим дивизией в Индокитае и Сиаме (1945 г.). Генерал-лейтенант. Дважды награжден за участие в войне в Китае и награжден Гитлером в 1942 году.

Сато активно поддерживал агрессивную политику Японии и участвовал в войнах против Китая, США, Англии и других стран. Он считал, что Япония должна овладеть Северным Китаем и использовать его ресурсы в своих военных приготовлениях.

Сигэмицу Мамору. Занимал следующие должности: советник посольства в Китае (1930—1934 гг.), советник по торговым делам в Маньчжурии (1935 г.), посол в СССР (1936—1938 гг.), посол в Великобритании (1938—1941 гг.), посол в нанкинском марионеточном правительстве (1941—1943 гг.), министр иностранных дел (1943—1944 гг.) и по совместительству министр по делам Великой Восточной Азии (1944—1945 гг.). Награжден дважды за участие в войне в Китае и награжден в 1941 году.

Занимая высокие посты в правительстве, Сигэмицу поддержи-

вал агрессивную политику Японии, направленную против СССР, Китая и других стран. В своей дипломатической деятельности отличался лицемерием и коварством.

В 1935 году, когда он был в Маньчжурии, китайский патриот бросил в него бомбу, от взрыва которой он лишился левой ноги. В июле 1938 года, будучи послом Японии в Советском Союзе, Сигэмицу явился к наркому иностранных дел М. М. Литвинову и потребовал уступки Маньчжоу-го, т. е. фактически Японии части советской территории. При этом угрожал силой, если советская сторона не примет японское предложение. Литвинов заметил Сигэмицу, что такой способ разрешения конфликтов не приемлем в Москве, но тот не унимался. И только после того как советские дальневосточные войска стремительным ударом выбросили самураев с нашей территории, Сигэмицу согласился и принял советские условия о перемирии. Оставаться дальше в Москве ему было неудобно. И его направили послом в Англию.

Будучи в Лондоне, он предлагал своему правительству захватывать французские и голландские владения на Дальнем Востоке, ссылаясь на то, что Франция и Голландия разгромлены гитлеровской Германией и потому, мол, не смогут оказать сильного сопротивления.

В 1943 году, когда Япония успешно продвигалась на юг, когда в Токио гремела музыка побед, Сигэмицу был назначен на высший дипломатический пост — министром иностранных дел в Кабинете Тодзио.

В январе 1945 года Сигэмицу, выступая в парламенте, заявил, что правительство Японии намерено вести войну совместно со своим союзником — гитлеровской Германией до конца и любой ценой.

На посту министра иностранных дел игнорировал поступавшие к нему многочисленные протесты и жалобы по поводу совершаемых японскими войсками зверств в отношении военнопленных и интернированных граждан союзных держав.

Дипломатическая карьера Сигэмицу оборвалась 2 сентября 1945 г. на борту линкора «Миссури», когда ему дали ручку и предложили подписать акт о безоговорочной капитуляции Японии. Потом арест, тюрьма Сугамо, скамья подсудимых.

Сигэмицу внешне был похож на европейца, выглядел сравнительно молодо; стройный, подтянутый, в очках и постоянно с тростью.

Сидя на скамье подсудимых, Сигэмицу нервничал, его сводили судороги, он вбирал голову в плечи, часто закрывал руками озлобленное лицо.

Симада Сигэтаро. Был начальником штаба Объединенного флота (1930 г.), заместителем начальника генерального штаба военно-морского флота (1935—1937 гг.), командующим 2-м флотом (1937 г.), командующим китайским флотом (1940 г.), военно-морским министром (1941 г.), начальником генерального штаба воен-

но-морского флота (1944 г.). Адмирал. Награжден дважды за участие в войне в Китае.

Симада участвовал в заговоре против мира, играл активную роль в планировании и ведении агрессивных войн против Китая, США, Великобритании и Нидерландов. Нес ответственность за зверства, чинимые японскими военнослужащими в отношении военнопленных и гражданского населения.

Сиратори Тосио. Являлся начальником информационного бюро министерства иностранных дел, послом в Швеции и по совместительству в Норвегии, Дании, Финляндии (1936 г.) и послом в Италии (1938—1940 гг.), советником в министерстве иностранных дел (1940—1941 гг.). Награжден дважды за участие в войне в Китае и награжден Гитлером в 1942 году.

Сиратори, будучи послом Японии в Риме, так же как Осима в Берлине, играл активную роль в сколачивании военного союза «Берлин — Токио — Рим». Являясь советником в министерстве иностранных дел, выступал со статьями, в которых призывал дипломатов поддерживать политику военных, пропагандировал идею установления в мире «нового порядка», заявлял, что Япония должна напасть на Китай и Россию, а в союзе с Германией и Италией — на западные страны.

Судзуки Тэйити. Служил в отделе военных дел военного министерства (1931—1936 гг.), командиром полка (1936 г.), начальником отдела в совете по делам Китая (1938—1941 гг.). Являлся государственным министром и председателем планового отдела (1941—1943 гг.), советником при кабинете министров (1943—1944 гг.). Генерал-лейтенант. Награжден за участие в войне в Китае и награжден Гитлером в 1942 году.

Судзуки являлся участником японской заговорщической клики, возглавлял всю работу по хозяйственному планированию в связи с войной. Принимал участие в важных конференциях и совещаниях, на которых обсуждались планы агрессивных войн Японии против других государств. Считал Советский Союз заклятым врагом Японии.

Того Сигэнори. Занимал должности начальников отделов министерства иностранных дел (1933—1937 гг.), посла в Германии (1937—1938 гг.), посла в СССР (1938—1941 гг.), министра иностранных дел и одновременно министра по делам великой Восточной Азии (1945 г.). Адмирал. Награжден за участие в войне в Китае в 1940 году.

Того являлся старейшим участником японской милитаристской клики. Полностью поддерживал и проводил в жизнь агрессивную политику. Принимал участие в планировании и ведении войн против Китая, США, Великобритании и Нидерландов.

Умэдзу Иосидзиро. Служил в качестве начальника отдела общих дел военного министерства (1931 г.), командующего армией в Китае (1934—1935 гг.), вице-военного министра (1936—1938 гг.), командующего Квантунской армией и посла в Маньчжоу-го

(1939—1944 гг.), начальника Генерального штаба армии (1944—1945 гг.). Генерал. Имеет три награды за участие в войне в Китае, а также награжден за участие в заключении «антикоминтерновского пакта» в 1936 году.

Умэдзу являлся одним из главных участников заговора против мира и человечества. Будучи командующим Квантунской армией, имел своей главной задачей подготовку Маньчжурии в качестве военного плацдарма для нападения на Советский Союз. В этом направлении он развернул активную деятельность и в первые годы войны Германии против СССР держал Квантунскую армию в состоянии полной боевой готовности, чтобы в подходящий момент напасть на Советский Союз. Под его руководством был разработан план захвата Владивостока, Хабаровска, Благовещенска и многих других советских городов на Дальнем Востоке и план создания японской администрации на территории СССР, которая должна была быть оккупирована японскими войсками.

Умэдзу принимал участие в планировании и ведении агрессивных войн против Советского Союза, Монгольской Народной Республики, Китая, США, Великобритании и Нидерландов.

Он ответствен также за военные преступления и преступления против человечности в отношении военнопленных и гражданского населения союзных стран.

Следует сказать, что далеко не все главные военные преступники оказались на скамье подсудимых. На ней сидели только политические, военные и идеологические лидеры. На скамье подсудимых не было японского императора Хирохито, от имени и при участии которого готовились и велись агрессивные войны. Привлечение императора к международной уголовной ответственности несомненно явилось бы сильным ударом по японской императорской системе. Но для американских правящих кругов было выгодно сохранить и использовать императорский строй для восстановления Японии как базы империализма на Дальнем Востоке. Поэтому они решили амнистировать императора Хирохито, который являлся главнокомандующим всеми вооруженными силами Японии и отдал приказ в декабре 1941 года о нападении на главную американскую военно-морскую базу — Пёрл-Харбор, в результате которого Соединенным Штатам Америки было нанесено тяжелое поражение.

На скамье подсудимых не сидели те, кто, по сути, руководил действиями японской милитаристской клики, — хозяева крупных японских промышленных монополий — «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо», «Ясуда», «Аюкава» и др. Это они создали материальную базу для ведения Японией агрессивных войн.

Главный обвинитель Кинан и главнокомандующий союзных держав на Дальнем Востоке генерал Макартур, действуя по инструкции из Вашингтона, не допустили включения в список главных японских военных преступников руководителей крупнейших японских финансово-промышленных объединений (дзайбацу), хотя они несли ответственность за подготовку и ведение войн. При

этом явно преследовалась цель сохранить их и в будущем использовать для реализации планов восстановления военного потенциала Японии.

Не попал на скамью подсудимых крупный бизнесмен и видный политик князь Фумимаро Коноэ, несколько раз возглавлявший правительственный кабинет Японии. Этому способствовала и установленная генералом Макартуром странная процедура ареста главных японских военных преступников. По этой процедуре сначала парламент должен был лишить их парламентской неприкосновенности и издать приказ об их аресте. В этом приказе указывалась дата, когда главный военный преступник сам должен явиться в тюрьму Сугамо. Обычно на это предоставлялось десять — пятнадцать дней. Такая процедура безусловно наносила вред правосудию: за это время потенциальный подсудимый мог соответствующим образом «подготовиться» к предстоящему обыску, обработать нужных свидетелей, продумать тактику защиты и, наконец, вообще попытаться избежать правосудия.

Некоторые обвиняемые находились до суда под домашним арестом. Например, Хиранума продолжал жить в своем доме, там его и допрашивали американские следователи. Во время допроса присутствовала его молодая жена, которая «помогала» супругу (ему было 84 года) восстанавливать в памяти отдельные «факты».

Возвращаясь к Коноэ, скажем, что произошло с ним. Когда Коноэ стало известно, что его должны арестовать, он запасся ядом. Вечером 15 декабря 1945 г., за несколько часов до окончания установленного ему срока явки в тюрьму Сугамо, он устроил прием в своем фешенебельном особняке в окрестностях Токио. На приеме присутствовали некоторые придворные особы и родственники. Как утверждали гости, Коноэ не производил впечатления человека, удрученного мыслью о тюрьме и предстоящем суде. Напротив, он держался непринужденно, острил, оживленно беседовал с гостями на различные политические темы, о будущем Японии.

Во втором часу ночи Коноэ удалился в свою спальню, убранную в японском стиле. Здесь он вручил своему младшему сыну, двадцатитрехлетнему Мититаке, пространную памятную записку, сказав: «Здесь разъясняется позиция, которую я занимал по различным вопросам в последние годы». В записке бывшего премьер-министра, в частности, говорилось: «Меня глубоко беспокоит, что я совершил некоторые ошибки в государственных делах после возникновения китайского инцидента (т. е. развязанной японскими милитаристами войны в Китае. — *Прим. авт.*). Я, однако, не могу перенести унижений, связанных с арестом и разбирательством моего дела американским судом. Я не могу не ощущать особой ответственности за исход китайского инцидента». Еще бы! Ведь именно он, Коноэ, заняв пост премьер-министра, дал указание развернуть наступление японской армии в Центральном и Южном Китае, в ходе которого японская военщина совершила в широком масштабе зверства и злодеяния в отношении китайского населения в Нанкине и Шан-

хае. Он же, Коноэ, заявил осенью 1938 года, что Япония присоединится к двум державам оси — нацистской Германии и фашистской Италии, — дабы создать «новый порядок в Азии и во всем мире», а в сентябре 1940 года, когда он был премьер-министром, Япония заключила с Германией и Италией военно-политический союз — «пакт трех» о переделе мира.

В записке Коноэ в тоне лицемерной обиды написал: «Весьма прискорбно, что я был объявлен военным преступником Соединенными Штатами, с которыми я пытался добиться мирного урегулирования. Я полагаю, что мои искренние намерения даже и сейчас правильно понимаются и расцениваются моими друзьями, среди которых немало американцев». В последней фразе автор записки прав: среди американцев у него действительно имелось немало друзей и защитников и одним из них являлся главнокомандующий союзных держав в Японии генерал США Макартур, приказом которого был создан Международный Военный Трибунал для суда над главными японскими военными преступниками.

Коноэ подробно ознакомил сына с содержанием записки и высказал ему свои политические взгляды. При этом он отметил, что всегда защищал «национальный образ правления» в Японии и что это — долг всего семейства Коноэ ввиду их родства с императорским домом.

После двух часов ночи сын вышел из спальни отца, вероятно, понимая, что видит его в последний раз.

А в шесть часов утра, когда жена Коноэ вошла в спальню мужа, то увидела его мертвым. Возле постели на низеньком столике стоял пузырек, в котором были обнаружены остатки яда.

Так, родственник императора, князь Коноэ, крупный политический деятель, несколько раз возглавлявший японский правительственный кабинет, ярый националист и милитарист, мечтавший о создании «Великой восточной сферы сопроцветания» под руководством японской расы, не пожелал подвергать себя публичному и мучительному судебному процессу в Международном Военном Трибунале и вынес сам себе смертный приговор в тиши своей спальни.

СЕКРЕТАРИАТ

За столом, расположенном ниже судейского, против каждого судьи сидели их судебные секретари. Но не все судьи имели судебных секретарей, например, англичанин лорд Патрик (возможно потому, что процесс велся на его родном языке, кроме того, он мог пользоваться услугами американских секретарей). Советский судебный секретарь подробно записывал все происходящее на суде, тогда как другие секретари не делали этого.

В центре секретарского стола сидел генеральный секретарь, американский полковник В. Волбридж. Как только Трибунал принимал тот или иной документ в качестве доказательства, Волбридж

регистрировал его, ставил на нем номер, громко ударял молотком по столу и мощным басом объявлял: «This document is adopted as exhibit of prosecution number two three two». («Этот документ принят как доказательство обвинения номер двести тридцать два»). Интересно отметить такой момент. Фаза обвинения продолжалась восемь месяцев. За это время Волбридж настолько привык к произношению одной и той же фразы, что с наступлением фазы защиты он в течение нескольких дней не мог перестроиться и по-прежнему продолжал объявлять документ обвинения, тогда как это уже были документы защиты. В этих случаях он сокрушенно махал рукой, что-то говоря про себя, исправлялся и этим самым вызывал строгий взгляд председателя Уэбба и смех присутствующих, внося некоторое оживление в скучную обстановку суда. В это время его коллега комендант суда, капитан Вам-Митер, которому надлежало следить за порядком в зале заседаний суда, машинально поднимал свой молоток кверху, но, видимо, сочувствуя генеральному секретарю, не ударял им, а только ограничивался суровым взглядом в его сторону.

Судебные секретари были совсем молодыми. Все имели высшее юридическое образование, некоторые из них были военными. В летние жаркие дни мой сосед, судебный секретарь от Новой Зеландии, лейтенант, сидел в суде в шортах, чем вызывал у меня, капитана Советской Армии, носившего форменные длинные темно-синие брюки, зависть.

Помимо судебных секретарей, каждый судья имел свой аппарат, в состав которого входило по несколько человек, включая юристов-консультантов и разных технических работников.

Общий секретариат Трибунала был организован американскими властями и укомплектован их сотрудниками. Это был огромный, в несколько сот человек, аппарат, включавший юрисконсультов, секретарей, протоколистов, переводчиков, стенографистов, машинисток, печатников, шоферов и других административно-технических работников.

Секретариат работал организованно, четко, быстро. Весь судебный процесс стенографировался на английском и японском языках. Текст стенограммы заседаний, составлявший ежедневно до 200 страниц, готовился весьма быстро и тщательно. Например, дневное заседание Трибунала заканчивалось в 16 час., а к 18 час. стенограмма этого заседания в специальных конвертах уже доставлялась членам Трибунала в их отель «Империал».

Американские сотрудники секретариата Трибунала относились к нам доброжелательно, и если мы обращались к ним с какими-либо просьбами по работе, они незамедлительно удовлетворяли их. Надо сказать, что в общем, секретариат был укомплектован весьма квалифицированными работниками и сотрудничать с ними было легко и приятно.

А. Н. Николаев в своем рабочем кабинете.

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

В соответствии с Уставом и Правилами процедуры Трибунала судебный процесс велся на английском и японском языках. Эти языки считались официальными. Поскольку в Трибунале были представлены 11 наций, говорящих на разных языках, то необходимо было прибегать к услугам переводчиков. Всех переводчиков, работавших в обвинении, защите и суде, было очень много, их общее число превышало 500 человек. Причем, часто приходилось слышать жалобы, особенно защиты, о том, что не хватает переводчиков.

Как уже отмечалось, устный перевод с английского и японского языков на русский осуществлялся нашими переводчиками, сидевшими в специальной будке в зале судебного заседания. Письменные переводы также делались нашими переводчиками.

В связи с предстоящей советской фазой обвинения обвинение обратилось к Трибуналу с ходатайством о проведении этой фазы на русском языке. И Трибунал своим решением от 4 октября 1946 г. разрешил это. Таким образом, вступительное заявление и все комментарии к доказательствам, представляемым Трибуналу, зачитывались на русском языке. Они заранее писались, переводились на английский и передавались переводчикам, которые обеспечивали синхронный перевод, транслируемый по звуковой системе в зале суда.

В таком же порядке представлялись документы или выдержки из них в качестве доказательств.

Переводчики. Справа налево: В. И. Тархов, С. В. Бронштейн, А. Д. Швейцер.

Допрос русских свидетелей проводился на русском языке с синхронным переводом.

Рабочие места в судебном зале были телефонизированы и радиофицированы, имелись наушники и селектор со стрелкой и надписями: английский, японский, русский. Участник процесса садился на свое место и ставил стрелку селектора на тот язык, на котором он хотел слушать процесс.

Микрофоны имелись перед председателем Трибунала, представителями сторон обвинения и защиты (два микрофона для всех), к которым они подходили во время выступления; перед свидетелем, судебными стенографами и переводчиками. Когда в начале процесса подсудимых спрашивали об их виновности, тогда каждому из них подносили специальный микрофон с длинным шнуром.

У микрофонов председателя, представителей сторон — обвинения и защиты — и свидетеля имелись красные лампочки, с помощью которых главный переводчик соответствующими световыми сигналами регулировал перевод.

Когда оглашались документы или написанные речи, то перевод

**В зале судебного заседания Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока в Токио.
В первом ряду среди судей генерал-майор юстиции И. М. Зарянов (четвертый справа).
Во втором ряду среди судебных секретарей гвардии капитан юстиции А. Н. Николаев (первый справа).**

производился одновременно. Если же были допрос свидетеля, заявления, замечания председателя, возражения сторон или какие-либо другие выступления, возникающие по ходу процесса, то тогда перевод производился частями: говорящий прерывал свою речь, когда загорался красный свет у его микрофона и продолжал говорить, когда лампочка выключалась.

За правильностью перевода следил специальный монитор, который при обнаружении ошибки в переводе сразу же через свой микрофон вносил соответствующую поправку. Кроме того, в зале суда постоянно сидел начальник переводческой секции с двумя ассистентами, составляя так называемый языковый арбитр. Они также следили за правильностью перевода и, обнаружив ошибки, на следующий день заявляли об этом суду с тем, чтобы необходимые поправки были внесены в стенограмму.

Наконец, для того чтобы разрешать принципиальные споры между сторонами по вопросам перевода, был образован дополнительный арбитр из трех человек — представителей штаба Макартура, обвинения и японского правительства.

Решения этого арбитра считались окончательными.

Несколько слов о стенографах.

Весь процесс стенографировался на английском и японском языках. Английские стенографы, американцы, сидели в зале суда в составе двух человек, из коих один назывался просто стенографом и сидел в особой будке, рядом с будками переводчиков, а другой назывался судебным стенографом и сидел внизу, между пультом, перед которым выступали обвинители и защитники, и свидетельским креслом, с которого говорил свидетель. Некоторые стенографы писали обычным пером, а некоторые на специальных стенографических портативных и бесшумных машинках. Они сменялись через 30 минут и шли в свои рабочие комнаты, где сразу же диктовали свои записи машинисткам, после чего текст стенограммы поступал в ротаторный цех для размножения, который представлял собой целую типографию. Стенограмма печаталась более чем в ста экземплярах и немедленно развозилась по адресам.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ

В зале судебного заседания постоянно присутствовали корреспонденты американских, японских и других газет.

Они располагались внизу, по правую сторону от суда. Их ложа делилась на две части, из коих одну, ближайшую к столу судей, занимали американские корреспонденты, а другую — японские. Корреспондентам, среди которых много было фотокорреспондентов, было отведено около двухсот мест. В обычные дни места корреспондентов заполнялись частично, а в дни, когда ожидалась сенсация, — полностью.

Следует сказать, что американские и английские корреспонденты работали очень оперативно. Так, информацию о судебном заседании Трибунала, которое кончалось в 4 часа дня, можно было читать в японской газете на английском языке, например «Ниппон Таймс» в 6 часов вечера, т. е. через два часа.

Как правило, очередной номер газеты готовился накануне. Например, ту же «Ниппон Таймс», за 2-е число, мы получали в шесть часов вечера первого числа.

При такой бешеной скорости, конечно, не исключались недоразумения.

Вспоминается случай с американской газетой «Старз энд Страйпс». Рано утром 24 февраля, в первый день выступления защиты, мы получили номер этой газеты со вступительной речью японского защитника профессора Такиянаги, якобы произнесенной им в суде 24 февраля. Фактически же дело обстояло так: на

заседании Трибунала 24 февраля к пульту подошел Такиянаги с тем, чтобы произнести свою вступительную речь, уже опубликованную в названной газете. Однако Трибунал в тот день не разрешил Такиянаги произносить речь и получилось, что газета напечатала текст фактически не произнесенной речи. В тот же день председатель Уэбб потребовал немедленного вызова в Трибунал редактора этой газеты. Редактор — американский капитан явился очень быстро. Уэбб публично отругал его за такую вредную поспешность и строго приказал не допускать подобных случаев впредь.

Информации о заседаниях Трибунала в американских и японских газетах печатались систематически, однако объемы этих информаций были небольшими, сокращенными.

Конечно, материал преподносился читателю тенденциозно. Особенно этим отличались японские газеты, что и понятно: ведь японское правительство не считало Тихоокеанскую войну со стороны Японии агрессивной. В соответствии с этим убеждением правительства и реакционных общественных кругов Японии японская печать и освещала работу Трибунала. Иначе говоря, печать отрицала факт японской агрессии и по сути оправдывала действия главных японских военных преступников.

Что касается американских газет, то они признавали японскую агрессию в Тихоокеанской войне, однако писали об этом в довольно сдержанных тонах и красках.

Несколько слов вообще об иностранной, в частности об американской, печати.

Мы постоянно читали газету штаба Макартура «Старз энд Страйпс». Материал в ней размещался примерно так: первая страница — важные международные политические новости и различные сенсации, вторая — американские и японские политические и бытовые новости, третья — физкультура и спорт и четвертая — международные и внутренние новости, менее важные по своему значению. В газете печатался большой фотоматериал и рисунки. Причем на первой странице каждого номера помещалась большая фотография какой-нибудь американской молодой красавицы в полуобнаженном виде. На этой же странице можно было встретить и фото президента США Трумэна, только гораздо меньших размеров.

Такие новости, как брак 18-летнего с 78-летней, помещались на первой странице.

Однажды была посвящена целая статья с несколькими фотографиями по поводу пари, заключенного между двумя американскими солдатами в споре: кто возьмет первое место по быстроте математического счета — или американская девушка на счетной машинке, или японский юноша на ручных японских счетах. Проигравший обещал лично везти выигравшего на коляске рикши через весь Токио. И вот этот спор обстоятельно описывался в газете.

Там же помещались их биографии, портреты и та коляска, на которой должен везти проигравший выигравшего.

Авторских статей в этой газете не было, исключительно одни информации различных газетных агентств.

Со стороны Советского Союза на заседаниях Международного Трибунала присутствовал один корреспондент ТАСС — Анатолий Варшавский. Он систематически давал материал о ходе процесса в Москву. Поскольку я тоже готовил информацию о ходе процесса, которая передавалась по правительственному каналу, то мы с ним поддерживали постоянный контакт.

АУДИТОРИЯ

Аудиторию Трибунала, не считая состава суда и представителей сторон, составляли японцы, американцы, представители других национальностей, находящихся в Токио. Верхний ярус по правую сторону от суда делился на две части, одну из них занимали японцы, а другую — американцы и др.

Японская часть постоянно была заполнена людьми, американская — только в особо интересные дни процесса.

Японцы, среди них было много студентов юридических институтов, вели себя весьма дисциплинированно и слушали процесс с особым вниманием.

Слева от суда на специальном возвышении стоял ряд мягких стульев, которые занимали особо важные гости, их семьи и сопровождающие лица. Там же сидели и важные особы из состава японского правительства, которые являлись в суд довольно редко. Обычно эти места занимали американские дамы, которые приходили в суд, пожалуй, больше для того, чтобы показать себя и свои туалеты и, кстати, ознакомиться с общим видом суда, посмотреть на подсудимых и в первый же перерыв оставить это скучное зрелище.

ЗАЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока заседал в Токио в здании бывшего японского военного министерства. Это было удобно не только с точки зрения условий работы Трибунала, но в этом заключался и большой символический смысл, поскольку именно в стенах этого здания, в кабинетах военного министерства в первую очередь, разрабатывались и проводились в жизнь агрессивные планы японского империализма.

Здание бывшего военного министерства располагалось в северо-западной части города, в нескольких минутах езды на автомашине от центра города. Оно находилось на холме с красивыми японскими декоративными деревьями, который резко выделялся в

окружающем рельефе. Здание представляло собой каменный четырехэтажный замкнутый квадрат, со стороной длиной в 100 метров, с большой высокой прямоугольной башней над фасадом. Это хмурое, темно-серое, неприветливое здание веселые американцы в 1947 году перекрасили в белый цвет. Рядом с основным зданием размещалось несколько других стандартных зданий меньшего размера. Все это американцы обнесли высоким проволочным забором. У здания, возле забора, располагалось пропускное бюро, обслуживаемое военной полицией США. Для постоянных сотрудников Трибунала выдавались специальные удостоверения, а для посетителей — разовые пропуска. У пропускного бюро и перед зданием имелись большие вывески с надписью на английском языке: «International Military Tribunal For the Far East» («Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока»).

Небольшой, но хорошо оборудованный зал судебного заседания располагался на втором этаже.

Общий вид этого зала во время судебного заседания можно видеть на помещенной в книге фотографии.

Члены Трибунала сидели за длинным столом, расположенным на возвышении у стены, в креслах с высокими спинками. За ними были выставлены флаги 11 государств, участвовавших в создании Трибунала. Ниже судей, за таким же длинным столом сидели судебные секретари. Еще ниже сидели обвинители и некоторые защитники. Между их столами стояла трибуна-пульт, оборудованная микрофоном. Большинство защитников размещалось за шестью столами, поставленными в два ряда перед скамьей подсудимых. Подсудимые сидели на двух длинных скамьях, находившихся на некотором возвышении у противоположной стены зала и отгороженных барьером. За подсудимыми стояли шесть дюжих полицейских — военнослужащих из военной полиции США (Military Police — эмпи).

От судей слева, на возвышении, находилась ложа почетных гостей, сидевших в креслах, поставленных перед длинными столами, размещенными в пять рядов (около 100 мест). За этой ложей, выше располагались семь переводческих будок.

От судей справа, в партере, отгороженном невысоким барьером, были места (около 200) для корреспондентов — иностранных и японских. Над ними — галерея, на которой размещалась публика — американская (300 мест) и японская (200 мест), причем военная полиция строго наблюдала за тем, чтобы японцы не находились вместе с американцами.

Весь зал был радиофицирован. Наверху в специально построенных четырех будках помещались американская и японская кинохроника.

Под судейскую комнату был отведен бывший кабинет военного министра, остальные кабинеты и комнаты этого здания занимали члены Трибунала, обвинители и их аппарат.

Если посмотреть с холма, на котором стоит здание военного

Щит с надписью: Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока. У щита стоит А. Н. Николаев (слева).

Выступает с обвинительной речью главный обвинитель Д. Кинан.

министерства, на город, то легко было увидеть, что буквально все здания, расположенные ниже и вокруг этого холма, разрушены и сожжены бомбардировками американской авиации, тогда как здание военного министерства осталось совершенно нетронутым. В этом отношении соблюдался точный американский расчет, по этому же расчету совсем не были затронуты действием союзной авиации императорский дворец, другие здания и посольства сюзных государств, в том числе и советское, расположенное на одном из красивых токийских холмов.

РАСПОРЯДОК РАБОЧЕГО ДНЯ В ТРИБУНАЛЕ

Распорядок в работе Трибунала был таков, что он в значительной степени затягивал ход процесса.

Трибунал работал пять дней в неделю, проводя утреннее и дневное заседания. Суббота и воскресенье считались днями отдыха.

Утреннее заседание начиналось в 9.30 и продолжалось до 10 час. 45 мин., после чего устраивался 15-минутный перерыв, после которого заседание продолжалось до 12 час. 00 мин. С 12 час. 00 мин. до 13 час. 30 мин. был обеденный перерыв.

В 13.30 начиналось дневное заседание, оно длилось до 14.45, после чего устраивался 15-минутный перерыв, а после перерыва заседание возобновлялось и длилось до 16 час. 00 мин. Таким образом, Трибунал в течение дня работал 4 час. 30 мин. Читатель вполне согласится с нашим мнением, что это был слишком короткий рабочий день, непривычный для наших национальных судов.

Летом 1946 года во время сильной жары, достигавшей 60°С, Трибунал не работал более двух недель из-за отсутствия кондиционеров в зале суда. Потом такая установка была сделана, и суд приступил к работе. Кстати сказать, в жаркие дни зал судебного заседания с его великолепно работающей охладительной установкой представлял собою замечательное место, куда с удовольствием приходили люди для того, чтобы спрятаться от нестерпимой жары на улице.

Дело в том, что 60° жары в условиях токийского влажного воздуха оказывает исключительно тяжелое влияние на непривычного к такому климату человека. Мы помним, как в такие дни мы приезжали домой, принимали ванну и даже после этого не испытывали облегчения. Воздух бывал настолько влажным, что почти совсем отсутствовало испарение.

Однажды летом, возвращаясь из театра, мы попали под сильный дождь, так после этого наши кители с ватной подкладкой висели мокрыми в номере в течение нескольких месяцев и окончательно высохли только к концу осени 1946 года. Японцы спасаются от такой жары тем, что имеют вентиляторы, которые они ставят в квартирах, магазинах и учреждениях и с помощью их под-

держивают более или менее нормальную температуру. Зимой температура в Токио не превышала 5° холода, в сравнении с нашей русской зимой японская зима нам казалась очень теплой. В зимнее время в Трибунале бесперебойно работала отопительная система.

Помимо субботы и воскресенья, Трибунал не работал и в праздничные дни, каковых набиралось достаточно.

Трибунал отмечал праздники по американскому календарю. Для наших советских людей это выглядело довольно странно: мы работали в дни 1 и 2 Мая, 7 и 8 ноября и в другие дни советских праздников, но зато отдыхали в рождество, пасху, воздвижение и в прочие религиозные праздники. Правда, советские праздники мы отмечали и довольно хорошо, но это делалось после работы в Трибунале.

Нельзя не сказать о точности соблюдения установленного распорядка в работе Трибунала. За все время работы Трибунала этот распорядок никогда не нарушался. Для американцев время ленча (в 12 часов) является каким-то священным. Как только стрелка часов достигала 12, суд прерывал свою работу в любой стадии процесса. И когда стрелка часов достигала 16, суд так же точно кончал работу, абсолютно не считаясь с тем, что происходило в этот момент. В это время Уэбб обычно смотрел на часы, висевшие в зале суда, и объявлял: «По-моему, сейчас самое удобное время для перерыва, мы сделаем перерыв».

ОХРАНА

Охрану подсудимых и всего Трибунала несла американская военная полиция.

Военная полиция состояла из американских солдат, специально отобранных для этой цели. Внешний вид и поведение их были безукоризненны.

Представьте себе человека ростом около 180 сантиметров, хорошего телосложения, с отличной строевой выправкой, одетого в безукоризненно отутюженный костюм светло-зеленого цвета, с рубашкой и галстуком такого же цвета, в белой каске, с белым широким ремнем, за которым, левее пряжки, заложены белые перчатки; белыми гетрами и коричневыми ботинками, с толстым витым белым шнуром, перекинутым через правое плечо, на котором у пояса с правой стороны — большой пистолет в желтой кобуре; с черной повязкой на левой руке, на которой вышиты белые буквы: МР — вот это и будет типичный американский эмпи, входивший в состав военной полиции по охране подсудимых и Трибунала в Токио.

Присутствовавшие в зале суда японцы в сравнении с эмпи казались крошками. Они хорошо сознавали это и потому требования эмпи выполняли с особенно подчеркнутым раболепием.

К русским офицерам эмпи и вообще американские солдаты относились приветливо, с большим уважением. Можно было наблюдать, когда полицейский солдат не отдавал честь проходящему мимо него американскому офицеру и резким движением и громким стуком ботинок принимал стойку «смирно», заметив нашего офицера.

Вспоминается такой случай. В марте 1947 года, на другой день после опубликования известной речи Трумэна, в которой он призывал американский народ к борьбе против коммунизма, иначе говоря, к борьбе против Советского Союза, наш майор вышел на прогулку в Хибиа-парк, в Токио. Трое американских солдат, заметив его, подбежали к нему и предложили сфотографироваться вместе с ними. Он согласился. Два солдата обняли нашего офицера, а третий энергично защелкал фотоаппаратом с тем, чтобы зафиксировать этот, видимо, приятный для них момент на пленку.

Подсудимых доставляли в Трибунал за час до начала заседания, т. е. в 8.30 утра. Их привозили в специально оборудованном большом американском автобусе темно-зеленого цвета.

Во время движения автобус конвоировался двумя полицейскими джипами, окрашенными в белый цвет и снабженными, как и все американские полицейские машины, радиорациями; одна из этих машин шла впереди автобуса, другая — сзади.

В джипах сидели вооруженные эмпи. Автобус подходил к главному подъезду. В это время всякое постороннее движение через главный подъезд запрещалось. Здесь подсудимых встречал усиленный полицейский караул, который выстраивался, создавая «коридор», по которому проводили подсудимых в специальную комнату, расположенную рядом с залом судебных заседаний, где они и находились до начала заседания суда.

Примерно за две минуты до начала заседания Трибунала их вводили в судебный зал. Шли они по одному. Подойдя к скамье подсудимых, каждый садился на свое место; места были для них постоянными с начала и до конца процесса. Во время заседания Трибунала непосредственно скамью подсудимых охраняли шесть полицейских солдат и один офицер. Понятно, что имелось еще очень много полицейских солдат, которые охраняли судебный зал и все здание в целом со всеми его выходами и подъездными путями. Во время перерыва подсудимых выводили в их комнату. В этой же комнате они обедали и находились весь обеденный перерыв. За ними постоянно наблюдали полицейские.

По окончании судебного заседания их таким же порядком погружали в автобус и отвозили в тюрьму Сугамо.

Как уже отмечалось, американские солдаты отличались своей непосредственностью. Подчас они вели себя как дети. Вспоминается такой эпизод. Один из полицейских солдат, охранявших скамью подсудимых, устав от однообразия и скуки, решил развлечься: разжеванной резинкой заклеил наушники у подсудимого, бывшего премьер-министра Тодзио. Возник скандал. Было назначено рас-

следование этого возмутительного поступка. Как сообщили газеты, в результате расследования не было установлено злого умысла в действии эмпи, он сделал это от скуки и потому не понес наказания. Но виновник так испугался, что дал клятву никогда больше не жевать резинку.

А вообще-то, стоять полицейскому на посту у скамьи подсудимых в полной форме, навытяжку, молча, не шевелясь, да еще когда в зале судебного заседания жарко и много народу — дело весьма трудное. И было немало случаев, когда молодые американские полицейские, охранявшие скамью подсудимых, впадали в обморочное состояние и на виду сотен людей, присутствовавших в зале, с шумом падали навзничь на пол и их на санитарных носилках выносили из зала.

Несколько слов о тюрьме Сугамо, где содержались подсудимые.

13 февраля 1947 г. группа корреспондентов, официальных и полуофициальных, телеграфных агентств посетила тюрьму Сугамо, испросив для этого разрешение штаба Макартура и командующего 8-й армией, в ведении которого находилась эта тюрьма. На другой день в американских и японских газетах была дана информация об этом посещении. Из опубликованного материала и частных бесед с корреспондентом ТАСС мы узнали следующее.

Сугамо — старая японская тюрьма, расположенная на окраине Токио, в двадцати минутах езды на автомашине от центра города. Она была модернизирована по американскому образцу. На 13 февраля в тюрьме Сугамо находилось 1073 заключенных. Наряду с главными японскими военными преступниками там содержались японцы, осужденные за обычные преступления. Часть из их была осуждена, а часть находилась под стражей в порядке меры пресечения. Тюрьма занимала довольно обширную территорию. Главный корпус — двухэтажный, где имелись обычные тюремные камеры, подсобные судебные помещения, клуб, госпиталь и т. д. Корреспондентам прежде всего показали комнату-гардероб. Это небольшое помещение, в котором висела вся одежда главных японских военных преступников. Здесь они одевались и их отводили на заседание в Трибунал. По окончании заседания суда они возвращались в это помещение, переодевались в халаты и возвращались в камеры. Кстати, здесь же Сигэмицу оставлял свою искусственную ногу и шел в камеру на костылях. Помещение это часто дезинфицировалось. Затем вниманию корреспондентов была представлена комната, вернее, музей, где хранились экспонаты — орудия совершения самоубийства, отобранные у заключенных, в том числе и у главных преступников, в их тюремных камерах, во время систематически проводимых осмотров. Эти предметы находились в специальном шкафу под стеклом: заржавленный нож, катушка ниток с иглой, похожей на нашу цыганскую иглу, пояса, ремни, гвозди, перья, куски бумаги, пропитанные цианом, и другие предметы.

У главных японских военных преступников были отобраны следующие предметы:

У Хиранума — при возвращении его из здания военного министерства — пояс, обычный плетеный пояс с кистями, достаточно прочный для того, чтобы удержать его тело, если бы он вздумал повеситься; у Сиратори — кусок черного шелка, около шести дюймов в ширину и несколько футов в длину; у Койсо — длинные куски полотенца; у Нагано — японские палочки, острые, которыми можно проколоть вену, и камешек, такой же острый и для той же цели; у Итагаки — металлическая скрепка; у Тодзио — кусок белой ткани длиною в шесть футов, похожий на повязку для спортивных занятий. Будучи скрученным, он был достаточно крепким для того, чтобы на нем мог повеситься человек среднего веса.

Корреспондентам показали комнату свиданий. Это довольно примитивное сооружение, состоящее из восьми кабин, какие бывают на междугородней телефонной станции. Кабина с трех сторон огорожена, одна сторона открыта. В одной из сторон сделано окно, за которым сидит заключенный во время свидания. Встречи с родственниками разрешались один раз в месяц, передачи не разрешались.

Затем корреспонденты прошли в камеры, где сидели главные японские военные преступники. Разговаривать с подсудимыми не разрешалось, но двери камер были открыты, и когда корреспонденты проходили по коридору, то могли всех видеть. Помещение тюрьмы отапливалось теплым воздухом, который пропускался в коридор и оттуда проходил в камеры. Двери камер открыты для того, чтобы было лучше наблюдать за заключенными и чтобы теплый воздух проходил в камеры.

В момент посещения тюрьмы корреспондентами главные военные преступники были на своих местах, большинство из них читали или писали, некоторые спали, укрывшись с головой. Камеры очень маленькие, шириною полтора-два метра и длиною два с половиной-три метра. Пол покрыт татами — плетеной циновкой, одно окно за решеткой, водопровод, маленький столик, на котором лежали книги. У подсудимых имелись мундштуки и зубные щетки, других предметов не было. Писали они карандашами. Спали на матрацах, матрацами же и укрывались. Их обувь — соломенные гета; наручных часов не было; очки — почти у всех. Ока гадал на картах.

Это был первый случай, когда их посетили корреспонденты. Заметив корреспондентов, некоторые из главных преступников заулыбались, как будто встретили старых друзей (Сато, Муто), а некоторые, как например, Сигэмицу, Умэдзу и Сиратори, глядели злобно.

Если в Трибунале они старались выглядеть государственными деятелями, то здесь они вели себя как обычные заключенные.

В тюрьме имелась парикмахерская, но эта парикмахерская обслуживала только служебный персонал. Главных преступников

брили и стригли японцы прямо в коридоре; зеркал не было, брились они каждый день.

Затем корреспондентам показали кухню — большое помещение, которое покрыто цементом и потому выглядело довольно мрачно. На кухне работали исключительно японцы. Пища для всех заключенных совершенно одинакова. По калорийности она вполне достаточна для нормального питания. В кухню приходил часовой, он брал специально приготовленный поднос, имеющий несколько углублений для пищи, и относил его к заключенному, при этом на кухне не знали, для кого это блюдо берется. Ни ножей, ни вилок не давалось — только одна ложка, алюминиевая, закругленная, так чтобы ею ничего нельзя было сделать с собой.

При тюрьме имелся госпиталь, хорошо оборудованный, с операционной, рентгеновским, терапевтическим и другими кабинетами. Он обслуживался американским персоналом.

Главные военные преступники не привлекались к работам. Раз в день их выводили на прогулку во дворе тюрьмы. В тюрьме имелась библиотека, книгами и газетами которой могли пользоваться заключенные.

В помещении тюрьмы имелись христианская церковь и буддийский храм. Церковная служба проходила четыре раза в неделю.

Тюремные камеры убирались самими заключенными. Распорядка для них не было установлено. Они могли спать в любое время сколько угодно.

Как уже указывалось выше, многие из главных японских военных преступников запасались необходимыми предметами с тем, чтобы в нужное время совершить самоубийство. Администрация тюрьмы это знала и принимала все меры к тому, чтобы расстроить такого рода планы преступников. Бдительность по охране главных японских преступников особенно усилилась после того, как было получено сообщение в 1946 г. о самоубийстве в нюрнбергской тюрьме Геринга.

СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК СУДОПРОИЗВОДСТВА

Как уже отмечалось, судебный процесс в Нюрнберге, организованный на принципе паритетности четырех государств — СССР, США, Англии и Франции, был построен на комбинации процессуальных порядков, существующих в эти странах. Правда, в нем все же превалировали правила англо-американского судопроизводства.

Судебный же процесс в Токио, в организации которого отсутствовал принцип паритетности государств-участников и устав которого разрабатывали только американские юристы, был построен целиком на правилах англо-американского судопроизводства, правда несколько облегченных по сравнению с весьма сложными юридическими и техническими формальностями, обременяющими уголовное судопроизводство в США, и в особенности в Англии. На Нюрнбергском процессе, например, подсудимым было предоставлено «последнее слово», предусмотренное советским процессуальным правом. На Токийском процессе такой фазы не было, поскольку англо-американский процесс не предусматривает ее.

Англо-американский процесс не имеет стадии предварительного следствия (за исключением дел с подозрением на убийство, расследуемых коронером), которая существует в нашем судебном процессе. Согласно англо-американской судебной процедуре, обвинение представляет в суд только обвинительный акт, к которому могут быть приложены некоторые документы. Сами доказательства предъявляются в ходе судебного разбирательства [1].

[1] Напомним, что по советскому уголовно-процессуальному праву в суд направляется подготовленное в ходе предварительного следствия уголовное дело, включающее обвинительное заключение и другие собранные по делу материалы.

На судебных процессах как в Токио, так и в Нюрнберге обвинение не представляло уголовного дела с материалами предварительного следствия.

Однако в Уставе Нюрнбергского трибунала содержались правила, в которых имелись некоторые элементы предварительного следствия. Например, в ст. 15, где говорится об обязанностях главных обвинителей, указывалось, что они «расследуют, собирают и представляют до или во время судебного процесса все необходимые доказательства», «производят предварительный допрос всех необходимых свидетелей и подсудимых... и другие действия, которые окажутся необходимыми в целях подготовки дела и производства суда». О «предварительных допросах» идет речь в ст. 16 Устава. Эти установления, столь необходимые для подготовки и проведения такого сложного судебного процесса, каковым являлся Нюрнбергский, несомненно, были приняты под влиянием советского уголовно-процессуального права.

Устав Токийского трибунала не предусматривал даже этих элементов предварительного следствия. В нем лишь говорилось в общей форме, что главный обвинитель «является ответственным за расследование дела» (ст. 8). Но фактически и в Токио предварительное следствие велось довольно эффективно. Так же, как и в Нюрнберге, в Токио сотрудники многочисленного аппарата главного обвинителя и его помощники от государств вели большую предварительную работу по изучению и отбору документов для представления суду в качестве доказательств, по выявлению и отбору свидетелей, которые могли бы дать показания в суде.

Разумеется, такого рода предварительную работу проводила и защита, располагавшая также значительным числом юристов и технических работников.

Надо сказать, что в Нюрнберге было легче с документальными доказательствами, чем в Токио. Там, после капитуляции Германии, союзные войска захватили большие секретные архивы армии, министерства иностранных дел, гестапо и других министерств и ведомств.

В Японии обстановка сложилась иная. После подписания Акта о капитуляции в стране в течение некоторого времени не было союзных войск. И этим воспользовались японские преступные руководители для основательной «расчистки» секретных государственных и ведомственных архивов, а также своих личных сейфов.

Многочисленные документы, которые свидетельствовали о преступных планах и действиях японской милитаристской клики, были преданы огню.

Но все же военные преступники не могли уничтожить все документальные доказательства криминальной деятельности. Значительная часть документов, изобличающих главных японских военных преступников, все же осталась, и она была использована в Трибунале в качестве доказательств.

В ходе предварительного расследования было допрошено боль-

шое число японцев, арестованных после подписания Акта о капитуляции Японии.

В течение предварительной следственной работы готовился список подсудимых для первого судебного процесса (предполагалось, что за ним последуют другие процессы).

Когда список подсудимых был составлен, следственная работа сконцентрировалась на данной группе подсудимых и на тех лицах, которых обвинение предполагало вызвать в суд в качестве свидетелей.

В допросах, помимо следователя и допрашиваемого, обычно участвовали переводчик и секретарь-стенограф. Если допрашиваемый находился под стражей, допрос происходил в тюрьме; если допрашиваемый был под домашним арестом, его допрашивали дома, как это было с подсудимым Хиранума.

Участники допроса — следователь, допрашиваемый, переводчик и стенограф — давали присягу, что отмечалось в стенограмме допроса.

Поскольку официально предварительное следствие не признавалось, то допрашиваемый не подписывал стенограмму и она ему даже не зачитывалась. При такой процедуре допроса, естественно, подсудимый и его защитник могли легко возражать против «протокола допроса», если он представлялся в суд в качестве доказательства, ссылаясь на то, что запись в протоколе сделана неправильно.

В ходе предварительного следствия готовился Обвинительный акт — основной документ обвинения, который должен был представляться Трибуналу.

Естественно, предварительное следствие продолжалось и в процессе суда до тех пор, пока Трибунал принимал доказательства от обвинения. Наряду с розыском документов выявлялись и новые свидетели, протоколы допросов которых представлялись суду.

По-особому решался вопрос в отношении допроса подсудимых. Их разрешалось допрашивать только до утверждения обвинительного акта и вручения его им. После этого обвинение не имело права общаться с подсудимыми, а тем более подвергать их допросу без согласия защиты и специального на то разрешения суда.

Представители советского обвинения обращались с просьбой к Трибуналу разрешить им допросить некоторых подсудимых после вручения им обвинительного акта. Защита, естественно, стала возражать, и Трибунал не дал разрешения. Вследствие этого остались вовсе недопрошенными обвинением подсудимые Умэдзу и Сигэмицу, которые были доставлены в тюрьму Сугамо лишь в день вручения всем подсудимым обвинительного акта.

Итак, в соответствии с англо-американским порядком судопроизводства, который был принят в Международном Военном Трибунале в Токио, обвинение не представляло в Трибунал до начала в нем судебного разбирательства уголовного дела на подсудимых. Это дело создавалось на самом судебном процессе.

До начала судебного разбирательства в Трибунал был предста-

влен обвинением лишь Обвинительный акт. Эта процедура состоялась на заседании Трибунала в судейской комнате 29 апреля 1946 г. и выглядела по стенограмме так:

«*Кинан:* У меня имеется оригинал обвинительного акта, подписанный Главным обвинителем и каждым из союзных обвинителей. Этот обвинительный акт я передал судье Делл (Делл — помощник секретаря суда. — *Прим. авт.*).

Председатель: Вы предлагаете приобщить его к делу?

Кинан: Он сейчас подается.

Председатель: Это — оригинал. Он будет зачитан, если этого потребуют подсудимые в день их опроса».

Вот таким образом Трибунал принял обвинительный акт. Какого-либо решения об этом он не вынес.

После этой короткой процедуры Председатель Трибунала Уэбб, обращаясь к Кинану, заявил:

«Мы предписываем Вам теперь же предъявить копии обвинительного акта и Устава каждому из обвиняемых» [1].

В тот же день комендант суда капитан Ван Митер вручил обвинительное заключение обвиняемым.

Как указывалось ранее, Трибунал в соответствии со статьей 13 Устава не должен быть связан техническими правилами представления доказательств, он допускает любые доказательства, которые, по его мнению, имеют доказательственную ценность. По этой статье Устава допускались следующие виды доказательств:

1. Любой документ, независимо от степени его секретности, без дополнительного исследования его источника или подписи, если Трибунал считает, что этот документ подписан или издан любым офицером, ведомством, организацией или членом вооруженных сил правительства.

2. Доклад, который, по мнению Трибунала, подписан или издан организацией Международного Красного Креста или членом этой организации, или врачом, или любым медицинским работником, или следователем, или офицером разведывательной службы, или любым другим лицом, которое, по мнению Трибунала, лично осведомлено относительно фактов, приведенных в докладе.

3. Письменное свидетельское показание, данное под присягой (affidavit), иные показания (deposition) или любое другое подписанное заявление.

4. Дневник, письмо или какой-либо другой документ, включая заявления, данные под присягой или без таковой, которые, по мнению Трибунала, содержат сведения, относящиеся к обвинению.

5. Копия документа или какие-либо другие производные доказательства его содержания, если оригинал не может быть представлен непосредственно.

Трибунал не требовал доказательства общеизвестных фактов, а

[1] Стенограмма Токийского процесса от 29 апреля 1946 г., с. 16—19.

также подлинности официальных правительственных документов и докладов любого государства, равно как судебных дел, протоколов и приговоров военных и других судов любого государства, входящего в состав Объединенных Наций.

Стенограммы судебных заседаний, принятые судом доказательства (exhibits) и документы, поступившие в Трибунал, передавались генеральному секретарю Трибунала и составляли часть судебного дела.

Процедура принятия Трибуналом документов в качестве доказательств была такова: например, обвинение представляет такой-то документ в качестве доказательства.

Защита возражает против принятия этого документа, мотивируя тем, что он не относится к делу.

Председатель, посмотрев на своих коллег справа и слева, говорит: «Мы полагаем, что этот документ может быть принят в качестве доказательства».

После этого секретарь суда ударяет молотком по столу и объявляет: «Данный документ принят как экзибит номер такой-то».

Были случаи, когда защита пыталась представить Трибуналу материалы, явно не относящиеся к рассматриваемому делу. Так, в доказательство того, что подсудимый Араки, находившийся несколько лет в России в качестве военного атташе, не был враждебно настроен против русского народа, защита просила принять выдержки из его книги, опубликованной в Японии, где он восхваляет русскую литературу, песни и танцы, русский самовар, тройку с бубенцами и пр.

Трибунал отклонил эти выдержки как не имеющие отношения к делу.

В действительности генерал Араки всю свою сознательную жизнь боролся против России, еще больше — против Советского Союза. До Октябрьской революции он был арестован в Иркутске за шпионскую деятельность против Российской империи.

На основании Устава (ст. 11) Трибунал имел право вызывать в суд свидетелей, требовать их присутствия на суде и дачи свидетельских показаний, а также допрашивать их; допрашивать каждого подсудимого и разрешать делать выводы по поводу отказа подсудимого отвечать на вопросы; приводить к присяге свидетелей или требовать от них заверений или иных обещаний показывать правду в соответствии с обычаями той страны, подданым которой является свидетель.

Подсудимому предоставлялось право непосредственно или через своего защитника (но только одним из этих путей) вести защиту, включая право допрашивать любого свидетеля, подчиняясь разумным ограничениям, которые Трибунал найдет нужным установить.

Замечание о «разумных ограничениях» имело практическое значение, так как адвокаты нередко задавали свидетелям такие вопросы, которые к существу дела не относились, а преследовали цель дискредитировать и даже оскорбить их. Например, при допросе бывшего императора Маньчжоу-го Генри Пу И, вызванного в Трибунал

в качестве свидетеля по просьбе советского обвинения, американский защитник добивался от него ответа на вопрос: какую он исповедует религию? И когда Пу И ответил, что он не исповедует никакой религии, защитник был доволен. Ему казалось, что он «доказал» перед судом, что бывший император Маньчжоу-го — «помазанник божий», побывав в Советском Союзе в качестве военнопленного, теперь стал безбожником и дает в суде показания в пользу советских коммунистов. Но американскому адвокату не удалось дискредитировать ценные показания Генри Пу И о планах военной агрессии японской милитаристской клики против Советского Союза. Его показания были приняты Трибуналом и использованы при написании приговора.

Американский защитник Блекни задал свидетелю обвинения американцу Готте такой вопрос: «Какое вознаграждение вы получаете за время вашего присутствия на этом процессе?»

После того как председатель отклонил этот вопрос, Блекни дал такое пояснение: «Из нашей практики в США мы знаем, что нет лучшего способа опорочить свидетеля, чем указать на его материальную заинтересованность» [1].

Все свидетели делились на свидетелей обвинения и свидетелей защиты.

Но были случаи, когда один и тот же свидетель на разных стадиях процесса выступал то на стороне обвинения, то на стороне защиты. Таким штатным свидетелем, как его называли, оказался японский генерал Танака Рюкичи, бывший командир артполка в период хасанских событий, вызванный в суд советским обвинением. Сначала он выступал в качестве свидетеля от обвинения в подтверждение агрессивных планов Японии против СССР, а потом выступал свидетелем от защиты для подтверждения «миролюбия» подсудимого Умэдзу, бывшего командующего Квантунской армией в Маньчжурии, по отношению к СССР.

Отметим, что перед дачей этих противоречивых показаний, Танага Рюкичи давал присягу и клялся в том, что он будет показывать на суде только правду. Его показания в отношении Умэдзу, не соответствовавшие действительности, очевидно, были вызваны стремлением смягчить судьбу Умэдзу, под командованием которого он служил в штабе Квантунской армии.

С учетом обычаев своей страны свидетели американцы, англичане, японцы приводились к присяге до того, как они давали свидетельские показания, а свидетели китайцы — по окончании допроса.

Советские граждане вместо религиозной присяги перед началом допроса произносили торжественное обещание давать правдивые показания и предупреждались об ответственности за дачу ложных

[1] Стенограмма Токийского процесса от 13 августа 1946 г., с. 3812—3813.

показаний по статье 95 действовавшего в то время Уголовного кодекса РСФСР.

Следуя англо-американской судебной процедуре, Трибунал допускал главный или прямой допрос свидетелей (examination in chief), который вела сторона, вызывавшая свидетеля в суд, и перекрестный допрос (cross examination), который проводился противной стороной. Кроме того, применялись повторный прямой допрос или передопрос (redirect examination) стороной, вызывавшей свидетеля в суд с целью уточнения неясных моментов, возникших во время перекрестного допроса, и повторный перекрестный допрос (recross examination) противной стороной в связи с показаниями о новых обстоятельствах, приведенных свидетелем во время повторного прямого допроса.

Главный допрос начинался с установления личности свидетеля, после чего допрашивающий задавал свидетелю вопросы по существу дела.

В связи с перекрестным допросом на Токийском процессе часто возникал вопрос о пределах этого вида допроса. Дело в том, что защита нередко явно выходила за пределы перекрестного допроса.

Так, американский адвокат Брукс при перекрестном допросе свидетеля Ти Шутака, являвшегося очевидцем издевательства японцев над китайскими женщинами, задал свидетелю такой вопрос: «Известна ли вам причина, почему этих женщин раздели?» Председатель отклонил этот вопрос, сказав, что причины здесь совершенно не важны.

Расширение пределов перекрестного допроса защитниками, естественно, затягивало допросы свидетелей. Некоторые из них находились на свидетельском месте в течение нескольких дней подряд.

В дальнейшем Трибунал по ходатайству обвинения решил использовать предусмотренное ст. 9 Устава «разумное ограничение» и вынес следующее постановление: «Трибунал решил, что впредь все перекрестные допросы будут ограничены главными темами, затронутыми при прямом допросе» [1].

Однако и после принятия этого решения защитники задавали во время перекрестных допросов вопросы, выходившие за пределы темы прямого допроса, чем затягивали допросы и, следовательно, судебный процесс в целом.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

Ранее указывалось, что Трибунал принял обвинительный акт на заседании в судейской комнате 29 апреля 1946 г., а на открытых заседаниях Трибунала 3 и 4 мая обвинительный акт (без приложений) был оглашен.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 25 июля 1946 г., с. 2515.

Составленный по англо-американскому образцу обвинительный акт на Токийском процессе состоит из трех частей: 1) вступительной части; 2) формулы обвинения; 3) описания обстоятельств преступления.

Вступительная часть изложена следующим образом:

«В Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока № 1 [1].

Соединенные Штаты Америки, Китайская Республика, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Союз Советских Социалистических Республик, Австралия, Канада, Французская Республика, Королевство Нидерландов, Новая Зеландия, Индия и Филиппины

против обвиняемых

Араки Садао, Доихара Кэндзи, Хасимото Кингоро, Хата Сюнроку, Хиранума Кинчиро, Хирота Коки, Хосино Наоки, Итагаки Сэйсиро, Кайя Окинори, Кидо Кончи, Кимура Хэйтаро, Койсо Куниаки, Мацуи Иванэ, Мацуока Иосукэ, Минами Дзиро, Муто Акира, Нагано Осаки, Ока Такацуми, Окава Сюмэй, Осима Хироси, Сато Кэнрио, Сигэмицу Мамору, Симада Сигэтаро, Сиратори Тосио, Судзуки Тэйити, Того Сигэнори, Тодзио Хидэки, Умэдзу Иосидзиро.

На протяжении многих лет, охватываемых настоящим обвинительным актом, внутренняя и внешняя политика Японии находилась под влиянием и руководством преступной милитаристской клики. Эта политика явилась причиной серьезных мировых потрясений, агрессивных войн и огромного ущерба как интересам миролюбивых народов, так и интересам самого японского народа.

Сознание японского народа систематически отравлялось вредными теориями так называемого расового превосходства японцев над народами Азии и даже всего мира. Существовавшие в Японии парламентские учреждения использовались как орудия для широко задуманной агрессии и была введена система, подобная той, которую установил Гитлер и нацистская партия в Германии и фашистская партия в Италии. Экономические и финансовые ресурсы Японии в значительной степени были мобилизованы для военных целей в ущерб благосостоянию японского народа.

Обвиняемые составили заговор, к которому присоединились правители других агрессивных стран, а именно, нацистской Герма-

[1] «№ 1» означает, что это первое дело, которое направляется на рассмотрение данного Трибунала. Имелось в виду, что за этим делом последуют другие.

Обвинительный акт содержится в отдельных документах на английском языке и в переводе на русском языке (33 стр. + 52 стр. приложений, а всего 85 стр.).

Обвинительный акт в изложении опубликован в книгах:

Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны. М., РИО ВЮА, 1949, с. 274—304.

М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблит. Указ. соч., с. 230—232.

Милитаристы на скамье подсудимых, с. 90—101.

нии и фашистской Италии. Основная цель этого заговора состояла в том, чтобы обеспечить господство агрессивных стран над остальным миром и эксплуатацию его этими странами и с этой целью совершать или поощрять преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, как это определено в Уставе Трибунала, ставя под угрозу, таким образом, и попирая основные принципы свободы и уважения человеческой личности.

При проведении и осуществлении этого плана обвиняемые, используя преимущества своей власти, официального положения и личный престиж и влияние, намеревались и действительно планировали, подготавливали, развязывали и вели агрессивные войны против Соединенных Штатов Америки, Китайской Республики, Британского Содружества Наций и Северной Ирландии, Союза Советских Социалистических Республик, Австралии, Канады, Французской Республики, Королевства Нидерландов, Новой Зеландии, Индии, Филиппин и других миролюбивых наций как в нарушение международного права, так и в нарушение священных договорных обязательств. Этим планом предусматривалось и осуществлялось нарушение признанных обычаев и правил ведения войны: путем убийства, нанесения увечья, глумления над военнопленными, интернированными гражданскими лицами и лицами, находящимися в плавании в открытых морях, лишение их пищи, крова, одежды, медицинской помощи и т. д., принуждение их работать в нечеловеческих условиях, подвергать издевательствам; эксплуатация в пользу Японии рабочей силы и экономических ресурсов побежденных наций, хищение общественной и частной собственности, бессмысленное разрушение городов и деревень, не оправдываемое военной необходимостью; совершение массовых убийств, насилий, грабежей, разбоя, пыток и других варварских жестокостей в отношении беспомощного гражданского населения захваченных стран; усиление влияния и контроля военных и военно-морских групп над чиновниками и учреждениями японского правительства; психологическая подготовка общественного мнения Японии к агрессивным методам ведения войны путем организации так называемых обществ содействия, проведения националистической политики экспансии, распространения военной пропаганды и осуществления строжайшего контроля над прессой и радио; создание «марионеточных» правительств в побежденных странах; заключение военных союзов с Германией и Италией, чтобы при помощи военной силы содействовать программе экспансии Японии.

Поэтому вышеназванные нации через своих нижеподписавшихся представителей, уполномоченных надлежащим образом представлять соответственно свои правительства в расследовании выдвинутых против главных военных преступников обвинений и предании суду, согласно Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г. и Акта о капитуляции от 2 сентября 1945 г. и Устава Трибунала, настоящим считают виновными всех вышеуказанных лиц в преступлениях против мира, военных преступлениях, преступлениях против чело-

вечности и в создании общих планов или заговоров для совершения этих преступлений. Все вышеупомянутые лица, как это определяется Уставом Трибунала, соответственно называются обвиняемыми в данном деле, и их имена последовательно появляются в пунктах обвинения, сформулированных ниже».

Хотя Обвинительный акт составлялся по англо-американскому образцу, тем не менее вступительная часть к нему оказалась необычной, она вышла за пределы правил составления Обвинительного акта в судах США и Англии. Это объясняется особым характером и значением Токийского процесса как международного процесса и широким, глобальным составом преступлений, совершенных главными японскими военными преступниками.

Такое обстоятельное вступление в Обвинительный акт было сделано по предложению советского обвинения. По его же инициативе во вступлении было использовано понятие «преступная клика», какового нет в Уставе Трибунала.

После вступительной части, в которой дана общая характеристика дела, далее в обвинительном акте следует вторая часть — перечень пунктов, излагающих формулировку обвинения, предъявляемого всем и каждому обвиняемому в отдельности.

Всего в этой части Обвинительного заключения содержится пятьдесят пять пунктов, объединенных в три группы.

Группа первая: преступления против мира (1—36 пункты);

Группа вторая: убийства (37—52 пункты);

Группа третья: преступления против обычаев войны и преступления против человечности (53—55 пункты).

Попутно отметим, что Обвинительный акт по делу главных немецких военных преступников состоял из четырех разделов.

Раздел I — Общий план или заговор;

Раздел II — Преступления против мира;

Раздел III — Военные преступления;

Раздел IV — Преступления против человечности.

Следовательно, в обвинительном акте на Токийском процессе не было самостоятельного раздела об общем плане или заговоре, хотя в Уставе Трибунала говорилось об «участии в совместном плане или заговоре» как о преступлении, входившем в состав «Преступлений против мира». Вместе с тем в Обвинительный акт была включена самостоятельная группа пунктов об убийствах, хотя этот вид преступления по Уставу рассматривался как разновидность военных преступлений и преступлений против человечности.

Теперь остановимся на содержании трех групп пунктов обвинительного акта на Токийском процессе.

В группе первой содержатся пункты обвинения в преступлениях против мира, за которые все обвиняемые и каждый из них в отдельности несут ответственность в соответствии со статьей 5-й и, особенно ее пунктами «а» и «б», Устава Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока, а также по международному праву.

В *пункте 1* указывается, что все обвиняемые совместно с различными другими лицами между 1 января 1928 г. и 2 сентября 1945 г. участвовали как руководители, организаторы, подстрекатели и сообщники в выработке и выполнении общего плана или заговора и ответственны за все действия, совершенные ими самими или любым лицом при выполнении подобного плана.

Целью этого плана или заговора являлось обеспечение Японией своего военного, морского, политического и экономического господства в Восточной Азии, Тихом и Индийском океанах и во всех странах и на островах этих районов, а также в районах, граничащих с ними, и с этой целью Япония должна была одна или совместно с другими странами, имеющими подобные цели, или которых можно было вовлечь или принудить присоединиться к ней, вести объявленную или необъявленную войну или агрессивные войны, или войны в нарушение международного права, договоров, соглашений и заверений против любой страны или стран, которые могли бы противодействовать этой цели.

Как видно из пункта 1, обвинительный акт охватывает период времени с 1928 года по 2 сентября 1945 г. Вторая дата понятна — это дата подписания Акта о капитуляции Японии. Первая дата нуждается в пояснении.

Известно, что агрессивные устремления японского империализма проявлялись давно. Так, японские милитаристы по согласованию с правительствами Англии и США в 1918 году начали интервенцию против Советской России на Дальнем Востоке, которая продолжалась до 1922 года. Японскими войсками были заняты Приморье, Восточная Сибирь, Северный Сахалин. Ими были совершены на советской территории массовые убийства и истязания местных граждан, разрушены многие города и села. Японские садисты сжигали живых людей на кострах и в топках паровозов. Советское обвинение на Токийском процессе располагало доказательствами этих тяжких преступлений и могло предъявить обвинение некоторым подсудимым, в частности Араки, который непосредственно участвовал в интервенции и совершал преступления на советской территории.

Однако главный обвинитель, американец Кинан, ссылаясь на давность, настоял на том, чтобы рамки обвинения были сужены и ограничены периодом 1928—1945 гг. Подлинная же причина заключалась в том, что американцы боялись заниматься исследованием материалов, касающихся интервенции против Советской России на Дальнем Востоке, поскольку эти материалы могли бы разоблачить США, участвовавшие в интервенции.

В 1928 году известный японский разведчик и специалист по Китаю Доихара совместно с другими офицерами организовал убийство китайского маршала Джан Цзолиня, устроив взрыв вагона, в котором тот ехал из Пекина, на участке железной дороги в пригороде Мукдена. Это известное событие явилось сигналом к подготовке

японскими милитаристами экспансии в Северный Китай и захвату Маньчжурии.

В *пункте 2* как раз и говорится, что целью плана, или заговора, в котором участвовали все обвиняемые, являлось обеспечение господства Японии в провинциях Лиаонин, Гирин, Хэйлунцзян и Жехэ (часть Китайской Республики), непосредственно или при помощи установления подконтрольного Японии государства. Для этой цели Японии нужно было вести объявленные и необъявленные агрессивные войны или войны против Китайской Республики, нарушающие международное право, договоры, соглашения и обязательства.

В *пункте 3* отмечается, что целью заговора являлось обеспечение военного, морского, политического и экономического господства Японии в Китайской Республике, т. е. во всей стране.

Пункт 4 содержит формулировку обвинения в заговоре, направленном на установление военного, морского, политического и экономического господства Японии в Восточной Азии, Тихом и Индийском океанах и всех странах и островах этих районов или граничащих с ними, и ведение с этой целью агрессивных войн, нарушающих международное право, договоры, соглашения и обязательства, против Соединенных Штатов Америки, Британского Содружества Наций (включавшего в себя Англию, Ирландию, Австралию, Канаду, Новую Зеландию, Южную Африку, Индию, Бирму, Малайзию и все другие части Британской империи, не представленные отдельно в Лиге наций), Французской Республики, Королевства Нидерландов, Китайской Республики, Португальской Республики, Королевства Таи, Филиппин и Союза Советских Социалистических Республик или любого из этих государств, которое воспротивилось бы захватническим планам Японии.

В *пункте 5* дается формулировка обвинения Японии в совместном заговоре с Германией и Италией, направленном на «обеспечение... военного, морского, политического и экономического господства во всем мире» с тем, чтобы каждая из этих стран «имела особое господство в своей собственной сфере». Сфера Японии должна была охватывать Восточную Азию, Тихий и Индийский океаны и все страны, входящие в эти районы. Для осуществления этой цели Япония, Германия и Италия должны были «активно содействовать друг другу в ведении объявленных и необъявленных агрессивных войн или войны и войн, нарушающих международное право, договоры, соглашения и обязательства против любых стран, которые могли бы противодействовать этой цели и в особенности против Соединенных Штатов Америки, Британского Содружества Наций, Французской Республики, Королевства Нидерландов, Китайской Республики, Португальской Республики, Королевства Таи, Филиппин и Союза Советских Социалистических Республик».

По первым пяти пунктам обвинение предъявлялось всем обвиняемым.

В следующих 12-ти обвинительных пунктах (6—17) формули-

руется обвинение против всех обвиняемых в планировании и подготовке агрессивных войн против Китая (п. 6), Соединенных Штатов Америки (п. 7), Великобритании (п. 8), Австралии (п. 9), Новой Зеландии (п. 10), Канады (п. 11), Индии (п. 12), Филиппин (п. 13), Нидерландов (п. 14), Франции (п. 15), Сиама (Таиланда, п. 16), Советского Союза (п. 17).

Затем следует несколько пунктов, в которых сформулировано обвинение против отдельных обвиняемых (Араки, Доихара, Тодзио и других) в развязывании агрессивных войн против Китая 18 сентября 1931 г. и 7 июля 1937 г. (пп. 18, 19), США — 7 декабря 1941 г. (п. 20), Филиппин — 7 декабря 1941 г. (п. 21), Великобритании — 7 декабря 1941 г. (п. 22), Франции — 22 сентября 1940 г. (п. 23), Сиама — 7 декабря 1941 г. (п. 24).

25 и 26 пункты обвинения касаются агрессивных войн против Советского Союза. Приведем тексты этих пунктов.

«*Пункт 25*. Обвиняемые Араки, Доихара, Хата, Хиранума, Хирота, Хосино, Итагаки, Кидо, Мацуока, Мацуи, Сигэмицу, Судзуки и Того в течение июля и августа 1938 года развязали агрессивную войну, войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства, напав на Союз Советских Социалистических Республик в районе озера Хасан.

Пункт 26. Обвиняемые Араки, Доихара, Хата, Хиранума, Итагаки, Кидо, Койсо, Мацуи, Мацуока, Муто, Судзуки, Того, Тодзио и Умэдзу в течение лета 1939 года развязали агрессивную войну, войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства, напав на территорию Монгольской Народной Республики в районе р. Халхин-Гол».

В *последующих пунктах (27—36)* излагается обвинение в отношении всех обвиняемых или некоторых из них в ведении агрессивных войн, нарушающих международное право, договоры, соглашения и обязательства, против Китая (пп. 27—28), США (п. 29), Филиппин (п. 30), Великобритании (п. 31), Нидерландов (п. 32), Франции (п. 33), Таиланда (п. 34).

В *пункте 35* говорится: «Те же обвиняемые, что и в пункте 25, в течение лета 1938 года вели против Союза Советских Социалистических Республик агрессивную войну, войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства».

В *пункте 36* указывается: «Те же обвиняемые, что и в пункте 26, в течение лета 1939 года вели против Монгольской Народной Республики и Союза Советских Социалистических Республик агрессивную войну, войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства».

Таково содержание пунктов обвинения по первой группе «Преступления против мира».

Теперь остановимся на второй группе преступлений — «Убийства». Пункты этой группы касаются обвинения в убийстве, заговоре и покушении на убийство, являющихся действиями, за которые названные обвиняемые и каждый из них в отдельности несут пер-

сональную ответственность; эти действия являются одновременно преступлениями против мира, преступлениями против законов ведения войны и преступлениями против человечности, в нарушение всех параграфов статьи 5 Устава Трибунала, международного права и внутренних законов всех или одной и более стран, где эти преступления совершались (включая Японию).

Приведем содержание *пункта 37*.

«Обвиняемые Доихара, Хиранума, Хирота, Хосино, Кайя, Кидо, Кимура, Муто, Нагано, Ока, Осима, Сато, Симада, Судзуки, Того и Тодзио вместе с различными другими лицами между 1 июня 1940 г. и 8 декабря 1941 г. участвовали как руководители, организаторы, подстрекатели или соучастники в составлении или выполнении общего плана или заговора и ответственны за все действия, совершенные ими самими или другими лицами в порядке выполнения подобного плана.

Целью подобного плана, или заговора, явилось беззаконное убийство перечисленных ниже лиц (см. п. 44. — *Прим. авт.*) путем открытия незаконных военных действий против Соединенных Штатов Америки, Филиппин, Британского Содружества Наций, Королевства Нидерландов и Королевства Таи и путем незаконных приказов, побуждения и разрешения вооруженным силам Японии напасть на территорию, суда и самолеты перечисленных стран или некоторых из них, в то время, когда Япония находилась с ними в состоянии мира.

Замышлялось убийство всех лиц: как военнослужащих, так и гражданского населения, которые могли оказаться в районах, на которые в это время были совершены нападения.

Упомянутые военные действия, или нападения, являлись незаконными, так как нарушали статью 5 договора [1], указанного в приложении «В», и как обвиняемые, так и вооруженные силы Японии не могли поэтому иметь прав законно воюющих сторон.

Все обвиняемые и каждый из них в отдельности замышляли развязывание подобных военных действий, нарушая эту договорную статью или не считаясь с тем, будет ли эта договорная статья нарушена или нет».

В *пункте 38* сформулировано обвинение тех же лиц в заговоре, направленном на совершение убийств военнослужащих и гражданского населения путем развязывания незаконных военных действий против тех же стран в нарушение договорных статей 6, 7, 19, 33, 36, приведенных в приложении «В».

В *пункте 39* говорится: «Те же обвиняемые, что и в пункте 38, при обстоятельствах, изложенных в пунктах 37 и 38 данного доку-

[1] Имеется в виду статья 1 Гаагской конвенции № 3 относительно открытия военных действий, подписанной 18 октября 1907 г. В ней говорится, что военные действия между государствами не должны начинаться без предварительного и ясного предупреждения в форме обоснованного заявления или ультиматума.

мента, приказывая, давая повод и разрешая вооруженным силам Японии напасть на территорию, суда и самолеты Соединенных Штатов Америки, с которыми Япония находилась в состоянии мира, в Пёрл-Харборе, на Гавайях 7 декабря 1941 г. около 7 час. 55 мин. (по Пёрл-Харборскому времени) незаконно убили адмирала Кида и около 400 человек других представителей морских и сухопутных сил США и некоторых гражданских лиц, имена и численность которых в настоящее время неизвестны».

В последующих пунктах сформулировано обвинение тех же обвиняемых, что и в п. 38, в убийстве военнослужащих и гражданских лиц при нападении вооруженных сил Японии на территории, суда и самолеты Великобритании в Кота Бару, Келантан 8 декабря 1941 г. (п. 40), в Гонконге (п. 41), на корабль «Петраль» в Шанхае в тот же день (п. 42), Филиппин в Дава 8 декабря 1941 г. (п. 43).

В *пункте 44* поясняется, что все обвиняемые совместно с другими лицами между 18 сентября 1931 г. и 2 сентября 1945 г. участвовали в заговоре, целью которого было осуществление и допущение убийств в широком масштабе следующих категорий лиц: военнопленных, представителей вооруженных сил стран, противостоящих Японии и сложивших оружие, и гражданского населения этих стран, оказавшегося под властью Японии на суше или на море, на территориях, оккупированных Японией, а также команд судов, потопленных японскими вооруженными силами в безжалостной погоне за победой в беззаконных войнах, в которых Япония участвовала и могла участвовать в упомянутый выше период.

В *пунктах 45—50* сформулированы обвинения против обвиняемых Араки, Хасимото, Хата, Хиранума, Хирота, Итагаки, Кайя, Кидо, Койсо, Мацуи, Муто, Сато, Сигэмицу, Судзуки, Тодзио, Умэдзу в том, что они явились организаторами нападения вооруженных сил Японии на китайские города Нанкин (12 декабря 1939 г.), Кантон (21 октября 1938 г.), Ханькоу (27 октября 1938 г.), Чанша (18 июня 1944 г.), Хэньян (8 августа 1944 г.), Гуйлинь и Люйчжоу (10 ноября 1944 г.), в результате чего были убиты многие тысячи лиц гражданского населения и разоруженных солдат Китайской Республики.

Пункты 51 и 52 посвящены преступлениям, совершенным японской военщиной на территории Советского Союза и Монголии. В них говорится следующее.

«Пункт 51. Обвиняемые Араки, Доихара, Хата, Хиранума, Итагаки, Кидо, Койсо, Мацуи, Мацуока, Муто, Судзуки, Того, Тодзио и Умэдзу посредством приказов, попустительства и разрешения вооруженным силам Японии напасть на территорию Монголии и Союза Советских Социалистических Республик, с которыми Япония находилась в состоянии мира, в районе реки Халхин-Гол летом 1939 года незаконно убили некоторое количество военнослужащих вооруженных сил Монголии и Союза Советских Социалистических Республик, имена и численность которых в настоящее время неизвестны».

«Пункт 52. Обвиняемые Араки, Доихара, Хата, Хиранума, Хирота, Хосино, Итагаки, Кидо, Мацуока, Мацуи, Сигэмицу, Судзуки и Тодзио посредством приказов, попустительства и разрешения вооруженным силам Японии напасть на территорию Союза Советских Социалистических Республик, с которым Япония находилась в состоянии мира, в районе озера Хасан в июле и августе 1938 года незаконно убили некоторое число военнослужащих Вооруженных Сил Союза Советских Социалистических Республик, имена и численность которых в настоящее время неизвестны».

В этом суть содержания пунктов обвинения по второй группе преступлений — «Убийства».

Рассмотрим теперь третью группу преступлений — «Преступления против обычаев войны и преступления против человечности».

К ней относятся *пункты 53, 54, 55,* в которых содержатся обвинения в преступлениях против обычаев войны и преступлениях против человечности, являющихся актами, за которые названные лица и каждый из них в отдельности несут ответственность согласно статье 5 (особенно пп. «В» и «С») Устава Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока и согласно международному праву или одному из них.

Обвиняемым Араки, Доихара, Хасимото, Хата, Хиранума, Хирота, Хосино, Итагаки, Кайя, Кидо, Кимура, Койсо, Мацуи, Мацуока, Минами, Муто, Нагано, Ока, Осима, Сато, Сигэмицу, Симада, Судзуки, Того, Тодзио и Умэдзу вменяется в вину то, что они совместно с различными другими лицами между 7 декабря 1941 г. и 2 сентября 1945 г., а в отношении Китая — с 18 сентября 1931 г. участвовали в качестве лидеров, организаторов, подстрекателей или сообщников в формулировании или выполнении общего плана или заговора и являются ответственными за все действия, совершенные ими или любым лицом при выполнении такого плана.

Целью подобного плана, или заговора, было приказать, уполномочить и разрешить главнокомандующим некоторых морских и сухопутных сил на каждом из нескольких театров военных действий, на которых Япония была занята, и чиновникам военного министерства Японии, и лицам, ведающим каждым из лагерей и рабочими командами из военнопленных и интернированных лиц на территории Японии или территории, занятой ею, и военной и гражданской полиции Японии, и соответственно подчиненным им лицам совершать частые и привычные нарушения законов и обычаев войны в том виде, в каком они выражены и подтверждаются конвенциями, обязательствами и практикой, на которые делается ссылка в приложении «D», против вооруженных сил стран, названных здесь в дальнейшем, и против тысяч военнопленных и гражданских лиц, находившихся в то время во власти Японии, — граждан Соединенных Штатов Америки, Британского Содружества Наций, Французской Республики, Королевства Нидерландов, Филиппин, Китайской Республики и Союза Советских Социалистических Республик; согласно упомянутым конвенциям и обязательствам и законам и обы-

чаям войны, правительству Японии следовало бы воздержаться от принятия соответствующих шагов, чтобы обеспечить соблюдение и предупредить нарушение их.

55-й пункт является последним в обвинительном акте. Обвинительный акт завершался словами: «На основании изложенного, настоящий обвинительный акт подается в Трибунал, а выдвинутые в нем обвинения против вышепоименованных обвиняемых представляются на рассмотрение Трибунала».

Обвинительный акт подписали действующие по уполномочию своих стран, участвовавших в создании Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока:

Д. Кинан, главный обвинитель, от имени Соединенных Штатов Америки;

Ч. Сянг, помощник обвинителя, от имени Китайской Республики;

А. Коминс-Карр, помощник обвинителя, от имени Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии;

С. А. Голунский, помощник обвинителя, от имени Союза Советских Социалистических Республик;

Д. Мэнсфильд, помощник обвинителя, от имени Австралии;

Г. Нолан, помощник обвинителя, от имени Канады;

Р. Онето, помощник обвинителя, от имени Французской Республики;

В. Бергергоф-Мульдер, помощник обвинителя, от имени Королевства Нидерландов;

Г. Квильям, помощник обвинителя, от имени Новой Зеландии;

За Г. Менона А. Коминс-Карр, помощник обвинителя, от имени Индии;

П. Лопец, помощник обвинителя, от имени Филиппин.

К обвинительному акту было приобщено пять приложений: «А», «В», «С», «D», «Е», которые составили третью часть обвинительного акта — описания обстоятельств преступления.

Рассмотрим эти приложения.

Приложение А. «Суммированные подробности, показывающие основные вопросы и события, на которые обвинение будет ссылаться в поддержку отдельных пунктов первой группы обвинительного акта».

Это приложение имеет 10 разделов:

1. Военная агрессия в Маньчжурии. 2. Военная агрессия в остальной части Китая. 3. Экономическая агрессия в Китае и «Великой Восточной Азии». 4. Методы разложения и насилия в Китае и на других оккупированных территориях. 5. Общие приготовления к войне. 6. Организация японской политики и подготовка общественного мнения к войне. 7. Сотрудничество Японии, Германии и Италии. Агрессия против Французского Индокитая и Таиланда. 8. Агрессия против Советского Союза. 9. Япония, Соединенные Штаты Америки, Филиппинская Республика и Британское

Содружество Наций. 10. Япония, Королевство Нидерландов и Португалия.

Из названий этих разделов можно понять их содержание.

Здесь воспроизведем лишь раздел, касающийся СССР.

«Раздел VIII. Агрессия против Советского Союза.

На протяжении многих лет Япония непрерывно подготовляла войну и осуществляла акты агрессии против Советского Союза. Потерпев в период с 1918 по 1922 год неудачу в своих попытках захвата Дальнего Востока, Япония не оставляла мысли о захвате советских областей, расположенных к востоку от озера Байкал. Начиная с 1928 года генеральный штаб Японии планировал агрессивную войну против СССР, выжидая лишь удобного случая для развязывания этой войны.

Важным шагом в подготовке агрессивной войны против СССР является захват в 1931 году Маньчжурии, которая, так же как и Корея, в течение ряда лет была превращена в плацдарм для нападения на СССР. Построенные после 1931 года железные и шоссейные дороги в Маньчжурии имели стратегическое значение и вели к границам СССР. Была увеличена численность Квантунской армии с 2 дивизий в 1931 году до 15 дивизий в 1941 году. Было построено большое число новых аэродромов, укрепленных районов, складов, казарм, морских и речных портов, предназначенных для агрессивной войны против СССР. Усиленно развивалась военная промышленность Маньчжурии. Пограничные с СССР районы колонизировались японскими резервистами, что имело целью усилить Квантунскую армию в момент мобилизации. Усиленно велась направленная против Советского Союза пропаганда в печати и по радио. Япония широко поддерживала и организовывала на территории Маньчжурии враждебные Советскому Союзу элементы из числа русских эмигрантов, готовя их для диверсионных действий против СССР.

Япония систематически создавала вооруженные столкновения на границе и организовывала акты саботажа, диверсии и террора на КВЖД.

В 1932 году Япония дважды отклоняла предложения СССР о заключении пакта о ненападении.

В 1938 году Япония, не объявляя войны, совершила нападение на территорию Советского Союза у озера Хасан.

В 1939 году Япония, также не объявляя войны, напала на территорию союзной СССР Монгольской Народной Республики у реки Халхин-Гол, завязав бои с армией МНР и союзной ей Красной Армией. В обоих этих случаях Япония преследовала цели разведки боем сил Красной Армии и захвата стратегических позиций для будущей войны против СССР. Получив оба раза отпор и понеся большие потери, Япония тем не менее не прекращала подготовки к внезапному нападению на СССР.

Готовясь к войне против Советского Союза, Япония в течение ряда лет договаривалась о совместном осуществлении агрессии с гитлеровской Германией и фашистской Италией. Основными этапа-

ми в этом сговоре агрессоров было заключение в 1936 году так называемого антикоминтерновского пакта и подписание в 1940 году тройственного договора Японии с Германией и Италией, которые имели в виду совместные агрессивные действия этих стран против демократических держав, в том числе и против СССР. В марте 1941 года, будучи в Берлине в целях сговора с Гитлером о совместной агрессии против демократических стран, обвиняемый Мацуока был информирован германским правительством о том, что Германия готовится к войне против СССР. Заключив вслед за этим от имени Японии 13 апреля 1941 г. пакт о нейтралитете, Мацуока уже в начале июля того же года после вероломного нападения Германии на СССР официально заявил советскому послу в Токио о том, что основой внешней политики Японии является союз с Германией и что если Германия обратится к Японии с просьбой о помощи, то пакт о нейтралитете с СССР не явится для Японии препятствием к ее выступлению на стороне Германии. В соответствии с этим правящая милитаристская клика Японии на всем протяжении войны между Германией и СССР открыто проявляла свою враждебность по отношению к Советскому Союзу, держала отборную армию на советских границах, являлась организатором широкой пропаганды против Советского Союза. Япония активно помогала гитлеровской Германии, снабжая ее военной информацией о СССР, организуя пиратские нападения на советские торговые суда и парализуя советское торговое судоходство на Дальнем Востоке путем закрытия проливов, установления запретных зон и особых ограниченных фарватеров.

В целях оказания помощи Германии Япония летом 1941 года после нападения Германии на СССР увеличила вдвое состав своей армии в Маньчжурии, доведя впоследствии ее численность до миллиона человек, чем заставила Советский Союз содержать на Дальнем Востоке значительные вооруженные силы вместо того, чтобы использовать их в войне против Германии.

Тогда же, летом 1941 года, Япония разработала новый план внезапного нападения на СССР и содержала Квантунскую армию в полной готовности к такому нападению. Последнему помешал отнюдь не пакт о нейтралитете, с которым, как видно из вышеуказанного, Япония не считалась, а успехи Вооруженных Сил СССР в войне против Германии».

Таково содержание раздела об агрессии Японии против Советского Союза.

Приложение «В» содержит список международных договоров, конвенций и соглашений, нарушенных Японией и включенных в первую и вторую группы преступлений.

В нем, в частности, приводятся: Портсмутский договор между Россией и Японией, подписанный 5 сентября 1905 г., в котором предусматривались запрещение строить укрепления на русско-корейской границе и на Сахалине, вывод войск из Маньчжурии, эксплуатация железнодорожного транспорта исключительно в мирных

целях, запрещение препятствовать свободному судоходству в проливе Лаперуза и в Татарском проливе; Конвенция о мирном урегулировании международных споров, подписанная в Гааге 18 октября 1907 г.; Пакт Бриана-Келлога, подписанный 27 августа 1928 г. в Париже; Пекинская конвенция, заключенная СССР и Японией 20 января 1925 г., по которой Япония обязалась не допускать существования на ее территории организаций и групп, враждебных Советскому Союзу; Пакт о нейтралитете, заключенный между СССР и Японией 13 апреля 1941 г. в Москве.

Приложение «С» содержит перечень официальных заверений, нарушенных Японией и включенных в первую группу преступлений.

В нем, в частности, приводятся заверения Японии от 25 сентября 1931 г. о том, что она не имеет территориальных претензий в Маньчжурии, и от 8 июля 1941 г., что она не намеревается воевать с Советским Союзом.

*Приложение «*D» перечисляет совершенные Японией нарушения законов и обычаев войны и описывает сущность каждого нарушения. Приводятся, в частности, нарушенные Японией статьи IV Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г. о законах и обычаях войны на суше и Женевской конвенции от 27 июля 1929 г. об обращении с военнопленными.

Приложение «Е» озаглавлено: «Установление индивидуальной ответственности за преступления, предъявленные в обвинительном акте».

В целях конкретизации персональной ответственности каждого из обвиняемых в этом документе приводится список с данными, характеризующими служебное положение обвиняемых, которые они занимали с 1920 года по 2 сентября 1945 г.

Каждому из обвиняемых, говорится в документе, ставится в вину то, что он использовал власть и престижность положения, которое он занимал, а также и свое личное влияние для того, чтобы способствовать и проводить агрессивные действия, изложенные в каждом пункте обвинительного акта, в котором имя обвиняемого упоминается.

В документе также указывается, на каких конференциях и правительственных заседаниях, проходивших в 1941 году, участвовал каждый из обвиняемых.

Надо сказать, что подготовленные обвинением список обвиняемых с указанием их должностного положения в период с 1928 по 1945 год и список важнейших конференций и заседаний в 1941 году с указанием, кто из обвиняемых в них участвовал, являлись полезными документами, так как они давали возможность наглядно видеть роль и ответственность каждого обвиняемого в отношении всех тех преступлений, которые были совершены японской милитаристской кликой в обозначенный исторический период.

Защита заявила ряд ходатайств по поводу этих «подробностей», требуя от обвинения конкретизации, какие именно преступные

факты приписываются в этих документах каждому из обвиняемых. Однако Трибунал отклонил все эти ходатайства как неосновательные.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

3 мая 1946 г. в Токио открылось первое судебное заседание Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока. Это явилось для японцев настоящей сенсацией. Народ, испытавший на себе горькую тяжесть войны, развязанной его преступными лидерами, с глубоким волнением ждал этого судебного процесса. Многие японцы сознавали тяжесть и горечь происшедшей национальной трагедии и осуждали своих бывших руководителей, которые привели народ Страны восходящего солнца к трагедии. Но было немало и таких, которые сочувственно относились к бывшим лидерам, посаженным на скамью подсудимых в Международном Военном Трибунале.

Во всяком случае, все японцы проявляли огромный интерес к судебному процессу в Токио и старались попасть в зал заседаний Трибунала. Японских граждан пропускали в зал суда по специальным пропускам и тщательно обыскивали. Для них, как отмечалось, была отведена часть галереи справа от судейского стола.

В ложе почетных гостей находились представители союзных держав, в том числе член Союзного Совета для Японии генерал-лейтенант К. Н. Деревянко. Здесь же были сотрудники советской делегации, непосредственно не занятые на процессе.

Обвинители, защитники, судебные секретари, переводчики, протоколисты и стенографы заняли свои рабочие места.

Партер был заполнен журналистами и фотокорреспондентами, в галерее сидела публика, в основном американцы и японцы.

В сравнительно небольшом зале собралось около тысячи человек. Все ждали появления подсудимых. Наступила напряженная тишина. И вот, в 11 час. 15 мин. американская военная полиция начала вводить в зал подсудимых. Они по одному прошли через открытую дверку барьера к скамье подсудимых, расположенной в два ряда, и заняли места, на которых они будут сидеть до конца процесса. В этот миг дружно вспыхнули юпитеры, защелкали кино- и фотоаппараты двухсот корреспондентов. В первом ряду, в центре, сел Тодзио — японский военный преступник номер один, вокруг него сгруппировались сообщники. Сидят они молча, понуро опустив головы, глядя перед собой. Иногда кто-то поднимает голову и обводит взглядом зал, задерживаясь на той части галереи, где находятся японцы: ведь среди них могут быть родственники и знакомые. Жена Мацуоки, например, приходила на процесс каждый день и, не спуская глаз, смотрела на своего мужа. И так продолжалось до того дня, как он умер и был исключен из списка подсудимых.

Напряжение в зале нарастает: ждут появления судей.

В 11 час. 20 мин. комендант суда, высокий и стройный капитан Ван-Митер громко и отчетливо произносит: «Встать! Суд идет!»

Судьи входили в зал по одному, шли стройной цепочкой. Все были одеты в черные судейские мантии, за исключением советского судьи Зарянова, который был в своей национальной генеральской форме. Медленно и важно судьи подошли к судейскому столу, несколько секунд постояли и все одновременно сели в свои кресла.

В этот момент вновь вспыхнули юпитеры и заработали кино- и фотоаппараты. Затем наступила тишина.

В 11 час. 22 мин. комендант суда торжественно объявил: «Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока приступает к слушанию дела».

Так начался Токийский судебный процесс над главными японскими военными преступниками.

Председатель Трибунала Уэбб произнес краткую вступительную речь. Он сказал:

«Перед тем как сегодня собраться здесь, члены Трибунала дали подписку творить правосудие, согласно закону, без страха, пристрастия и благожелательства.

Мы полностью сознаем ту большую ответственность, которая падает на нас; во всей истории не было более важного уголовного процесса. Конечно, мы не сенат или палата лордов, которые собрались для обвинения какого-нибудь Верес или Хейстинга, а суд обыкновенных людей, соответственно избранных из состава верховных судов своих стран.

С другой стороны, обвиняемые, представшие перед нами, не были простыми правителями провинций, а в течение более чем 10 лет являлись лидерами Японии, в зените ее могущества и процветания. Это бывшие премьер-министры, министры иностранных дел, министры финансов, начальники штабов и другие, занимавшие высшие правительственные посты в Японии.

Инкриминируемые им преступления являются преступлениями против мира во всем мире, против законов войны, против человечности, включая и заговор для совершения этих преступлений. Число их столь велико и масштаб их столь широк, что было решено: военный Трибунал международного характера — наиболее подходящий суд, Трибунал, составленный из представителей союзных держав, одержавших победу над Японией.

Высокое положение обвиняемых не дает им права на большее внимание, чем было бы предоставлено самому скромному рядовому японцу или охраннику — корейцу.

Но число и состав тех преступлений, в которых они обвиняются, дает им право надеяться, что Трибунал самым внимательным образом и тщательно отнесется к доказательствам, которые будут предъявлены, а также к применению закона.

Мы приступаем к нашей задаче совершенно не предубежденными как в отношении фактов, так и законов.

На обвинение падет все бремя доказательства вины.

Устав, по которому был учрежден Трибунал, предписывает справедливый и быстрый суд.

Мы будем вести наше заседание с наибольшей быстротой, не нарушающей справедливости в отношении обвиняемых. Но необходимость вести заседание на двух языках делает неизбежной затяжку процесса» [1]...

После этой речи главный обвинитель Кинан обратился к Трибуналу с просьбой зачитать обвинительный акт и опросить обвиняемых или их защитников — отказываются они или нет от зачтения этого официального документа. Отказа не последовало, и комендант суда по указанию председателя Трибунала приступил к чтению обвинительного акта на английском языке. Одновременно акт зачитывался на японском языке официальным переводчиком.

После оглашения обвинительного акта — это уже было 6 мая — председатель Трибунала обратился к каждому подсудимому с вопросом: «Признаете ли Вы себя виновным или нет?»

На этот вопрос подсудимые отвечали: «Я не признаю себя виновным», «Я не виновен», «Не виновен», «Я не виновен по всем пунктам обвинения»...

В общем, все подсудимые заявили, что они не признают себя виновными.

Защита, представленная американскими и японскими адвокатами, уже в начале судебного процесса пошла в открытую, лобовую атаку против обвинения и Трибунала.

В первый же день заседания Трибунала она заявила несколько возражений по поводу неправильного перевода английского текста обвинительного акта на японский язык, хотя необходимые исправления и уточнения могли бы быть сделаны в рабочем порядке через монитора.

На третьем заседании 6 мая защита заявила отвод самому председателю Трибунала Уэббу по той причине, что он лично производил расследование о японских зверствах в Новой Гвинее, составил об этом подробный доклад австралийскому правительству и потому-де он не может обеспечить беспристрастный суд в данном Трибунале.

Через несколько дней защита заявила отвод представителю Филиппин — судье Джаранилле, мотивируя это тем, что он, будучи участником тихоокеанской войны в 1942 году в качестве военнопленного, совершал известный «Батаанский марш смерти» на Филиппинах и потому, дескать, он не может быть беспристрастным судьей по делу главных японских военных преступников.

Трибунал, рассмотрев ходатайство об отводе председателя Уэбба в его отсутствие, принял такое решение: «Члены Трибунала считают, что никакой отвод членов Трибунала не может быть сделан.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 3 мая 1946 г., с. 22—23.

Статья 2 Устава предписывает, что Трибунал должен состоять из членов, назначенных верховным командующим; поскольку это так, Трибунал не правомочен исключать из состава кого-либо, назначенного Верховным командующим»[1].

Этим решением отклонялось и ходатайство защиты об отводе члена Трибунала от Филиппин — Джараниллы.

Затем защита пошла в наступление против юрисдикции Трибунала, то есть его права судить данных лиц, и против обвинительного заключения как безосновательного.

Трибуналу были представлены ходатайства всех подсудимых и два дополнительных ходатайства подсудимых Хиранума, Мацуока, Сигэмицу, Того и Умэдзу и подсудимых Кимура, Муто, Сато и Итагаки о непризнании юрисдикции Трибунала и отклонении обвинительного акта. Эти ходатайства обсуждались на заседаниях Трибунала 13, 14 и 15 мая 1946 г. В дискуссии участвовали представители обвинения и представители защиты.

В подтверждение своих ходатайств защита выдвинула 17 доводов[2], которые в суммарном виде сводились к следующим утверждениям:

1. Члены этого Трибунала, будучи представителями наций, победивших Японию и являющиеся обвинителями в этом суде, не могут обеспечить справедливый и беспристрастный суд над теми, кому предъявлено здесь обвинительное заключение, и потому данный Трибунал является незаконным и неправомочным.

2. Война не рассматривалась международным правом как преступление, и поэтому никогда в истории цивилизации планирование и ведение войн не подвергалось судебному преследованию как международное преступление. Война признавалась как законное состояние взаимоотношений между нациями. В истории нет прецедента для настоящего дела.

3. Поскольку война является законным состоянием отношений между нациями, а не отдельными лицами, то нельзя предъявлять отдельным личностям обвинения в планировании, развязывании и ведении войны или в заговоре с целью совершения таких действий.

4. Поскольку обязательства, содержащиеся в договорах, соглашениях и заверениях, относящихся к планированию, развязыванию или ведению войны, как указано в обвинительном заключении, являются обязательствами совести или договоренности, то нарушения их не представляют собой преступления наций или отдельных лиц, и потому пункты обвинительного заключения, входящие в первую группу «Преступления против мира», не могут рассматриваться как подсудные преступления.

5. Убийства, совершенные в ходе военных операций, проводимые воюющими сторонами (за исключением тех, которые могут

[1] Стенограмма Токийского процесса от 6 мая 1946 г., с. 25.
[2] Отдельный документ «Ходатайство», без номера, на 7 страницах.

явиться нарушением обычаев и законов войны), являются обычным явлением войны. Следовательно, убивать на войне не означает совершать убийства. Это — легализованное убийство при оправдывающих обстоятельствах, посредством техники, и потому не может рассматриваться как преступление, влекущее уголовную ответственность. Ввиду этого пункты обвинительного заключения, входящие во вторую группу «Убийства», должны быть исключены.

Выступая с такой аргументацией, американский защитник майор Блэкни далее сказал: «Если убийство адмирала Кидда при налете на Пёрл-Харбор является убийством, — мы знаем имя того человека, руки которого сбросили атомную бомбу на Хиросиму, мы знаем начальника штаба, который составлял план этой операции, мы знаем главнокомандующего ответственного государства. Лежит ли убийство на их совести? Мы можем смело в этом сомневаться. Мы можем смело в этом сомневаться и не потому, что исход вооруженного столкновения объявил их дело правым, а дело их врагов — неправым, но потому, что сам акт не является убийством» [1].

Вот как рассуждал майор армии США Блэкни на Токийском процессе, защищая главных японских военных преступников!

6. Поскольку нарушения законов и обычаев войны по международному праву подсудны военным комиссиям или другим органам воюющей страны, против которой совершены преступления, то пунктами обвинительного акта, с 44 по 50 включительно и 53—55, входящими в третью группу «Преступления против обычаев войны и преступления против человечности», предусмотрены преступления и нарушения, не подсудные данному Трибуналу. Поэтому указанные пункты должны быть исключены из обвинительного акта.

7. Поскольку юрисдикция Трибунала для суда и наказания «военных преступников» основана на капитуляции Японии в соответствии с Потсдамской декларацией, то все пункты обвинительного заключения не представляют подсудных преступлений или нарушений международного права и прочих законов.

Японские защитники заявили, что правительство Японии, принимая Потсдамскую декларацию, в которой указано, что «все военные преступники понесут суровое наказание», предполагало, что наказание «военных преступников» будет происходить в соответствии с общепринятым пониманием этого выражения, что понятие «военное преступление» не может распространяться на «преступления против мира» и что к «военным преступникам» не могут относиться важные государственные и общественные деятели Японии.

8. Поскольку юрисдикция Трибунала для суда и наказания «военных преступников» основана на капитуляции Японии перед США и Британским Содружеством Наций, с которыми Япония находилась в состоянии войны с 8 декабря 1941 г., перед Китайской Республикой, с которой Япония находилась в состоянии войны (если

[1] Стенограмма Токийского процесса от 14 мая 1946 г., с. 129.

оно и существовало) с 9 декабря 1941 г., и перед Советским Союзом, с которым Япония находилась в состоянии войны с 9 августа 1945 г., то пункты обвинительного заключения с 1 по 47 включительно и 51—52, входящие в первую группу «Преступления против мира» и частично во вторую группу «Убийства», в которых содержатся обвинения в преступлениях, совершенных соответственно до этих дат, не представляют собой преступлений или нарушений, подсудных этому Трибуналу.

9. Учитывая, что в указанный в обвинительном заключении период с 1 января 1928 г. по 2 сентября 1945 г. Япония не находилась в состоянии войны с Китаем, Францией, Таиландом, Португалией и Монголией, то все пункты обвинительного заключения, касающиеся «военных преступлений», совершенных в этих странах, не являются военными преступлениями.

10. Из обвинительного заключения должны быть исключены все пункты обвинения, касающиеся Монголии, чей суверенитет вызывает сомнение; Филиппин, являющихся частью США; и Индии, являющейся частью Британской империи.

Таковы в основном доводы защиты против юрисдикции Трибунала и обвинительного заключения.

В конце своего выступления японский адвокат Ямоока заявил: «Не говоря о доводах, оспаривающих правомочность этого Трибунала, и об основаниях в пользу отклонения обвинительного заключения, которые здесь приводились, — если обвинительное заключение не будет отвергнуто в его теперешней форме, мы установим прецедент, который выведет из равновесия порядок мировых отношений.

Если мы допустим, что обвинительное заключение останется, это будет означать, что проступки, совершенные в прошлом, события, являющиеся предметом специальных договоров, события истории, совершенные в пределах законности, что, как мы думаем, уже само по себе обязывает, — все они могут подпасть под действие прецедента. Путь будет открыт, прецедент установлен и в недалеком будущем он может обернуться даже против нации-победительницы подобными обвинениями и отменить и аннулировать уже действующие акты, которые являются частью незыблемой истории. С великим уверением мы предлагаем, чтобы Трибунал не последовал по этому пути» [1].

Вот так предупреждал японский адвокат Трибунал и страны-победительницы, имея в виду в первую очередь Соединенные Штаты Америки и Великобританию.

А вот что заявил американский адвокат майор Блэкни: «Главный обвинитель намерен выступить от Америки, настаивая на принятии Трибуналом обвинительного заключения в том виде, как оно составлено. Те из нас, американских защитников, которые носят

[1] Стенограмма Токийского процесса от 14 мая 1946 г., с. 146—147.

форму вооруженных сил нашей страны, тоже, я думаю, имеют право говорить от имени Америки. Мы выступаем в защиту американских, англосаксонских, англо-американских, демократических взглядов на правосудие, за честное ведение дел. Мы выступаем в защиту положения, что соблюдение законных форм, при игнорировании существа принципов закона, является грубейшей погрешностью против закона. Обвинительное заключение предлагает совершить эту погрешность. Ответственность этого Трибунала перед историей и наша ответственность — людей, которые играют здесь свои разные роли, — колоссальна; она внушает благоговейный страх. Эта ответственность простирается значительно дальше, чем судьба 28 людей, судимых здесь.

Если, в результате этого процесса должен возникнуть лучший мир, более совершенная система права, — процесс должен вестись так, чтобы никто не мог сказать, что правосудие было поругано. Судом, основанном на столь сомнительном правомочии как данное, мы можем, конечно, еще раз доказать право победителя над побежденным, но мы не можем надеяться, что добавим блеску к нашей репутации приверженцев правосудия и закона» [1].

Следовательно, американская и японская защита решительно возражала против правомочности Трибунала судить бывших японских лидеров и требовала отклонить полностью предъявленное им обвинительное заключение. При этом они предупреждали руководителей США и других западных стран об опасности создания прецедента — суда международного трибунала над высшими государственными и общественными деятелями страны, развязавшей агрессивную войну, который в будущем может обернуться против них самих.

Скажем, что такое предупреждение имело под собой основание. Ведь некоторые деятели США и Англии предлагали сразу же после победы над Германией и Японией повернуть оружие против Советского Союза.

Однако тогда обвинители от США и других западных держав решительно выступили против приведенных доводов защиты. Опровергая первый довод защиты о неправомочности Трибунала судить бывших японских лидеров, главный обвинитель Кинан в своем обстоятельном и аргументированном выступлении заявил, что не может быть, чтобы одиннадцать наций, представленных в Трибунале, составляющих около двух третей жителей всего земного шара, понесших от японских агрессоров огромные материальные и людские потери, проливших «неисчислимое количество крови из-за их преступлений, убийств, разбоя и грабежа, — сейчас совершенно не в состоянии предать суду и наказать тех, кто отвечает за это мировое бедствие; что эти союзные нации, положившие конец агрессивным войнам, что они были вынуждены сделать при помощи силы, долж-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 14 мая 1946 г., с. 131—132.

ны теперь бездеятельно стоять в стороне и позволять нарушителям закона, совершившим преступления, оставаться вне пределов досягаемости какого-либо законного наказания» [1].

Касаясь заявления защиты, что Трибунал, составленный из представителей стран-победительниц, не может быть справедливым, Главный обвинитель сказал:

«Вызов относительно справедливости этого Трибунала, как мне кажется, является недоразумением. Не имеет большого значения, кем являются члены этого суда, или члены обвинения, или защиты, или даже, с разрешения суда, кем являются подсудимые. Одиннадцать нейтральных наций могли бы направить в Японию одиннадцать беспристрастных юристов, которые председательствовали бы на этом процессе, юристов, чьи нации не принимали участия в том, чтобы положить конец этой резне; но это не явилось бы мерилом справедливого суда.

Степень справедливости и беспристрастности обнаружится со всей отчетливостью в открытом суде, где все происходящее находится под испытующим взором и прессы, и наблюдателей, и японского народа, и посетителей, и мирового общественного мнения» [2].

Перейдя к юридической аргументации, Кинан дал подробный анализ Потсдамской декларации, опубликованной от имени глав правительств США, Великобритании и Китая 26 июля 1943 г., к которой 8 августа 1945 г. присоединилось правительство СССР, Акта о капитуляции Японии, подписанного японскими представителями и представителями союзных держав 2 сентября 1945 г., Каирской (англо-американо-китайской) декларации, опубликованной 1 декабря 1943 г., Устава Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока.

Он подчеркнул, что в этих документах речь идет о полной, окончательной и безоговорочной капитуляции Японии, что император и японское правительство будут подчинены верховному командующему союзных держав, который «уполномочен принимать такие шаги, какие он найдет нужным для проведения в жизнь условий капитуляции».

Главный обвинитель заявил, что «агрессивная война является международным преступлением» и в подтверждение этого сослался на Версальский договор 1919 года, сделавший предпосылку о том, что Вильгельм II будет предан суду «за самое большое преступление против международной морали и священности договора», на решение Лиги наций, принятое в 1920 году о том, что война в нарушение Устава Лиги является незаконной и должна рассматриваться как преступление против международного сообщества; Женевский протокол о мирном урегулировании международных споров 1924 года, в котором отмечалось, что агрессивная война является

[1] Стенограмма Токийского процесса от 13 мая 1946 г., с. 61—62.
[2] Стенограмма Токийского процесса от 14 мая 1946 г., с. 151—152.

международным преступлением»; Резолюцию Панамериканской конференции 1928 года, в которой заявлялось, что «агрессивная война представляет собой международное преступление против человеческого рода»; Пакт Бриана-Келлога 1928 года, участники которого отказались от войны как орудия национальной политики в своих отношениях друг с другом. При этом было отмечено, что Япония является участницей всех этих международных договоров, за исключением Панамериканской резолюции.

Таким образом, говорил Кинан, «в значительной части земного шара было установлено, что агрессивная война представляет собой преступление. Это было принято, и мир был извещен о такой точке зрения и таком мнении» [1].

Обращаясь к адвокатам, Кинан сказал: «Наши оппоненты в суде относятся несерьезно к сущности войны. Они трактуют войну как нечто абстрактное, как что-то имеющее законное назначение в мире, в некотором роде священное назначение, благоговейно хранимое традицией, заповедями закона и, насколько я могу судить, — правосудием. И впервые в открытой форме мы слышим утверждение, что нет разницы между агрессивной войной и оборонительной... Обвинением утверждается, что агрессивная война есть, и была, вне закона» [2].

В связи с заявлением защиты о том, что Японское правительство, принимая Потсдамскую декларацию, не предполагало, что к «военным преступникам» могут относиться важные государственные и общественные деятели Японии, главный обвинитель сказал, что союзные державы и их руководители неоднократно предупреждали германских и японских лидеров о том, что они понесут суровое наказание за совершенные ими преступления против мира и военные преступления.

Он зачитал соответствующие параграфы из приведенных нами ранее Каирской, Потсдамской и Московской деклараций, а также из выступлений И. В. Сталина и Ф. Д. Рузвельта.

Из рассуждений защитников, сказал далее главный обвинитель, «напрашивается вывод, что беспомощные одураченные жертвы, находящиеся под властью этих лидеров и вынужденные выполнять их приказания, а также миллионы других невиновных лиц могут испытать на себе невыразимые страдания в результате этих действий, в то время как эти лидеры останутся безнаказанными. И говорят, что это закон. Такое утверждение так же возмутительно, как и необоснованно» [3].

«Все эти обвиняемые, — продолжал Кинан, — были предупреждены, как был предупрежден весь японский народ... что суровое наказание постигнет тех, кто виновен в планировании, развязывании

[1] Стенограмма Токийского процесса от 13 мая 1946 г., с. 71.
[2] Стенограмма Токийского процесса от 14 мая 1946 г., с. 150—151.
[3] Стенограмма Токийского процесса от 13 мая 1946 г., с. 68—69.

и ведении этих агрессивных войн, со стороны того строгого суда, который будет судить этих преступников» [1].

С возражениями против доводов защиты выступили и другие обвинители. Дополнительный обвинитель от Великобритании Коминс-Карр, опровергая утверждения защиты о том, что будто преступления, совершенные против Китая и Советского Союза в различное время в прошлом, не подпадают под юрисдикцию Трибунала, заявил, что это мнение является необоснованным. Во-первых, сказал он, нельзя утверждать, как это делает защита, что Акт о капитуляции Японии закончил войну. Он не закончил ее, он положил конец враждебным действиям. Состояние же войны продолжается в форме военной оккупации и будет закончено когда-нибудь в будущем. Во-вторых, Акт о капитуляции касался только того, что возникало из враждебных действий, начавшихся в какой-то определенный момент.

В отношении Китая можно считать, что были две отдельные войны против него со стороны Японии: война, начавшаяся 18 сентября 1931 г., и война, начавшаяся 7 июля 1937 г.

В Потсдамской декларации и в Уставе Трибунала не имеется ничего такого, что помешало бы Трибуналу осуществлять юрисдикцию в отношении преступлений, совершенных любым из обвиняемых или совместно ими.

Эти же возражения относятся в равной мере и к доводам защиты по пунктам обвинительного заключения, касающимся Советского Союза.

Соответствующие доказательства по этим пунктам обвинительного заключения будут представлены Трибуналу.

Возражая против утверждения защиты о том, что не могут быть предъявлены преступления, совершенные в отношении страны, которая не была в состоянии войны с Японией, в частности в отношении Таиланда и Португалии, Коминс-Карр пояснил, что в соответствующем параграфе (10) Потсдамской декларации не имеется никакого ограничения в отношении тех стран, против которых были совершены преступления. При этом обвинитель отметил, что Японией была нарушена Гаагская конвенция от 18 октября 1907 г., согласно которой «территория нейтральных держав является неприкосновенной» [2].

Касаясь возражений защиты против предъявленных пунктов обвинения в отношении Монгольской Народной Республики, Коминс-Карр заявил, что эти возражения несостоятельны, поскольку Монголия является независимой республикой, и это было признано некоторыми странами, в том числе Советским Союзом, и что она была в союзе с СССР во время нападения на нее Японии. Соответствующие доказательства будут представлены Трибуналу.

[1] Стенограммы Токийского процесса от 13 мая 1946 г., с. 80.
[2] Там же, с. 94—97.

Опровергая утверждения защиты о том, что все пункты обвинительного заключения, касающиеся преступлений в Китае и других странах, с которыми Япония не была в состоянии войны, являются безосновательными и должны быть исключены, английский обвинитель сказал:

«С точки зрения закона абсурдно утверждать, что нация, или группа отдельных лиц, ответственных за политику нации, может выполнять действия, подобные войне, а затем стараться уйти от ответственности, заявляя: «Ну, что же, мы забыли сделать шаги, которые бы технически превратили положение вещей в состояние войны. Мы свободны от всякой ответственности». Но если даже допустить, что не было состояния войны вообще, говорил далее обвинитель, тогда все равно имело место преднамеренное незаконное убийство военнослужащих и мирных жителей, которое во всех странах считается тяжким преступлением [1].

По этому вопросу весьма убедительно выступил также дополнительный обвинитель от Китая Сянг. Он сказал: «Ученые члены защиты говорят, что не было состояния войны между Китаем и Японией, потому что Япония никогда не объявляла войны Китаю. Конечно, вопрос в том, как правильно определить понятие войны. Начиная с 18 сентября 1931 г. Япония вела в Китае действия, подобные войне, убивая тысячи и тысячи людей, — как солдат, так и лиц из гражданского населения. Это было 14 лет тому назад. 7 июля 1937 г. Япония начала войну на мосту Марко Поло, убив сотни людей за одну ночь. Позже Япония послала во все стороны Китая своих солдат, которые убили миллионы и миллионы солдат, детей, женщин, беспомощных лиц гражданского населения — невоюющих. Я думаю, это — факты, известные всему миру. Если это не было войной, то что такое война; не понимаю, что тогда называется войной?» [2]

Обвинение подвергло критике довод защиты о том, что война является состоянием отношений между нациями и потому-де нельзя предъявлять обвинения отдельным личностям в планировании, развязывании и ведении войны.

По этому поводу дополнительный обвинитель от Австралии Мэнсфильд сказал, что ни в одном международном соглашении нет заявления, которое объявляло бы отдельные личности ответственными за его нарушение. Ни в одном соглашении нет перечисления наказаний, которые надлежит применять в случае нарушения соглашения. Но это никоим образом не доказывает, что нарушители международных договоров не могут быть подвергнуты наказанию. Известно, что тысячи дел рассматривались и тысячи военных преступников были приговорены к смертной казни. При этом он сослался на мнение присутствовавшего на Токийском процессе учено-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 14 мая 1946 г., с. 168.
[2] Там же, с. 179—180.

го в области международного права лорда Райта, который считает, что «положение, в соответствии с которым отдельные лица могут нести уголовную ответственность за специфические нарушения международного права, теперь является общепризнанным. Отступление от принципа, что война — незаконна, если она несправедлива, является не только нарушением договора государством, со всеми вытекающими отсюда последствиями, но является, таким образом, и преступлением отдельных лиц, виновных как активные заговорщики, главные действующие лица или соучастники возникновения войны.

Нации могут действовать только через ответственных лиц. Если нация, в нарушение договора, начинает агрессивную войну, вина ответственных представителей нации, которые вызывают войну, будучи в состоянии это сделать в силу своего высокого положения в государстве, — влечет их индивидуальную ответственность...

Далее обвинитель затронул вопрос о заговоре. В любой системе права принято, сказал он, что заговор, направленный на выполнение конкретного действия, считающегося преступлением, автоматически подпадает под признаки преступления. Характерная особенность заговора заключается в том, что данное преступление является полным независимо от того, совершено ли фактически преступное действие, на которое направлен заговор. В частности, заговор, направленный на ведение незаконной войны против другой страны, сам по себе является преступлением, независимо от того, последовала ли действительно война или нет.

Планирование и подготовка агрессивной войны, которые были осуществлены и вменяются в вину подсудимым, являются по существу тем же самым, что и заговор.

Касаясь обвинения подсудимых в убийствах, против чего возражала защита, австралийский обвинитель сказал: «Я полагаю, является общепринятым положение, что всякое убийство, которое не оправданно, незаконно. Если агрессивная война — международное преступление, тогда всякое убийство, совершенное в ходе такой войны, не может быть оправдано международным правом» [1].

В связи с ходатайством защиты об исключении из обвинительного заключения всех пунктов, касающихся Филиппин и Индии, английский обвинитель пояснил, что теперь нельзя считать Филиппины частью Соединенных Штатов Америки, а Индию — частью Великобритании, как это утверждает защита, и потому следовало бы отклонить это ходатайство.

Как отмечалось, защита в своих доводах заявила, что в истории нет прецедента для настоящего дела. Этот довод является необоснованным. Главный обвинитель Кинан в своем выступлении убедительно показал, что агрессивная война является общепризнанным

[1] Стенограмма Токийского процесса от 14 мая 1946 г., с. 157—159.

международным преступлением и что лица, которые планировали, развязывали и вели ее, подлежат уголовной ответственности.

К тому же, в то время когда в Токио шла дискуссия по этому вопросу, в Нюрнберге уже заседал Международный Военный Трибунал по делу главных немецких военных преступников. Это был весьма убедительный прецедент.

Английский обвинитель Коминс-Карр и австралийский обвинитель Мэнсфильд в своих выступлениях, касаясь этого вопроса, обратили внимание на то обстоятельство, что международное право, основанное на международных договорах и обычаях, развивается. Мэнсфильд сказал: «В наказании военных преступников многие методы были испробованы в прошлом. Тамлин приказал возить султана в клетке по городам. Наполеон был сослан на о. Святой Елены. Общество развивалось и теперь прибегают к суду, осуществляемому со справедливостью, правосудием и беспристрастием» [1].

А Коминс-Карр подчеркнул, что этот Трибунал в силах и его долг «применить твердо установившиеся принципы к новым условиям, если они возникли, безотносительно к тому, имелся ли уже точный прецедент для такого применения в каждом отдельном случае» [2].

Аргументы — обоснованные! Еще раз напомним, что как Нюрнбергский, так и Токийский трибуналы были созданы на основе соглашений между государствами, и принципы, положенные в основу организации и деятельности этих трибуналов, одобрены Организацией Объединенных Наций, следовательно, получили международное признание.

Следует отметить, что в процессе обсуждения вопроса о правомочности Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока судить главных японских военных преступников стороны ссылались, помимо Райта, на труды других английских и американских ученых-международников, в частности Стоуэла, Оппенгейма, Лаутерпахта, Хайда.

Выслушав доводы защиты и возражения обвинения относительно юрисдикции Трибунала и обвинительного заключения, Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока вынес такое постановление:

«*Постановление, отклоняющее ходатайство по вопросу юрисдикции и обвинительного заключения.*

Трибунал в открытых судебных заседаниях 13, 14 и 15 мая 1946 г. рассматривал ходатайства всех подсудимых по вопросу юрисдикции Трибунала и дополнительное ходатайство подсудимых: Хиранума, Мацуока, Сигэмицу, Того и Умэдзу по вопросу юрисдикции и отклонения обвинительного заключения, а также ходатайство

[1] Стенограмма Токийского процесса от 14 мая 1946 г., с. 157—159.
[2] Там же, с. 162.

подсудимых Кимура, Муто, Сато и Итагаки по вопросам юрисдикции и отклонения обвинительного акта.

Трибунал, всесторонне ознакомившись со всеми данными и согласно решению большинства судей, постановил:

Все три ходатайства отклонить.

Токио, Япония, 17 мая 1946 года.

У. Уэбб».

«Присутствовали: Председатель, судья Уэбб, лорд Патрик, генерал-майор юстиции Зарянов, судья Макдугалл, судья Бернар, судья Роллинг, судья Норткрофт, судья Пэл присутствовал, но не принимал участия.

Отсутствовали: Судья Мэй и судья Хигинс» [1].

Нельзя не обратить внимания на то, что судья от Индии Пэл, хотя и присутствовал на заседании Трибунала, но не участвовал в решении данных вопросов. И это не случайно. Как мы увидим дальше, Пэл занимал особую позицию в деле главных японских военных преступников.

ФАЗА ОБВИНЕНИЯ

3 июня 1946 г. началась фаза обвинения, в ходе которой обвинение должно было представить Трибуналу свои доказательства.

На заседании 3 июня обсуждались процедурные вопросы, в частности, о принятии Трибуналом от обвинения перечня фактов, не требующих доказывания.

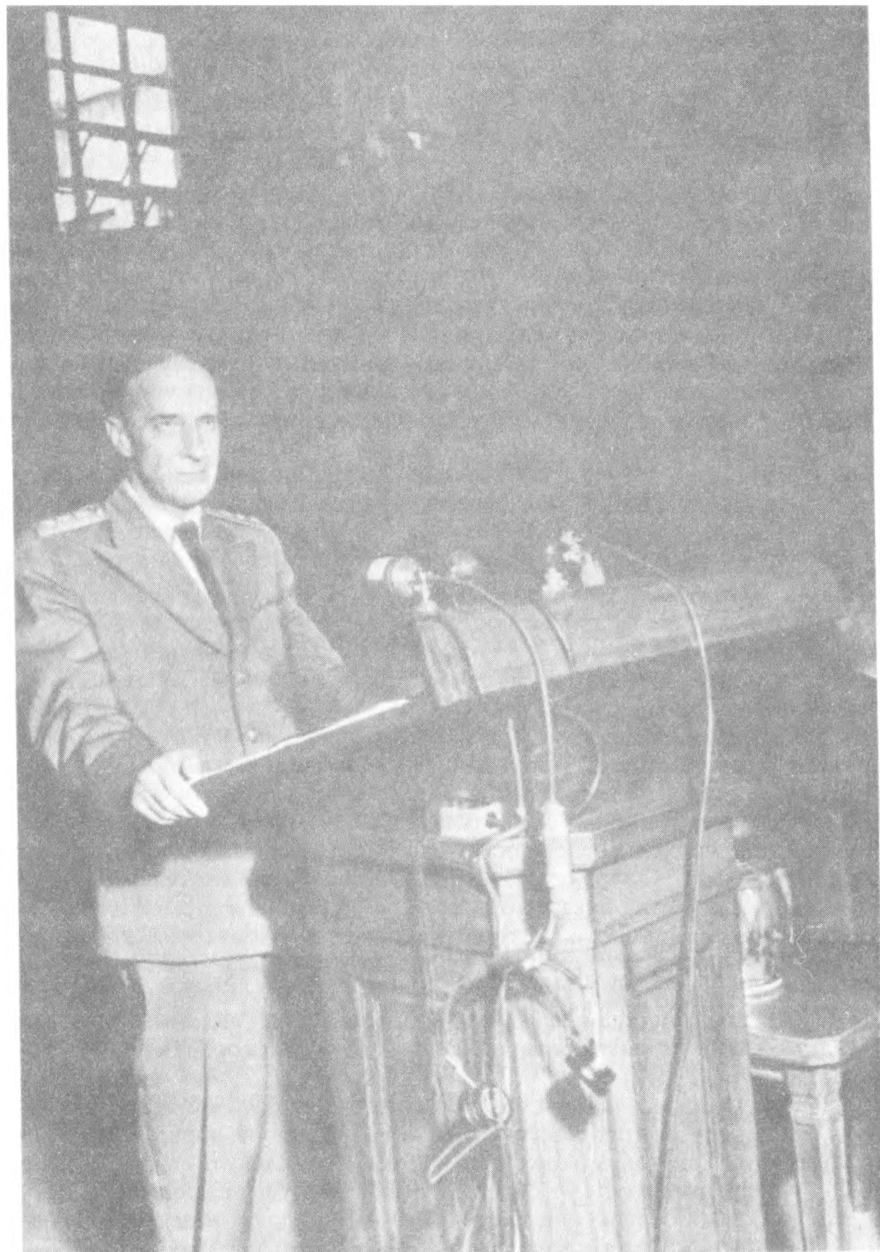
На заседании 4 июня Трибунал вынес решение отказать обвинению в ходатайстве о принятии без доказательства каждого из 95 фактов, содержащихся в перечне, и рассматривать этот вопрос на обычном заседании в момент его возникновения. Трибунал разрешил обвинению представлять документы, указанные в списке, приложенном к ходатайству, без формального доказательства, но с правом подвергать обсуждению все эти документы в смысле их существенности, точности, относимости к делу. Подвергая эти документы обсуждению, Трибунал не будет требовать доказательства подлинности их и будет принимать их. Все вещественные доказательства, представляемые обвинением и защитой, должны быть последовательно пронумерованы, согласно очередности их представления [2].

На этом же заседании 4 июня 1946 г. Главный обвинитель Кинан произнес вступительную речь, обстоятельную, юридически аргументированную и, можно сказать, эмоциональную.

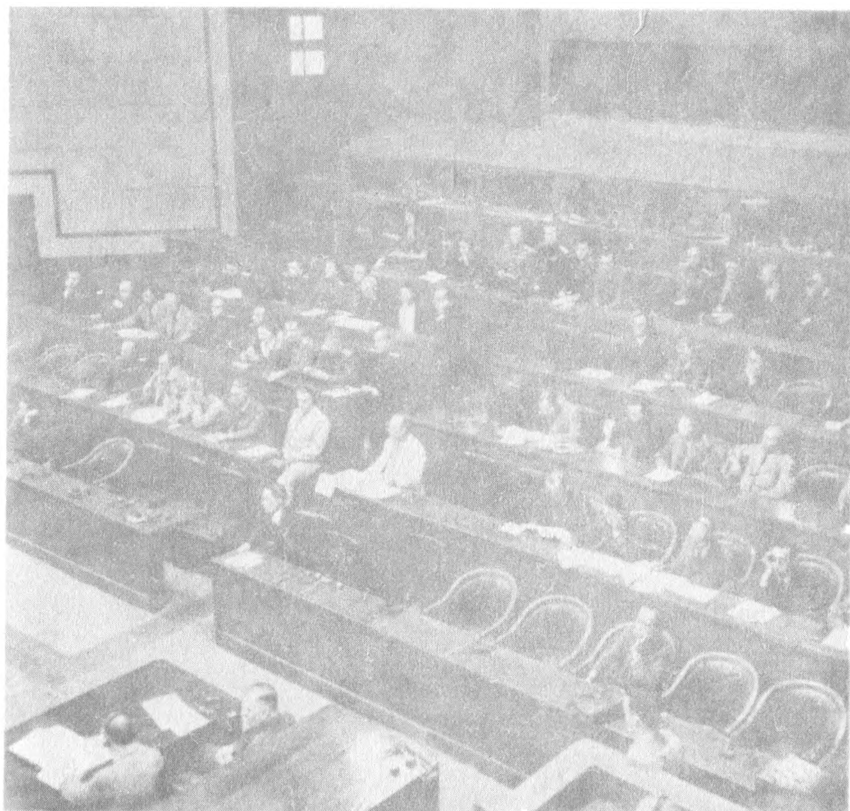
«Г-н председатель! — сказал Кинан. — Это не обычный процесс, так как он является частью битвы, которую ведет цивилизация за спасение всего мира от полного уничтожения. Эта угроза

[1] Документ № 64.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 4 июня 1946 г., с. 379—380.

Выступает обвинитель от СССР С. А. Голунский.

**Зал судебного заседания Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока.
Открытие советской фазы обвинения.
На галерее почетных гостей член Союзного совета для Японии генерал-лейтенант К. Н. Деревянко (верхний ряд, четвертый слева) и сотрудники советской части Трибунала.**

уничтожения исходит не от сил природы, а от заранее планированных преднамеренных действий как отдельных лиц, так и членов различных групп, которые хотят привести мир к преждевременному концу в своем безумном стремлении к господству... Небольшая группа людей во всем мире, включая этих обвиняемых, решила взять закон в свои руки и навязать свою собственную волю человечеству. Они объявили войну цивилизации. Они создавали законы и осуществляли их. Они были полны решимости уничтожить демократию и свободу, являющуюся ее основой, а также уважение к человеческой личности, систему народного правительства, правитель-

Свидетель Герой Советского Союза
подполковник П. Ф. Терешкин.

ства, созданного народом и для народа. Они решили, что эта система должна быть уничтоженной и вместо нее установлен так называемый новый порядок. Они присоединились к гитлеровской группе; оформили это договором и гордились таким союзом; вместе планировали, подготовляли, развязывали и вели агрессивные войны против великих демократических держав, перечисленных в обвинительном заключении. Они сознательно обращались с людьми, как с пешками, совершенно не считаясь с тем, что это вело к убийству, подчинению и порабощению миллионов людей. Им было совершенно безразлично, что это был план или замысел убийства стариков и детей во всех частях мира, что вело к полному уничтожению целых обществ. Они не считались с тем, что это повлечет за собой преждевременную гибель цвета молодежи во всем мире, а также и моло-

Свидетель Герой Советского Союза майор И. Д. Чернопятко.

дежи собственной страны. Договоры, соглашения и обязательства рассматривались ими как пустые слова, никчемные бумажки и не оказывали никакого влияния на их действия. Их целью было навязать миру господство силой. Они мыслили понятиями силы и господства и абсолютно исключали принципы справедливости. Эти действия могли привести к гибели миллионов людей. Национальные ресурсы могли быть уничтожены. Все это не имело для них никакого значения, когда они создавали свои безумные планы господства и контроля над Восточной Азией, которые переросли потом в планы господства над всем миром. Такова цель их заговора и перед нами теперь стоит следующий вопрос: неужели цивилизация нашего времени оказалась лицом к лицу с критическим периодом своего

Свидетель Герой МНР П. Уогдон с переводчиком.

существования, неужели она вынуждена оставаться пассивной и не сможет сделать попытки предотвратить эти преступления?

Вряд ли кому-либо нужно специальное напоминание для того, чтобы понять, что войны нашего времени не имеют ничего общего с прошлыми войнами. В наши дни, а самое главное в будущем, войны будут только тотальными. Сегодняшние и будущие войны не ограничены пространством и территорией. Жертвами будут и молодые и старые, вооруженные и безоружные, и едва ли найдется очаг — будь то в большом городе или в самой маленькой деревне, который не будет подвергнут уничтожению.

Нашей целью, — продолжал Кинан, — является предупреждение и предотвращение агрессивных войн. Это не имеет ничего об-

щего с мелочными, низкими стремлениями к мщению или отплате. Но мы надеемся, что на этом процессе сможем заклеймить как обычных преступников лиц, которые причинили эти бедствия человечеству, и соответственно наказав их, повлиять сдерживающим образом на агрессивную военную деятельность их последователей в будущем, если таковые появятся» [1].

Сказанное Кинаном более 40 лет назад вполне созвучно нашему времени, ядерной эпохе.

Международный Военный Трибунал в Токио начал заседать в то время, когда уже в течение пяти месяцев заседал Международный Военный Трибунал в Нюрнберге. В связи с этим Кинан сказал: «В настоящее время в Нюрнберге происходит такой же процесс, только с другими обвиняемыми на скамье подсудимых. Мы не судим тех обвиняемых, однако стремимся доказать Трибуналу, что обвиняемые здесь действовали в согласии с замыслами обвиняемых в Нюрнберге и были солидарны с ними в своем стремлении добиться господства над миром» [2].

Кинан рассмотрел вопрос о праве, на котором базируется обвинительное заключение, проанализировал Устав Трибунала, привел ряд прецедентов из судебной практики в США, сослался на международные договоры, а также на труды известных юристов-международников, в том числе лорда Райта.

Объясняя понятие преступления «Заговор», Кинан привел несколько определений, в частности, такое: «Заговор это объединение двух или более лиц для осуществления преступных или незаконных целей».

«Участие всех заговорщиков в совершении прямого действия отнюдь не обязательно, так как если один из заговорщиков совершит открытое действие, оно является открытым действием всех заговорщиков».

«Если создан заговор, то присоединение к нему нового участника не создает нового заговора, не меняет ничего в отношении других заговорщиков, а новый участник заговора несет такую же ответственность, как инициаторы заговора» [3].

В результате анализа международных договоров и соглашений, а также высказываний ученых в области международного права Кинан резюмировал, что агрессивная война является международным преступлением, причем самым тяжким из военных преступлений, и что международное право ставит агрессивную войну вне закона.

Он привел определение агрессии: «Первое или неспровоцированное нападение или враждебный акт; нанесение первым вреда или же такое первое действие, которое ведет к войне или столкновениям; также: нападение; также: способ нападения или вторжения, как, например, агрессивная война» [4].

[1] Стенограмма Токийского процесса от 4 июня 1946 г., с. 384—387.
[2] Там же, с. 392.
[3] Там же, с. 403—404.
[4] Там же, с. 418—419.

Для сопоставления приведем определение агрессии, содержащееся в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, принятой 14 декабря 1974 г. В ней записано, что «агрессией является применение государством вооруженной силы против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо иным образом, не совместимым с Уставом ООН».

При определении агрессора за основу взят признак первенства (или инициативы). К актам агрессии отнесены: вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства, военная оккупация, аннексия, блокада и другие подобные действия с применением вооруженных сил.

В определении агрессии зафиксировано, что никакие соображения не могут служить оправданием агрессии, что агрессивная война является преступлением против международного мира, а сама агрессия влечет за собой международную ответственность [1].

Следовательно, приведенное Кинаном понятие агрессивной войны по сути совпадает с определением агрессии, которое было дано через 28 лет Генеральной Ассамблеей ООН.

Во всяком случае, обвинением на Токийском судебном процессе были вполне обоснованно квалифицированы военные действия Японии против Китая, СССР, США, Англии и других стран как агрессивные войны.

В речи Главного обвинителя был выдвинут тезис о том, что действия, совершенные Японией, относятся к самым вероломным и предательским, какие когда-либо совершались.

В подтверждение этого тезиса Кинан привел известный исторический факт: «В 1904 году Япония начала войну с Россией нападением на русский флот в Порт-Артуре без всякого объявления и предупреждения». К этому он добавил, что «цивилизованные народы всего мира признали нетерпимой возможность повторения подобных действий в будущем». И далее: «При этих условиях каждая страна должна быть всегда вооружена до зубов и находиться в напряженном ожидании, а следовательно, нести огромные и обременительные расходы, что повлекло бы за собой удушение мирной жизни и торговой деятельности в этой стране» [2].

Кинан отметил, что прямым следствием предательского поведения Японии в отношении России в 1904 году явилась Гаагская конвенция 1907 года «Относительно начала военных действий» — участники которой, включая страны, представляющие здесь обвинение, и Японию, единодушно заявили следующее: «Договаривающиеся державы признают, что военные действия между ними не должны начинаться без заблаговременного и ясно выраженного предупреж-

[1] См. Дипломатический словарь. Т. 1. М., 1984, с. 12.
[2] Стенограмма Токийского процесса от 4 июня 1946 г., с. 420—421.

дения, либо в форме обоснованного объявления войны либо в форме ультиматума с условным объявлением войны» [1].

Ссылаясь на эту действующую международную конвенцию, Кинан обоснованно заявил, что нападения Японии без объявления и предупреждения на Китай 18 сентября 1931 г. и 12 декабря 1937 г.; на США 7 декабря 1941 г. и нападения на другие страны являются противозаконными и представляют собою акты агрессии. «Мы считаем, — сказал он, — что нападение без предупреждения на страну, с которой Япония находилась в состоянии мира, представляет собой худший вид предательства, а гибель людей в результате такого нападения, согласно положениям Гаагской конвенции, является убийством» [2].

Остановившись на группе преступлений против человечности, Главный обвинитель отметил, что первым в списке преступлений стоит убийство. «Убийства совершались до такой степени однотипно, на такой большой территории и в течение такого длительного времени, и их было совершено такое количество после протестов, зарегистрированных нейтральными странами, что мы должны предположить, что только прямые приказания сверху, т. е. приказы лиц, находящихся здесь на скамье подсудимых, сделали их возможными» [3].

Касаясь вопроса о личной ответственности обвиняемых, Кинан сказал: «Все правительства состоят из людей, и все преступления совершаются людьми. Служебное положение человека не может лишить его того, что он является индивидуальным лицом, и не может освободить его от ответственности за его личные преступления. Вопрос о личной ответственности этих лиц, занимавших высокие посты гражданских чиновников, является одним из самых важных, и может быть единственным новым вопросом международного права, который будет поставлен перед этим Трибуналом. Трибунал должен решить, будет ли он, следуя примеру трибуналов и судов в прошлом, признавать в качестве закона принцип, вытекающий из требований цивилизации и являющийся ярким выражением общественной совести» [4].

Как видно из его речи, Кинан придавал большое значение личной ответственности руководителей государства, совершившего агрессию и иные противоправные действия против других государств. Действительно, это был новый вопрос международного права. Ведь в истории не было такого прецедента, когда лидеры государства, развязавшего войну против других государств, были подвергнуты суду международного трибунала. Такие прецеденты впервые в истории создавались в Нюрнберге и в Токио. К тому же, против права

[1] Стенограмма Токийского процесса от 4 июня 1946 г., с. 420—421.
[2] Там же, с. 421—422, 427.
[3] Там же, с. 430.
[4] Там же, с. 434—435.

международного трибунала судить японских лидеров решительно возражала защита. Как мы потом увидим, и у членов Токийского трибунала не было единого мнения по этому предмету. Но Кинан настойчиво и квалифицированно отстаивал положение о личной ответственности японских лидеров, развязавших агрессивную войну против других государств: «Обвиняемые заявили через своих защитников, и как мы полагаем, все еще заявляют, что они не подлежат наказанию в силу своего официального положения, т. е., проще говоря, обвиняемые, умышленно и преднамеренно развязавшие агрессивную войну, которая привела к бесчисленным потерям человеческих жизней (что они в то время полностью понимали,) считают, что было вполне законно и правильно для низших чинов их общества подчиняться их воле и потерять свою жизнь и имущество, в то время как они, инициаторы и создатели этого плана мирового уничтожения, когда их, наконец, приперли к стенке, требуют, чтобы их оставили на свободе, исключительно в силу их официального положения. Это крайне омерзительная теория» [1].

Затем Главный обвинитель перешел к рассмотрению фактов, которые вменялись в вину обвиняемым. Он привел много известных фактов и среди них: «факт заговора», план создания Великой Восточной Азии, установление «нового порядка» в мире, при котором Япония была бы признана ведущей державой в Великой Восточной Азии, а Германия и Италия — в Европе, мукденский инцидент, инцидент на мосту Марко Поло, нанкинская резня, заключение Германией и Японией антикоминтерновского пакта в 1936 году, Тройственный пакт 1940 года, нападение Японии на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г., Батаанский марш смерти на Филиппинах и другие.

Главный обвинитель в своей вступительной речи дал краткую характеристику основных преступных действий, имея в виду, что доказательства этих и других фактов, инкриминированных обвиняемым, будут представлены обвинением позже. В отдельных частях своей речи он оглашал и некоторые доказательства, например, составленные армейским информационным отделом ставки японской армии «Исчерпывающие результаты японских военных операций в Китае», где указывалось число убитых китайцев — 2 015 000 и потери китайских вооруженных сил, включая убитых, раненых, пленных и т. д., — 3 800 000, и «Хроника китайско-японских военных действий с июля 1937 по май 1941 года», где говорится о военных действиях японских вооруженных сил на территории Китая [2].

Интересны высказывания американского обвинителя о будущей войне и ее последствиях. Он сказал: «Еще одна война будет означать уничтожение цивилизации. Мы сознаем свои обязанности. Цивилизация без правосудия была бы парадоксом...

Сегодня мы должны осознать, что ни одно прочное разумное

[1] Стенограмма Токийского процесса от 4 июня 1946 г., с. 463—464.
[2] Там же, с. 465—466.

мероприятие, направленное на установление мира во всем мире, не должно быть упущено. Развитие искусства уничтожения дошло до такой стадии, что мы не можем ждать исхода дебатов о юридических тривиальностях. И причина тому проста — весь мир может быть уничтожен, пока эти мелочи обсуждаются, развиваются и решаются.

Мы предполагаем, что первой, повсеместно признанной доктриной явилась та, которая гласила: самосохранение — первый закон природы. Поэтому 11 стран, представленных на этом процессе, просят поддержать этот закон. Мы знаем пределы устрашения. Вполне возможно, что в будущем, не взирая на приговор этого Трибунала и его законные выводы, другие, подобные этим 26-и обвиняемым, находящимся сейчас на скамье подсудимых, безумием и рвением смогут состряпать, провозгласить и даже осуществить планы и усилия, ведущие к уничтожению всего мира. Это безумие.

Мы пытаемся действовать разумно и логично. Поэтому ищем поддержки мира в наших усилиях разрешить эту проблему реально»[1].

Эти рассуждения вполне созвучны нашему времени, когда над человечеством нависла угроза ядерной войны, способной уничтожить все человечество, всю цивилизацию.

Таково в основном содержание вступительной речи, которую произнес главный обвинитель Кинан.

Между обвинением и защитой была договоренность о том, что защита не прерывает речь Главного обвинителя, а если у нее возникнут возражения, то она выскажет их после окончания речи. Заметим, что копия данной речи была вручена каждому защитнику за 48 часов до ее произнесения.

Как только Главный обвинитель закончил вступительную речь, американский адвокат Фернэс заявил: «Защитники и обвиняемые, от чьего имени я выступаю, возражают против речи в целом».

Председатель отвергает возражение.

После этого адвокат стал высказывать возражения против отдельных абзацев и даже слов, в частности, против ссылки на русско-японскую войну, мотивируя тем, что обвинительное заключение ограничивается периодом с 1928 по 1945 год.

Председатель пояснил, что «это использовано как доказательство вероломства японского правительства и нас могут попросить принять это к сведению без доказательства. Комментировать этот вопрос можно будет в дальнейшем».

Были высказаны и другие возражения по вступительной речи Кинана. Но все они были отклонены.

На заседании Трибунала 13 июня обвинение приступило к представлению доказательств.

Дополнительный обвинитель от Австралии А. Мэнсфильд в со-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 4 июня 1946 г., с. 459—461.

ответствии с решением Трибунала от 4 июня представил в качестве вещественных доказательств документы общего характера: Конвенцию о мирном разрешении международных споров, подписанную в Гааге 29 июля 1899 г., Конвенцию относительно начала военных действий, подписанную в Гааге 18 октября 1907 г., Женевскую конвенцию относительно обращения с военнопленными 1929 г., Портсмутский договор от 15 сентября 1905 г., Парижский пакт Келлога — Бриана от 27 августа 1928 г., Антикоминтерновский пакт от 25 ноября 1936 г., Пакт трех держав — Японии, Германии и Италии, подписанный 17 сентября 1940 г., Пакт о нейтралитете между СССР и Японией от 13 апреля 1941 г., Заявление Советского правительства от 5 апреля 1945 г. о денонсации этого пакта, Конституцию Японии, Императорский рескрипт об организации кабинета, Императорский рескрипт об организации военного министерства, Императорский рескрипт об организации министерства иностранных дел и другие.

Эти документы представлялись без формального доказательства, но защита имела право заявлять возражения, которые заносились в протокол.

В результате Трибуналом было принято 90 документов [1].

Затем представитель обвинения Горвиц предъявил серию схем, показывающих организацию японского правительства, и серию карт, на которых были показаны территории, находившиеся под контролем Японии или занятые японскими войсками по годам на 31 декабря каждого года начиная с 1931 до конца 1945 года.

Эти документы также были приняты Трибуналом в качестве вещественных доказательств.

После этого началось представление материалов обвинения и допрос свидетелей по отдельным разделам, определенным с учетом обвинительного заключения. Таких разделов было тринадцать.

1. Подготовка японского общественного мнения к войне:

а) в области воспитания; б) путем создания специальных политических организаций; в) путем террористических актов и угроз; г) путем полицейских мероприятий.

2. Военная агрессия против Маньчжурии 1931 — 1945 гг.

3. Военная агрессия против Китая 1937 — 1945 гг.

4. Торговля наркотиками в Китае и в других оккупированных странах.

5. Экономическая агрессия в Китае 1932 — 1945 гг.

6. Отношения Японии с Германией и Италией.

7. Отношения Японии с Францией и Сиамом.

8. Агрессия Японии против Советского Союза.

9. Приготовления к войне: а) морские; б) военные; в) в области финансов; г) в области промышленности.

10. Отношения Японии с США и Великобританией.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 13 июня 1946 г., с. 493—507.

11. Отношения Японии с Голландией и Португалией.

12. Преступления против военнопленных на суше и на море.

13. Преступления против гражданского населения на оккупированных территориях.

Эти разделы были распределены между обвинителями с таким расчетом, чтобы доказательства представлял обвинитель от того государства, к которому относятся события данного раздела. Например, раздел об отношениях Японии с Францией представлял французский обвинитель, раздел об отношениях Японии с Голландией и Португалией — обвинитель от Голландии.

Раздел об агрессии Японии против Советского Союза представляли советские обвинители.

Но были и отступления от общего принципа. В частности, китайскому обвинителю поручили представлять доказательства только по отдельным эпизодам японских зверств в Китае. Доказательства же о военной агрессии против Китая, о захвате Маньчжурии, об экономической агрессии против Китая — представляли обвинители от США. Они же в основном представляли доказательства по таким общим вопросам, как идеологическая, экономическая и военная подготовка Японии к войне и создание блока агрессивных государств. Американцы, конечно, пользовались тем, что Главным обвинителем на процессе являлся представитель США и он играл решающую роль в распределении обязанностей между обвинителями. К тому же Главный обвинитель располагал огромным аппаратом квалифицированных юристов и административно-технических работников.

Главный обвинитель распределил также между обвинителями подготовку доказательств о персональной ответственности каждого из подсудимых. Советскому обвинению была поручена подготовка доказательств по обвинению подсудимых Сигэмицу и Умэдзу.

На заседании 13 июня 1946 г. дополнительный обвинитель от Канады бригадный генерал Г. Нолан сделал вступительное заявление относительно Конституции Японии. Он дал подробный анализ конституции, характеристику конституционных органов — парламента, Государственного совета, Тайного совета, правительства, министерств, комитетов и других, неконституционных («невидных») — императорских конференций, императорских военных советов (совет маршалов, совет адмиралов, высший военный совет), Лорда-Хранителя печати, министра императорского двора и иных; изложил порядок принятия законов, рескриптов и других нормативных актов.

Обвинитель обратил внимание Трибунала на ряд особенностей японского государственного аппарата, в частности на особую роль в нем военных. Так, в отличие от других министров, которых рекомендует императору премьер-министр, военный министр и министр военно-морского флота выдвигаются армией и флотом и затем назначаются императором. Эти два министра, так же как начальник генерального штаба и начальник главного военно-морского штаба,

имеют право докладывать непосредственно императору. Руководители двух военных министерств оказывают влияние на формирование правительства и могут организовать его низложение, когда оно сформировано. В общем, военное командование фактически находится над гражданскими властями и это дает ему возможность проводить свою политику в стране.

«Император распоряжается всеми вопросами международных отношений после совещания со своими министрами, но не допускает никакого вмешательства со стороны парламента».

«Законодательная власть безраздельно находится в руках императора, в то время как на парламенте лежит обязанность давать совет и одобрение» [1].

В заключение канадский обвинитель подчеркнул, «что в Японии, бесспорно, отсутствует какая-либо эффективная система ответственности правительства перед народом.

Конституция Японии была составлена с учетом двух целей: с одной стороны, успокоить требования общественности о представительных учреждениях, и с другой — сохранить и укрепить централизованную и автократическую структуру правления, которую ее составители — деятели эры Мейдзи — считали необходимой для существования и развития Японии в современном мире. В соответствии с этой позднейшей целью вся власть была сохранена в руках небольшой группы личных советников при троне, а выборным представителям народа были даны очень ограниченные права наблюдения над законодательством» [2].

Представитель обвинения Горвиц выступил с дополнением о деятельности законодательной и исполнительной власти в Японии, подчеркнув, что правительство принимало многие важные решения, в частности в отношении финансов, в обход парламента.

Затем Горвиц представил Трибуналу серию документов, в которых перечисляются учреждения и посты, которыми руководил или которые занимал каждый из подсудимых в правительстве Японии.

Первым документом он представил официальный список руководителей японских правительственных учреждений за период с 1931 по 1946 год, затем личные дела каждого из обвиняемых, которые хранились в секретариате кабинета министров.

Обвинитель зачитывал содержание личных (послужных) дел всех подсудимых почти полностью, и это заняло много времени. Документы были приняты Трибуналом в качестве вещественных доказательств.

Содержание личных дел подсудимых доказывало, что в их руках была сосредоточена вся высшая власть в государстве.

Занимая ответственные посты, японская руководящая клика имела полную возможность проводить свой реакционно-милитари-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 13 июня 1946 г., с. 563—565.
[2] Стенограмма Токийского процесса от 14 июня 1946 г., с. 637—638.

стский курс во внутренней и внешней политике государства и проводила его.

На заседании Трибунала 17 июня 1946 г. начался допрос свидетелей, вызванных обвинением. Выяснились вопросы, относящиеся к подготовке японской нации к войне. Сошлемся на показания некоторых японских свидетелей.

Профессор Императорского университета в Токио Токими Канги показал: «Необходимо обратиться к истории, чтобы говорить о военной подготовке в Японии. С исторической точки зрения я должен констатировать, что японское образование имело очень большую склонность к милитаризму, особенно за последние 80 лет. За это время в Японии господствовал милитаристский режим, и в течение 80 лет японский народ обучался в духе идей милитаризма» [1].

Профессор того же университета Оучи Хидео показал, что военные инструкторы, руководствуясь императорским рескриптом 1890 года и рескриптом, обращенным к военным и морским офицерам и солдатам и матросам, внушали студентам веру «в величие Японии и в обязанность японцев помочь осуществлению священной миссии Японии завоевать господство на Дальнем Востоке и потом над миром, и что при исполнении этой священной миссии каждый японец получает величайшую для японца привилегию — умереть на императорской службе.

Начиная с 1931 года, господство военщины в университетах и школах начинает усиливаться, и в 1937 году, после китайского инцидента, господство это настолько усилилось, что профессорам и учителям предъявляли требование искренно и полностью принять участие во внушении студентам фанатически милитаристского ультранационалистического духа. Отказ от участия в этой программе грозил наказанием и увольнением из школы или арестом; все высказывания и идеи в пользу идеалов мира и оппозиция к политике подготовки агрессивной войны были пресекаемы в школах со всей строгостью; гнет этот распространялся как на учащихся, так и на профессоров и учителей...

В 1937 году три профессора Императорского токийского университета, три — из университета Хосей, один — из Тохоку, несколько профессоров-ассистентов и я, в том числе, были уволены по подозрению в симпатиях к идее мира.

Как преподаватель в университете за последние 27 лет и как бывший учащийся школ разных ступеней в Японии, я убежден, что военные упражнения, лекции и обучение, преподаваемые учащимся в школах всех ступеней и в университетах, имели последствием развитие в учащихся милитаристского духа, веру в то, что японская раса выше всех других, что войны полезны и необходи-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 18 июня 1946 г., с. 880—881.

мы для будущего процветания Японии, и имели целью подготовку учащихся к будущим агрессивным войнам» [1].

Декан юридического факультета университета Киота Такикава Юкитоки в своем показании так характеризовал систему воспитания в японской высшей школе: «Она полностью отказывалась от свободного мышления и либеральных идей, целиком была направлена на оправдание японской агрессивной войны в Маньчжурии и в Китае, и вся система старалась вдолбить студентам, что это была война славы, необходимости, что она доходна и что будущее величие Японии и ее достижения зависят напрямую от этой войны. Этим студентам внушалось пренебрежение к другим народам, даже ненависть к ним, как к возможным врагам и стремление в будущем готовиться к агрессивным войнам» [2].

Поскольку в Японии сильно развит культ императора, концепция о верности императору тесно увязывалась с планом подготовки японской нации к войне.

На Токийском процессе обвинение цитировало книгу «Путь подданного», изданную в Японии в марте 1941 года. Приведем несколько цитат из нее.

«Путь подданного» Императора определяется в основном идеей охраны нашего Императора и сохранения Императорского Трона, ровесника Неба и Земли...

Обязанность верноподданически служить и подчиняться Императору — путь, которому должны следовать все подданные...

Мы, как подданные Императора, в современную эру должны полностью осознать серьезность возложенной на нас обязанности и с верой следовать по стопам наших предшественников. Бодрствуя или во сне, дома или за границей — повсюду мы должны готовить себя к задаче, возложенной на нас, как на подданных Императора и выполнять свою работу на пользу государства.

На нас, подданных Империи, была возложена тяжелая ответственность за постоянное поддержание вечного благополучия Империи с самого момента образования Японии, что имело место очень, очень давно, и душой и телом мы должны до конца оставаться на службе у Императора» [3].

В качестве доказательства от обвинения в зале судебного заседания Трибунала 21 июня и 5 августа 1946 г. демонстрировалась кинокартина «Критический период Японии» (на 12 катушках), созданная в 1933 году издательским обществом газеты Осака Майничи при участии офицеров из военного министерства Японии. Это было время после «победоносного» захвата японской армией

[1] Стенограмма Токийского процесса от 19 июня 1946 г., с. 943—946.
[2] Там же, с. 992—993.
[3] Стенограмма Токийского процесса от 20 июня 1946 г., с. 1062—1063.

Свидетель Г. Пу И, бывший император Маньчжоу-го дает присягу перед показаниями в Трибунале.

Маньчжурии, когда японская нация была охвачена шовинистическим угаром. Здесь же отметим, что Япония, выражая недовольство тем, что Лига наций приняла к рассмотрению жалобу гоминдановского правительства Китая в связи с вторжением 18 сентября 1931 г. японских войск в Маньчжурию, вышла в марте 1932 года из Лиги наций, противопоставив тем самым себя всему международному сообществу.

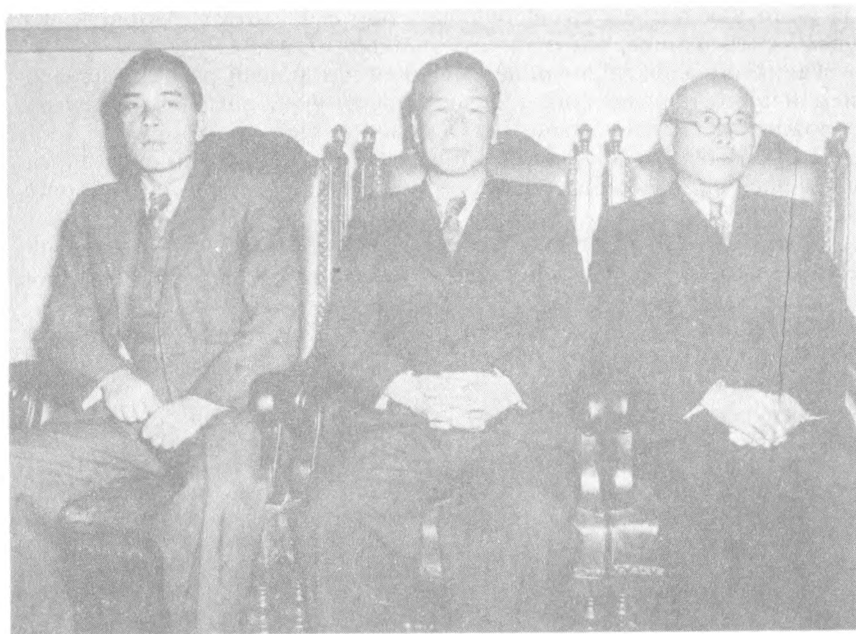
Кинокартина начинается так:

«Мы, нижеподписавшиеся, предлагаем все эти катушки 90-ам миллионов наших соотечественников и 30-ти миллионам населения в Маньчжоу, всем, которые непосредственно поставлены в эти критические условия...»

«Япония и японский народ испытывают серьезное положение с 18 сентября 1931 года.

Поэтому мы отправились к его превосходительству, военному министру Араки, чтобы услышать его впечатления, имеющие отношение к настоящему положению, и о решениях, которые мы должны принять на ближайшее будущее».

И вот его превосходительство, генерал-лейтенант, военный министр Араки на протяжении всего кинофильма выступает перед

Свидетели, бывшие японские военнослужащие, слева направо: К. Мацуура, Т. Рокузо, М. Кэйсаку.

многомиллионными зрителями с пространной воинственно-шовинистической речью. Приведем некоторые выдержки из нее.

«Я считаю для себя большой честью и удовольствием выразить здесь мой взгляд в связи с так называемым «Критическим периодом Японии» для всех соотечественников Японии» [1].

Обсуждая создавшееся положение, «мы спрашиваем, на чьи же плечи возлагается ответственность водворить мир на Востоке?» *(На экране появляются слова: «Страна богов Япония — народ Ямато»).*

«Я твердо верю, что мы никогда не дождемся восстановления мира на Востоке, если будем надеяться на других.

Наша страна Япония создана божеской волей. Это священная страна. Страна богов. Миссией нашей расы и назначением нашего народа является реализовать на практике идеалы, указанные нам нашими богами.

И если мы, раса Ямато, откажемся выполнить эту святую миссию установления мира на Востоке по нашим идеалам и нашею си-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 21 июня 1946 г., с. 1176—1178.

лой — то как же мы сами, будучи азиатами, можем ожидать, что будем жить в мире, что является нашим идеалом.

Таким образом величайшей миссией для нашей расы и назначением нашего народа является восстать и, не полагаясь на других, возложить всю ответственность на свои плечи.

И факт наличия такой миссии, великой ответственности заставляет нас, японцев, двинуться вперед в этот критический период времени».

Араки рассматривает «маньчжурский инцидент» как «манну небесную», а действия японских императорских войск в Маньчжурии оценивает как «блестящие».

«Вид наших соотечественников, сражающихся преданно и серьезно на фронтах Маньчжурии, полных вечного духа, выраженного в словах песни: «Когда мы переходим через моря, тела наши находятся глубоко в воде; когда мы переходим через горы, тела наши скрываются в густой траве; *величайшая честь — умереть за императора»*.

Вот он японский воинский дух, который военный министр внушал своим солдатам и офицерам!

Японский генерал всячески восхваляет так называемый «Путь императора», который, по его мнению, сияет сквозь всю славную историю Японии. «Защищать этот путь и сделать его еще более славным и идти дальше в таком направлении — есть идеал и долг каждого японца».

(На экране надписи: «Храм Ацута» и «Храм Мейдзи»).

«Теперь миссия каждого японца совершенно ясна. Нам ничего не остается, кроме как содействовать монаршей воле и распространить славу и престиж императора на весь мир — что и означает выполнение нашей миссии...»

«И настанет день, рано или поздно, но настанет, когда мы заставим весь мир смотреть на наши добродетели, в этом я уверен».

(На экране появляются Япония и Маньчжурия (в центре), затем Китай, Сибирь и район Южных морей).

«В соответствии с идеалом нашей империи, который я только что изложил, первое, что мы должны сделать, — это водворить вечный мир на Востоке, распространив на него наш Славный Императорский путь».

Затем Араки с восторгом говорит о созданной с помощью Квантунской армии империи Маньчжоу-го. «Для японцев, — восклицает он, — это — наилучший способ распространить влияние нашего императорского пути, а для маньчжур — это будет наилучшим путем создать настоящий рай в Маньчжурии...»

(На экране карта Японии и Маньчжоу-го).

Ниже мы покажем, какой «рай» создали японские захватчики в оккупированной ими Маньчжурии.

В целях выполнения японской нацией возложенной на нее «исторической миссии», осуществления «идеалов мира» и распространения «японского императорского пути» на другие страны Во-

**Подсудимые Х. Осима,
бывший посол Японии в Германии,
и И. Мацуи, бывший председатель
общества «по развитию Великой Восточной Азии».**

сточной Азии японский военный министр предлагает на основе закона о всеобщей мобилизации создать мощную императорскую армию, обеспечив ее в полной мере современным оружием и техникой.

(На экране надпись: «Имея конечной целью водворение вечного мира на Востоке, армия справедливости движется вперед. В этом заключается причина того, что императорская армия так сильна»).

Генерал Араки разъясняет смысл, направленность и значение духа японской нации.

«Истинный дух японской нации, — восторженно заявляет он, — направлен на установление порядка в окружающем хаосе и в устройстве идеального мира. Другими словами, наш расовый дух с незапамятных времен состоит в том, чтобы, пройдя через всякие испытания и трудности, создать мирную землю. Поэтому слабым духом японцам не место в Японии. Мораль истинного японца — это борьба до конца. Итак, хотя наша мораль состоит в том, чтобы пользоваться методом справедливости и правосудия, совершенно необходимо для нас иметь и храбрость, сильную, как меч, пользоваться ею, и решительность действовать при любых обстоятельствах.

Нам необходимо иметь сильный дух, энтузиазм и выносливость, чтобы гордо подняться на борьбу и бороться до последнего, если появится кто-нибудь, мешающий нам» [1].

Вот что означает истинный дух японской нации!

(На экране слова: «Свет грядет с Востока! Свет грядет с Востока!» — повторяются несколько раз.)

При просмотре этого кинофильма, слушая речь Араки, я думал, как же настойчиво и упорно вдалбливалась в головы японцев идея господства японской нации над другими народами Восточной Азии и даже всего мира.

Араки понуро сидел на скамье подсудимых с опущенной головой. Теперь он ничего общего не имел с тем отъявленным националистом-милитаристом, задумавшим «новый порядок» в странах Восточной Азии.

В Японии была установлена жесткая цензура над газетами, книгами, кино, театром, общественными выступлениями.

Свидетель Горо Койдзуми, бывший начальник полиции ряда префектур, показал, что в связи с изданием в 1939 году закона о сохранении в тайне сведений о военных ресурсах полиция усилила цензуру во всех ее формах, она стала «особенно активной в подавлении мыслей, противоположных правительственной политике, и если кто-либо отказывался подчиниться указаниям полиции и нарушал законы, он оказывался в тюрьме.

Различные полицейские департаменты требовали, чтобы общественные выступления по политическим вопросам, а также программы деятельности любых групп и социальных организаций передавались на одобрение полиции заранее до намеченного выступления. В отношении кинокартин и пьес требовалось разрешение министерства внутренних дел, перед тем как демонстрировать фильм или ставить пьесу» [2].

После того как началась японо-китайская война в 1937 году, при кабинете было создано бюро информации, которое имело право

[1] Стенограмма Токийского процесса от 5 августа 1946 г., с. 3156, 3157, 3163, 3168, 3170, 3171, 3173—3175, 3182—3185, 3189.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 24 июня 1946 г., с. 1263—1264.

непосредственной цензуры и наблюдения над распространением всех новостей, всех печатных изданий, кино и всех видов увеселительных заведений. Наряду с бюро информации было создано «бюро по руководству национальным духом». Его цель заключалась в том, чтобы подготовить народ к надвигающейся большой тихоокеанской войне.

Затем это бюро было заменено Ассоциацией помощи трону, в задачу которой входила идеологическая подготовка японской нации к войне, воспитание ее в духе сотрудничества с правительством и поддержки его милитаристской политики [1].

Руководители армии и флота оказывали большое влияние на правительство, и если оно не поддерживало их милитаристские действия, то они добивались его отставки, а иногда прибегали к насильственным мерам, включая террор.

Так, 15 мая 1932 г. премьер-министр Инукаи в его официальной резиденции был убит молодым офицером выстрелом в упор. Инукаи был против расширения маньчжурского инцидента, предлагал вывести японскую армию из Маньчжурии и не признавать правительство Маньчжоу-го. Он также стремился уменьшить бюджет армии. Эта позиция премьер-министра вызвала резко отрицательную реакцию военного министерства, которое возглавлял тогда генерал Араки, и премьер-министр был убит [2].

СОВЕТСКИЙ РАЗДЕЛ

Советская фаза обвинения началась 8 октября 1946 г.

Как уже отмечалось, по ходатайству обвинения Трибунал разрешил проводить советскую фазу обвинения на русском языке. Следует, однако, отметить, что этот вопрос вызвал продолжительную дискуссию.

На заседаниях Трибунала 30 сентября и 1 октября 1946 г. было острое обсуждение по применению французского языка в период французской фазы обвинения.

Главный обвинитель Кинан, представив обвинителя от Франции Р. Онето, сказал, что тот просил у Суда разрешения выступать на своем родном языке. Перевод на английский и японский будет сделан в строгом соответствии со статьей 9 раздела III Устава Трибунала.

Японский защитник Киосэ тут же заявил возражение, отметив, что согласно Уставу процесс должен вестись на английском языке и на языке обвиняемых. Следовательно, ведение процесса на француз-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 24 июня 1946 г., с. 1266—1267.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 27 июня 1946 г., с. 1479—1481.

ском языке явится нарушением Устава и нанесет ущерб обвиняемым и защитникам и надолго затянет суд.

Кинан возразил, что если толковать Устав формально, повинуясь только букве закона и не взирая на здравый смысл, то было бы невозможно вызвать никаких иных свидетелей, кроме говорящих на английском или японском языках. Разумный подход к записанному в Уставе правилу позволяет толковать его таким образом, что все предъявляемые доказательства и показания суд должен услышать на английском и японском языках. Что касается рвения защиты закончить процесс как можно скорее, то обвинение готово сотрудничать в достижении этой цели всеми силами.

Трибунал разрешил Онето произносить вступительную речь на французском языке по фазе дела, касающейся агрессии Японии против Франции и французского Индокитая. Закончив вступительную речь, Онето перешел к представлению документов и начал читать их и пояснять на английском языке. Через несколько минут монитор заявил, что переводчики не понимают английский язык Онето и просят его говорить по-французски. И тут начались шумные дебаты, продолжавшиеся до конца заседания 30 сентября.

На заседании 1 октября председатель, обращаясь к Онето, объявил: «Суд решил, что Вы должны говорить по-английски, или французская фаза обвинения должна полностью передаваться на английском языке. Таково решение Суда, объявленное мной. Решение нужно выполнять, пока оно не будет отменено».

Кинан выступил с резким возражением, заявив, в частности, что «решение Суда по этому чисто процедурному вопросу может уменьшить число стран, принимающих участие в этом процессе, и выступающих с обвинением», и потребовал сделать перерыв для обсуждения создавшегося положения.

В этот напряженный момент снова зазвучала французская речь Онето.

«Что такое, — воскликнул председатель, — он еще говорит по-французски? Это же оскорбление суда».

Тогда Онето по-французски крикнул: «Если мне не разрешают говорить на моем родном языке, то мне нечего здесь делать». Быстро вышел из зала суда и громко хлопнул дверью [1].

В такой ситуации заседание Трибунала не могло продолжаться, и оно было прервано.

После этого скандала вопрос о применении французского языка вновь рассматривался на заседании Трибунала, и по окончании долгих споров Трибунал 1 октября 1946 г. принял такое решение:

1) Вступительная речь читается на французском языке с одновременной передачей перевода ее на английский и японский языки.

2) Обвинитель может высказываться по ходу процесса, давать

[1] Стенограмма Токийского процесса от 30 сентября 1946 г., с. 6700—6707, 6730, 6735—6742; от 1 октября 1946 г., с. 6743—6746.

ответы на возражения и замечания защитников и отвечать на замечания и вопросы Трибунала на французском языке, с обязательным синхронным переводом на английский и японский языки, который будет передаваться по звуковой системе в зале суда.

3) Все подготовленные заявления и комментарии, касающиеся любых документов, предъявляемых в качестве доказательства в этой фазе процесса, могут представляться на французском языке с синхронным переводом их на английский и японский языки; однако содержание принятых документов зачитывается на английском языке с обычной синхронной передачей их перевода на японский язык.

Таким образом Трибунал разрешил французскому обвинению представлять свою фазу обвинения на французском языке с некоторым ограничением [1].

Когда началась советская фаза обвинения, возник вопрос о применении русского языка. Сначала он обсуждался в судейской комнате, а затем — на открытом заседании Трибунала. Спор начался с пререканий председателя Уэбба и Главного обвинителя Кинана, каковые, впрочем, нередко бывали в ходе процесса. Приведем пример:

Председатель: Мы сначала разберем ходатайство отдела Обвинения СССР о разрешении вести свой процесс на русском языке.

Кинан: Г-н Председатель, Обвинение уже представило Суду письменное ходатайство с просьбой дать согласие вести свой процесс на русском языке. Дополнительные причины были даны в судейской комнате. По мнению Обвинения, они были очень вескими для поддержки этого ходатайства.

П.: Судьи читали о том, что было сказано в судейской комнате, г-н Главный обвинитель.

К.: Я не слышал Вас, Ваша честь.

П.: Я должен кричать потому, что Вы не пользуетесь наушниками, а я не намереваюсь этого делать...

К.: Если Вы будете говорить немного громче, я буду Вас слышать.

П.: Я буду говорить так, как я обычно говорю. Стенограф может прочесть Вам, что я сказал...

К.: Я думаю, что наушники не действуют, г-н Председатель, я ничего не слышу, я ничего не могу обсуждать с Судом...

П.: Хорошо, если я буду кричать в микрофон, это даст ужасный результат.

К.: Я не слышал последнего заявления Суда.

П.: Я не намереваюсь повторять его, но вернемся к ходатайству.

К.: Обвинение представило все свои доводы в письменном виде и теперь не намерено дальше комментировать этот вопрос [2].

[1] Стенограмма Токийского процесса от 1 октября 1946 г., с. 6747—6785; от 2 октября 1946 г., с. 6786—6791.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 4 октября 1946 г., с. 7083—7084.

Слово взял американский адвокат Кенингхэм. Он сказал, что Трибунал, рассмотрев вопрос о применении французского языка, сначала правильно решил, что процесс должен вестись на английском и японском языках, но потом в связи с протестом французского обвинения принял другое решение, которое разрешало вести французскую фазу обвинения на французском языке при соблюдении некоторых условий и это замедлило процесс. По его мнению, отмена Трибуналом своего первого решения «была вызвана не только юридическими, но и политическими соображениями...»

На эту последнюю фразу тут же последовала реакция председателя: «Ваши слова оскорбительны, г-н Кенингхэм. Вы не можете обращаться к Суду в таких выражениях и ожидать, что Вы пользуетесь иммунитетом от воздействий Суда... Прежде чем Вы продолжите, я прошу Вас взять обратно свое заявление о том, что Суд действовал под влиянием политических соображений».

Кенингхэм заявил на это: «Если это заявление оскорбительно для Трибунала, я не имел намерения делать его оскорбительным. Я беру обратно свое заявление» [1].

Свое возражение против применения русского языка Кенингхэм мотивировал тем, что это задержало бы процесс и явилось бы препятствием к тому, чтобы подсудимые получали справедливый суд, как предполагалось по Уставу Трибунала.

Выступившие затем адвокаты Киосэ, Логан, Левин также возражали против использования русского языка, утверждая, что это нарушило бы Устав, затруднило бы работу защитников, нанесло бы ущерб обвиняемым и вообще помешало бы обеспечить справедливый суд. При этом американский адвокат Логан заметил, что среди русских обвинителей он знает одного, который хорошо говорит по-английски (имелся в виду С. А. Голунский).

С резкими возражениями против доводов защиты выступил Главный обвинитель Кинан. Он указал, что Устав Трибунала допускает использование языка, помимо английского и японского; что применение русского языка ни в коей мере не помещает осуществить справедливый суд над обвиняемыми, что имела место договоренность между правительствами держав, создавших этот Трибунал, о возможности использования на процессе русского языка, что главный обвинитель согласился и заранее планировал и готовился к тому, чтобы данная фаза обвинения была представлена на русском языке.

Что касается замечания адвоката о том, что среди русских обвинителей имеется один, хорошо знающий английский язык, то Кинан сказал, что, действительно, доктор Голунский очень бегло говорит по-английски, но он считает целесообразным в целях ускорения

[1] Стенограмма Токийского процесса от 4 октября 1946 г., с. 7085—7086.

процесса, чтобы ему помогли четыре его помощника, которые не говорят по-английски [1].

Председатель настойчиво допытывался у главного обвинителя, как много времени займет русская фаза обвинения и, в частности, допрос одного русского свидетеля, которого предполагалось вызвать в суд.

В этой связи между ними произошел такой диалог:

Председатель: Сколько времени, во-Вашему, займет русская фаза, г-н Главный обвинитель?

Кинан: Прошлый опыт научил меня быть немного консервативным при определении того, что происходит в суде с таким количеством адвокатов и вопросов, но я сказал бы — от десяти дней до двух недель...

Председатель: Русский свидетель займет много времени?

Кинан: Мне сообщили, что прямой допрос не займет много времени, предполагают, что около часа, а чтобы угадать продолжительность перекрестного допроса, нужен, пожалуй, человек поопытнее и поумнее меня... [2].

Главный обвинитель был остроумным человеком и легко парировал уколы, наносимые ему председателем.

В итоге дискуссии Трибунал большинством голосов принял такое постановление.

«Постановление: об удовлетворении ходатайства обвинения о проведении фазы процесса от Союза Советских Социалистических Республик на русском языке.

Трибунал заслушал сего 4 октября 1946 г. на открытом заседании суда для дальнейшего рассмотрения ходатайство Обвинения о том, чтобы Трибунал разрешил проводить и представлять ту фазу процесса, которая касается Союза Советских Социалистических Республик, на русском языке, заключающееся в следующем:

1. Вступительное заявление и все комментарии к доказательствам, представляемым Трибуналу, будут зачитываться на русском языке. Они должны быть заранее написаны и переведены на английский язык. Соответствующие тексты заблаговременно передаются переводчикам, так что одновременный перевод на английский и японский языки, а также передача его по звуковой системе в зале суда будут обеспечены.

2. Документы или выдержки из них, предъявляемые и принимаемые в качестве доказательства и зачитываемые для стенограммы, должны предоставляться таким же образом и в таком же порядке, как указано в параграфе 1.

3. Допрос русских свидетелей будет проводиться на русском

[1] Стенограмма Токийского процесса от 4 октября 1946 г., с. 7086—7100.

[2] Там же, с. 7096—7098.

языке с синхронным переводом вопросов и ответов на японский и на английский языки.

4. Предъявление и зачитывание аффидевитов (письменных свидетельских показаний. — *Прим. авт.*) японских свидетелей вместо прямого допроса предполагается проводить таким же образом, как и зачитывание документов вообще.

5. Замечания председателя и возражения защиты будут переводиться на русский. Соответственно, ответы обвинителя на возражения защиты и разъяснения обвинителя по поводу замечаний председателя должны одновременно переводиться на английский и японский.

Трибунал, заслушав дальнейшие аргументы обвинителя и полностью ознакомившись с данным вопросом, решением большинства судей Трибунала постановляет: Приведенное ходатайство удовлетворить, за исключением параграфа 5... Ходатайство обвинения об употреблении русского языка в этих случаях отклоняется» [1].

Такое решение Трибунала об употреблении русского языка устраивало советское обвинение, так как оно не нарушало Устав и не затягивало процесс. Но, как видно, это решение досталось нелегко, за него пришлось бороться.

Но на этом борьба не кончилась. Советскому обвинению пришлось также отстаивать право произнести полностью подготовленную им вступительную речь к советской фазе обвинения.

На заседании Трибунала 7 октября 1946 г. Главный обвинитель Кинан доложил Суду, что следующей фазой будут «Отношения между Японией и Союзом Советских Социалистических Республик» и что эта фаза будет представлена посланником С. А. Голунским, дополнительным обвинителем от Советского правительства, и его помощниками.

Сразу же поднялся американский адвокат Кенингхэм и заявил, что он возражает против вступительной речи русского обвинения на том основании, что она очень длинная — 65 страниц — длиннее вступительной речи главного обвинителя, что первые двадцать страниц относятся к периоду между 1900 и 1922 гг., выходя далеко за пределы дат, охваченных обвинительным актом; последующие двадцать страниц представляют собой выводы, итоги, мнения и заключения; еще двадцать страниц посвящены оправданию русских действий в Маньчжурии и Китае и другим объяснениям и около пяти страниц, которые могли бы быть написаны на трех страницах, говорят о том, что предполагается доказать документами и свидетельскими показаниями.

В заключение Кенингхэм обратился к суду с просьбой указать русскому обвинению, что цель вступительной речи — это кратко сказать, что предполагается доказать. Это возражение он делает до зачитывания речи для того, чтобы избежать задержек и перерывов,

[1] Документ Трибунала № 714 от 6 октября 1946 г.

которых бы не было при представлении сокращенной, сжатой речи. «Я полагаю, — сказал он далее, — что в данном случае имеет место злоупотребление нашим добрым чувством и благосклонным отношением».

На последнее замечание председатель реагировал так: «Мы не претендуем на хорошие чувства и благосклонность, мы только осуществляем справедливость».

Смысл возражений защитника заключался в том, чтобы выхолостить историческое и политическое содержание речи, устранить из нее квалификацию совершенных японскими милитаристами тяжелых преступлений против мира и человечества с точки зрения современного международного права.

Началась дискуссия по вопросу о том, разрешить советскому обвинителю зачитать полностью подготовленный им текст вступительной речи или нет?

Против доводов и предложения американского защитника аргументированно и убедительно возражал Главный обвинитель Кинан.

В своем выступлении он обратил внимание судей на то, что данный Суд не является судом присяжных, и поэтому при рассмотрении методов и способов представления какой-то фазы, относящейся к пострадавшей нации, должна быть проявлена либеральность с тем, чтобы дать возможность представить историческую обстановку так, чтобы последующие доказательства могли бы иметь значение; и если это так, то ученые обвинители при подборе и анализе доказательств подтвердят необходимость дачи такой окраски. Если некоторые замечания кажутся защите слишком эмоциональными, то следует ли напоминать, что мы говорим о действиях тех, кто отнял жизнь у людей, о чем трудно говорить спокойно, воссоздавая картину ужасных преступлений.

Далее Кинан заявил: «Когда высочайшие власти великой нации посылают юриста на процесс такого характера, если бы даже возникло сомнение, оно должно быть разрешено в пользу этого человека, и будет совершенно правильно, если Суд разрешит представление дела так, как желает он, если это не идет вразрез со справедливостью данного Суда».

Затем Трибунал удалился на совещание для обсуждения возражения защиты. После совещания председатель объявил: «Трибунал считает, что защита не имеет права возражать против всей предложенной вступительной речи, так как некоторые ее части безусловно не подлежат возражению, но защита имеет право возражать по той или иной части вступительной речи, причем она, безусловно, должна приводить свои доводы... Мы помним, что когда Главный обвинитель произносил речь, защита предъявляла ряд возражений на основаниях довольно похожих на настоящие доводы, приведенные г-ном Кенинхэмом. Тогда защита согласилась, что возражения будут представлены после того, как Главный обвинитель закончит свою речь...»

Председатель попросил защитников высказать свое мнение по

этому вопросу. Защитники совещались между собой и потом с Главным обвинителем.

В итоге было решено, что советский обвинитель С. А. Голунский прочтет полностью свою вступительную речь, а защитники могут сделать свои возражения против отдельных мест речи после того, как она будет произнесена. В случае, если Трибунал примет возражение защитника против отдельного места речи, то это место не будет приниматься Трибуналом во внимание [1].

Так закончился спор по поводу вступительной речи советского обвинителя.

Все препятствия были устранены, и утром 8 октября 1946 г. обвинитель от СССР С. А. Голунский произнес вступительную речь к советской фазе обвинения на русском языке.

Обращаясь к председателю и членам Международного Военного Трибунала, он сказал:

«Моя задача заключается в том, чтобы обосновать перед Вами ту часть обвинения, которая касается японской агрессии против Советского Союза...

Но характер этой агрессии, как и всей мировой войны, частью которой она явилась, таков, что совершенно невозможно рассматривать ее в отрыве от других частей той же войны, с которыми она неразрывно связана.

Так, совершенно невозможно понять, какое значение для всего мира имело пребывание миллионной японской армии в Маньчжурии и Корее в 1941—1942 гг., если не учитывать, что это был момент самого высокого подъема гитлеровской агрессии, хотя в 1942 году ряд обстоятельств уже привел к ослаблению германского тыла, а значит, и к ослаблению Германии в целом, что в это время немецкие войска подступали к Москве, к Ленинграду и Сталинграду, что германо-итальянские части находились в нескольких днях пути от Суэцкого канала, а японские войска захватывали одну за другой различные территории на Тихом океане; совершенно невозможно понять, например, как Япония решилась напасть на США и Великобританию, если не иметь в виду ставку, которую делал японский империализм на победу Германии в Европе, а следовательно, и прогноза японских политиков относительно исхода войны между Германией и СССР».

Далее С. А. Голунский отметил, что, хотя сидящие на скамье подсудимых обвиняются в совершении ряда преступлений в период между 1928 и 1945 гг., но эти преступления, в частности, японскую агрессию против Советского Союза, невозможно понять, если не учитывать того исторического фона, на котором она развертывалась. Поэтому ему поневоле придется коснуться ряда обществен-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 7 октября 1946 г., с. 7196—7211.

ных исторических событий, предшествовавших периоду, охватываемому обвинительным актом.

И он привел факты, характеризующие агрессивный характер внешней политики Японии с начала века, в частности, вероломное нападение японцев на русскую эскадру в Порт-Артуре в 1904 году, вызвавшее суровое осуждение всего мирового общественного мнения и явившееся одним из поводов для заключения на второй Гаагской конференции мира в 1907 году конвенции о порядке начала военных действий. «Но только теперь, — сказал советский обвинитель, — после нападения на Пёрл-Харбор, этот старый исторический эпизод может быть понят в его настоящем свете. Нападение на Пёрл-Харбор в точности воспроизводит схему, по которой было осуществлено нападение на Порт-Артур. Та же внезапная атака, без объявления войны, под прикрытием происходивших в то время переговоров. Это не случайное совпадение, это — метод японской агрессивной политики, это — японская военная доктрина, на которой обучались целые поколения японских офицеров. И неудивительно, как это было здесь доказано, что Гитлер через подсудимого Осиму в декабре 1941 года поздравил Японию с удачным применением такого предательского метода ведения войны и сказал, что он сам всегда так поступал и намерен также поступать и впредь».

Затем С. А. Голунский напомнил о японской интервенции на Советском Дальнем Востоке в 1918 году, предпринятой с целью отторжения от России всего Дальнего Востока и создания там марионеточного государства, которое находилось бы в полной зависимости от Японии.

И хотя попытка захвата Советских Дальневосточных территорий не удалась, сказал обвинитель, мечта об этом продолжала жить среди японской военщины и японских империалистических политиков до самого последнего времени и мотивировала собой целый ряд их агрессивных действий в продолжении всего периода, охватываемого обвинительным актом.

Они не могли забыть просторов Советского Дальнего Востока, где они однажды побывали, не могли забыть его природных богатств, которые они уже считали одно время своими и рассматривали свой уход с советских территорий лишь как временное отступление, вынужденное обстоятельствами.

В речи советского обвинителя отмечалось, что японская пропаганда подчеркивала, в виде особых достижений Японии, то, что первой мировой войне предшествовала японо-китайская война и японо-русская война; что маньчжурский инцидент предшествовал приходу к власти немецких нацистов, аннексии Абиссинии, гражданской войне в Испании и ремилитаризации Рейнской области, а японо-китайский инцидент предшествовал аннексии Чехословакии, аншлюсу Австрии и аннексии Албании.

«Японцы хвастались, — говорилось далее, — что именно они являлись зачинщиками мирового фашизма и мировой агрессии. Дело, конечно, не в том, японский ли пример вдохновил Гитлера,

или гитлеровские разбойничьи подвиги вдохновили японцев. Развязанная теми и другими агрессия явилась результатом преступных действий одних и тех же групп во всех агрессивных странах. Приход к власти Гитлера в Германии, Муссолини — в Италии и быстрое развитие японского империализма выражало во всех этих странах интересы наиболее агрессивных, наиболее реакционных социальных групп.

Для нас важно то, что эти человеконенавистнические силы действовали в Европе и на Дальнем Востоке, были связаны между собой и настойчиво, систематически вели наступление на свободу, демократию и мирный труд народов».

Вторая мировая война, продолжал С. А. Голунский, захватила все без исключения население воюющих государств, составляющее примерно 2/3 населения земного шара. И недаром германская военная теория придумала для развязанной агрессивными странами захватнической войны термин «тотальная война», тотальная в том смысле, что для ее ведения мобилизуются все без исключения ресурсы воюющего государства; тотальная также и в том смысле, что под ее удары попадают все без исключения жители страны, ставшей жертвой агрессии, воюющие и невоюющие, мужчины и женщины, старики и дети. Для ведения войны необходимо особое орудие, специально приспособленный для этой цели государственный механизм, задачей которого является террористическое подавление всякого протеста в своей собственной стране и мобилизация всех сил для агрессивных войн против чужих стран.

Именно такой государственный механизм был создан и действовал в Германии, Италии и Японии и что в этих странах широко применялся террор, решительно подавлялось все демократическое, проповедовался звериный национализм, внушалась своему народу идея господства над другими народами.

В Японии, так же как в Германии и Италии, «сам государственный механизм был превращен в орудие преступления. В руках тех социальных групп и политических партий, представители которых сидят здесь на скамье подсудимых, этот аппарат являлся таким же оружием, каким служит нож или револьвер в руках обыкновенного убийцы или бандита. Разница только в том, что от ножа в руках бандита гибли бы единицы, тогда как от того чудовищного орудия преступлений, каким эти люди сделали японский государственный аппарат, гибли миллионы».

Далее советский обвинитель сказал: «Два очага мировой агрессии образовались перед началом второй мировой войны — Германия в Европе и Япония в Азии. Их враждебность по отношению к Советскому Союзу приобретала тем большее значение, что наша страна географически оказалась как раз посередине между этими двумя очагами. Неудивительно, что японские и германские агрессоры подали друг другу руки и надеялись общими усилиями раздавить Советский Союз. Эта враждебность как германской, так и японской правящих клик в отношении нашей страны послужила

почвой, на которой эти два самых больших агрессора нашей эпохи впервые подали друг другу руки и вступили в преступный заговор против всех демократических стран.

В течение всего периода, охватываемого обвинительным актом, характер и формы японской агрессии против Советского Союза менялись. Оставалась неизменной только основная цель — так или иначе, тем или иным способом захватить сколько удастся советской территории, нанести какой только окажется возможным удар по нашей стране».

Дальнейшее изложение японской агрессии против Советского Союза С. А. Голунский разделил на четыре периода:

с 1928 года до захвата Маньчжурии; с 1931 по 1936 год; с 1936 года до начала войны в Европе в 1939 году; последний период, вплоть до капитуляции Японии.

На основе письменных доказательств и свидетельских показаний была дана подробная характеристика каждого периода.

Характеризуя 1-й период, обвинитель отметил, что в силу Конвенции 1925 года об основных принципах мирных взаимоотношений между СССР и Японией японская сторона не должна была поддерживать ни прямо, ни косвенно никаких организаций и группировок, деятельность которых была бы направлена против Советского правительства. А в силу Портсмутского договора 1905 года, подтвержденного указанной конвенцией, Япония была обязана не проводить никаких военных приготовлений в Корее и Маньчжурии, направленных против России, и не использовать Маньчжурскую железную дорогу для военных перевозок.

Япония грубо нарушала эти обязательства. Начиная с 1928 года генеральный штаб и правительство Японии планировали агрессивную войну против Советского Союза, выжидая лишь удобного случая для ее развязывания. Они готовились к захвату Маньчжурии и превращению ее в плацдарм для нападения на СССР, засылали на советскую территорию шпионов и других агентов для дезорганизации советской экономики путем устройства взрывов, крушений поездов и т. п. для организации террористических актов против руководителей Советского государства.

Говоря о 2-м периоде, советский обвинитель отметил, что Япония в 1931 году захватила Маньчжурию, и это явилось важным этапом в развертывании японской агрессии не только против Китая, но и против Советского Союза. Более того, захват Маньчжурии имел огромное значение для подготовки всей японской агрессии, так как он был широко использован для усиления влияния милитаристской клики внутри самой Японии. Не случайно вслед за захватом Маньчжурии в Японии последовал целый ряд террористических актов, организованных подпольными обществами, состоявшими из наиболее агрессивных элементов японской военщины.

На территории Маньчжурии были созданы общество «Кио Ва Кай», возглавлявшееся японцами, в целях укрепления японского влияния в Маньчжурии, и «Бюро русских эмигрантов», действовав-

шее под руководством военной миссии Японии в Харбине, с целью организации из них специальных диверсионных отрядов для тайной переброски их на советскую территорию и для организации всякого рода провокационных наскоков на проходившую по территории Маньчжурии Китайско-Восточную железную дорогу, находившуюся в совместной собственности Советского Союза и Китая.

За период с 1931 по 1936 год численность японских войск в Маньчжурии возросла с 50 тыс. до 270 тыс. человек.

Японское правительство, проводя агрессивную политику в отношении Советского Союза, отклонило его предложение о заключении с Японией пакта о ненападении. В этот период оно прилагало усилия к установлению более тесного сотрудничества с европейским агрессором — Германией и в 1936 году заключило с ней так называемый антикоминтерновский пакт, прямо направленный против СССР.

Характеризуя 3-й период, С. А. Голунский указал, что японская военщина, используя опыт создания всякого рода «инцидентов» на территории Китая, решила прибегнуть к такому же «инциденту» и на территории СССР. В июле 1938 года посол Японии в Москве, подсудимый Сигэмицу, явился в Народный комиссариат иностранных дел и предъявил требование передать Маньчжоу-го, т. е., иначе говоря, Японии, высоту Заозерную, имевшую большое стратегическое значение на пути к Владивостоку. Это наглое японское требование было решительно отклонено. Тогда 29 июля сосредоточенные в районе озера Хасан части японской Корейской армии перешли в наступление и заняли эту высоту. Советское правительство было вынуждено ввести в бой полевые войска Красной Армии, которые наголову разбили японские части, захватившие советскую территорию, и прогнали их за пределы советской границы.

Как сказал советский обвинитель, урок, полученный при Хасане, не образумил японское правительство и руководителей японской армии. В следующем, 1939 году они возобновили свою агрессию на этот раз на территории Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол. Японскому правительству и военному командованию было хорошо известно о существовании договора о взаимопомощи между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой. Они заранее знали, что нападение на территорию этой республики неизбежно приведет к военному столкновению с Советским Союзом, и сознательно шли на это.

Операция Квантунской армии на реке Халхин-Гол имела целью создать плацдарм для прорыва на советскую территорию, чтобы перерезать Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать Дальний Восток от России. Военные приготовления теперь были значительно шире, чем в предшествующем году. На этот раз начатая японцами необъявленная война против МНР и Советского Союза продолжалась четыре месяца и закончилась полным разгромом участвовавших в боях японских вооруженных сил.

Заключение Германией с Советским Союзом в 1939 году дого-

6 Заказ № 2

вора о ненападении японское правительство, возглавлявшееся в то время подсудимым Хиранума, сгоряча расценило как «измену» принципам антикоминтерновского пакта и как отказ от военного союза с Японией. Однако спустя некоторое время японской правящей клике стало ясно, что, заключая договор с СССР, Германия действовала из чисто конъюнктурных соображений, отнюдь не отказывалась от своих агрессивных целей и никакой «измены» общему делу агрессоров и «принципам» антикоминтерновского пакта не совершила. На этой почве летом 1940 года состоялись переговоры между Германией и Италией, с одной стороны, и Японией, с другой, — о заключении военного и политического союза. Эти переговоры привели к заключению 27 сентября 1940 г. трехстороннего пакта, который окончательно оформил заговор агрессивных держав против демократических государств, и в частности против СССР.

Сущность трехстороннего пакта заключалась в сговоре агрессоров об установлении во всем мире так называемого нового порядка и в определении доли каждого из них в дележе добычи.

К моменту подписания пакта действия Германии в Европе и Японии в Китае уже показали на практике, что они совершенно одинаково понимают этот «новый порядок» как порабощение миролюбивых народов, расовое и национальное угнетение, массовые расстрелы мирного населения, ограбление захваченных территорий, вытравление демократических начал в завоеванных государствах.

Остановившись на последнем периоде, С. А. Голунский подчеркнул, что, подписывая 13 апреля 1941 г. в Москве пакт о нейтралитете с Советским Союзом, Мацуока, бывший в то время министром иностранных дел Японии, уже знал о готовящемся нападении Германии на Советский Союз и что одновременно с переговорами о заключении пакта о нейтралитете с СССР, он возбудил перед Риббентропом вопрос о продлении еще на пять лет антикоминтерновского пакта, срок которого истекал 26 ноября 1941 г. И такое продление состоялось, когда советско-германская война была уже в разгаре, и наличие у Японии договора о нейтралитете с СССР нисколько этому не помешало.

Японская правящая клика на совещании у императора 2 июля 1941 г. решила, что Япония «пока» не станет вмешиваться в войну с СССР и применит оружие, «если германо-советская война будет развиваться в пользу Японии». А до тех пор Япония под прикрытием дипломатических переговоров будет «скрытно вести вооруженную подготовку против СССР». В соответствии с этим решением японским генеральным штабом был выработан особый план секретной мобилизации под шифром «Кан Току Эн», который означал «особые маневры Квантунской армии». По этому плану численность Квантунской армии должна была быть увеличена в течение двух месяцев вдвое — с 300 до 600 тыс. человек. План этот проводился в жизнь в самом спешном порядке. Среди японской военщины в то время был распространен лозунг «не опоздать на автобус».

Немцы обещали разгромить Советской Союз не позже, чем в

два месяца, и японские заправилы рассуждали так: зачем нам лезть сейчас напролом и нести потери в боях с Красной Армией, к тому же в Восточной Сибири нет нефти, которая нам нужна. Мы пока захватим на юге все, что нам нужно, а к осени, когда немцы разобьют Красную Армию и в Советском Союзе наступит дезорганизация, мы легко заберем все то, что захотим.

«Есть очень много разумных людей, — сказал С. А. Голунский, — которые с полным основанием удивляются, как могла Япония решиться напасть одновременно на Соединенные Штаты и Великобританию, имея при этом на руках незаконченную войну с Китаем и готовясь к нападению на Советский Союз. Это недоумение нельзя разрешить, если упустить из виду слепую веру правителей Японии вообще и руководителей японской военщины в частности в мощь Германии, в ее неминуемую победу. Они рассчитывали, что со дня на день падут Москва и Ленинград, что со дня на день наступит давно уже обещанное немцами крушение Советского Союза».

Обвинитель далее отметил, что Япония не соблюдала пакт о нейтралитете, заключенный с Советским Союзом. Она преднамеренно и систематически нарушала пакт и оказывала Германии серьезную помощь. Несмотря на большую потребность в войсках на других фронтах, Япония все больше и больше наращивала свои вооруженные силы на советских границах. В 1942 году в Маньчжурии было сосредоточено 1100 тыс. войск, т. е. почти 35% всей японской армии, включая лучшие танковые и авиационные части.

«...Японское правительство знало, что Советский Союз не собирается напасть на Японию, и держало миллионную армию на советских границах не в оборонительных целях, а, во-первых, для того, чтобы помогать Германии, и, во-вторых, с тем, чтобы не упустить удобного момента, если бы Германии все-таки удалось победить Советский Союз». Германия весьма ценила помощь, оказываемую ей Японией. С. А. Голунский привел телеграмму Риббентропа германскому послу в Токио от 15 мая 1942 г., в которой подчеркивалось, что «нейтралитет» Японии в отношениях с Советским Союзом облегчает «труд» Германии, поскольку Россия должна держать войска в Восточной Сибири для предупреждения японо-русского конфликта.

«Если бы Япония, — сказал обвинитель, — честно соблюдала свой договор о нейтралитете с Советским Союзом, если бы она не вынуждала его держать, по собственному признанию японского командования, очень большие вооруженные силы на границах с Маньчжурией, то СССР имел бы возможность с самого начала использовать эти силы в войне с Германией. Это не только изменило бы весь ход советско-германской войны, но, по всей вероятности, весь ход второй мировой войны был бы совершенно другим. Что же касается советско-германской войны, то совершенно бесспорно, что эта война кончилась бы гораздо скорее и с гораздо меньшими жертвами для Советского Союза.

Сотни советских городов, которые приходится теперь восстанавливать из развалин, были бы целы. Сотни тысяч, а может быть, и миллионы советских людей, погибших в войне с гитлеровскими захватчиками, были бы живы».

Вместе с тем советский обвинитель отметил, что если бы миллионная армия, которую японское командование в продолжение всей войны держало в Маньчжурии, с ее военной техникой была бы брошена против Соединенных Штатов и Великобритании, то задачи союзных армий на фронтах Тихоокеанской войны были бы, конечно, существенно затруднены.

Обвинитель от СССР далее указал, что Япония в продолжение всей войны передавала Германии военную информацию о Советском Союзе, которую собирали ее военные и дипломатические представители в СССР. Наряду с этим Япония топила советские суда и всячески препятствовала советскому судоходству на Дальнем Востоке. Этим она также оказывала Германии существенную помощь, затрудняя перевозки в Советский Союз необходимых ему материалов.

Ввиду помощи, систематически оказывавшейся Японией Германии, а также учитывая, что Япония начала войну против союзников Советского Союза — США и Великобритании, пакт о нейтралитете, подписанный 13 апреля 1941 г., потерял весь смысл и Советское правительство вынуждено было денонсировать его.

Советский обвинитель напомнил, что после того, как японские руководители отвергли Потсдамскую декларацию, призывавшую Японию к безоговорочной капитуляции, они обратились к Советскому правительству с просьбой о посредничестве.

Советский Союз, хорошо зная уловки агрессоров, решительно отверг эту просьбу японского правительства как беспредметную, и по просьбе своих союзников — США и Великобритании, верный своему союзническому долгу, желая всемерно ускорить окончание войны, от которой человечество уже шесть лет истекало кровью, объявил войну японскому агрессору.

Советский Союз преследовал при этом также и цель — дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции.

В заключение советский обвинитель сказал:

«Понадобился сокрушительный удар Красной Армии по сосредоточенным в Маньчжурии отборным японским войскам, чтобы зарвавшиеся японские империалисты наконец поняли, что они проиграли войну. Они поняли, что они побиты, да и трудно было не понять этого при том положении, в каком оказалась разгромленная и окруженная со всех сторон Япония, но они до сих пор не признают и не хотят признать, что они совершили преступление. Они все как один заявили здесь на суде, что не считают себя виновными ни в чем. Это еще раз подчеркивает, что если бы они оказались на свободе, если бы в их руках оказались необходимые средства, они

опять стали бы действовать точно так же, как действовали до сих пор» [1].

Полуторачасовая, политически острая, юридически аргументированная, содержательная вступительная речь обвинителя от СССР С. А. Голунского была выслушана с большим вниманием.

Затем советский обвинитель представил Трибуналу своих помощников, которые должны были предъявить суду доказательства обвинения: С. Я. Розенблита — старшего помощника Главного прокурора Вооруженных Сил СССР; А. И. Иванова — начальника Следственного отдела Министерства Вооруженных Сил СССР; В. С. Тадевосяна — помощника Генерального прокурора СССР; А. Н. Васильева — Прокурора г. Москвы.

Как только С. А. Голунский закончил свое выступление, слово взял американский адвокат Логан.

К общим возражениям, которые сделал на предыдущем заседании Трибунала адвокат Кенинхэм, он высказал со своей стороны ряд возражений против отдельных страниц и абзацев вступительной речи советского обвинителя. Логан, в частности, предложил вычеркнуть из текста речи те места, где говорится о событиях до 1928 года — о японо-русской войне 1904 года, о японской интервенции на Дальнем Востоке в период 1919 — 1922 гг. и других, а также о Монгольской Народной Республике, поскольку-де ее самостоятельность не признавалась тогда китайским правительством, о том, как Япония начала войну против США, и об иных событиях, которые, по мнению адвоката, не относятся к советской фазе обвинения.

Вместе с тем адвокат возражал против таких мест в речи, которые, по его мнению, содержат общие рассуждения, выводы, заключения, не подтвержденные доказательствами, и подстрекательские заявления.

Ряд аналогичных возражений высказал и другой американский защитник Смит.

Выступая против этих возражений, главный обвинитель Кинан заметил, что если попытаться ответить на них устно, пункт за пунктом, то это затянет процесс. Поэтому он предложил изложить ответы обвинения в письменной форме. Но это было неприемлемо для Трибунала, поскольку ему пришлось бы рассматривать все возражения защиты и принимать по каждому из них решение, что замедлило бы процесс.

Тогда Кинан заявил: «Мы надеемся предъявить некоторые доказательства и считаем, что они безусловно имеют отношение к делу, несмотря на то, что будут касаться того времени, которое не охватывается Обвинительным заключением... Мы хотели бы, чтобы Суд принял без доказательств события, предшествующие времени Обвинительного заключения, если только они помогут понять те

[1] Стенограмма Токийского процесса от 8 октября 1946 г., с. 7213—7285.

действия, которые приписываются Обвинительным заключением данным подсудимым».

Вместе с тем он справедливо заметил: «Обвинение не может понять, каким образом Трибунал сейчас мог бы принять решение по поводу того, какова сущность доказательств, которые будут предъявлены и имеют ли отношение к делу?»

В итоге дискуссии Уэбб выразил решение Трибунала следующим образом: «Само собой разумеется, что мы будем руководствоваться доказательствами и только одними доказательствами...

Мы не примем во внимание ничего, что не подтверждено соответствующими доказательствами...

Защита должна нам доверять и понять, что мы в состоянии отличить заявления, которые подкреплены доказательствами, от заявлений без доказательств» [1].

После этого советские обвинители приступили к представлению доказательств, которые юридически обосновывали акты агрессии Японии против Советского Союза. Трудность этой задачи состояла в том, что: во-первых, англосаксонское процессуальное право ставило под сомнение подчас совершенно очевидные истины, во-вторых, велась энергичная открытая борьба со стороны защиты с целью доказать, что якобы не Япония совершила агрессию против СССР, а наоборот, в-третьих, значительная часть документов была сознательно уничтожена японским правительством, а оставшиеся находились в распоряжении американских военных властей, которые под разными предлогами отказывали советскому обвинению в использовании их.

Несмотря на это, советское обвинение представило Трибуналу в качестве доказательств:

174 документа, в том числе 24 письменных показаний свидетелей, которые не вызывались в Трибунал, и допросило 7 свидетелей, в том числе 4-х японцев, непосредственно в Трибунале.

Документы по своему характеру были самые разнообразные; письменные показания (аффидевиты) были даны частично японскими военнопленными и белоэмигрантами, захваченными нашими войсками в период войны, и частично советскими гражданами, проживавшими на территории Советского Союза.

Следует отметить, что японский генерал-лейтенант Кусаба до его допроса в Трибунале, в ночь с 20 на 21 сентября 1947 г., в доме, где мы жили, покончил жизнь самоубийством, приняв цианистый калий. Он оставил две записки: в одной он корил себя за то, что не справился с эвакуацией японских военных и гражданских лиц из Маньчжурии в конце войны, а во второй — просил прощения у нашего полковника, сопровождавшего его из Хабаровска в Токио за

[1] Стенограмма Токийского процесса от 8 октября 1946 г., с. 7286—7301.

то, что он своим самоубийством принесет ему неприятность по службе.

Наши офицеры оценили этот благородный поступок старого японского генерала.

Генри Пу И в 1945 году, когда союзные войска вступили в Маньчжурию, пытался скрыться на своем самолете, но советские летчики помешали этому и, вовремя пересадив Пу И в свой самолет, благополучно доставили его в Хабаровск, а затем и в Токио, где он давал показания в суде о японской агрессии в Китае и Маньчжурии.

Советскими обвинителями представлялись Трибуналу доказательства по следующим подразделам:

а) агрессивные планы Японии против СССР;

б) превращение японцами Маньчжурии и Кореи в плацдарм для нападения на Советский Союз;

в) провокации Японии на Китайско-Восточной железной дороге и на границах Советского Союза и необъявленные войны Японии против СССР в районах озера Хасан и реки Халхин-Гол;

д) заговор блока агрессоров — Германии, Италии и Японии — против СССР;

д) японские планы нападения на СССР после нападения Германии на Советский Союз.

Не имея возможности подробно остановиться на всех доказательствах, представленных советским обвинением, приведем лишь некоторые из них.

Трибуналу был представлен аффидевит — протокол допроса от 11 апреля 1946 г. бывшего руководителя русских белогвардейцев в Маньчжурии, злейшего врага Советского государства и активного пособника японских агрессоров — атамана Семенова.

Американские защитники Брукс и Блекни выступили против принятия этого аффидевита, мотивируя свои возражения тем, что в нем содержится много выводов и заключений и что сам Семенов три недели тому назад был казнен русскими.

Советский обвинитель С. А. Голунский подтвердил, что действительно Семенов примерно месяц тому назад был казнен, но этот факт не может служить помехой к тому, чтобы был принят его аффидевит.

Что касается возражения относительно содержания аффидевита, то следует иметь в виду, что этот человек, который сотрудничал в течение 25 лет с японцами и фактически возглавлял русскую эмиграцию в Маньчжурии, безусловно, мог делать свои выводы о фактах, относящихся к тому периоду.

Председатель Трибунала сказал: «Конечно, такого рода аффидевит ни в одном суде англосаксонской страны не был бы принят... В качестве австралийского судьи я бы сказал, что этот аффидевит не имеет никакой доказательной силы. Но поскольку здесь 11 судей, мы можем иметь различное мнение по этому поводу».

После этого Уэбб устроил перерыв, чтобы обсудить данный вопрос со своими коллегами.

После перерыва он объявил: «Трибунал решил принять в качестве доказательства аффидевит Семенова. Он может быть зачтен, это решение большинства» [1].

Из аффидевита Семенова были процитированы выдержки, в том числе такие:

«20 ноября 1920 г., когда я со своим штабом находился на станции Маньчжурия, ко мне из Владивостока прибыл представитель японского генерального штаба полковник Исоме, который сообщил, что японское правительство намерено создать на территории Приморья самостоятельное правительство и готово поддержать мою кандидатуру на пост руководителя этого правительства...

Окончательные условия японского правительства по приморскому вопросу мне сообщил глава японской дипломатической миссии на Дальнем Востоке граф Мацудайра, который до капитуляции Японии был министром императорского двора...

Японские условия были следующие: Япония обязывалась предоставить мне необходимый денежный заем, нужное количество оружия и амуниции. Я же должен буду после того, как стану главой Дальневосточного правительства, ликвидировать всякие так называемые пограничные формальности между Приморьем и Корейским генерал-губернаторством. Иначе говоря, по этому условию, выдвинутому Мацудайра, я соглашался на присоединение Приморья к Японии...

Ярким выразителем японских агрессивных планов этого периода (30-х годов. — *Прим. авт.*) являлся военный министр генерал Араки. Между мною и Араки еще со времени японской интервенции 1918 — 1922 гг. существовали дружеские отношения. Араки тогда занимал должность начальника японской военной миссии в Харбине...

В 1936 году Араки мне рассказывал, что Япония стремится как можно скорее создать в Маньчжурии тяжелую индустрию, которая должна будет частично обеспечить потребности Квантунской армии. После создания такой индустриальной базы Япония начнет войну с Советским Союзом...

Касаясь вопроса войны против СССР более детально, Араки мне рассказывал, что план Японии в данный период сводится к тому, чтобы добиться военным путем отторжения Восточной Сибири и Приморья от СССР и создать на этой территории буферное государство. Араки тогда же пояснил, что не исключено, что прежде всего Япония захватит только Приморье, но это не будет означать прекращения дальнейшего продвижения в глубь СССР...

[1] Стенограмма Токийского процесса от 8 октября 1946 г., с. 7311—7319.

«Целью Японии остается на все время территория от Байкала на Восток», — заявил в заключение Араки [1].

Эти агрессивные планы Японии в отношении Советского Союза относятся к 30-м годам.

В 40-х годах в Японии усиленно пропагандируется идея создания «Сферы сопроцветания Великой Восточной Азии», в которую входила бы территория Советского Дальнего Востока.

Советское обвинение представило Трибуналу статью подсудимого Хасимото Кингоро, идеолога японской агрессии, опубликованную в газете «Тайо Дайниппон» 5 января 1942 г. под громким многозначительным заглавием: «Императорская сфера Великой Восточной Азии». По мнению автора, эта сфера должна включать в себя следующие страны:

«Япония, Маньчжурия, Китай, Дальний Восток СССР, Французский Индокитай, Бирма, Малайя, Голландская Индия, Британская восточная Индия, Афганистан, Австралия, Новая Зеландия, Гавайи, Филиппины и острова Тихого и Индийского океанов» [2].

Затем советский обвинитель представил Трибуналу выдержку из японской книги — карту мира, на которой были изображены территории предполагаемого «Нового Восточно-Азиатского Союза» под управлением японской империи, включая территорию Советского Приморья.

Американский защитник Брукс стал пространно возражать против принятия этого документа, мотивируя тем, что якобы обвинение пытается придать «Сфере сопроцветания Великой Восточной Азии» политический характер, тогда как будто планировалось только экономическое сопроцветание.

Совершенно очевидно, что данное возражение защитника было необоснованно. Учитывая, что и до этого защитники выступали с необоснованными возражениями, затягивая процесс, председатель сделал замечание защитнику: «Капитан Брукс, потребуется масса времени для того, чтобы перевести все, что Вы сказали. Вы очень хорошо говорите, но Вы говорите слишком долго.

Мы серьезно задумываемся над тем, сколько времени мы тратим на возражения, которые, если принять во внимание Устав, не имеют шансов на успех. Мы убедительно просим защиту подумать об экономии нашего времени» [3].

Однако и после этого защитники продолжали высказывать свои возражения почти по каждому документу и каждому свидетелю обвинения.

Ценные для обвинения показания дал в Суде Яцуги Кадзуо, бывший генеральный секретарь общества «Кокусаку Кэнью Кай».

[1] Стенограмма Токийского процесса от 8 октября 1946 г., с. 7320—7321, 7332—7333.

[2] Там же, с. 7349.

[3] Стенограмма Токийского процесса от 9 октября 1946 г., с. 7356.

Это общество, как показал свидетель, было организовано в 1937 году с целью изучения важнейших политических проблем, стоявших перед Японией, доведения до сведения правительства результатов этих исследований и опубликования их для всеобщего сведения.

В обществе состояло до 2000 государственных, политических, экономических и военных деятелей и до 115 юридических лиц, в числе которых были секретариат премьер-министра, военное министерство, военно-морское министерство, министерство внутренних дел, министерство иностранных дел, министерство колоний и др. Советский обвинитель представил Трибуналу изданный указанным обществом в мае 1943 года «Проект мероприятий по строительству Великой Восточно-Азиатской сферы сопроцветания» и сборник документов военных организаций, министерства колоний и общества «Кокусаку Кэнью Кай». В содержащемся в сборнике документе — «Плане управления территориями Великой Восточной Азии», разработанном в декабре 1941 года, написано:

«Будущее советской территории. Этот вопрос разрешится японо-германским соглашением. В настоящее время его решить трудно. Тем не менее Приморская область будет присоединена к территориальным владениям империи и районы, прилегающие к Маньчжурской империи, войдут в ее сферу влияния.

Сибирская железная дорога будет поставлена целиком под контроль Японии и Германии. При этом линия разграничения между ними проходит в Омске» [1].

Вот так предполагали германские и японские агрессоры разделить между собой территорию Советского Союза!

Приведем некоторые доказательства советского обвинения по подразделу о превращении японцами Маньчжурии и Кореи в плацдарм для нападения на СССР.

Суду был представлен аффидевит бывшего военного атташе в СССР Касахара Юкио (будучи вызванным в Трибунал, он дал и устные показания).

29 марта 1931 г. Касахара представил японскому генеральному штабу доклад: Соображения по государственной обороне Японии против Советского Союза. В этом докладе говорилось:

«Если Япония намерена существовать в качестве Великой Японии, ей нельзя будет избежать судьбы — рано или поздно столкнуться с СССР...

Исходя из условий империи, нам нужно провести войну в стремительном темпе, добиваясь быстрой развязки. Однако Советский Дальний Восток далеко отстоит от политических и промышленных центров СССР, и мы только путем оккупации территории не сможем решить судьбу противника. Нам недостаточно разбить его в

[1] Стенограмма Токийского процесса от 9 октября 1946 г., с. 7406.

бою. Нам нужно будет вести войну на сокрушение, чтобы нанести моральный удар внутри СССР...

Разумеется, нам нужно будет осуществить продвижение по меньшей мере до Байкала.

Что же касается дальнейшего наступления на запад, то это должно быть решено в зависимости от состояния государств, которые выступят с запада. В том случае, если мы остановимся на байкальской линии, Япония должна будет рассматривать оккупированный Дальневосточный край как часть владений империи. На этой территории наши войска должны расположиться в порядке военных поселений, т. е. на долгие годы» [1].

В этом же документе Касахара предлагает проводить подготовку с таким расчетом, чтобы она полностью была закончена через 10 лет, т. е. к 1941 году.

В аффидевите Касахары подчеркивается, что главная цель войны Японии с Советским Союзом «состоит не столько в обороне против коммунизма, сколько в захвате Дальнего Востока и Сибири».

В то же время в аффидевите отмечается, что «в настоящее время Советский Союз занимает не наступательную, а оборонительную позицию и опасается иностранного вторжения» [2].

Во время допроса Касахары в суде он полностью подтвердил свои письменные показания.

В своем аффидевите генерал-лейтенант Мияке Мицухару, занимавший должность начальника штаба Квантунской армии в 1928 — 1932 гг., подтвердил, что «план операций, которые должны были привести к оккупации Маньчжурии, являлся одной из важнейших составных частей общего плана операций японских войск против Союза ССР, имевшегося в японском генеральном штабе» [3].

Трибуналу была представлена фотокопия докладной записки японского военного атташе в Москве Кавабэ Торисиро от 14 июля 1932 г., в которой он утверждал, что «японо-советская война в будущем неизбежна» и рекомендовал: «а) в отношении пакта о ненападении, выдвигаемого СССР, занять такую позицию, которая обеспечила бы империи полную свободу действий; б) при построении сети сообщений с Северной Маньчжурией учесть ухудшение положения КВЖД и исходить из стратегических соображений против СССР» [4].

Советское обвинение представило суду в качестве доказательства совершенно секретное постановление совещания четырех японских министров: премьер-министра, министра иностранных дел, военного и морского министров от 7 августа 1936 г., озаглавленное

[1] Стенограмма Токийского процесса от 10 октября 1946 г., с. 7447.
[2] Там же, с. 7450, 7490.
[3] Там же, 7501—7502.
[4] Там же, с. 7509.

«Внешняя политика империи». В состав участников этого совещания входили подсудимые Хирота и Нагано.

В указанном постановлении было записано: «Однако учитывая теперешнее состояние японо-советских отношений, при осуществлении современной политики основное внимание в мероприятиях по отношению к Китаю следует направить на быстрое превращение Северного Китая в особую антикоммунистическую и прояпоно-маньчжурскую зону, на овладение ресурсами для обороны страны, на расширение сооружений коммуникаций, а также на то, чтобы весь Китай сделать антисоветским и прояпонским. Мероприятия, которые должны быть проведены в настоящее время, будут установлены особо» [1].

В соответствии с этим постановлением правящей милитаристской клики генеральный штаб Японии стал еще более интенсивно осуществлять практические мероприятия по превращению Маньчжурии в военный плацдарм для нападения на Советский Союз.

Обвинение представило Трибуналу группу документов Генерального штаба Советской Армии, содержащих сведения, характеризующие рост вооруженных сил Японии в Маньчжурии и превращение ее в военный плацдарм. В документах, в частности, указывалось, что на 1 января 1932 г. в составе Квантунской армии было 50 тыс. человек, а всего в составе японской армии в это время состояло 256 тыс. человек.

Квантунская армия составляла тогда примерно 20% всей японской армии.

На 1 января 1937 г. численность Квантунской армии была увеличена более чем в пять раз и составляла 271 тыс. человек.

В это же время вся японская армия имела тогда в своих рядах 872 тыс. человек. Следовательно, Квантунская армия составляла уже более 30% всей японской армии.

На 1 января 1942 г. Квантунская армия имела наибольшую численность, а именно 1 млн. 100 тыс. человек, которая в 22 раза превышала численность Квантунской армии в 1932 году и более чем в 4 раза превышала ее численность в 1937 году.

В 1942 году вся японская армия насчитывала 3 млн. 200 тыс. человек. Следовательно, Квантунская армия составляла в это время почти 35% всей японской армии.

На территории Маньчжурии ускоренными темпами строились железные и автомобильные дороги, авиабазы, аэродромы, посадочные площадки, укрепленные районы, военные склады, казармы и другие военные объекты для использования их в войне против Советского Союза.

В Маньчжурии поселялись резервисты, отбывшие срок действительной службы в японской армии, с целью накопления кадров для

[1] Стенограмма Токийского процесса от 10 октября 1946 г., с. 7524.

мобилизационного развертывания Квантунской армии к началу войны против СССР.

К 1945 году общее число японских переселенцев достигло около 1 млн. человек [1].

По инициативе японцев в Маньчжурии было создано общество «Кио Ва Кай» («содружество наций»), в состав которого в 1945 году входило около 4,5 млн. человек. В деятельности этого общества участвовали и белоэмигранты. Общество ставило своей задачей воспитание населения в духе преданности Японии и вражды к Советскому Союзу. Общество пропагандировало идею создания Великой Восточной Азии и установления в ней японского «нового порядка».

Активную роль в деятельности этого общества играли подсудимые Умэдзу, Минами, Тодзио, Итагаки, Доихара.

В контакте с обществом «Кио Ва Кай» действовала белогвардейская организация «Российский фашистский союз». Ее руководитель Родзаевский был допрошен в качестве свидетеля от советского обвинения и его аффидевит представлен в Трибунал. Родзаевский, в частности, показал, что японская военная миссия в Харбине привлекала белогвардейцев для шпионской, террористической и диверсионной деятельности на территории СССР. «В период войны с Советским Союзом белоэмигрантов предполагалось использовать в качестве вооруженной силы, а после успешного для Японии завершения войны, они должны были проводить японскую политику в отторгнутых от СССР областях».

Как враг советского народа и пособник японских милитаристов Родзаевский был осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР 30 августа 1946 г. и приговорен к смертной казни [2].

В плане подготовки войны против СССР японское командование уделяло также внимание созданию корейского военного плацдарма. В подтверждение этого Трибуналу был представлен ряд документов Генерального штаба Советской Армии. Как видно из этих документов, численность японских войск в Корее возросла с 30 тыс. человек в 1931—1932 гг. до 120 тыс. человек в 1941—1942 гг. и до 360 тыс. человек в 1945 году.

На территории Кореи так же, как и на территории Маньчжурии, осуществлялось интенсивное строительство железных и автомобильных дорог, укрепленных районов, аэродромов, казарм, складов и других военных объектов для использования их при нападении на СССР [3].

Трибуналу были предъявлены аффидевиты генерал-лейтенанта Томинага Кеодзи, занимавшего должность начальника оперативно-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 10 октября 1946 г., с. 7530—7559.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 10 октября 1946 г., с. 7597—7601 и от 14 октября 1946 г., с. 7693—7694.

[3] Стенограмма Токийского процесса от 11 октября 1946 г., с. 7587—7596.

го отдела Генерального штаба Японии, и генерал-лейтенанта Мураками Кэйсаку, командующего 3-й армией, входившей в состав Квантунской армии, в которых подтверждалось, что в 1940 и в 1942 гг. имелись планы нападения на Советский Союз с Маньчжурского плацдарма [1]. Причем Томинага признался, что в 1940 году он лично разработал оперативный план нападения на Советский Союз, предусматривавший нанесение основного удара из района озера Ханка в направлении на Хабаровск с целью отрезать Приморье от СССР.

После удара по Хабаровской и занятия Владивостокской равнины предполагалось начать наступление Северного фронта, и в случае успеха западный фронт должен был нанести главный удар на Читу, захватив территорию до озера Байкал.

Советский обвинитель спросил Томинага: «Кому Вы доложили этот план?»

Ответ: Начальнику Генерального штаба принцу Канин.

Вопрос: Кому еще докладывался план?

Ответ: Я сам доложил этот план императору в присутствии принца Канин.

Вопрос: План императором был утвержден?

Ответ: Через несколько дней этот план был утвержден императором.

Так разрабатывались и утверждались планы нападения Японии на Советский Союз.

Затем были представлены доказательства по 3-му подразделу — о нарушении японо-маньчжурскими властями границ СССР и о необъявленных войнах, которые вела Япония против СССР в 1938 и 1939 гг.

Первым из них была выдержка из записи беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Японии в Москве Иосизава, происходившей 31 декабря 1931 г., во время которой послу было передано предложение Советского правительства о заключении пакта о ненападении между СССР и Японией.

Американский защитник Фернес выступил с возражением:

«...Я возражаю, — сказал он, — против любого доказательства об отказе подписать пакт о ненападении на том основании, что это не показывает ни агрессивности войны, ни плана агрессии. Мы возражаем еще и потому, что если история и учит нас чему-нибудь, она не учит нас тому, что заключение пакта о ненападении предотвращает ведение агрессивных войн».

Председатель на это ответил: «...Что касается меня, я не хочу это подвергать обсуждению. Это только мое личное мнение, конечно. Отказ подписать пакт о ненападении, взятый отдельно, конечно, не будет доказательством намерения начать войну, но, взятый в со-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 10 октября 1946 г., с. 7524—7528 и от 11 октября 1946 г., с. 7576.

вокупности с другими обстоятельствами, он может вскрыть умонастроения в пользу войны. Я не могу сказать, что это не имеет отношения к любому вопросу, в частности, к вопросу об агрессивной войне и к подготовке ее или к заговору о ведении ее.

Что касается второго основания, т. е. об уроках, которые мы должны брать у истории, — это вопрос факта, и не может оказать влияния на принятие документа.

Возражение отклоняется» [1].

Объясняя смысл и значение предложения советского правительства о заключении пакта о ненападении с Японией, М. М. Литвинов в беседе с японским послом сказал: «Такой пакт явился бы выражением миролюбивой политики и намерений правительств и он был бы особенно кстати теперь, когда будущее японо-советских отношений является предметом спекуляций в Западной Европе и Америке. Подписание пакта положило бы конец этим спекуляциям».

Однако японское правительство не имело намерения заключать с Советским Союзом пакт о ненападении.

В предъявленной Трибуналу ответной ноте министерства иностранных дел Японии, врученной министром Учида послу СССР в Токио А. А. Трояновскому 13 декабря 1932 г., т. е. через год, сообщалось, что, по мнению японской стороны, «время еще не созрело для формального начала переговоров между двумя правительствами относительно этого предмета».

4 января 1933 г. советское правительство направило японскому правительству ноту, в которой вновь предлагало заключить пакт о ненападении.

Японское правительство в ответной ноте от 13 февраля 1933 г. снова отклонило это предложение, да притом с обидой на то, что советское правительство опубликовало свою ноту.

Эти две ноты также были предъявлены Трибуналу [2].

Таким образом, было убедительно доказано, что японское правительство не стремилось к улучшению отношений с Советским Союзом и дважды отклоняло его предложение о заключении пакта о ненападении.

Советское обвинение представило ряд официальных документов, в том числе заявление генерального консульства СССР в г. Харбине, сделанные японским властям в Маньчжурии в период 1932—1934 гг., в которых сообщалось о систематических нарушениях правил эксплуатации КВЖД, о постоянных нападениях на поезда, убийствах служащих дороги и насилиях над ними, о насильственном занятии зданий и помещений, принадлежащих дороге, и других противоправных действиях, которые дезорганизовывали работу дороги.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 14 октября 1946 г., с. 7713.
[2] Там же, с. 7720—7729.

Однако японские власти не принимали мер к прекращению этих нарушений [1].

Трибуналу была представлена справка управления пограничных войск НКВД СССР от 20 февраля 1946 г. о нарушениях границы между СССР и Маньчжоу-го.

Согласно этой справке военнослужащими японской армии было совершено нарушений границы 321 до 1937 г., 1529 — с 1938 по 1945 год, а всего — 1850; нарушений территориальных вод СССР японскими судами — 1350; нарушений советской границы японскими самолетами — 789; перебросок на советскую территорию шпионов — 3666; перебросок на советскую территорию листовок и литературы, враждебной Советскому Союзу, до 1940 г. — 431, с 1941 по 1944 г. — 453, а всего — 884; перебросок на советскую территорию бандитских групп — 68; обстрелов советской территории, граждан и др. — 551; убийств и ранений советских пограничников — 203.

Если суммировать приведенные в справке данные по годам, то будет видно, что наибольшее число нарушений на советско-маньчжурской границе было совершено в 1937 — 1939 годах, когда японские агрессоры рассчитывали вызвать большую войну с Советским Союзом и добиться осуществления своих агрессивных планов [2].

Советским обвинителем представлены доказательства о том, что в 1938 году Япония, не объявляя войны, совершила нападение на территорию Советского Союза у озера Хасан.

Одним из доказательств явилась запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Японии в СССР Сигэмицу от 20 июля 1938 г.

Явившись в НКИД, Сигэмицу облыжно утверждал, что якобы граница между Маньчжоу-го и СССР проходит по западному берегу озера Хасан, что 11 июля советские войска заняли район высоты Заозерный, западнее этого озера, который принадлежит Маньчжоу-го.

Решив далее запугать СССР, Сигэмицу заявил:

«Япония имеет права и обязательства перед Маньчжоу-го применить силу для того, чтобы заставить советские войска эвакуироваться из незаконно занятой ими территории Маньчжоу-го».

В ответ на это М. М. Литвинов, во-первых, объяснил, что на основании Хунчунского соглашения, заключенного Россией и Китаем в 1886 году, и приложенной к нему карты, граница между Советским Союзом и Маньчжоу-го проходит к западу от озера Хасан, что упомянутая послом высота Заозерная находится на советской стороне и что всякие претензии на советскую территорию решительно отклоняются. Во-вторых, он заявил, что если посол считает

[1] Стенограмма Токийского процесса от 15 октября 1946 г., с. 7738—7744.

[2] См. там же, с. 7744—7748.

тактику угроз хорошим средством дипломатии, то пусть он «знает, что это средство в Москве успешного применения не найдет» [1].

Затем в качестве свидетеля был вызван подполковник Терешкин П. Ф., который с 1936 до августа 1938 года был начальником пограничной заставы Подгорная, охранявшей часть границы в окрестностях озера Хасан и сопки Заозерной, расположенной на восточном берегу этого озера.

Вместе с тем Трибуналу были представлены аффидевиты свидетелей — очевидцев событий на озере Хасан, бывшего командира взвода 59-го пограничного отряда Героя Советского Союза И. Д. Чернопятко и Героя Советского Союза Г. А. Баташина, а также справка управления пограничных войск НКВД СССР, выписка из журнала боевых действий Генерального штаба Красной Армии по событиям в районе озера Хасан [2].

Как явствует из документов и показаний свидетелей, начиная с 6 июля 1938 г. к району озера Хасан на фронте Заозерная, Квенфун, Коморукухи стали стягиваться японские войска с артиллерией, тяжелыми и легкими пулеметами. Они рыли окопы и готовили позиции для артиллерии. К концу июля на маньчжурской стороне этого района напротив высоты Заозерная и вообще в этом районе было сосредоточено свыше 3000 японских военных с артиллерией и танками.

29 июля 1938 г. рано утром, под прикрытием тумана, японский отряд численностью 100 — 120 человек, вооруженные винтовками, ручными и станковыми пулеметами, перешел границу и атаковал наш пограничный наряд, находившийся на высоте Безымянная. 11 советских пограничников были убиты.

В ночь на 31 июля около двух рот японцев вновь нарушили границу и прошли на 500 — 600 м в глубину, пытаясь окружить высоту Заозерная и таким образом захватить находившихся на ней советских пограничников.

Японцам удалось занять высоты Заозерная, Безымянная и некоторые другие, расположенные южнее Заозерной.

В создавшихся условиях советское командование вынуждено было ввести в действие части Красной Армии, и к 12 августа 1938 г. японские войска были разгромлены и выброшены с советской территории.

Надо сказать, что устные показания подполковника П. Ф. Терешкина, который лично участвовал в боях с японскими захватчиками в районе озера Хасан и получил несколько ранений, в том числе тяжелое, весьма убедительно прозвучали в международном суде. Чтобы ослабить это впечатление, защитники активно вмеши-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 15 октября 1946 г., с. 7760—7763.

[2] Там же, с. 7767—7816.

вались в допрос Терешкина, задавая разного рода каверзные вопросы.

Например, когда советский обвинитель спросил Терешкина, «где проходит граница между СССР и Маньчжоу-го в районе озера Хасан, и в каких местах сопки Заозерной были расположены пограничные посты», защитник Фернес заявил, что «защита возражает против этого вопроса до тех пор, пока не будет показано, что он (Терешкин. — *Прим. авт.*) авторитетен в этом вопросе.

Голунский ответил, что в течение двух лет Терешкин командовал той частью пограничных войск, которая находилась именно на этом пункте границы. «Мы думаем, — сказал он, — что это является достаточным основанием для того, чтобы задать ему этот вопрос».

Председатель Уэбб заявил: «Да, уж если кто-либо должен знать расположение границы, то это именно человек, находящийся в его положении. Он обязан ее знать для того, чтобы избежать перехода на владения Японии... или Китая, я полагаю, или Маньчжурии. Я думаю, что мы должны рассматривать его как специалиста в силу самого характера его обязанностей.

Продолжайте».

После того как свидетель ответил на вопрос советского обвинителя, защитник Фернес спросил его: «Откуда Вы знаете, что пограничная линия проходила именно так, как Вы это описали?»

На этот вопрос председатель не разрешил отвечать.

Во время перекрестного допроса все тот же Фернес спрашивает Терешкина: «Советский Союз не держал шпионов или секретных агентов на другой стороне границы?»

Ответ: Это вопрос не моей компетенции...

Вопрос: У Вас не было шпионов или секретных агентов, которые бы делали Вам донесения как своему офицеру?

О.: Нет.

В.: И насколько Вы знаете, другие офицеры Советского Союза не имели таких шпионов и секретных агентов на другой стороне границы?

О.: Вы говорите о секретных агентах. Поскольку они являются секретными, я не мог знать о них.

В.: У Вас не было шпионов, не правда ли?..

О.: Я повторяю, что моей обязанностью было охранять границу. Я не вел шпионской деятельности [1].

Наконец-то защитник успокоился и перешел к другим вопросам.

Интересные письменные показания дал бывший начальник Харбинской военной миссии генерал-майор Акикус Сюн. Из его аффидевита видно, что японская военщина рассчитывала на еще более

[1] Стенограмма Токийского процесса от 15 октября 1946 г., с. 7768—7769, 7800—7801.

крупные бои и готова была бросить в развернувшиеся сражения новые воинские соединения. Процитируем его показания.

Вопрос: Что Вам известно об операции в районе озера Хасан?

Ответ: Мне известно, что в 1938 году на озере Хасан имело место столкновение, целью которого являлась разведка боем сил Красной Армии.

В столкновении участвовала с японской стороны одна дивизия Корейской армии. Столкновение окончилось поражением для японских войск. К месту столкновения были подтянуты еще две дивизии Квантунской армии, однако они пришли уже тогда, когда операция окончилась, и эти две дивизии Квантунской армии в столкновении не участвовали» [1].

Затем советский обвинитель перешел к представлению доказательств о том, как Япония, не объявляя войны, в 1939 году напала на территорию союзной Советскому государству Монгольской Народной Республики у реки Халхин-Гол.

В подтверждение того, что это нападение планировалось и подготовлялось задолго до того, как оно осуществилось, был предъявлен ряд доказательств. Одним из них была запись беседы подсудимого Итагаки, бывшего в то время начальником штаба Квантунской армии, а в период событий в районе озера Хасан в 1938 году и в районе реки Халхин-Гол в 1939 году военным министром, с послом Арита 28 марта 1936 г. Итагаки говорил так: «Если посмотреть на карту Восточной Азии, то с первого взгляда станет ясно, что Внешняя Монголия занимает важное положение с точки зрения влияния Японии и Маньчжурии и является очень важным районом, прикрывающим Сибирскую железную дорогу — магистраль, связывающую Советский Дальний Восток с Европейской частью СССР. Следовательно, если Внешняя Монголия будет присоединена к Японии и Маньчжурии, то безопасности Советского Дальнего Востока будет нанесен сильнейший удар. В случае необходимости можно будет вытеснить влияние СССР с Дальнего Востока почти без борьбы. Поэтому армия планирует распространение влияния Японии и Маньчжурии на Внешнюю Монголию всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении» [2].

Вот так японские милитаристы планировали распространить влияние Японии на Монголию.

Трибуналу было представлено несколько карт — советских, китайских и японских, из которых было видно, что в действительности граница между Монголией и Маньчжурией проходит по середине озера Буйр-Нур и к востоку от реки Халхин-Гол, пересекая ее у истока и поворачивая на юго-восток, тогда как японцы на своих последних картах самовольно изменили линию прохождения грани-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 15 октября 1946 г., с. 7816.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 16 октября 1946 г., с. 7830—7831.

цы, показав, что она проходит по западному берегу реки Халхин-Гол и даже в некоторых местах западнее этой реки [1].

Была предъявлена также справка Военно-исторического отдела Генерального штаба Красной Армии от 12 марта 1946 г. «О провокационном нападении японцев в районе Халхин-Гол в 1939 году».

В этой справке отмечается, что с января 1939 года в районе реки Халхин-Гол японцы начали систематически нарушать государственную границу МНР вооруженными отрядами: таких нарушений было около тридцати с одновременным сосредоточением крупной группировки регулярных войск из состава японской 23-й пехотной дивизии и баргутских кавалерийских полков, в то время как участок границы в этом районе со стороны МНР охранялся только одной малочисленной пограничной заставой, расположенной к западу от р. Халхин-Гол.

14 мая японо-баргуты численностью в 300 всадников нарушили границу МНР в районе указанной заставы, заняли Дунгур-Обо и вышли на восточный берег р. Халхин-Гол. 15 мая пять японских легких бомбардировщиков совершили налет на монгольскую заставу, сбросив бомбы и обстреляв из пулеметов на бреющем полете.

В развернувшихся майских боях японцы не добились желаемого результата и стали усиленно готовиться к еще более крупной операции по захвату территории и уничтожению советско-монгольских частей.

К концу июля 1939 года японцы стянули в район действий всю 23-ю пехотную дивизию, часть 7-й пехотной дивизии, два танковых полка, каваллерийские баргутские полки. Эти войска поддерживала артиллерия из других частей Квантунской армии. Сюда же было направлено не менее 150 самолетов японской авиации.

Замысел японского командования сводился к внезапному и быстрому разгрому противостоящей группировки советско-монгольских войск с выходом главных сил противника на наши тыловые пути.

Советско-монгольские войска 20 августа, упредив противника, перешли в наступление, окружили и к концу месяца разгромили японскую группировку на р. Халхин-Гол.

По просьбе японской стороны 16 сентября были прекращены боевые действия, а 9 июня 1940 г. подписано советско-японское соглашение, в котором указывается, что линия границы между Монгольской Народной Республикой и Маньчжоу-го в упомянутом районе проходит согласно приложенной к соглашению карте, изданной Генеральным штабом Красной Армии в 1935 году [2].

Таким образом, законная граница между МНР и Маньчжоу-го была восстановлена.

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 16 октября 1946 г., с. 7841—7845.

[2] Там же, с. 7845—7851.

Представляют несомненный интерес письменные показания бывшего белогвардейского атамана Семенова, на которые мы уже ссылались.

«...В 1938 году японский генеральный штаб решил провести разведку боем сил Красной Армии на Дальнем Востоке и начал военные действия в районе озера Хасан.

Из Токио ко мне в Дайрен специально прибыл офицер генерального штаба майор Ямаока для информации и подготовки меня к происходящим событиям. Ямаока предупредил, чтобы я был готов действовать с частями белоэмиграции, так как в случае успешного развития операций в районе озера Хасан в Советское Приморье войдут крупные силы японской армии, а белоэмигрантские части будут использованы для закрепления оккупированной территории.

Когда в короткое время Красная Армия ликвидировала прорыв японцев на советскую территорию и начались мирные переговоры, японское командование стало готовить новую диверсию в сторону МНР и Советского Забайкалья.

В этой операции я должен был принять участие и в случае удачного прорыва начать движение с частями белоэмигрантов по Внутренней Монголии через МНР в Советский Союз. Со стороны японцев мне было указано, что главным стратегическим направлением японского удара является Забайкалье, представлявшее, по мнению японцев, горло, питавшее Советский Дальний Восток.

Беседовавший со мной генерал-майор Андо говорил, что японцы рассчитывают, что если удастся им перехватить коммуникации Красной Армии у Байкала, то Дальний Восток будет отторгнут от Советского Союза» [1].

Таковы были у японских агрессоров планы захвата Советского Дальнего Востока, которые под мощными ударами Советской Армии и армии МНР с треском провалились.

Кстати, японская пропаганда пыталась изобразить события в районе реки Халхин-Гол как неудавшуюся попытку монгольских войск вторгнуться на территорию Маньчжурии, «победоносно отбитую доблестной Квантунской армией». Однако под влиянием неопровержимых доказательств Международный трибунал признал, что именно японские войска вторглись на территорию Монголии. Известно также, что непосредственным последствием халхин-гольских событий для верхушки Квантунской армии было увольнение командующего этой армией генерала Уэда и всех руководящих командиров его штаба. Совершенно очевидно, что после «победоносных» действий для командного состава армии не наступили бы такие последствия.

Советское обвинение представило Трибуналу протокол допроса

[1] Стенограмма Токийского процесса от 16 октября 1946 г., с. 7851—7853.

подсудимого Хиранума, из которого видно, что он, будучи премьер-министром Японии, знал о военных действиях японской армии против МНР и СССР, но мер к прекращению этих действий не принимал. Мы процитируем здесь этот любопытный диалог допроса.

«*Вопрос:* Какую цель преследовало японское правительство, санкционировав нападение японских войск на территорию МНР в районе Халхин-Гол?

Ответ: Это нападение произошло не в тот период, когда я был премьер-министром. Поэтому я об этом ничего не знаю.

В.: Вы были премьер-министром с января 1939 года по август 1939 года?

О.: Да.

В.: А когда имели место события в районе Халхин-Гол?

О.: Я не помню этого.

В.: Напоминаю Вам, что нападение японских войск на МНР в районе Халхин-Гол имело место в мае 1939 года, т. е. тогда, когда Вы были премьер-министром Японии, а командовал Квантунской армией генерал Уэда Кэнкичи.

О.: Может быть, это и так, но, как я уже сказал, военщина действовала самостоятельно, не уведомляя правительство, поэтому я об этом и не знал.

В.: Когда же Вы услышали об этом нападении?

О.: После того, как военные действия уже начались.

В.: Только тогда?

О.: Да, после того, как эти события начались.

В.: Скажите, кто и что именно Вам докладывал об этих событиях и почему Вы в течение трех месяцев не приняли мер к тому, чтобы прекратить действия японских войск, напавших на МНР?

О.: Я получил сведения о возникновении инцидента от военного министра Итагаки Сэйсиро. Относительно прекращения военных действий я говорил много раз, но военные круги были иного мнения.

В.: Как премьер-министр Японии Вы давали какие-либо указания о прекращении военных действий? Кому и когда?

О.: Так как верховное командование армии не было подчинено правительству, то никаких указаний я давать не мог, а устно говорил о необходимости прекращения военных действий военному министру Итагаки.

В.: Такие советы Вы давали потому, что считали неправильным нападение японских войск на МНР?

О.: Моя точка зрения была такова, что все спорные вопросы должны быть урегулированы путем переговоров, а не путем военных действий.

В.: То есть, иными словами, Вы считали эти действия неправильными?

О.: Да, неправильными.

В.: Обращались ли Вы с советом о прекращении военных дей-

ствий во время халхин-голских событий как премьер-министр также и к императору?

О.: Нет, к императору с этим вопросом я не обращался.

В.: Что Вам ответил Итагаки на Ваш совет прекратить военные действия?

О.: Ввиду того, что точка зрения Итагаки была отлична от моей точки зрения, то он считал, что военные действия должны быть продолжены»[1].

В показаниях бывшего премьер-министра Японии барона Хиранума без труда наблюдаются, мягко говоря, противоречия.

Так, сначала Хиранума сказал, что нападение на МНР было не в тот период, когда он был премьером. После того как ему напомнили, когда он был премьером и когда была эта война, то он свалил на военных, которые якобы действовали самостоятельно, не уведомляя правительство.

Затем он признался, что военный министр докладывал ему об этом инциденте, но он, хотя и был против военных действий, никаких указаний о прекращении их не мог давать и вместе с тем не считал возможным обращаться по этому вопросу к императору, являющемуся верховным главнокомандующим.

Заметим, что в этих военных действиях японской армии участвовали 75 тыс. человек, 500 орудий, 182 танка и 300 самолетов; в результате этих операций японская армия потеряла около 61 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными[2].

И такими крупномасштабными военными действиями японской армии премьер-министр Японии, судя по его показаниям, как будто и не интересовался.

Трудно поверить этому.

Смысл приведенных показаний подсудимого Хиранумы сводился к попытке снять с себя и с императора ответственность за агрессивную войну, развязанную японской руководящей кликой против Монгольской Народной Республики и Советского Союза.

На этом закончился 3-й подраздел и советское обвинение приступило к представлению доказательств по 4-му подразделу — о заговоре Японии с гитлеровской Германией и фашистской Италией против Советского Союза.

Первым доказательством был «антикоминтерновский пакт» с приложениями к нему протокола подписания и секретного соглашения, который был представлен Трибуналу ранее.

«Антикоминтерновский пакт» был заключен 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией с официальной целью сотрудничества в борьбе против Коммунистического интернационала. Он состоял

[1] Стенограмма Токийского процесса от 16 октября 1946 г., с. 7854—7856.

[2] Военный энциклопедический словарь. М., 1984, с. 791.

из трех статей. В статье 1 стороны обязывались «взаимно информировать другу друга об активности Коммунистического интернационала, консультироваться насчет необходимых мер защиты и принимать эти меры в тесном сотрудничестве». В статье 2 Германия и Япония приглашали «третьи государства, внутреннему спокойствию которых угрожает деятельность Коммунистического интернационала, принять оборонительные меры в духе этого соглашения или присоединиться к настоящему пакту». Статья 3 устанавливала срок действия пакта — 5 лет.

«Протокол подписания» обязывал стороны обмениваться информацией о деятельности Коммунистического интернационала, совместно вырабатывать меры «защиты от его деятельности», а также «принимать суровые меры... против тех, кто внутри или вне страны прямо или косвенно действует в пользу Коммунистического интернационала». Наряду с этим предусматривалось создание постоянной комиссии для борьбы против Коммунистического интернационала.

В секретном соглашении предусматривались совместные меры борьбы против СССР. Было обусловлено, что если один из участников пакта подвергнется неспровоцированному нападению или угрозе такового со стороны СССР, другие участники не должны «предпринимать никаких действий, которые могли бы оказать эффективную помощь СССР в его затруднениях» и в этом случае «стороны немедленно будут совещаться для выработки тех мероприятий, которые необходимо принять для защиты их общих интересов» (ст. 1).

6 ноября 1937 г. к «антикоминтерновскому пакту» присоединилась Италия. В 1939 году к этому пакту присоединились Венгрия, Маньчжоу-го и франкистская Испания.

25 ноября 1941 г. «антикоминтерновский пакт» был продлен на 5 лет. К нему присоединились также Болгария, Финляндия, Румыния, Дания, марионеточные правительства Словакии, Хорватии и Нанкина [1].

«Антикоминтерновский пакт» официально оформил блок агрессивных государств против демократических стран и в первую очередь против Советского Союза.

О цели «антикоминтерновского пакта» ясно высказался во время допроса 22 апреля 1946 г. подсудимый Осима, бывший посол Японии в Германии.

«*Вопрос:* Какую основную цель ставили себе Германия и Япония при заключении антикоминтерновского пакта?

Ответ: Основной целью, которую ставили перед собой Германия и Япония при заключении антикоминтерновского пакта, было стремление задержать развитие коммунизма.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 16 октября 1946 г., с. 7861, 7872. Дипломатический словарь. Т.I. М., 1971, с. 148.

В.: Против каких стран конкретно был направлен этот договор?

О.: При заключении этого пакта было решено, что в первую очередь имеется в виду Россия. Кроме того, пакт предусматривал предотвращение распространения коммунистического влияния и в других странах.

В.: Обычно такого рода договоры заключаются не против идей, а против конкретной страны. Можно ли считать, что антикоминтерновский пакт был обращен своим острием против Советского Союза?

О.:«Антикоминтерновский пакт» в целом не был направлен конкретно против России, он был направлен против коммунизма вообще. Однако из этого пакта вытекало, что в случае возникновения войны между Россией и Германией Япония не должна была помогать России и также Германия не должна помогать России, если бы возникла война между Россией и Японией».

В развитие «антикоминтерновского пакта» 27 сентября 1940 г. в Берлине представителями фашистских Германии и Италии и милитаристской Японии был заключен тройственный пакт — соглашение о политическом и военно-экономическом союзе. Этот пакт, известный как «ось Берлин — Рим — Токио» был также ранее представлен Трибуналу.

В преамбуле пакта его участники выражали стремление к сотрудничеству в целях установления «нового порядка» в Европе и Азии и распространения его на другие районы мира.

Пакт устанавливал, что «Япония признает и уважает руководство Германии и Италии в деле создания нового порядка в Европе» (ст. 1) и что, с другой стороны, «Германия и Италия признают и уважают руководство Японии в деле создания нового порядка в великом восточноазиатском пространстве» (ст. 2).

Участники пакта обязались поддерживать друг друга «всеми политическими, хозяйственными и военными средствами» в том случае, если «одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в китайско-японском конфликте» (ст. 3).

Пакт был направлен в первую очередь против СССР, но в целях дипломатической маскировки его участники заявили, что «данное соглашение никоим образом не затрагивает политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников соглашения и Советским Союзом» (ст. 5).

В статье 6 определялся срок действия пакта в 10 лет.

Введение в договорный акт понятия «новый порядок» по существу означало перекройку карты мира, установление господства агрессивных сил над всем миром.

К пакту присоединились Венгрия, Румыния, Словакия, Болгария, а также Финляндия, Испания, Таиланд, марионеточные режимы Хорватии, Маньчжоу-го и китайское «правительство» Ван Цзинвэя.

К пакту прилагался секретный протокол, в котором предусматривалось создание объединенной военной и военно-морской комиссии, а также комиссии по экономическим вопросам; позднее эти комиссии были преобразованы в объединенный комитет пакта [1].

В Токио выражали восторг в связи с тем, что участники антикоминтерновского пакта — Германия, Италия и Япония — вступили в переговоры о заключении пакта трех держав. Тогдашний премьер-министр Японии Хиранума телеграфировал 4 мая 1939 г. в Берлин Гитлеру: «В этот славный час я рад констатировать, что антикоминтерновский пакт, существующий между нашими обеими странами, оказался действенным в проведении поставленных задач» [2].

Когда же в Токио пришла весть о том, что 23 августа 1939 г. в Москве подписан договор о ненападении между Советским Союзом и Германией, то там сильно всполошились.

Подсудимый Кидо, бывший в то время министром внутренних дел в кабинете Хиранума, записал в тот день в своем дневнике: «В 9 часов утра я услышал от вице-министра и директора полицейского бюро о том, что между Германией и Советским Союзом заключен пакт о ненападении. Был изумлен, учитывая тот факт, что существует антикоминтерновский пакт и секретное соглашение. Этот поступок вполне можно назвать предательством» [3].

Правительство Хиранума заявило Германии протест против заключения ею с Советским Союзом договора о ненападении. В ноте японского посольства в Берлине министерству иностранных дел Германии от 26 августа 1939 г. сообщалось:

«Японское посольство имеет честь сообщить министерству иностранных дел, по поручению японского правительства, мнение последнего в отношении заключенного недавно пакта о ненападении и консультации между германским правительством и правительством Союза Советских Социалистических Республик нижеследующее:

Японское правительство рассматривает недавно заключенный пакт о ненападении и консультативный пакт между германским правительством и правительством Союза Советских Социалистических Республик как противоречие секретному договору добавленному к антикоминтерновскому пакту» [4].

Вот где было полностью раскрыто, что острие «антикоминтерновского пакта» направлялось против Советского Союза!

В создавшихся условиях премьер-министр Хиранума, который был ярым врагом Советского Союза, одним из творцов «антикоминтерновского пакта» и вообще активным сторонником военно-поли-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 16 октября 1946 г., с. 7897. Дипломатический словарь. Т. III. М., 1986, с. 481—482.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 16 октября 1946 г., с. 7870—7871.

[3] Там же, с. 7889—7890.

[4] Там же, с. 7912.

тического сближения Японии с гитлеровской Германией, вынужден был подать в отставку.

Вслед за ним подали в отставку послы Японии в Германии и Италии Осима и Сиратори, которые активно действовали в целях создания военного агрессивного союза Германии, Италии и Японии, направленного против СССР, Англии, США и других стран.

Суду была представлена следующая запись из дневника подсудимого Кидо, датированная 21 июня 1941 г.: «...Что касается кабинета Хиранума, то премьер, который настаивал перед троном о необходимости национальной политики, рассматривающей Советскую Россию в качестве предполагаемого противника, не мог остро не чувствовать ответственности за то, что наш предполагаемый противник заключил с Германией договор о ненападении» [1].

В подтверждение того, что Германии на том этапе агрессии было выгодно заключить с СССР пакт о ненападении с тем, чтобы отбросить его в сторону, как только, по мнению гитлеровской клики, этот пакт станет мешать очередному этапу агрессии и что Япония была поставлена в известность об этом — обвинением были представлены два документа: Протокол заседания Тайного совета от 3 июля 1941 г. и выдержка из записи беседы Риббентропа с Мацуокой 27 марта 1941 г.

На указанном заседании Тайного совета министр иностранных дел Мацуока заявил:

«Два года тому назад Германия, ввиду надвигавшейся опасности войны с Великобританией, заключила с Советским Союзом договор в качестве временной меры для того, чтобы Советский Союз не вовлекли в лагерь Великобритании. Тогда Германия объяснила Японии, что это был необходимый шаг и что в действительности Германия ненавидела Советский Союз и намеревалась при первой возможности уничтожить не только агрессивные принципы Советского Союза, но и господствующую в этой стране идеологию» [2].

Во втором документе было записано следующее:

«С Россией Германия подписала известные договоры. Послу Осима известно, как были заключены эти договоры. Германия хотела тогда заключить союз с Японией. Но положение в Японии не позволило осуществить это желание. С другой стороны, над Европой все более сгущались грозовые тучи, предвестники войны, и так как союз Италии — Японии — Германии, к сожалению, был тогда невозможен, то Германия в связи с предстоящей войной должна была пойти на пакт с Россией. Однако, как известно послу Осима, он, Риббентроп, по указанию фюрера на протяжении шести месяцев был готов подписать тройственный пакт» [3].

А вот что говорил японский посол в Германии Осима об обстоя-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 16 октября 1946 г., с. 7911.
[2] Там же, с. 7913.
[3] Там же, с. 7913, 7915.

тельствах заключения тройственного пакта и его направленности против Советского Союза на допросе 22 апреля 1946 г.

«*Вопрос:* Расскажите историю переговоров 1938 — 1939 гг. о заключении военного союза между Японией, Германией и Италией.

Ответ: ...Приблизительно в июне 1938 года ко мне из японского генерального штаба прибыли документы, ставящие передо мной задачу прозондировать в Германии возможность заключения военного союза с Японией, в силу которого Германия обязывалась бы вступить в войну с Советским Союзом в случае, если последний нападет на Японию, и, наоборот, Япония обязывалась бы вступить в войну с Советским Союзом, если бы Советский Союз напал на Германию.

В то время я был военным атташе. В начале июля 1938 года я посетил Риббентропа с целью частным образом прозондировать, имеются ли подобные мысли у Германии. При этом я сказал Риббентропу, что лично у меня зародилась идея заключения консультативного договора между Японией и Германией, т. е. такого договора, в силу которого в случае возникновения конфликта с Россией, подвергшаяся нападению сторона должна консультироваться с другой о формах помощи, которую вторая сторона должна оказывать подвергшемуся нападению партнеру. Как раз в это время Риббентроп уезжал на летний отпуск. Он сказал мне, что подумает о моем предложении.

Когда через некоторое время Риббентроп вернулся в Берлин, мы снова встретились с ним и он сказал, что если заключать военный союз, то нужно заключать его не на половинчатых основаниях, а полностью. Обязанность консультироваться является половинчатой, и Гитлер — против такого рода половинчатых договоров, а поэтому речь может идти лишь о законченном оборонительном союзе, в силу которого договаривающиеся стороны должны все безоговорочно вступать в войну с противником, напавшим на одну из договаривающихся сторон. Это, во-первых. Во-вторых, Риббентроп мне сказал, что Германия хотела бы иметь военный союз, направленный не только против России, но и против остальных государств, со стороны которых Германия и Япония могла бы подвергнуться нападению, как Америка, Франция, Англия и т. д.

Я ему ответил, что распространение этого договора на другие страны, кроме России, зависело бы от степени готовности нашей армии и флота к войне против этих стран. Я ему сказал, что, как мне кажется, такое расширение договора было бы для Японии весьма трудным.

Риббентроп на это ответил, что Германия не станет требовать от нас невозможного и что все подробности поведения договаривающихся сторон, в случае возникновения подобного конфликта, можно будет обсудить после заключения договора...

...Я получил телеграмму, подтверждающую, что генерал-майор Касахара доложил мое поручение руководящим работникам военного ведомства. Все согласились с идеей заключения такого догово-

ра и доложили этот вопрос Совету пяти министров, состоявшему в то время из премьер-министра Коноэ, министра иностранных дел Угаки, военного министра Итагаки, морского министра Ионаи и министра финансов Акэда; Совет пяти министров также одобрил мысль о таком договоре, и из Генерального штаба я получил телеграмму, предлагавшую мне продолжать переговоры об этом договоре с тем, однако, чтобы этот военный союз в основном был направлен против России и чтобы остальные страны, которые имела в виду Германия, были бы упомянуты в договоре как второстепенные.

...Мы получили инструкцию нашего правительства. Инструкция эта сводилась к следующему: «Основным объектом договора должна быть Россия, остальные же страны должны быть второстепенными объектами, и вступление Японии в войну против других государств может иметь место лишь в том случае, если эти страны поражены коммунизмом...»

Расхождение в мнениях между Японией и Германией привело к тому, что дальнейшие переговоры не сдвинулись с места и договор фактически в 1939 году не был заключен. Так дело длилось до заключения Германией договора о ненападении с Советским Союзом 23 августа 1939 г., в результате чего дальнейшие переговоры о заключении договора о военном союзе между Германией, Японией и Италией прервались...» [1].

Суду была предъявлена также выдержка из дневника министра иностранных дел Италии Чиано от 19 сентября 1940 г. В ней записано: «Прибытие Риббентропа. В автомобиле он сразу же начал говорить о сюрпризе, который везет в своем портфеле: это военный союз с Японией, который должен быть подписан через несколько дней в Берлине. Он полагает, что эта палка будет иметь два конца — против России и против Америки» [2].

В статье 5 пакта трех держав — Германии, Италии и Японии говорилось, что данное соглашение никоим образом не затрагивает статуса, существующего между каждым из трех участников соглашения и Советским Союзом.

Как понималась японским правительством эта статья пакта и каковы были его действительные намерения по отношению к СССР, показывает представленная Трибуналу выдержка из протокола заседания комитета Тайного совета 26 сентября 1940 г., на котором выступал министр иностранных дел Мацуока.

Член совета Футагами задал ему вопрос: «Существует договор о ненападении между Германией и СССР. Означает ли статья 5, что Германия не нападет на СССР, даже если СССР нападет на Японию? Далее, обязана ли Япония воевать с СССР, если начнется русско-германская война?»

[1] Стенограмма Токийского процесса от 16 октября 1946 г., с. 7916—7919.

[2] Там же, с. 7922—7923.

И вот что ответил Мацуока: «Хотя договор о ненападении и существует, Япония поддержит Германию в случае ее войны с Советском Союзом, а Германия поможет нам в случае столкновения Японии с Советским Союзом» [1].

Ответ был ясный, определенный: японские и германские агрессоры не считались с существовавшими международными договорами.

Далее советское обвинение приступило к представлению доказательств того, что, состоя в заговоре с гитлеровской Германией и фашистской Италией, японское правительство в период агрессивной войны Германии и Италии против СССР активно осуществляло цели заговора по отношению к Советскому Союзу.

Интересно отметить такой факт. Советский обвинитель заявил о готовности представить документы, подтверждающие, что министр иностранных дел Японии Мацуока был осведомлен Риббентропом и Гитлером о готовившемся нападении Германии на СССР и учитывал это обстоятельство при заключении вскоре после этого договора о нейтралитете с Советским Союзом. Американский адвокат Кенинхэм немедленно выступил с возражением против дальнейших доказательств, касающихся пактов, соглашений или союзов, заключенных в Европе, если только они непосредственно не затрагивают обвиняемых или союз с Японией.

«Я хочу только указать, — заявил он, — что юрисдикция Трибунала распространяется только на территорию, где власть принадлежит генералу Макартуру, и поэтому затрагивание соглашений, пактов или союзов, заключенных в Европе, выходит за рамки юрисдикции Трибунала».

Председатель тут же ответил адвокату: «Ваше возражение чрезвычайно глупо. По-моему, Вы даже обращаетесь не к нам, а к публике» [2].

Присутствовавшие в зале суда юристы встретили ответ председателя Уэбба с одобрением.

Трибуналу была представлена выдержка из беседы Риббентропа с Мацуока в Берлине 27 марта 1941 г. Риббентроп тогда сказал: «На Востоке Германия держит войска, которые в любое время готовы выступить против России, и если Россия займет позицию, враждебную Германии, то фюрер разобьет Россию.

В Германии уверены, что война с Россией закончится полной победой Германии и окончательным разгромом русских армий и крушением государственного строя. Фюрер убежден в том, что в случае нападения на Советский Союз через несколько месяцев с великой державой будет покончено...»

Продолжая эту мысль в беседе Риббентроп 29 марта 1941 г. сказал, что, как он полагает, «Россия не станет вызывать военных

[1] Стенограмма Токийского процесса от 16 октября 1946 г., с. 7927.
[2] Там же, с. 7936.

осложнений. Но если Германия окажется в конфликте с Россией, то с Россией будет покончено в течение нескольких месяцев. Но в этом случае Япония тем более не должна ничего опасаться, если она будет наступать на Сингапур. Нельзя, следовательно, отказаться от этого предприятия из-за каких-либо опасений перед Россией.

Конфликт с Россией возможен всегда. Во всяком случае Мацуока по его возвращении не имеет оснований сообщить японскому императору о том, что конфликт между Германией и Россией исключается. Наоборот, обстановка такова, что такой конфликт, если он и не кажется вероятным, может, однако, считаться возможным...

Очень возможно, что описанные обстоятельства довольно скоро приведут к конфликту между Германией и Россией. Если Германия почувствует себя в опасности, она немедленно выступит и покончит с большевизмом».

Как на это реагировал Мацуока? Он сказал: «Япония всегда будет лояльным союзником, который целиком и полностью отдает себя для общего дела, а не отнесется к нему безразлично» [1].

В приведенной беседе министров иностранных дел Германии и Японии без каких-либо дипломатических туманностей, весьма отчетливо говорилось о том, что Германия довольно скоро нападет на Советский Союз, а Япония окажет ей поддержку.

Суду была предъявлена выдержка из записи беседы 27 марта 1941 г. Гитлера с Мацуока в присутствии Риббентропа и послов Отта и Осима. Гитлер сказал: «...Германия заключила с Россией известные договоры, но еще более важным является тот факт, что в распоряжении Германии имеются от 160 до 180 дивизий на случай чрезвычайных обстоятельств для защиты от России. Вследствие этого, в случае возникновения этих чрезвычайных обстоятельств, у нее (Германии. — *Прим. авт.)* нет ни малейшего опасения и Германия не будет колебаться ни на минуту и немедленно сделает выводы в случае опасности» [2].

Эта беседа Гитлера выдержана в том же воинственном духе в отношении Советского Союза.

Трибуналу была представлена выдержка из беседы Мацуока по возвращении его в Токио из Москвы, где он подписал пакт о нейтралитете, с послом Германии в Японии Оттом. В этой беседе Мацуока заявил: «Никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию оставаться нейтральной, если между Германией и Советским Союзом возникнет конфликт. В этом случае Япония будет вынуждена, естественно, на-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 17 октября 1946 г., с. 7937—7940.

[2] Там же, с. 7943—7944.

пасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете» [1].

Здесь позиция Японии выражена еще более четко и определенно.

Этому заявлению Мацуока в Берлине придавалось большое значение.

В распоряжение Трибунала была представлена выписка из дневника посла СССР в Японии К. А. Сметанина о беседе с Мацуока 25 июня 1941 г., т. е. на пятый день войны Германии с Советским Союзом.

«...Я задал Мацуока основной вопрос о позиции Японии в отношении этой войны и будет ли Япония соблюдать нейтралитет так же, как его соблюдает Советский Союз в соответствии с пактом о нейтралитете между СССР и Японией от 13 апреля с. г. Мацуока уклонился от прямого ответа и заявил, что его позиция по этому вопросу была изложена в свое время (22 апреля с. г.) в его заявлении после возвращения из Европы. И тут же Мацуока подчеркнул, что основой внешней политики Японии является тройственный пакт, и если настоящая война и пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой (т. е. с тройственным пактом. — *Прим. авт.)*, то пакт о нейтралитете «не будет иметь силы» [2].

Этот ответ Мацуока достаточно дипломатичен, но все же вполне ясен: тройственный пакт превалирует над пактом о нейтралитете.

А вот что сообщил германский посол в Японии Отт в Берлин на второй день войны Германии против Советского Союза после его беседы с Мацуока 22 июня 1941 г.: «Он лично по-прежнему считает, что Япония не может долгое время занимать нейтральную позицию в этом конфликте...» [3].

Здесь сказано более определенно.

Затем обвинение предъявило Трибуналу доказательства, подтверждающие, что в период войны Германии с Советским Союзом Япония грубо нарушала договор с СССР о нейтралитете.

Трибуналу был представлен текст советско-японского пакта о нейтралитете, подписанного 13 апреля 1941 г. в Москве. Со стороны Японии пакт подписал министр иностранных дел Мацуока.

Пакт был заключен на 5 лет с возможностью продления на такой же период в отсутствие заявления одной из сторон о денонсации за 1 год до истечения срока действия; вступил в силу 25 апреля 1941 г.

После начала второй мировой войны стали резко обостряться отношения Японии с Англией и США. Ввиду этого, а также вследствие возникшего в то время в японских правящих кругах недове-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 17 октября 1946 г., с. 7955—7956.

[2] Там же, с. 7956—7957.

[3] Там же, с. 7959.

рия к политике гитлеровской Германии Япония начала искать пути для улучшения своих отношений с Советским Союзом. Правительство Японии стремилось посредством договора с СССР скрыть свою подготовку к агрессии против Советского Союза, сохранив таким образом за собой возможность маневрирования во внешней политике и окончательного выбора направления агрессии.

Что касается Советского Союза, то заключение с Японией договора о нейтралитете соответствовало его намерениям к упрочению мира. В условиях, наступивших в результате политики «умиротворения» агрессора, которую проводили США и Великобритания, на деле стремившиеся толкнуть Японию на войну против СССР, договор с Японией мог в известной степени содействовать обеспечению неприкосновенности советских границ.

Согласно пакту, стороны обязались «поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность» друг друга (ст. 1). В случае, если одна из сторон «окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав», другая сторона обязывалась «соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта» (ст. 2) [1].

Японская сторона систематически и грубо нарушала пакт о нейтралитете в период войны Германии против Советского Союза как в своих собственных интересах, так и в интересах Германии.

Суду была представлена выдержка из решения совещания руководящих военных и политических деятелей Японии под председательством императора от 2 июля 1941 г. В ней записано следующее: «Хотя наше отношение к германо-советской войне определяется духом оси Рим — Берлин — Токио, мы некоторое время не будем вмешиваться в нее, но примем по собственной инициативе меры, тайно вооружаясь для войны с Советском Союзом... Тем временем мы будем продолжать вести дипломатические переговоры с большими предосторожностями. И если ход германо-советской войны примет благоприятный для Японии оборот, мы применим оружие для решения северных проблем и этим обеспечим стабильность положения в северных районах» [2].

Это решение сохранялось в строгом секрете, тогда как официально заявлялось, что Япония соблюдает пакт о нейтралитете с СССР.

А вот что германский посол Отт телеграфировал в Берлин 3 июля 1941 г. о своей беседе с Мацуока. «Мацуока пояснил, что японское заявление русскому послу было сделано в такой форме с

[1] Стенограмма Токийского процесса от 17 октября 1946 г., с. 7960. Дипломатический словарь. Т. III. М., 1986, с. 369.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 17 октября 1946 г., с. 7960—7961.

7 Заказ № 2

тем, чтобы обмануть русских или оставить их в неведении, так как подготовка к войне еще не закончена.

Сметанин в настоящий момент не подозревает, что военные приготовления против Советского Союза, о чем свидетельствует полученное нами решение правительства, ведутся со все возрастающей быстротой» [1].

В Москве, конечно, понимали лицемерный характер заявлений японских официальных лиц о том, что якобы Япония соблюдает нейтралитет в войне Германии с Советским Союзом и делали соответствующие выводы.

Приведем другую телеграмму Отта в Берлин от 3 июля 1941 г. по поводу заявления Мацуока о военных приготовлениях Японии против СССР для передачи его министру иностранных дел Германии Риббентропу: «...Я имею удовольствие заявить, что Япония готовится ко всякого рода случайностям в отношении СССР для того, чтобы объединить свои силы с Германией для борьбы с коммунистическим злом. В частности, Япония пристально следит за развитием обстановки в Восточной Сибири, будучи полна решимости уничтожить существующий там коммунистический режим. Я думаю, что вряд ли есть необходимость добавлять, что японское правительство всегда имеет в виду расширение военных приготовлений наряду с другими мероприятиями для осуществления этой цели, а также для того, чтобы связать силы Советской России на Дальнем Востоке, которые она могла бы использовать в войне с Германией...» [2].

В этом заявлении министра иностранных дел Мацуока с полной ясностью изложена позиция Японии в отношении войны гитлеровской Германии против СССР. Здесь о пакте о нейтралитете, заключенном Японией с Советским Союзом, и не упоминается, как будто его не существовало.

Поскольку, однако, пакт о нейтралитете подписал от Японии Мацуока, оставаться ему на посту министра иностранных дел было нецелесообразно, и он в июле 1941 года вышел в отставку.

Как известно, фактический ход событий был таков, что Япония не напала на Советский Союз.

Советское обвинение представило ряд документов, показывающих, почему нападение Японии на СССР все же не осуществилось ни летом, ни осенью 1941 года, ни позже.

Вот один из них — телеграмма германского посла в Японии Отта в Берлин от 4 сентября 1941 г. Процитируем выдержку из нее:

«Третий кабинет Коноэ, после отставки Мацуока, решился произвести широкую мобилизацию. Это решение принято 2 июля в присутствии императора и по характеру своему было направлено

[1] Стенограмма Токийского процесса от 17 октября 1946 г., с. 7961—7962.

[2] Т а м ж е, с. 7963—7964.

против Советского Союза. Вместе с тем Коноэ значительно усилил в новом кабинете сдерживающие элементы и возложил большую ответственность на морской флот. Тем самым он создал большие затруднения для обеспечения тыла с севера. Как сообщают, командование армии, в связи с последними событиями, стало меньше стремиться к разрыву отношений с Советском Союзом. Приводятся доводы, что японская армия, занятая и ослабленная войной с Китаем, не выдержит зимней кампании против Советского Союза. Ввиду сопротивления, оказываемого русской армией такой армии, как немецкая, японский генеральный штаб, по-видимому, не верит, что сможет достичь решительных успехов в борьбе с Россией до наступления зимы.

Сюда присоединяются также воспоминания о номонганских (халхинголских. — *Прим. авт.)* событиях, до сих пор живущих в памяти Квантунской армии...

Я узнал из обычно достоверного источника, что императорская ставка пришла в последние дни к решению отложить на время действия против Советского Союза...» [1].

А вот другой документ по этому же вопросу — выдержка из протокола допроса подсудимого Осима, бывшего посла Японии в Германии, от 22 апреля 1946 г.

«Вопрос: Как Вы ориентировали свое правительство по вопросу о ходе германо-советской войны?

Ответ: Примерно в конце июля — начале августа 1941 года мне стало известно о замедлении темпов наступления германской армии. Намеченные сроки наступления не выдерживались. Москва и Ленинград не были взяты немцами в предусмотренные их планами сроки. По этому поводу я обратился за разъяснением к Риббентропу. Тот пригласил для дачи объяснений Кейтеля, который рассказал мне, что замедление темпов наступления германской армии вызвано большой растянутостью коммуникаций и отставанием тыловых частей и учреждений и что в связи с этим темпы наступления замедляются примерно на три недели» [2].

Замедление темпов наступления германской армии на Советский Союз вызывало обеспокоенность в Токио. Из намеченных двух главных направлений наступательных операций японских вооруженных сил — на север (против Советского Союза) или на юг (против США, Англии и других стран в районе южных морей) милитаристская клика Японии стала склоняться в сторону второго, не отказываясь в то же время и от первого направления.

Подтверждением этого служит телеграмма, направленная из Токио в японское посольство в Берлине 30 ноября 1941 г. В ней давалось такое указание: «Если Германия и Италия зададут Вам во-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 17 октября 1946 г., с. 7971—7972.

[2] Там же, с. 7973.

прос о нашем отношении к Советам, скажите, что мы уже определили наше отношение к русским в нашем заявлении от июля с. г.

Скажите, что, двигаясь на юг, мы вовсе не имеем в виду ослабления нашего давления на Советский Союз и что если Россия завяжет более близкие отношения с Англией и США и будет нам сопротивляться, применяя враждебные действия, мы готовы повернуться против нее со всей своей мощью.

Однако в настоящий момент нам выгоднее двигаться на юг и на некоторое время мы бы предпочли воздержаться от прямого движения на север. Это сообщение важно со стратегической точки зрения и при всех обстоятельствах должно храниться в абсолютном секрете» [1].

В подтверждение того, что японское правительство, исходя из позиции ожидания лишь благоприятного момента для нападения на СССР, не прекращало подготовки к войне против нас, была представлена выдержка из телеграммы германского посла Отта в Берлин от 29 января 1942 г. В ней передавалось: «...Судя по конфиденциальным данным, проводятся военные приготовления против России в Маньчжурии. Здешние влиятельные круги придерживаются мнения, что после взятия порта Дарвин (Австралия. — *Прим. авт.)* Япония повернет против России и захватит Владивосток, Приморье и Северный Сахалин для того, чтобы окончательно обеспечить себя с севера» [2].

Германия в это время занимала осторожную позицию в отношении намерения Японии вступить в войну против СССР. С одной стороны, она настаивала на вступлении Японии в войну, а с другой — обусловливала это степенью готовности японских вооруженных сил и возможностью осуществить нападение на СССР без оттягивания сил с юга.

В этой позиции Германии, конечно, в первую очередь выражалась ее твердая уверенность в том, что германская армия способна сама разгромить Советские Вооруженные Силы и таким образом обеспечить победу Германии над Советским Союзом.

Приведем выдержку из телеграммы Риббентропа германскому послу в Токио Отту от 15 мая 1942 г. В ней указывалось:

«По вопросу о японо-русских отношениях, затронутому в Вашей телеграмме, нужно принять во внимание следующее: без сомнения удобный случай захвата сибирских приморских провинций и Владивостока, так жизненно необходимых для безопасности Японии, никогда не будет настолько благоприятен, как в настоящий момент, когда комбинированные силы России предельно напряжены на Европейском фронте.

При этих условиях создается следующее положение:

[1] Стенограмма Токийского процесса от 17 октября 1946 г., с. 7975.
[2] Там же, с. 7983—7984.

1. Если японские данные о русских вооруженных силах в Сибири точны и она (Япония) способна справиться с сопротивлением русских во Владивостоке и проникнуть в Сибирь в направлении озера Байкал, то такая операция будет иметь очень большое значение для дальнейшего развития войны...

Однако все изложенное основывается на заверении Японии, что она достаточно сильна для проведения подобного рода операции и что ей не понадобится снять силы с других участков — последнее ослабило бы ее позицию в отношении Англии и Америки, например, в Бирме.

2. Если Япония не располагает достаточными силами для успешного проведения подобной операции, то, естественно, ей лучше поддержать нейтральные отношения с Советской Россией.

Это также облегчает наш труд (слово-то какое. — *Прим. авт.)*, поскольку Россия во всяком случае должна держать войска в Восточной Сибири для предупреждения японо-русского конфликта» [1].

Важно отметить, что Япония не имела оснований ожидать нападения со стороны СССР. В подтверждение этого суду был представлен приказ главнокомандующего японским объединенным флотом адмирала Ямамота Исооку от 1 ноября 1941 г. в связи с подготовкой войны против США и Англии. В нем записано: «*Политика в отношении к Советскому Союзу*. Численность Советских Вооруженных Сил на границах Советского Союза с Маньчжоу-го огромна. Союз Советских Социалистических Республик придерживается осторожности и бдительности, выжидая развертывания событий. Однако если империя не нападет на Советский Союз, то нужно полагать, что Советский Союз не начнет враждебных действий» [2].

Хотя японские руководители верили в победу Германии над Советским Союзом, тем не менее не исключали реальности ее полного разгрома. На этот случай они планировали свое посредничество между СССР и Германией, включая угрозу вступления Японии в войну против СССР. Это видно из представленной суду «Программы тотальной войны первого периода. Строительство Восточной Азии», подготовленной институтом тотальной войны в феврале 1942 года. В ней написано: «...В случае, если заключение мира между Германией и Советским Союзом позволит оторвать Советский Союз от Англии и США и уменьшить угрозу в отношении нас, — способствовать заключению мира между Германией и СССР, используя благоприятный с точки зрения военной обстановки для Германии момент, а если необходимо, оказывать давление...

Если СССР не согласится прекратить военные действия, потре-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 17 октября 1946 г., с. 7984—7986, 7990.

[2] Там же, с. 7992.

бовать заключения мира, намекая на возможность начала войны против СССР» [1].

И такой вариант предусматривался японскими стратегами.

Трибуналу были представлены доказательства того, что японская милитаристская клика в период войны Германии с СССР снабжала Германию информацией о военном и политическом положении Советского Союза, используя для этого военный и дипломатический аппарат Японии.

Среди них — телеграмма Риббентропа германскому послу Отту от 10 июля 1941 г. В ней говорилось: «Я прошу использовать эту возможность и поблагодарить японского министра иностранных дел за пересылку нам телеграфного отчета японского посла в Москве. Было бы хорошо, если бы мы и впредь могли постоянно получать таким путем известия из России...» [2].

О том, что желание Риббентропа исполнялось японскими службами, свидетельствует аффидевит от 15 февраля 1946 г. свидетеля Кохара Комакичи — бывшего пресс-референта японского посольства в Берлине.

В этом аффидевите Кохара показал: «...Военные сведения о Советском Союзе японское посольство в Берлине получало с 1941 по 1945 год от японских послов в Москве Татекава и Сато в виде зашифрованных телеграмм, которые затем советник Кавахара и я обрабатывали и переводили на немецкий язык. После этого японское посольство в Берлине передавало эти сведения германскому министерству иностранных дел...»

В передаваемых документах содержались «секретные данные о численности и дислокации частей Красной Армии, ее вооружении и снабжении, о состоянии военной промышленности Советского Союза и выпускаемой ею продукции: самолетах, танках, а также о людских резервах СССР...

По вопросу о передаче японским посольством в Берлине секретных сведений о союзниках немцам я хочу еще сообщить, что за период с 1939 по 1945 год японское посольство передало немцам, как припоминаю, около 40 сообщений, по мере поступления материалов из Москвы, Лондона и Токио.

Передаваемые материалы по своему содержанию касались, главным образом, военно-экономической мощи СССР и его союзников. Часть материалов представляла сводки определенных исследований по отдельным вопросам, другие же материалы были результатами личных наблюдений японцев и прочих иностранцев, проезжавших во время войны через СССР» [3].

В связи с вопросом о моменте предполагавшегося вступления Японии в войну против СССР и помощи, которую Япония оказыва-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 17 октября 1946 г., с. 7992.
[2] Там же, с. 7993.
[3] Там же, с. 7994—7997.

ла Германии, связывая силы Советской Армии на Дальнем Востоке, суду была представлена запись беседы 6 марта 1943 г. Риббентропа с японским послом Осима.

В ней, в частности, записано: «Посол Осима заявил, что он получил телеграмму из Токио и что по приказу его правительства он должен заявить министру иностранных дел Германии следующее: предложение германского правительства о том, чтобы напасть на Россию обсуждалось на совместной конференции японского правительства и императорской Ставки, на которой этот вопрос тщательно обсуждался. Результаты были следующие: японское правительство полностью признает угрозу со стороны России и прекрасно понимает желание ее союзника — Германии о том, чтобы Япония также вступила в войну против России. Однако, имея в виду настоящее положение Японии, японское правительство не считает это возможным в настоящее время, оно скорее придерживается того мнения, что ей не следует вступать в войну против России сейчас».

С горечью отметив, что Германии приходится трудно на Восточном фронте, где она понесла большие потери под Сталинградом, и что в то же время она должна воевать с Англией и Америкой почти одна, Риббентроп сказал:

«В сравнении с этим доля Японии незначительна. В сравнении с этим районы сражения, даже в Бирме, незначительны. Токио поэтому должен понять, почему немцы выдвигают вопрос — правильно ли и соответствует ли духу ведения совместной войны стратегия Японии, не использующая всей силы народа, тогда как Германия находится в предельном напряжении. Мы бы еще раз хотели подчеркнуть, что если только Германия когда-нибудь ослабеет, Японии придется встретиться с мировой коалицией, которая будет состоять не только из Англии, Америки и России, но и из народов всего мира, так же как из сил большевизированной Европы. Следовательно, возникает вопрос, правильно ли распределены силы союзников и равномерно ли они используются в духе совместного ведения тотальной войны, в самый решительный момент для исхода этой войны».

Посол Осима ответил, что «Япония при решении этого вопроса руководствовалась тем: достаточно ли она имеет сил и достаточно ли вооружения для атаки и поражения русских, в дополнение к врагам, которые у нее уже есть, чтобы при этом не подвергать опасности другие фронты. Токио боится разбросать свои силы».

В связи с этим Риббентроп с ехидством заметил: «Германия хорошо понимает, что Япония должна сначала окончить закрепление своих новых завоеванных баз и объединить свои силы. Япония занималась этим в продолжении года и теперь, когда Германия несет на себе тяжесть борьбы, Япония должна быть в состоянии нанести общему врагу новый решительный удар».

На это посол ответил, что он думает иначе. Намерение военных руководителей на его родине ему неизвестны; однако он знал, что уже с давних пор Япония имела намерение «обратить свои силы

против России». До сих пор она, очевидно, «не чувствовала себя в силах сделать это». Это было бы возможно лишь «при условии оставления фронта на юге и уступке некоторых островов неприятелю для того, чтобы перебросить все силы на север. Однако это означало бы тяжелое поражение на юге. Одновременно продвижение на север и на юг было невозможно для Японии»...

Германский министр иностранных дел тогда еще раз поднял вопрос о нападении Японии на Россию, утверждая, что «борьба на фронте Бирмы, как и на юге, была скорее проблемой морской и что фактически только небольшая часть наземных вооруженных сил применялась на всех фронтах, за исключением Китая. Нападение на Россию, таким образом, являлось делом армии, и вопрос был в том, являлись ли необходимые силы подготовленными к этому».

Осима на это ответил, что «главная часть японской армии была связана Китаем, а на фронте Бирмы вооруженные силы также нельзя было считать незначительными. Если Япония захочет напасть на Россию, ей придется перебросить почти все свои силы с юга в Маньчжурию. Во всяком случае, войск не хватало на то, чтобы напасть на Россию с твердой надеждой на скорую победу».

Вот в чем основная причина того, что Япония не решалась вступить в войну Германии против Советского Союза.

Приведем еще одно место из высказываний Осима в этой беседе с Риббентропом. Он сказал: «Общие силы русской армии доходят до 800 тыс. человек. Было совершенно естественно, что русские оставили такое количество войск на границе, так как на всем протяжении истории у них был до сих пор всегда очень неприятный опыт с непредвиденными нападениями со стороны Японии» [1].

Это правильное замечание Осимы.

Затем были представлены доказательства по вопросу о том, что одним из видов существенной помощи Германии в войне против СССР, которую оказывала Япония на протяжении 1941—1945 гг., являлось преднамеренное стеснение советского торгового судоходства на Дальнем Востоке.

Первым из них — мирный договор, заключенный Россией и Японией 5 сентября 1905 г. в Портсмуте (США), согласно которому стороны взаимно обязывались «не возводить в своих владениях на острове Сахалин и на прилегающих к нему островах никаких укреплений, ни подобных военных сооружений» и «не предпринимать никаких военных мер, которые могли бы препятствовать свободному плаванию в проливах Лаперуза и Татарском» [2].

Среди других доказательств были: справка начальника Главного морского Штаба Союза ССР от 20 февраля 1945 г., справки Военного прокурора Тихоокеанского бассейна СССР от 20 марта

[1] Стенограмма Токийского процесса от 17 октября 1946 г., с. 8014—8020.

[2] Там же, с. 8022.

1945 г., от 22 марта и 4 апреля 1946 г., справка Главного военного прокурора Морского и речного флота СССР от 19 февраля 1946 г., аффидевит — протокол допроса бывшего первого помощника капитана советского парохода «Перекоп» Бударина от 14 марта 1946 г.

Представленными доказательствами было подтверждено, что японские власти стесняли свободу советского судоходства в период второй мировой войны путем:

1. Закрытия для судоходства проливов, соединяющих открытые моря.

2. Осмотра и задержки судов под советским флагом.

3. Нападения на советские суда и их потопления.

С начала второй мировой войны Япония объявила проливы Лаперуза, Сангарский и Корейский своими «морскими оборонительными зонами» и таким образом поставила Японское море и выходы из него под свой контроль. Это мероприятие острием было направлено против СССР. Оно, в частности, затрудняло осуществление торговых связей между СССР и США через дальневосточные порты.

Подверглись задержанию японскими военными кораблями советские пароходы «Сергей Киров», «Двина», «Ингул» и другие в проливе Лаперуза и Японском море в 1942 — 1943 гг. Причем во время задержания японские представители издевались над советскими моряками.

Советские пароходы «Кречет», «Свирьстрой», «Перекоп», «Майкоп», в 1941 году находившиеся в порту Гонконг и Южно-Китайском море, были обстреляны японскими войсками и потоплены.

Пароходы «Сергей Лазо», «Симферополь», находившиеся в Гонконге, японские пираты сначала подвергли обстрелу, потом захватили и разграбили на них все судовое имущество. Несколько советских моряков были убиты.

Приведем здесь выдержки из аффидевита первого помощника капитана парохода «Перекоп» Бударина.

«Пароход не был вооружен, у нас не было не только ни одной пушки, но и ни одного пулемета. Для охраны судна имелось несколько винтовок. Это был самый безобидный торговый пароход-лесовоз...»

Излагая события, происшедшие 17 декабря 1941 г., Бударин показал: «Было около 9 часов утра. Самолет сделал два-три круга, а затем пошел на судно. Я и капитан стали рассматривать его в бинокли и, когда он подошел ближе, мы увидели на его плоскостях японское «солнце» и красные круглые фигуры, показывающие, что самолет японский. Самолет шел на судно и, когда он был почти над судном, от него отделились две бомбы, которые упали с правого борта (у машинного отделения), но не причинили никакого ущерба».

На другой день, 18 декабря: «Я увидел 17 двухмоторных самолетов, которые, разделившись на две группы, стали заходить одна с носа, другая с кормы.

В одной группе было 9, в другой 8 самолетов. У нас на судне были ясно видны опознавательные знаки (флаги на трюмах), мы вывесили позывные, кормовой флаг был новый и при легком ветерке развевался, ясно показывая свой цвет и эмблему. Самолеты набросились на корабль и с низкой высоты начали бомбить и обстреливать из пулемета...

Бомбы попали в носовую часть судна, в подшкиперскую, где было убито сразу четыре человека, в трюмы № 1 и № 2. На судне возникло два пожара — на носу и на корме, мостик был разрушен, пластырь и другой спасательный инвентарь был сорван...

Судно быстро погружалось, самолеты стали сбрасывать бомбы не на пароход, а на людей, находящихся в воде. Кроме того, экипаж, находящийся в воде, расстреливали из пулеметов. В воде были убиты кочегар Онипко, кочегар Огарков и машинист Будоян...»

Далее свидетель подробно рассказал, как на протяжении полутора лет группа советских моряков, спасшихся с затонувшего судна, содержалась то на острове Грейт-Натун, то на острове Борнео, то в Сингапуре, снова на островах Борнео и Натуна, наконец опять в Сингапуре, перебрасываемая по распоряжению японских властей и терпя от них всевозможные бедствия и издевательства.

Только 1 января 1943 г. советским морякам было разрешено вернуться на Родину [1].

В заключение данного подраздела обвинением было представлено несколько документов, доказывающих, что до 1945 года включительно японское правительство и, в частности, подсудимые Тодзио и Сигэмицу неоднократно заявляли о своей верности союзу с гитлеровской Германией и фашистской Италией и о твердой решимости вести совместную войну против Советского Союза, США, Англии и других стран до победного конца в целях установления «нового порядка» в Европе и Азии.

Приведем некоторые из этих документов.

В сообщении японского бюро информации от 21 января 1943 г. по поводу заключения экономических соглашений между Германией, Италией и Японией заявлялось: «Эти соглашения будут действовать в течение того же периода времени, что и тройственный пакт, цели которого они будут подтверждать в области экономики. С этой точки зрения их можно рассматривать как расширяющие и дополняющие тройственный пакт.

Япония, Германия и Италия все время усиливали свое политическое сотрудничество, а теперь, заключив эти соглашения, они показали свое намерение вести войну против их общего врага также посредством создания великого экономического плана, используя для этого всю объединенную мощь двух великих экономических сфер — Великой Восточной Азии и Европы — и в то же время по-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 17 октября 1946 г., с. 8023—8054.

казали, что они закладывают фундамент для постоянного экономического сотрудничества между этими сферами после войны» [1].

Премьер-министр Тодзио в своем восторженном заявлении 12 декабря 1941 г. по случаю объявления Германией и Италией войны Соединенным Штатам Америки и заключения Японией военного соглашения с Германией и Италией подчеркнул:

«Мир разделен теперь на две группы: одна, которая тщетно борется за сохранение «статус-кво», и другая, которая решительно стремится установить справедливый новый порядок; они ведут величайшую борьбу, когда-либо происходившую в истории.

При справедливой цели и большой силе, я верю, что несомненно победа будет нашей.

Я приношу теперь сердечные поздравления по поводу союза трех держав, которые стали сильнее, чем когда-либо, и тем самым выражаю свою твердую уверенность в нашем блестящем будущем» [2].

21 января 1945 г., т. е. всего только за три месяца до полной капитуляции Германии, когда уже было ясно, что агрессоров не ждет «блестящее будущее», министр иностранных дел Сигэмицу, выступая на сессии японского парламента, как и прежде, в мажорном тоне, заявлял: «Связи империи с союзниками становятся все более и более крепкими. Мы с нашими союзниками будем успешно вести эту войну до конца любой ценой. Мы верим, что для осуществления наших общих справедливых военных целей в борьбе за самостоятельное существование нашей самой священной миссией является победоносное ведение с нашими союзниками серьезных боев, которые откроют человечеству путь к будущему...» [3].

На этом советское обвинение закончило представление доказательств по 4-му подразделу и приступило к представлению доказательств по 5-му подразделу — о японских планах нападения на СССР после нападения Германии на Советский Союз.

Прежде всего следует сказать, что военные планы Японии и другие секретные документы, относящиеся к подготовке войны против СССР, не сохранились и потому не могли быть представлены Трибуналу. В подтверждение этого обвинение представило следующий сертификат.

«Сертификат.

Настоящим удостоверяю, что мы не можем предоставить Вам нижеуказанные документы, так как в настоящее время мы ими не обладаем: 1. Все документы I и II отделов Генерального штаба Японии, касающиеся войны с СССР (План «Оцу» и план «Кан Току Эн»).

[1] Стенограмма Токийского процесса от 17 октября 1946 г., с. 8055—8056.

[2] Там же, с. 8061.

[3] Стенограмма Токийского процесса от 18 октября 1946 г., с. 8068.

2. Переписку между Генеральным штабом и Военным министерством Японии и штабами Корейской и Квантунской армий о военных приготовлениях Японии к войне против СССР.
7 августа 1946 года.
Начальник Экспедиции Первого Демобилизованного Бюро Миява Иодзи» [1].

По показаниям японских свидетелей, планы войны против СССР и относящиеся к ним другие документы были уничтожены в свое время как устаревшие или по окончании войны, когда уничтожались все документы Генерального штаба и военного министерства Японии с тем, чтобы они не попали в руки союзных держав.

Чтобы восполнить этот недостаток, советское обвинение представило некоторые иные доказательства, в частности, аффидевиты генерал-лейтенанта Миякэ Мицухару, бывшего начальника штаба Квантунской армии; генерал-майора Акикуса Сюн, бывшего начальника информационного отдела Квантунской армии, Такэбэ Рокузо, бывшего начальника департамента общих дел при правительстве Маньчжоу-го; генерал-лейтенанта Томинага Кэодзи, бывшего начальника оперативного отдела Генерального штаба, впоследствии вице-военного министра; майора Мацууро Кусуо, бывшего начальника шифровальной службы японских войск во Внутренней Монголии, затем в Квантунской армии; полного генерала Кита Сэйчи, бывшего командующего 6-й армией Квантунской армии; генерал-майора Озуцбо Кадзума, бывшего начальника штаба 23-й дивизии, дислоцировавшейся в Маньчжурии; генерал-лейтенанта Кусаба Тацуми, бывшего командующего 4-й армией 2-го фронта Квантунской армии.

Кроме того, были представлены аффидевиты подполковника Содзима Рюдзо, служившего в штабе Квантунской армии и в оперативном отделе Генерального штаба, и генерал-майора Мацумура Томокацу, бывшего начальника 5-го отделения 2-го отдела Генерального штаба и эти два свидетеля были вызваны в суд для прямого и перекрестного допроса.

Суду были предъявлены также телеграмма посла Отта и военного атташе Германии в Токио Кречмера в Берлин от 25 июля 1941 г. и запись беседы Риббентропа с японским послом Осима 18 апреля 1943 г.

Обратимся к этим доказательствам.

Напомним, что ранее была представлена Суду резолюция совещания у императора от 2 июля 1941 г., на котором было решено продолжать подготовку войны против Советского Союза и дожидаться удобного момента, чтобы вооруженной силой разрешить имевшиеся у Японии северные проблемы, т. е. территориальные притязания к Советскому Союзу.

Как реагировал Генеральный штаб на это решение?

[1] Стенограмма Токийского процесса от 18 октября 1946 г., с. 8076.

Отт и Кречмер в обстоятельной телеграмме излагают свои наблюдения о ходе мобилизации, объявленной в Японии после нападения Германии на Советский Союз.

В телеграмме, в частности, сообщается:

«1. Начавшийся в Японии и Маньчжоу-го и медленно протекавший призыв резервистов вдруг принял 10 июля и в последующие дни, и особенно в 1-й, 4-й, 7-й, 12-й и 16-й дивизиях, большой размах, не поддающийся дальнейшей маскировке. Призыв продолжается сравнительно меньшими темпами по сегодняшний день. До середины августа должны призвать приблизительно 900 тыс. резервистов в возрасте от 24 до 45 лет, причем среди старших возрастов только специалистов — шоферов, техников, лиц, говорящих на русском языке, и т. д. После этого они будут располагать примерно еще 500 тыс. резервистов.

2. Одновременно с призывом резервистов начиная с 10 июля происходит мобилизация лошадей и автомашин, и несколько позже были даны указания фирмам о поставке не позднее конца сентября воинских предметов потребления, как-то: продуктов, свечей и т. д...

5. С 10 июля началась отправка воинских частей, а именно: транспортных, технических и артиллерийских частей 16-й и 1-й дивизий, и отправка резервистов из Японии с пунктами назначения Сэйсин и Расин — для войск и резервистов, и Тяньцзинь и Шанхай — только для резервистов.

6. С середины июля в Маньчжурии делаются приготовления для размещения транспортов с воинскими частями. Кроме того, наблюдается усиленное движение грузов, что обозначает подвоз баз снабжения».

Далее в телеграмме высказываются соображения о военных планах и сроках нападения Японии на Советский Союз:

«а) Наряду с усилением японских частей в Маньчжурии, равно как и в Северном Китае, формируется новая группа войск в Корее.

b) Помимо японских частей в Маньчжоу-го и Корее, согласно высказываниям офицеров Генерального штаба, для направления против Советского Союза предназначаются, очевидно, также части японской армии в Северном Китае.

В отношении японского оперативного плана ясности еще нет, однако, вероятно, они не ограничатся наступлением на район Владивостока и севернее, но одновременно будет предпринято также наступление в направлении озера Байкал, а именно вдоль железной дороги Маньчжурия — Чита и из района Калган через Внешнюю Монголию.

с) Время начала наступления еще неясно, но можно предположить, что развертывание войск потребует времени еще до середины августа. Кроме того, генерал Окамото многократно в разговоре упо-

минал, что Япония лишь тогда выступит, когда немецкие части достигнут Волги» [1].

Приведем теперь отдельные места из аффидевитов и устных допросов названных выше японских свидетелей о планах войны Японии против Советского Союза, в частности о плане «Кан Току Эн».

Генерал-лейтенант Миякэ в своем аффидевите от 22 февраля 1946 г. написал:

«В конце 1941 года из штаба Квантунской армии был прислан в центральный штаб «Кио Ва Кай» документ. На этом документе значилась надпись: «Кан Току Эн».

В этом документе было указано, что маньчжурское правительство должно направить в распоряжение штаба Квантунской армии для строительства военных сооружений до 300 тыс. чернорабочих» [2].

В аффидевите генерал-майора Акикуса записано:

«Вопрос: Что Вам известно о плане «Кан Току Эн» (специальные маневры Квантунской армии)?

Ответ: Из рассказа начальника русского отделения 2-го управления Генштаба полковника Хаяси Сабуро и других офицеров мне известно, что план «Кан Току Эн» срочно был составлен в 1941 году после нападения Германии на Советский Союз и по содержанию представлял собой оперативный план подготовки военного нападения Японии на Советский Союз...» [3].

А вот что говорится в аффидевите Такебэ от 26 марта 1946 г.

«Вопрос: Что Вам известно о мероприятиях по плану «Кан Току Эн»?

Ответ: «Кан Току Эн» — зашифрованное название действий Квантунской армии, но в действительности же этим планом предусматривалось увеличение сил Квантунской армии. В соответствии с этим планом давались также указания относительно предоставления продуктов, транспорта, рабочей силы и т. п.

В.: Когда и от кого Вы узнали о «Кан Току Эн»?

О.: Об этом я узнал в начале июля 1941 года от начальника 4-го отделения штаба Квантунской армии Курокава, а также от командующего Квантунской армией Умэдзу.

В.: Что Умэдзу конкретно заявил Вам о плане «Кан Току Эн»?

О.: В беседе со мной Умэдзу сообщил об увеличении войск Квантунской армии и поставил задачу обеспечения этих войск продовольствием и т. п.

В.: Какие мероприятия по плану «Кан Току Эн» должны были быть выполнены по линии правительства Маньчжоу-го и руководство по выполнению которых было возложено на Вас?

[1] Стенограмма Токийского процесса от 18 октября 1946 г., с. 8071—8074.

[2] Там же, с. 8077.

[3] Там же, с. 8077—8078.

О.: Прежде всего, доставка необходимых товаров для прибывших войск, увеличение перевозок этих товаров, мобилизация рабочей силы на различные работы, связанные с обеспечением армий.

В.: В какие сроки правительство Маньчжоу-го должно было выполнить мероприятия, предусмотренные планом «Кан Току Эн»?

О.: Эти мероприятия подлежали выполнению в течение 6 месяцев» [1].

Для осуществления плана «Кан Току Эн» требовалась усиленная подготовка русских переводчиков. Это предусматривалось распоряжением командующего Квантунской армией, подсудимого Умэдзу от 16 сентября 1941 г. В нем указывалось: «На основании отдельного приложения Положения о дополнительном обучении военных переводчиков в Квантунской армии — необходимо провести дополнительное обучение переводчиков русского языка из всех школ иностранных языков в Японии, а также Харбинского университета, которые используются в качестве военных переводчиков с начала осуществления «Кан Току Эн» [2].

Каково было содержание плана «Кан Току Эн»?

Об этом говорится в аффидевите генерал-лейтенанта Томинага от 21 февраля 1946 г.

«План «Кан Току Эн» был составлен в середине 1941 года потому, что Советский Союз вступил в войну с Германией. Военная обстановка была неблагоприятной для Красной Армии, и мы предполагали, что Советский Союз отведет свои войска с Дальнего Востока на западный фронт, и поэтому предполагали, что нам, может быть, удастся легко захватить Дальний Восток...

В основе плана «Кан Току Эн» лежал оперативный план генерального штаба, составленный мною в 1940 году с тем изменением, что по прежнему плану, как я уже показал, предполагалась очередность нанесения ударов на различных фронтах, а по плану «Кан Току Эн» предполагалось все эти удары нанести одновременно».

Далее Томинага пояснил точку зрения подсудимого Тодзио по поводу плана «Кан Току Эн».

«Тодзио в разговоре со мной в 1941 году объяснил это тем, что сейчас может быть удобный момент, чтобы напасть на Советский Союз и можно будет воевать, не встречая большого сопротивления со стороны русской армии. Тодзио мне сказал, что наше нападение на СССР принесет славу японскому оружию, так как мы будем наступать как раз в тот момент, когда «слива уже созрела и сама падает на землю». Тодзио указал, что следует увеличить количество людей в существующих в Маньчжурии частях, чтобы таким образом быстрее отмобилизовать Квантунскую армию.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 18 октября 1946 г., с. 8079—8080.

[2] Там же, с. 8081—8082.

Вопрос: Вы подтверждаете, что у Тодзио в тот период было твердое намерение напасть на Советский Союз?

Ответ: Да, подтверждаю!»[1]

Майор Мацууро в своем аффидевите от 18 мая 1946 г. показал, что в тот период японская армия во Внутренней Монголии (Китай) также готовилась к нападению на СССР.

«В первые дни начала советско-германской войны, примерно 23—24 июня 1941 г., командующий японскими войсками в Северном Китае полный генерал Окамура шифротелеграммой вызвал в Пекин в штаб войск Северного Китая командующего японскими войсками во Внутренней Монголии генерал-лейтенанта Амакасу и начальника оперативного отделения полковника Кабараги Масатака. Указанные лица 24 июня 1941 г. выехали в Пекин. По возвращении из Пекина генерал-лейтенант Амакасу Дзютаро 5 июля 1941 г. вызвал к себе в штаб всех подчиненных ему командиров соединений и отдельных частей на совещание, на котором он дал, по-видимому, директивные указания по подготовке войск к войне с СССР. Японские войска Внутренней Монголии должны были контактировать свои боевые действия против СССР с Квантунской армией...

Тогда же командир 26-й дивизии, занятой борьбой с китайскими партизанами, получил приказание подготовиться для военных действий против Внешней Монголии в районе пустыни Хуншадак».

Ему, Мацуура, говорили, что «главный удар японской армии по Внешней Монголии будет направлен на Улан-Батор с выходом к Забайкалью, имея целью перерезать Сибирскую железную дорогу и затруднить подвоз советских войск на Дальний Восток»[2].

По материалам военных игр института тотальной войны выступление Японии против СССР первоначально намечалось на август или сентябрь 1941 года.

К концу лета 1941 года сроки вступления Японии в войну против Советского Союза, по-видимому, были перенесены на июль-август 1942 года.

О планах нападения Японии на СССР рассказал в своем аффидевите и во время устного допроса на суде подполковник Сэдзима.

«За период моей работы с января 1940 года до августа 1944 года в Генеральном штабе мне при исполнении моих служебных обязанностей стали известны следующие факты, о которых я свидетельствую под присягой...

Будучи назначенным на штатную должность офицера 2-го отделения, я до конца своей работы в Генеральном штабе занимался разработкой вопросов по перемещению войск, а, кроме того, в последнее время одновременно привлекался к разработке планов вой-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 18 октября 1946 г., с. 8082—8083.

[2] Там же, с. 8087—8090.

ны и даже самостоятельно разрабатывал некоторые небольшие операции.

Весной 1941 года я сжег планы войны, находящиеся в архиве. Должен отметить, что планы войны в Генеральном штабе обычно хранились в течение двух лет. Перед тем как сжечь эти планы, я их прочитал. В числе прочитанных мною планов находился план войны против СССР на 1939 год. Таким образом я ознакомился с этим планом и в общих чертах помню его содержание. Основной стратегический замысел японского командования по этому плану на случай войны с СССР заключался в том, чтобы сосредоточить в Восточной Маньчжурии главные военные силы и направить их против Советского Дальнего Востока. Квантунская армия должна была захватить Ворошилов, Владивосток и Иман, а затем Хабаровск, Благовещенск и Куйбышевку...

По плану 1941 года в случае войны с СССР Квантунская армия должна была сосредоточить свои главные силы в направлении на Советское Приморье. Часть сил предполагалось сосредоточить на Благовещенско-Куйбышевском направлении, а часть сил в районе Хайлар. Резервы должны были находиться в районе Харбина, наступление предполагалось начать в районе ст. Пограничная в направлении на Благовещенск и Куйбышевку. В районе Хайлар войска должны были держать оборону, чтобы обеспечить наступательную операцию на других направлениях. Целью наступления на Приморье являлось занятие Приморской области, а наступление на Благовещенск — Куйбышевку имело целью перервать железную дорогу и тем самым прекратить подвоз подкреплений и военных материалов с запада. На первом этапе войны предполагалось занять Ворошилов, Владивосток, Благовещенск, Иман, Куйбышевку и район Рухлово. На втором этапе предполагалось, насколько позволит обстановка, захватить Северный Сахалин, Петропавловск-на-Камчатке, Николаевск-на-Амуре, Комсомольск и Советскую Гавань...

По плану войны против СССР на 1941 год военно-морской флот имел три задачи:

1) Обеспечить высадку десантов в Петропавловске-на-Камчатке и Северном Сахалине.

2) Осуществить нападение на советскую тихоокеанскую эскадру и блокировать с моря Владивосток.

3) Охранять Цусимский пролив с целью обезопасить связь метрополии с Кореей и Маньчжурией.

В 1942 году 1-й отдел генерального штаба разработал новый оперативный план войны против СССР, который уже не изменялся до весны 1944 года. Я неоднократно читал этот план и в общих чертах помню его. Как и все предыдущие планы войны (против СССР), план 1942 года был наступательным. Война против Советского Союза должна была начаться внезапно. Этот план предусматривал сосредоточение в Маньчжурии около 30 дивизий. Главные

силы по плану сосредоточивались в Восточной Маньчжурии, часть сил — в районе Суньу и часть сил — в районе Хайлар».

В ходе допроса Сэдзима в суде японский защитник Киосэ задал такой вопрос:

«...Тот факт, что оперативный план составлялся против какой-нибудь страны, еще не значит, что правительство имело намерение вести войну против этой страны, не так ли?»

Председатель на этот вопрос реагировал следующим образом:

«Это не входит в рамки аффидевита. Мы не намерены выслушивать мнения подобного рода от свидетеля его положения. Его чин недостаточно высок, чтобы он мог отвечать на такой вопрос» [1].

В аффидевите генерала Кита содержатся подтверждения показаний подполковника Сэдзима о плане войны против СССР, имевшегося в Квантунской армии на 1942 год. В нем подробно излагаются подготовительные мероприятия по основным направлениям наступления на СССР и подробности плана наступления. Подчеркивается, что «наступательным планом ОЦУ предусматривался захват всего Дальнего Востока до озера Байкал. Этот план наступления делился на четыре стадии». В итоге первой стадии японские войска захватывают советские города Ворошилов и Владивосток; второй стадии — Благовещенск, Куйбышевку, Свободный и Хабаровск; третьей стадии — Читу; четвертой стадии — Забайкалье до озера Байкал.

Японская верховная ставка, «координируя наступательные действия всех сил, должна была бросить один корпус механизированных частей из Северного Китая, начав операционные действия от Калгана к Улан-Батору» [2].

Генерал-майор Мацумура в своем аффидевите и в ходе устного допроса в суде показал, что план войны на 1942 год, составленный штабом Квантунской армии на основании директивы начальника генерального штаба об оперативном плане войны с СССР на 1942 год, «рассматривал следующие вопросы: 1) общие задачи Квантунской армии; 2) распределение сил; 3) частные задачи отдельных фронтов и армий». Планом было предусмотрено, что «в войне против СССР будут принимать участие I фронт, II фронт и 6-я армия». В нем были определены задачи отдельных фронтов и армий. План был подписан главнокомандующим Квантунской армией полным генералом Умэдзу.

По показанию свидетеля, «в 1943 году новых указаний о плане войны против СССР от генерального штаба не поступило. Поэтому на основании существовавших в армии правил план 1942 года оставался в действии и на 1943 год» [3].

[1] Стенограмма Токийского процесса от 18 октября 1946 г., с. 8095—8104.
[2] Там же, с. 8126—8134.
[3] Там же, с. 8137—8144,

Доказательством того, что в Японии еще в 1943 году всерьез готовились к нападению на СССР, служит аффидевит генерал-майора Озуцбо от 28 марта 1946 г. Озуцбо присутствовал на совещании в августе 1943 года в г. Хайларе, которое проводилось в штабе 6-й армии по вопросу о предстоящих оперативных действиях этой армии в войне против СССР. Он показал: «Первые два дня на совещании обсуждался вопрос об оперативном плане обороны на участке 6-й армии, так как в случае войны с Советским Союзом, на первом ее этапе, Квантунская армия должна была наступать на приморском направлении, а на участке 6-й армии должны были быть оборонительные бои.

На забайкальском направлении по замыслу командования мы обязаны были «стоять насмерть» до прибытия новых дивизий для II фронта.

На третий день этого совещания изучался вопрос о наступательной операции, которая планировалась после того, как фронт и армия получат новые соединения. Тогда II фронт должен был вести наступление на Читу.

Замысел командования был такой, чтобы сосредоточить главные силы в районе Хайлара и после этого совершить обходный маневр, атаковать из района южнее озера Далай-Нур тылы правого фланга Забайкальского фронта и выйти в район Борзя.

Разбив противника, японские войска перерезали бы все пути к его отступлению» [1].

Генерал-лейтенант Кусаба в своем аффидевите от 25 марта 1946 г. показал:

«По плану 1941 года, о котором мне докладывал начальник штаба 4-й армии генерал-майор Кимихара, в начале войны против Советского Союза главный удар наносился в районе Приморья силами I фронта. В этот период II фронт прикрывал фланг I фронта и вел подготовку для операции в направлении Завитая — Куйбышевка.

В состав II фронта на этом направлении в начале войны должна была быть переброшена Н-ская армия и авиация, наносившая удары в районы Приморья.

По оперативному замыслу командования, II фронт силами 4-й армии в составе четырех дивизий из района Шенгвутунь — Айгунь и Н-ская армия из района Чихэ форсирует реку Амур и ведет наступление в направлении Завитая — Куйбышевка, перерезает Амурскую железную дорогу, уничтожает части Красной Армии, занимает Благовещенск, Куйбышевку, Завитую и Шимановскую. После этого осуществляется наступление в направлении на Хабаровск и на Рухлово...»

В сентябре 1942 года командующий II фронтом генерал-лейтенант Анами Корейчака внес коррективы в этот план...

Эти оперативные планы II фронта оставались в силе с 1941 до

[1] Стенограмма Токийского процесса от 18 октября 1946 г., с. 8161.

весны 1944 года и охватывают весь период, когда я был командующим 4-й армией».

Кусаба дал ценные показания и о плане «Кан Току Эн».

«*Вопрос:* Что Вам известно о плане «Кан Току Эн»?

Ответ: План «Кан Току Эн» предусматривал увеличение японских войск в Маньчжурии в связи с начавшейся в 1941 году войной Германии против Советского Союза. По этому плану в Маньчжурию было переброшено более 800 тыс. солдат. План «Кан Току Эн» является шифрованным названием плана войны против СССР» [1].

Сказано коротко и ясно.

В целях подтверждения того, что Квантунская армия в августе 1943 года готовилась к наступлению против Советского Союза, вновь обратимся к аффидевиту майора Мацуура, который в 1943 году был переведен на службу в шифровальный отдел этой армии. В нем написано: «В августе 1943 года начальник отдела связи Квантунской армии подполковник Томура Морио предупредил меня и начальника шифровального отделения майора Кобояси, чтобы мы были готовы к быстрой замене шифров на случай начала военных действий против СССР. Полковник Томура нам сказал, что командование Квантунской армии по указанию Главной ставки начнет военные операции против Красной Армии внезапно, чтобы сломить ее силу, используя инициативу» [2].

В заключение советское обвинение представило Трибуналу запись беседы министра иностранных дел Германии Риббентропа с японским послом Осима от 18 апреля 1943 г., свидетельствующую о том, что гитлеровская клика толкала Японию летом 1943 года на войну с Советским Союзом, что Генеральный штаб Японии в продолжении десятилетий разрабатывал планы агрессивной войны против СССР. Этот документ был найден в министерстве иностранных дел Германии. В нем записано следующее: «Господин министр иностранных дел тотчас же подчеркнул еще раз, что для Японии, если она чувствует себя достаточно сильной и обладает достаточным количеством противотанкового вооружения, этот год представляет самую удобную возможность напасть на Россию, которая никогда больше не будет такой слабой, какой она является теперь...

Он сказал, что в их руках есть достоверные сообщения о том, что русские строят большое число аэродромов на Востоке, откуда, как они сами, так и американцы, в один прекрасный день пошлют на японскую островную империю эскадрильи своих бомбардировщиков. Оценка японцами силы русских в Сибири в 800 тыс. человек, по-нашему, преувеличена. Мы считаем, что там только 250 тыс., которые, к тому же, не являются лучшими, так как все сибирские дивизии были уничтожены германскими армиями этой зи-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 21 октября 1946 г., с. 8168—8169.

[2] Там же, с. 8175.

мой. Однако если Япония не готова напасть быстро и решительно, то лучше не нападать вообще. Однако при любых обстоятельствах ей придется начать где-нибудь новое наступление против англичан или американцев.

Посол Осима сказал здесь, что он не знает замыслов своего правительства, но одно неоспоримо, что уже 20 лет все планы Генерального штаба разрабатывались для наступления на Россию и все снова направлено на это наступление. Если можно будет предвидеть успех в этом направлении, то несомненно начнут наступление»[1].

Однако эти планы, несмотря на всестороннюю и тщательную подготовку к реализации, остались только планами, им не суждено было сбыться.

21 октября 1946 г. советское обвинение закончило представление своей фазы процесса.

ДРУГИЕ ФАЗЫ ОБВИНЕНИЯ

Как уже отмечалось, после вступительной речи главного обвинителя Кинана обвинение представило ряд международных договоров с участием Японии, серию основных японских законодательных актов, показывающих общественное и государственное устройство страны, организацию и функции ее органов власти и управления, а также личные (послужные) дела всех подсудимых.

Затем обвинение представило доказательства того, как в Японии велась подготовка общественного мнения к войне. После этого обвинение приступило к предъявлению доказательств по отдельным направлениям японской агрессии. Первым из них было Маньчжурское направление.

В своей вступительной речи по этому разделу фазы обвинения — «Военная агрессия против Маньчжурии 1931—1945 гг.» американский обвинитель Дарсей отметил, что эта агрессия охватывает заговор и план для завоевания, эксплуатации и правления над теми провинциями Китая, которые, включая Жэхэ, известны под общим названием Маньчжурии[2]. Эта фаза относится к 1—6, 18 и 27 пунктам обвинительного заключения.

В ночь на 18 сентября 1931 г. заговорщики, — сказал обвини-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 21 октября 1946 г., с. 8176—8177.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 1 июля 1946 г., с. 1678. Под Маньчжурией понимается северо-восточная часть Китая, включающая три восточные провинции — Ляонин, Гирин, Хейлунцзян и провинцию Жэхэ.

Площадь «Трех восточных провинций» составляет около 380 тыс. кв. миль и равна площади Германии и Франции вместе взятых. На этой площади проживало тогда примерно 30 млн. человек, из которых 28 млн. — китайцев, 800 тыс. — корейцев и 150 тыс. — русских.

Подсудимые за ленчем. Слева направо:
С. Того, Х. Тодзио, К. Сато.

тель, — японские армейские офицеры из Генерального штаба и Квантунской армии, а также некоторые гражданские лица организовали взрыв на Южно-Маньчжурской железной дороге, к северу от Мукдена, и обвинили в этом китайцев. Повреждение дороги, если оно вообще было, не помешало точному прибытию поезда из Ганчуня, идущего на юг. Во время подготовки к этому инциденту, за год до того, из Японии была переброшена артиллерия, занявшая стратегические позиции между прилегающими китайскими казармами, под предлогом, что там рылись колодцы. Немедленно вслед за взрывом эти орудия начали обстрел китайских казарм. Все японские войска в Маньчжурии приняли участие в выполнении заранее

разработанного плана. Корейская армия, которая стояла в ожидании на границе, перешла без санкции императора реку Ялуцзян, чтобы принять участие в военных операциях. Это событие вошло в историю под названием «Инцидент на пограничной реке» (Crossing the Border Incident).

Японские вооруженные силы оккупировали Маньчжурию и Внутреннюю Монголию и 1 марта 1932 г. там было создано марионеточное государство Маньчжоу-го во главе с императором Генри Пу И.

Используя Квантунскую армию, Япония подчинила себе Маньчжоу-го и фактически управляла им вплоть до сентября 1945 года.

В подтверждение своих положений обвинение представило большое число документов и свидетельских показаний.

Одним из основных документов был Доклад (отчет) Комиссии по расследованию, назначенной Лигой наций, известный как доклад Литтона [1].

В связи с вооруженным вторжением 18 сентября 1931 г. Японии в Северо-Восточный Китай правительство Китая 21 сентября обратилось в Лигу наций с жалобой, в которой просило «предпринять шаги, чтобы предупредить дальнейшее развитие положения, создающего угрозу миру». После безуспешной трехмесячной дискуссии, в ходе которой правительства Великобритании и Франции показали свое нежелание воспрепятствовать японской агрессии, была создана комиссия под председательством английского лорда В. Р. Литтона, в которую вошли также представители Франции, Италии, Германии и США. Комиссия должна была ознакомиться с положением в Северо-Восточном Китае и дать свои рекомендации.

Комиссия не спешила с изучением обстановки в Китае: ее доклад был опубликован лишь 2 октября 1932 г. Признав акт агрессии со стороны Японии, Комиссия предложила оставить Северо-Восточный Китай под китайским суверенитетом, но с «автономией», гарантированной великими державами.

В принятой 24 февраля 1933 г. Ассамблеей Лиги наций резолюции по докладу Комиссии Литтона содержалось требование вывода японских войск из Северо-Восточного Китая, но признавались «особые» интересы Японии в этом районе. В ответ на эту резолюцию Япония вышла из Лиги наций и расширила масштабы агрессии в Китае.

Советский Союз решительно осудил агрессию Японии, заявив о необходимости оказания эффективной помощи Китаю.

Из объемного доклада Комиссии Литтона в течение нескольких заседаний Трибунала зачитывались пространные выдержки, на что ушло много времени.

Помню такой эпизод. Обвинитель Маккензи прочитал первую

[1] Стенограмма Токийского процесса от 1 июля 1946 г., с. 1692; Дипломатический словарь. Том II. М., 1985, с. 148.

выдержку из доклада с первой по двенадцатую страницы и стал перечислять имена членов Комиссии, подписавших доклад, с указанием их титулов: «его превосходительство, граф, досточтимый граф» и т. п. Председатель не выдержал и спросил: «Для чего читать все эти подписи?»

Маккензи: Сэр?

Председатель: Для чего Вы их зачитали?

Маккензи: Чтобы в следующем абзаце показать, что лорд Литтон был назначен председателем.

Председатель: Было столько-то английских представителей, столько-то американцев, и лорд Литтон был председателем. К чему зачитываете все эти подписи? Ужасная трата времени [1].

Однако обвинители продолжали зачитывать обширные выдержки из доклада Литтона.

Обвинение представило Трибуналу в качестве доказательства документ № 169, так называемый «Меморандум Танака» от 7 июля 1927 г. [2]. Генерал Гиити Танака занимал в то время посты премьер-министра и одновременно министра иностранных дел Японии. В своем меморандуме с грифом особой секретности и важности Танака излагал только что вступившему на престол императору Хирохито программу-максимум внешней политики Японии.

Приведем некоторые характерные выдержки из этого меморандума: «Япония не сможет устранить затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политику крови и железа». Но, проводя эту политику, мы окажемся лицом к лицу с Соединенными Штатами Америки... Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить США...

Но для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные азиатские страны и страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами.

Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы. Но захват в свои руки контроля над Маньчжурией и Монголией (имеется в виду МНР и так называемая Внутренняя Монголия, входящая в состав Китая. — *Прим. авт.*) является первым шагом, если раса Ямато желает отличиться в континентальной Азии».

Генерал Танака в своем меморандуме затронул вопрос и в отношении Советского Союза: «В программу нашего национального роста входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить наши ме-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 1 июля 1946 г., с. 1710—1711.
[2] Там же, с. 1765—1767.
См. также Л. Н. Смирнов, Е. Б. Зайцев. Указ. соч., 3-е изд., с. 8—9.

чи с Россией на полях Монголии в целях овладения богатствами Северной Маньчжурии».

Вот какие чудовищные перспективы поэтапной агрессии Японии против других стран мира строили японские милитаристы. Страшно подумать, что были такие сумасбродные планы. Характерно, что в японских правящих кругах указанный меморандум назывался «позитивной политикой Танака».

Когда меморандум Танака был опубликован в китайской печати в 1929 году, японские власти выступили с опровержением. На Токийском процессе защита также пыталась доказать, что меморандум Танака не существовал.

Однако дальнейший ход событий, о которых подробно говорилось на Токийском процессе, показал, что агрессивные действия Японии на Дальнем Востоке и в районе Южных морей в общем соответствовали захватническим планам, изложенным в меморандуме Танака.

С деятельностью Танака на посту премьер-министра Японии связан факт убийства китайского маршала Чжан Цзолиня.

Чжан Цзолинь, получив звание «правителя Китая» в 1928 году, играл ведущую роль среди китайских милитаристов, которые временно объединились в борьбе против национально-революционных сил и захватили Северный Китай с его центром Пекином. Уже тогда у японцев возникли первые признаки тревоги, которая еще больше усилилась, когда правители Японии узнали, что Чжан Цзолинь и его клика стали активно заигрывать с Соединенными Штатами Америки и устанавливать связи с Великобританией. Китайский маршал принял к себе на службу в качестве советника американца Свайнхэда. Играя на империалистических противоречиях Японии, США и Великобритании в Китае, Чжан Цзолинь надеялся занять в стране главенствующую роль.

В начале лета 1928 года премьер Танака предъявил Чжан Цзолиню список японских претензий. Чжан Цзолинь уклонился от выполнения требований японского премьера.

Теперь послушаем показания в Трибунале свидетеля обвинения семидесятилетнего адмирала Кэйсукэ Окада, занимавшего посты морского министра в кабинете Танака (1927 год), военного министра в кабинете Сайто (1932 год) и премьер-министра (1934 год).

«Кабинет Танака сознавал, что он достиг существенного успеха в укреплении японских интересов в Маньчжурии посредством сотрудничества с Чжан Цзолинем, хотя Танака всегда полагал, что Чжан Цзолинь должен вернуться в Маньчжурию и посвятить себя исключительно маньчжурским делам и давал Чжан Цзолиню соответствующие советы.

В 1928 году, когда войска Чжан Цзолиня потерпели поражение от войск Гоминьдана, Танака опять советовал ему отвести свои войска в Маньчжурию, пока не будет слишком поздно. Маршал был принужден на этот раз последовать совету ввиду затруднительного положения своих военных дел.

К этому времени японская армия в Маньчжурии и ее штаб во главе с генералом Хондзё... считали, что сотрудничество и переговоры с Чжан Цзолинем по поводу японских интересов — слишком медленный путь. Они не хотели ждать окончания переговоров и с нетерпением искали возможности применить военную силу для занятия Маньчжурии...»

В этих условиях, — показал далее Окада, — «группа офицеров этой армии составила заговор для убийства Чжан Цзолиня. 4 июля 1928 года они организовали крушение поезда, в котором Чжан Цзолинь ехал из Пекина в Мукден, положив на путь взрывчатку. Чжан Цзолинь был убит в этом крушении, как и намечалось».

По словам Окада, слишком явная и грубая расправа с Чжан Цзолинем вызвала недовольство императора и некоторых членов парламента. В связи с этим премьер Танака, военный министр генерал Сиракава и сам Окада, в то время морской министр, решили провести расследование этого инцидента и принять против виновных строгие дисциплинарные меры. Однако, сказал Окада, «когда военный министр перенес этот вопрос на обсуждение в военное министерство, он встретился там с такой сильной оппозицией со стороны Генерального штаба и других офицеров, что он был не в состоянии продвинуть дело. Военный министр доложил это Танаке и мне и пояснил, что эта оппозиция со стороны армии основывается на том, что принятие мер к наказанию ответственных за это событие лиц заставит открыть народу то, что армия желает в настоящее время скрыть» [1].

Таким образом Окада в своих показаниях подтвердил, что убийство китайского маршала Чжан Цзолиня было делом рук японской военщины.

Другой свидетель обвинения пятидесятичетырехлетний генерал-майор Рюкити Танака (однофамилец, но не родственник премьера Гиити Танака), служивший в военном министерстве в должности начальника бюро военной службы, в своих показаниях назвал конкретных организаторов и исполнителей убийства Чжан Цзолиня.

Рюкити Танака читал отчет о расследовании убийства Чжан Цзолиня, составленный генерал-майором Майк, начальником части военной полиции в Токио, по приказу военного министра. Однако этот отчет не был представлен Трибуналу. Правительство Японии дало обвинению справку, что местонахождение документа неизвестно и что сейчас он представлен быть не может. Вероятно, этот документ, как и многие другие секретные документы генерального штаба и правительства Японии, был уничтожен японцами в период с 14 по 30 августа 1945 г., когда руководители Японии согласились на безоговорочную капитуляцию, и американские авиадесантные части начали приземляться в районе Токио.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 2 июля 1946 г., с. 1814—1820.

Вот что рассказал Рюкити Танака из содержания указанного отчета. «Убийство Чжан Цзолиня планировалось старшим штабным офицером Квантунской армии полковником Кавамото... Квантунская армия в соответствии с политикой кабинета Танака должна была обеспечить быстрейшее улаживание маньчжурского вопроса... Целью этого убийства являлось — избавиться от Чжан Цзолиня и установить новое государство, отдельное от Нанкинского правительства Китая (центрального гоминдановского правительства. — *Прим. авт.*), во главе с Чжан Сюэляном (сыном и наследником Чжан Цзолиня, молодым человеком, только что получившим в Японии военное образование, который, по мнению японских руководителей, мог быть более покладистым, чем его отец. — *Прим. авт.*).

Другими словами, создать новое государство под японским контролем.., которым впоследствии стало Маньчжоу-го.

В результате 4 июля 1928 г. поезд, шедший из Пекина, был взорван в районе пересечения Южно-Маньчжурской и Пекин-Мукденской железных дорог. Взрывом Чжан Цзолинь был убит. В этом покушении использовался динамит, поэтому в нем участвовали часть офицеров и неофицерский состав из 20-го саперного полка, прибывшего в Мукден из Кореи. Во время взрыва штабной капитан Удзуки и полковник Кавамото отстреливались на огонь, открытый личной охраной Чжан-Цзолиня».

В своих показаниях Рюкити Танака осветил, хотя и не полностью еще один вопрос, представляющий интерес. Он объяснил, почему при взрыве на железнодорожном пути пострадал только один вагон, в котором находился Чжан Цзолинь. Оказалось, что полковник Кавамото специально послал в Пекин своего офицера, чтобы он точно установил и сообщил, в каком вагоне разместился китайский маршал. Этим офицером был подсудимый Кэндзи Доихара, японский разведчик, специалист по маньчжурским «инцидентам». Прибыв в Пекин, полковник Доихара представился маршалу Чжан Цзолиню и вместе с его японским военным советником генералом Нанао проводил его на Пекинский вокзал, посадил в салон-вагон специального состава, пожелал «доброго пути» и вернулся в Пекин по срочному делу. Этим делом было написание и отправление полковнику Кавамото условной телеграммы с указанием, в каком вагоне следует маршал Чжан Цзолинь. А через несколько дней японские генералы Хондзё и Нанао, полковники Кавамото и Доихара со скорбными лицами шли за гробом китайского маршала Чжан Цзолиня, провожая его в последний путь [1].

Свидетель Рюкити Танака дал ценные показания и по так называемому Маньчжурскому инциденту — взрыву на Южно-Маньчжурской железной дороге в районе Мукдена 18 сентября 1931 г. Об

[1] Стенограмма Токийского процесса от 5 июля 1946 г., с. 1945—1956, а также: Л. Н. Смирнов, Е. Б. Зайцев. Указ. соч., с. 3, 20.

этом инциденте говорил обвинитель Дарсей в своей вступительной речи, выдержки из которой мы приводили. Танака показал, что Маньчжурский инцидент был заранее спланирован. В его подготовке активную роль играли начальник 2-го отдела Генерального штаба генерал-майор Татекава, подсудимые Хасимото, Окава, Хосино, Доихара, Итагаки, Минами и Тодзио. По словам Хасимото, целью заговора было «превратить Маньчжурию в базу, с которой возможно будет начать возрождение Азии». Окава в беседе со свидетелем Танака говорил, что после установления независимости Маньчжурии должна быть осуществлена тесная связь между Маньчжурией и Японией и что с ростом японской национальной силы Япония станет вождем азиатских народов и будет стремиться избавиться от белой расы, чтобы привести азиатские народы к освобождению и Азию к оживлению.

Рюкити Танака беседовал о Маньчжурском инциденте с Итагаки, Минами, Тодзио. Они придерживались тех же взглядов, что Хасимото и Окава, подчеркивая, что «на первой стадии Маньчжурия в политическом отношении должна находиться под контролем Японии» [1]. Дальнейшие события показали, что эта «первая стадия» продолжалась 14 лет, до разгрома и капитуляции Японии в 1945 году!

В ходе устного допроса Рюкити Танака обвинитель Саккет задал ему два важных вопроса, касающихся Советского Союза. Воспроизведем этот диалог.

«*Вопрос:* Если Вы знаете, скажите о цели обучения японских армий в Маньчжурии?

Ответ: С точки зрения обороны Японии Маньчжурия являлась базой любых военных действий против Советского Союза. Поэтому целью этого обучения являлась главным образом подготовка военных действий против Советского Союза. До возникновения Тихоокеанской войны, армия в Маньчжурии обучалась при помощи лучшего оружия, лучших самолетов. Предполагаемый враг был Советский Союз. После возникновения Тихоокеанской войны ударные части, обученные в Маньчжурии, по мере необходимости, направлялись в южные районы.

Вопрос: Можете ли Вы сказать, хотя бы приблизительно, сколько войск было обучено в Маньчжурии?

Ответ: У меня с собой нет материалов, на основании которых я мог бы дать Вам точные цифры. Но на основе личного опыта как начальника отдела укомплектования и начальника Бюро личного состава (военного министерства. — ***Прим. авт.***) считаю, что, примерно, 2 500 тыс. человек [2].

Таким образом, Рюкити Танака, являющийся весьма компе-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 5 июля 1946 г., с. 1965—1971, 1979.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 6 июля 1946 г., с. 2044.

тентным военным свидетелем, ясно показал, что Япония целеустремленно превращала оккупированную ею Маньчжурию в военный плацдарм для войны против Советского Союза и готовила для этого армию численностью до двух с половиной миллионов человек.

Выслушав убедительные показания Рюкити Танака о военной агрессии Японии против Китая и Советского Союза, защитники пытались ослабить впечатление от этих показаний. Но фактов у них не было. И они прибегли к избитому, дешевому приему, применяемому при рассмотрении обычных уголовных дел в их национальных судах — к дискредитации свидетеля по нравственным и физическим признакам. Для интереса приведем здесь вопросы американского защитника капитана Клеймана и ответы на них свидетеля Рюкити Танака.

«*Вопрос:* Генерал, Вы сказали нам сегодня утром, что Вы лечились в госпитале от отравления газом. Не находились ли Вы в госпитале 43 дня для лечения у психиатра?

Ответ: У меня была бессоница.

В.: Ваша мать умерла от меланхолии?

О.: Нет, моя мать никогда не страдала меланхолией. Она умерла от сердечной болезни.

В.: Вы никогда не говорили никакому доктору, что ваша мать умерла в результате меланхолии?

О.: Нет.

В.: Когда Вы были в госпитале, в то время, о котором Вы показывали, не говорили ли Вы доктору, что страдаете наследственным сифилисом?

О.: Нет.

В.: Генерал, Вы сказали нам, что Вы не получили никакого вознаграждения от обвинения? Обещали ли Вам какое-нибудь вознаграждение в будущем?

О.: Нет.»

Защитник Клейман, не добившись от свидетеля желаемых ответов, с нескрываемым недовольством заявляет: «Больше не имею никаких вопросов» [1].

Свидетель отпускается.

Ценные и неопровергнутые показания свидетеля Рюкити Танака были приняты во внимание Трибуналом.

Представляет интерес документ обвинения — заявление японского правительства, опубликованное после экстренного заседания кабинета 24 сентября 1931 г. в связи с так называемым мукденским инцидентом, совершенным японской военщиной 18 сентября того же года.

В этом заявлении, насквозь проникнутом ложью и лицемерием, говорится: «Правительство Японии всегда старалось честно следовать уже установившейся политике развития дружественных отно-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 9 июля 1946 г., с. 2176—2177.

шений между Японией и Китаем и поддержания общего процветания и существования двух наций. К сожалению, поведение властей и отдельных граждан Китая за последние несколько лет стало таким, что наши национальные чувства часто ущемлялись. Особенно нежелательные инциденты один за другим имели место в различных районах Маньчжурии и Монголии, в которых Япония особенно заинтересована...

В этой создавшейся беспокойной и тревожной обстановке отряд китайских войск в ночь на 19 сентября разрушил колею Южно-Маньчжурской железной дороги вблизи Мукдена и атаковал нашу железнодорожную охрану. Затем имело место столкновение между японскими и китайскими войсками...

Положение стало критическим, поскольку число японской железнодорожной охраны, расквартированной вдоль всей железной дороги, не превышало 10 400 человек; в то время, как против них стояло около 200 тыс. китайских солдат. Более того, сотни тысяч японских резидентов также подвергались опасности. Чтобы предупредить неминуемую беду, японская армия была вынуждена действовать быстро. Китайские части, расквартированные поблизости, были разоружены, и обязанность поддерживать мир и порядок перешла в руки местных китайских властей, которые стали находиться под контролем японских войск» [1].

Типичная схема объяснения японскими властями оккупации их армией чужой территории: Япония стремилась жить в дружбе с Китаем, но китайцы стали ущемлять национальные чувства японцев, создали ряд инцидентов, а 18 сентября отряд китайских войск разрушил колею железной дороги на *своей* территории и атаковал японскую железнодорожную охрану. Чтобы защитить японских *резидентов, армия Японии* вынуждена была действовать и она действовала, *оккупировав Маньчжурию.* Вот так-то, без тени стеснения.

После оккупации Маньчжурии встал вопрос о создании независимого от центрального правительства Китая государства Маньчжоу-го. По этому вопросу подсудимый Араки Садао, занимавший в то время пост военного министра, показал следующее: «В феврале или марте 1932 года премьер-министр созвал заседание кабинета для организации административного комитета, для создания независимого государства Маньчжоу-го. Мне была передана просьба Квантунской армии о создании правительства, которое управляло бы государством. Я передал эту просьбу премьер-министру. В донесении, полученном из Квантунской армии, говорилось, что было бы целесообразно поставить Генри Пу И во главе маньчжурского правительства...

Кабинету министров было предложено выполнить просьбу

[1] Стенограмма Токийского процесса от 10 июля 1946 г., с. 2241—2243.

Квантунской армии — сделать Генри Пу И правителем Маньчжурии» [1]. И это было сделано.

По инициативе так называемого бюро защиты самоуправления в Маньчжурии «18 февраля 1932 г. была опубликована декларация независимости, провозгласившая, что северные провинции Феиктин, Хайлункиянг, Гирин и Жэхэ отказываются сохранять отношения с Гоминьданом и нанкинским правительством и что будет создано новое государство» [2]. 1 марта было объявлено о создании государства Маньчжоу-го, а 9 марта 1932 г. Генри Пу И был возведен на пост регента Маньчжоу-го.

На состоявшемся 13 сентября 1932 г. заседании тайного совета в присутствии императора Хирохито было решено официально признать Маньчжоу-го и подписать с ним протокол. Подписанный протокол между Японией и Маньчжоу-го содержал два пункта.

В первом из них говорится, что «до тех пор пока в будущем между Японией и Маньчжоу-го не будет достигнуто особое соглашение, все права Японии и ее подданных в Маньчжурии... будут уважаться».

Во втором пункте указывается, что Япония и Маньчжоу-го «обязуются помогать друг другу в обороне и что японские войска, необходимые для этого, будут размещены в Маньчжурии» [3].

К протоколу были приложены две обменные ноты и три соглашения, подписанные командующим Квантунской армией и премьер-министром Маньчжоу-го.

По сути это были документы, юридически закрепляющие оккупацию Маньчжурии Японией.

Обвинение представило Трибуналу документ, датированный 11 августа 1936 г., в котором уже определенно излагается административная политика Японии по отношению к Северному Китаю. В нем говорится: «Основная цель нашей административной политики по отношению к Северному Китаю — является: помочь народам Северного Китая добиться абсолютной независимости в вопросах администрации и создания антикоммунистического, прояпонского и проманьчжурского района для получения материалов, необходимых для нашей национальной обороны, для улучшения транспортных средств на случай возможного нападения Советской России и для превращения Северного Китая в базу для сотрудничества и взаимной помощи Японии, Маньчжоу-го и Китая» [4].

Здесь уже более четко выражается стремление японских милитаристов полностью отделить Маньчжурию от Китая, использовать

[1] Стенограмма Токийского процесса от 30 июля 1946 г., с. 2784.
[2] Там же, с. 2794.
[3] Стенограмма Токийского процесса от 1 августа 1946 г., с. 2975—2976.
[4] Стенограмма Токийского процесса от 30 июля 1946 г., с. 2740—2741.

ее материальные ресурсы, превратить ее в военный плацдарм против Советского Союза.

5 августа 1946 г. обвинение закончило фазу «Военная агрессия против Маньчжурии» и приступило к фазе «Общекитайская военная агрессия». В этой фазе охватывается военная агрессия Японии во всем Китае. Она была заранее спланирована и началась со спровоцированного японским военным командованием 7 июля 1937 г. инцидента у моста Марко Поло, в мили от города Ванпина и в десяти милях к юго-западу от города Бейпина. В это время находившиеся здесь, на территории Китая, японские войска проводили маневры без оповещения о них местных китайских властей. Около 11 час. в ночь на 7 июля из окрестностей города Ванпин раздались выстрелы из японских орудий. Расположенный в этом городе китайский гарнизон дал ответный огонь. Японское командование заявило протест по поводу того, что якобы один из их солдат пропал, и потребовало, чтобы японским войскам было разрешено войти в город и произвести в нем обыски. Китайские власти, естественно, отклонили такое наглое требование. После этого японские войска вновь открыли стрельбу по китайскому гарнизону. Китайское командование снова ответило огнем. Так началось военное столкновение между Японией и Китаем, переросшее в продолжительную разрушительную войну.

Японские милитаристы, развязав эту агрессивную войну, преследовали цель захвата и порабощения всего Китая.

Вызванный в Трибунал в качестве свидетеля обвинения генерал Тоде Хейо, занимавший в 1937—1938 гг. должность заместителя начальника Генерального штаба японской армии, признался в том, что он «составлял планы захвата китайских городов японскими вооруженными силами» [1].

По составленному плану японские войска в период 1937—1944 гг. захватили многие города Китая, в том числе Тайюань, Шанхай, Нанкин, Кантон, Ханчжоу, Гуйлинь, Цзинань, Ханькоу, Кайфын, Фучжоу, Чжэнчжоу, Хэньян, Ганшан и др. [2].

Японские захватчики, ведя многолетнюю жестокую войну против Китая с целью его порабощения, в то же время лицемерно заявляли о стремлении быть с ним в вечной дружбе. Так, премьер-министр Японии, подсудимый Койсо в своей речи на 8-й сессии парламента в 1942 году говорил: «... Отношения между Японией и Маньчжурией установлены навечно. Отношения Японии и Китая упрочаются под лозунгом: «Жить и умереть вместе» [3].

О военной агрессии Японии против Маньчжурии и всего Китая

[1] Стенограмма Токийского процесса от 7 августа 1946 г., с. 3377.
[2] Стенограмма Токийского процесса от 8 августа 1946 г., с. 3430—3432.
[3] Стенограмма Токийского процесса от 12 августа 1946 г., с. 3714.

ценные показания дал Генри Пу И, вызванный в Трибунал в качестве свидетеля обвинения.

В суде его подробно допрашивал Главный обвинитель Д. Кинан. Защитники подвергли его детальному перекрестному допросу. Участники судебного процесса, корреспонденты и публика с большим вниманием слушали показания этого необычного свидетеля.

Генри Пу И (маньчжурская фамилия — Айсин Жэхэ) родился в Пекине в 1906 году, следовательно, в 1946 году ему было 40 лет. Выглядел он молодо. Стройный, с поднятой головой, тщательно выбритый, с аккуратной прической на пробор, в легких светлых очках и темном костюме, в белой рубашке и с узким темно-синим галстуком, он выглядел довольно элегантно. Держался свободно, на вопросы отвечал охотно и подробно, иногда даже чересчур подробно.

Пу И показал, что он был крестным сыном китайского императора Де Цуна. В 1909 году, трехлетним, был провозглашен императором Китая и оставался таковым до 12 февраля 1912 г., когда в результате революции императорская династия Цинь перестала существовать. После захвата Маньчжурии японцы предложили Пу И занять пост главы марионеточного государства Маньчжоу-го. 1 марта 1932 г. он был возведен на пост регента, а 1 марта 1934 г. — на пост императора Маньчжоу-го. Фактически Пу И никакой властью не обладал.

Вот его показания на суде.

«*Вопрос Кинана:* Вы стали регентом или главой Маньчжурии 1 марта 1932 г. ... Можете ли Вы сказать нам, кто осуществлял контроль над Маньчжурией в то время?

Ответ Пу И: Вся власть была в руках генерала Хондзё, главнокомандующего японской Квантунской армией в Маньчжурии и его помощников, и одновременно в руках начальника штаба полковника Итагаки.

В.: Помните ли Вы об издании ряда указов по управлению Маньчжурией 1 апреля 1932 г.?

О.: Ни один из них никогда не был издан лично мной.

В.: Когда Вы приняли пост регента Маньчжурии.., что Вам сказали Итагаки и другие японские офицеры Квантунской армии о Вашей будущей власти и полномочиях как регента?

О.: Когда было основано Маньчжурское государство, Итагаки и его люди уверяли меня, что это будет независимое государство и что я буду управлять им по своей собственной воле; однако на деле я не мог сделать ничего.

В.: Какое отношение Вы имели к договору между Японией и Маньчжурией, заключенному в то время, когда Вы были регентом?

О.: Я даже не знал о существовании такого договора за день до того, как он был подписан. Посол Японии в Маньчжурии, некто Муто, принес договор к премьер-министру и сказал: «Вот этот договор Вы должны подписать».

В.: Спрашивали ли Вашего мнения о договоре, хотя бы в тот

промежуток времени, когда его представили Вам и прежде чем Вы подписали или одобрили его?

О.: Да, формально он был ратифицирован мною, но в то время под угрозой военной силы, мы уже полностью потеряли нашу свободу.

В.: Скажите нам — имели ли Вы свободу передвижения, когда были главой или регентом Маньчжурии?

О.: Никакой.

В.: Когда Вы были регентом Маньчжурии, назначали ли Вы чиновников гражданской службы?

О.: Нет.

В.: Назначали ли Вы офицеров или каких-нибудь военных лиц маньчжурской армии, когда были регентом?

О.: Нет.

В.: Помните ли Вы, как называлось законодательное учреждение, которое по закону должно было издавать законы Маньчжурии в то время, когда Вы были регентом?

О.: Законодательный Юань.

В.: Бывали ли заседания этого учреждения, пока Вы были регентом?

О.: Никогда не было ни одного заседания».

В ответ на вопросы обвинителя о предоставленных ему законами как императору правах и власти Пу И показал: «Все эти права и вся эта власть, установленные законами, существовали только на бумаге, фактически император не имел никаких прав и никакой власти... На бумаге, чтобы обманывать народ и весь мир, они представляли Маньчжурию, как независимое государство. Но в действительности Маньчжоу-го управлялось Квантунской армией» [1].

В общем, Пу И ясно показал, что Маньчжоу-го являлось марионеточным государством, полностью подчиненным Японии. Он, будучи формально императором Маньчжоу-го, в действительности не имел никакой власти и никаких прав, он даже не обладал правом передвижения; он целиком подчинялся командующему японской Квантунской армией и по указанию его и его помощников беспрекословно подписывал законы и другие акты, словом, делал все то, что требовали от него японские власти.

Пу И с горестью рассказал, как японский доктор, действовавший по указанию приставленного к нему генерала Иосиока, отравил его 23-летнюю жену, китаянку. Месяц спустя генерал Иосиока дал ему альбом с фотографиями японских девушек и предложил избрать одну из них себе в жены.

«Открыто я не мог отказаться, — заявил Пу И в суде, — я мог только сказать ему, что если Вы хотите, чтобы я женился, я могу,

[1] Стенограмма Токийского процесса от 16 августа, с. 3945, 3946; от 19 августа 1946 г., с. 3977—3978, 3981, 3987—3988, 3991.

но только на девушке, которую я действительно буду любить... Я женился на молоденькой китайской девушке...» [1].

Интересно отметить, что японский император Хирохито во время приема Пу И в 1940 году вручил ему из своих трех сокровищ — меч, кусок нефрита и зеркало — два — меч и зеркало. Это означало, что, глядя в зеркало, Пу И будет всегда видеть перед собой дарителя, т. е. императора Японии. Пу И расценил этот «подарок» как «величайшее унижение когда-либо им испытанное» [2].

В своих показаниях Пу И отметил, что командующие Квантунской армией и другие японские военачальники пропагандировали идею из японской легенды: «Восемь углов мира под одной крышей». «В то время, — говорил Пу И, — когда Япония, Германия и Италия заключили пакт, японский император издал рескрипт, в котором указывалось, что Япония должна осуществить волю своих предков, и что, основываясь на нравственном принципе, они должны пытаться осуществить идею восьми углов мира под одной крышей для всего мира».

Развивая эту мысль, Пу И далее сказал: «Согласно своему плану, японцы сначала хотели поработить Маньчжурию, потом собственно Китай, потом Восточную Азию и затем весь мир» [3].

В ходе допроса Кинан задал Пу И такой вопрос: «Были ли какие-нибудь доказательства, которые Вы могли наблюдать или о которых Вы могли знать, демонстративного или агрессивного действия со стороны Советского Союза против Маньчжурии?»

Пу И сразу же ответил: «Советский Союз не имел агрессивного плана против Маньчжурии» [4].

Позже, отвечая на вопрос защитника, Пу И сказал:

«Хасанский инцидент закончился очень быстро, и генерал Уэда (командовавший тогда Квантунской армией. — *Прим. авт.*) был смещен после того, как он потерпел поражение от русских.

В событиях же у Р. Халхин-Гол Япония первая напала на Монгольскую Республику, а Советская Россия, являясь союзником Монголии, поспешила к ней на помощь и нанесла поражение японским войскам. Эти факты доказали, что Советская Россия не имела притязаний на Маньчжурию, ибо эти инциденты были спровоцированы японцами; и они же в результате были разбиты» [5].

Надо сказать, что защитники в ходе перекрестного допроса Пу И пытались ослабить впечатление от его показаний в пользу обвинения, стараясь скомпрометировать его, подорвать доверие к нему.

Так, американский адвокат Блэкни пытался показать, что Пу И

[1] Стенограмма Токийского процесса от 19 августа 1946 г., с. 4001—4002.

[2] См.: т а м ж е, с. 4010.

[3] См.: т а м ж е, с. 4012.

[4] Стенограмма Токийского процесса от 20 августа 1946 г., с. 4050.

[5] Стенограмма Токийского процесса от 23 августа 1946 г., с. 4202—4203.

искал возможность вернуться на императорский трон, старался создать эту возможность, и в конце концов, использовал ее. Блэкни так настойчиво добивался получить от Пу И желаемых для него ответов, что председатель Уэбб вынужден был сделать ему такое замечание: «Я говорил Вам раньше, как и другим защитникам, что Вы не должны нападать на свидетеля на суде. Вы можете это сделать позднее, во время Вашей речи, но не во время дачи им показаний» [1].

Иногда защитники так формулировали свои вопросы к свидетелю, что он оказывался как бы в западне.

Вот пример. Защитник майор Блэкни хочет показать, что в отношении Пу И были угрозы и даже попытки убийства со стороны китайцев и поэтому ему было выгодно с точки зрения его личной безопасности находиться в представительствах Японии в Китае. Он выясняет эпизод, когда неизвестный китаец прислал Пу И корзину с фруктами, в которой была обнаружена бомба. Пу И признает этот факт. Затем Блэкни стремится получить от Пу И подтверждение того, что в Синьцзяне на него напал китаец с ножом и спрашивает его: «*Вопрос:* Вы знаете, кто напал на Вас с кинжалом в Синьцзяне?

Ответ: Я не могу вспомнить, в каком году и в каком месяце произошло это.

Кинан: С разрешения суда, обвинение возражает против вопросов, поставленных в форме, которая напоминает вопрос: «Вы перестали избивать свою жену или нет?» Свидетель говорит «да» или «нет» и не в состоянии ответить на ваш вопрос. Мне кажется, что сначала его следует спросить: знает ли он о какой-либо попытке напасть на него с кинжалом?

Председатель: Майор, не можете ли Вы задать вопрос в менее спорной форме?

Майор Блэкни: С удовольствием.

Вопрос: На Вас нападали с кинжалом в Синьцзяне?

Ответ: Нет» [2].

Таким образом защитнику не удалось получить желаемого для него ответа от свидетеля.

Пу И показал, что, когда началось освобождение Маньчжурии, он оказался в провинции Мукден. Японские власти предложили ему лететь в Японию. Но в это время появился советский самолет и доставил его в Хабаровск, где он и находился до вылета в Токио.

Далее произошел такой диалог.

«*Вопрос Блэкни:* За время Вашего пребывания в Хабаровске Вы находились в положении пленного?

Ответ Пу И: Нас держали там, но нам была предоставлена свобода выходить с дачи и гулять поблизости около реки.

Вопрос: Когда Вы выходили, Вас охраняли?

Ответ: Да.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 21 августа 1946 г., с. 4106.
[2] Там же, с. 4126—4127.

Вопрос: Как Вы прибыли в Токио?

Ответ: Меня попросило обвинение прибыть и выступить свидетелем на Суде.

Вопрос: Вы прибыли в Токио под охраной?

Ответ: Да.

Вопрос: Не думаете ли Вы, что Вас будут где-нибудь судить, как военного преступника?

Кинан: С разрешения Суда, обвинение возражает против этого вопроса, ибо он абсолютно не имеет отношения к настоящему процессу и выходит за рамки перекрестного допроса.

Председатель: Это все равно, что просить его обвинять самого себя. Возражение поддерживается.

Защитник Блэкни не унимается.

Вопрос Блэкни: Знаете ли Вы, что китайское правительство намерено судить Вас, как преступника за сотрудничество с японцами?

Кинан: ...Обвинение возражает против этого вопроса, как абсолютно неуместного.

Председатель (Блэкни): Мы все против Вас или, по крайней мере, большинство судей не согласны с формой вопроса, который Вы задали свидетелю. Мы поддерживаем возражение. Но Вы имеете право задавать свидетелю вопросы, чтобы установить, являются ли его показания результатом какой-либо угрозы или обещания.

Вопрос: Г-н свидетель, является ли что-либо из того, что Вы здесь показали, результатом каких-либо угроз по Вашему адресу или каких-либо обещаний Вам?

Ответ: Мне ничем не угрожали и ничего не обещали. Я говорю правду»[1].

Провалилась, следовательно, и эта попытка защитника подорвать доверие к свидетелю.

В ходе судебных заседаний Трибунала обвинение представило большое число свидетелей (китайцы, японцы, американцы, немцы, англичане и другие) и предъявило множество документов, показывающих страшную картину зверств, совершенных японскими войсками на территории Китая. Эти доказательства вызывали у находящихся в зале суда людей чувства ненависти, ужаса и омерзения к японским палачам, садистам.

Особенно страшные, массовые убийства и зверства были совершены японскими войсками в Нанкине, захваченном ими 13 декабря 1937 г. Эта кровавая расправа над жителями города и разоруженными военнослужащими Китайской армии вошла в историю навечно под названием нанкинская резня.

Трибуналу был представлен в качестве доказательства итоговый доклад о расследовании японских военных преступлений, совершенных в Нанкине, подготовленный прокурором районного суда Нанки-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 22 августа 1946 г., с. 4144—4147.

на. В этом докладе указывается, что в результате проведенного расследования было выявлено более 300 тыс. убитыми и более 200 тыс. не выявлено.

Приведем несколько выдержек из этого доклада.

«После захвата Нанкина приблизительно 50—60 тыс. человек, включая молодежь, стариков и старух, были захвачены в деревнях, в районе Мофушань. Им не давали ни есть, ни пить...

Их связали проволокой по два, а потом всю группу разделили на четыре группы поменьше. Их привезли в Цзосися. Там в них стреляли из пулемета и безжалостно кололи штыками. Потом трупы облили керосином и сожгли; оставшиеся тела бросили в реку Янцзы. Дальше, в районе, где были беженцы, китайские солдаты и горожане были связаны веревками и также расстреляны из пулемета. Начиная с того дня, когда японцы вошли в город, более 200 тыс. человек были зверски убиты. Тех, которые не ушли из города, убивали повсеместно, где только они встречались с неприятелем. Тех, которые пытались спрятаться, ловили и убивали саблями... Военная полиция запрещала жертвам стонать или кричать от боли. Нарушения этого приказания приводили к массовым избиениям. Пленных били длинными палками, просто ради развлечения. Во время избиения им запрещалось уклоняться от ударов. Если кто-нибудь уклонялся, его немедленно забивали до смерти...»

Японские военнослужащие совершали насилие и издевательства над китайскими женщинами.

«Жертвы изнасилования были различного возраста, начиная от молодых девушек и кончая 60—70-летними женщинами. Виды насилия были следующие: часто одна женщина подвергалась насилию нескольких солдат; за отказ женщин убивали; в целях развлечения отца заставляли насиловать свою дочь; в другом случае мальчика заставили изнасиловать свою сестру; старика заставили изнасиловать жену сына; женщинам отрывали груди или кололи их штыками; разбивали челюсти и выбивали зубы» [1].

Американский доктор Вильсон, работавший хирургом в Университетском госпитале в Нанкине, рассказал в суде о двух случаях, которым он был свидетелем.

Первый случай: на глазах у семилетней девочки, у которой был разбит локтевой сустав, японский солдат убил ее мать и отца, и затем ранил ее.

Второй случай: девочка 15 лет была принесена в госпиталь священником... Он рассказал, что она была изнасилована. Медицинское освидетельствование подтвердило это. Через два месяца эта девочка поступила в госпиталь со вторичной сыпью сифилиса [2].

[1] Стенограмма Токийского процесса от 29 августа 1946 г., с. 4540—4544.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 25 июля 1946 г., с. 2538—2539.

Массовые убийства и зверства имели место в Шанхае. По показаниям китайских свидетелей, «японская интервенция в Шанхае стоила им 24 тыс. убитыми, ранеными или пропавшими без вести солдат и мирных жителей, а материальные убытки выразились, приблизительно, в 1500 млн. американских долларов» [1].

В показаниях многих свидетелей говорилось об убийствах и истязаниях мирных граждан и военнопленных в других городах Китая.

Китайский военный судья полковник Цзян Чжеин и свидетель Чжен Вейся дали показания о зверствах, совершенных японскими войсками в провинции Хубэй в Северном Китае и привели следующие виды пыток, которые применялись ими в Китае:

1. Растерзание пленных собаками. Китайские пленные часто загонялись во двор, где голодные полицейские собаки немедленно набрасывались на них и разрывали их на части.

2. Вливание воды в нос пленных. Китайских пленных крепко привязывали за спину и огромное количество воды и даже воды с перцем вливалось в них через нос. Вода проходила в легкие, у пленных появлялось кровохарканье или же они умирали после обмороков.

3. Пытки электрическим током. Чтобы добиться признания от китайских пленных, через них пропускали электрический ток низкого напряжения.

4. Пытки огнем. Зажженные спички клали на головы пленных. Раскаленное железо прикладывалось к их телам.

5. Насильственное половое сношение между мужчинами и женщинами, которые не знали друг друга. В случае отказа их тут же расстреливали.

6. Молоденьких женщин обвиняли в том, что они являлись членами Коммунистической партии; для потехи на различных частях их тел поджигались волосы.

7. Избиение жертвы бамбуковыми палками до тех пор, пока тело жертвы начинало истекать кровью.

8. Крепко связывали руки жертвы и просверливали ладони острыми металлическими инструментами.

9. Погружение жертвы со связанными руками и ногами в бассейн с холодной водой до потери сознания.

10. Вырывание при помощи щипцов ногтей [2].

Вот такие разнообразные, изощренные жестокие пытки применяли японские захватчики к китайским мирным жителям и военнопленным.

Обвинение представило многочисленные доказательства широкого использования японскими властями опиума и других наркоти-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 6 августа 1946 г., с. 3293.
[2] Стенограмма Токийского процесса от 30 августа 1946 г., с. 4637—4643.

ческих веществ с целью подорвать моральное состояние китайского народа и его волю к борьбе, а также для получения высоких прибылей от продажи наркотиков.

Приводились такие, например, данные.

В период с октября 1931 года по март 1933 года в четырех китайских уездах — Аньдуне, Феньгене, Синьиене и Чжуане — 80 тыс. человек из 900 тыс. жителей стали наркоманами. Стоимость поглощенного ими за год опиума составила 25 млн. долларов.

В Пекине во время японской оккупации было около 247 опиумных притонов, 23 тыс. зарегистрированных наркоманов, 80 тыс. незарегистрированных наркоманов и 100 тыс. человек, курящих опиум нерегулярно.

Согласно официальному докладу, выпущенному министерством внутренних дел Маньчжоу-го, из 30 млн. проживавших в Маньчжурии граждан более 9 млн., т. е. около одной трети всего населения, были постоянными курильщиками опиума [1].

В результате продажи в Китае наркотиков в колоссальных размерах японцы получали огромные прибыли.

Обвинение представило доказательства по фазе «Экономическая агрессия в Китае и Великая Восточная Азия».

Было показано, что для агрессивной войны, которую вела Япония, требовались не только армия и флот, но и вооружение, снаряжение, боеприпасы и продовольствие. Это предполагало установление полного контроля над оккупированными территориями. В концепцию тотальной войны, которой придерживались и которую развивали подсудимые, входило активное использование всех доступных источников, направленное на единственную цель — военное превосходство. На достижение этой цели была рассчитана вся экономическая структура Японии; естественные богатства и промышленные предприятия оккупированных областей тоже использовались в целях агрессивной войны.

В итоге военной оккупации, начавшейся в Маньчжурии и распространившейся на Северный и Восточный Китай, Япония овладела почти всеми ценными ископаемыми и сырьем этих территорий.

Особая роль отводилась Маньчжурии, которую японцы считали житницей Восточной Азии.

5 ноября 1940 г. без консультации с новым правительством Китая японское правительство объявило о «программе экономической деятельности Японии, Маньчжоу-го и Китая», в которой были изложены основы экономической политики для создания «Сферы совместного процветания в Восточной Азии». Следовательно, Япония диктовала Маньчжурии и Китаю, что́ они должны делать на своей территории.

Согласно приведенным данным, с 1938 по 1945 год капитало-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 3 сентября 1946 г., с. 4676—4677, 4690—4691; от 4 сентября 1946 г., с. 4810.

вложения 419 японских предприятий в Китае составили 298 378 597 иен [1].

Японские руководители имели планы установления при помощи вооруженной силы экономического господства сначала над Китаем, а потом и над всей Восточной Азией. Эти планы включали создание «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии», где Япония должна была играть руководящую роль.

В Заявлении министра по делам Великой Восточной Азии от 1 ноября 1942 г. в связи с образованием этого министерства говорилось, что создание Великой Восточной Азии «неотделимо от ведения настоящей войны», которая имеет своей целью установить «новый порядок»... Она является также осуществлением древнего лозунга «Хакко Ити У» «объединить восемь углов под одной крышей» во всей Великой Восточной Азии так, чтобы каждая страна и все народы занимали надлежащее им место с Японией во главе [2].

Следовательно, японские милитаристы мечтали о создании Великой Восточной Азии под руководством Японии.

Фазы обвинения, касающиеся военной агрессии Японии в Маньчжурии и Китае, длились довольно долго: с 1 июля по 19 сентября 1946 г. В ходе их имели место интересные эпизоды процессуального характера. О некоторых из них хотелось бы рассказать.

На заседании Трибунала 22 июля 1946 г. было объявлено, что американский судья Хиггинс вышел в отставку и вместо него судьей от США назначен главный военный прокурор американской армии генерал-майор М. Крамер. Новый судья уже сидел на своем месте за судейским столом. Защита, услышав об этом решении, тут же выступила с протестом. Американский защитник Кенинхэм заявил, что генерал-майор М. Крамер не может участвовать в данном процессе в качестве судьи по следующим причинам:

В Уставе нет положения, предусматривающего дополнительное назначение. Устав гла́сит: «Трибунал будет состоять не менее чем из шести и не более чем из одиннадцати членов, назначаемых Главнокомандующим союзных держав из числа лиц, предложенных государствами, подписавшими акт о капитуляции, а также из представителей Индии и Филиппинской Республики».

В соответствии с этим, Трибунал был составлен из одиннадца́ти компетентных членов (т. е. из максимального по Уставу числа). Член Трибунала, в отношении которого заявляется отвод, является двенадцатым судьей, назначенным в этот Трибунал. Подобное назначение не предусмотрено Уставом. Назначение членов Трибунала свыше максимума в одиннадцать человек может иметь нежелательные последствия, а именно: другим членам Трибунала будет разрешено судить обвиняемых в любой период в течение процесса. Пользование правом назначения членов сверх одиннадцати может стать

[1] Стенограмма Токийского процесса от 10 сентября 1946 г., с. 5348.
[2] Стенограмма Токийского процесса от 9 сентября 1946 г., с. 5191.

неограниченным, и любой член или члены смогут участвовать в этом процессе в разное время. В результате это затруднит отправление справедливого суда над обвиняемыми — положение, прямо противоположное задачам и намерениям Устава. Кроме того, появление в настоящем процессе нового члена, который не присутствовал в суде в то время, когда была представлена значительная часть очень важных показаний и когда были совершены другие важные процессуальные акты, будет большим риском в отношении существенных прав обвиняемых.

Кроме того, будучи генералом, занимающим высокий пост в вооруженных силах одной из ведущих стран, участвующей в обвинении на данном процессе, Крамер не может быть беспристрастным. И уже один этот факт является достаточным для его отвода.

Кенинхэма поддержали другие американские адвокаты. Защитник Смит в своем выступлении подчеркнул, что новый американский судья не видел и не слышал многих уже прошедших на суде свидетелей, и потому не может оценить правдивость их показаний.

Защитник Фурнес отметил, что Устав данного Трибунала не предусматривает замены судей в ходе процесса и что он отличается от Устава Нюрнбергского трибунала, предусматривающего заместителей, которые в случае ухода или отвода судей могут заседать в качестве судей.

Однако не все защитники поддержали ходатайство об отводе судьи Крамера. Американские защитники Клейман, Логан и Уоррэн заявили, что они не возражают против участия генерала Крамера в данном процессе в качестве члена Трибунала.

Выступивший обвинитель от Китая Сян сказал, что он не согласен с доводами об отводе судьи Крамера и что он не хотел бы видеть не представленными США. Если один из членов покидает свой пост, он должен быть заменен другим. Китайское обвинение считает, что если новый член Трибунала, приняв свои обязанности, изучит правила, то он поймет ход судебной процедуры, которую он пропустил. Все юридические права дают этому члену Трибунала возможность участвовать в заседаниях.

Председатель объявил пятнадцатиминутный перерыв для рассмотрения ходатайства защитников об отводе американского судьи Крамера.

После перерыва Уэбб объявил решение суда: «Трибунал большинством голосов отклоняет ходатайство и поддерживает генерала Крамера, американского представителя, который должен занять место члена Трибунала. Генерал Крамер не принимал участия в вынесении решения» [1].

Примерно через два месяца, 11 сентября 1946 г., председатель Уэбб на заседании Трибунала сделал такое заявление: «Прошу за-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 22 июля 1946 г., с. 2342—2360.

нести в протокол, что генерал Крамер, член Трибунала от Соединенных Штатов, просил меня объявить, что он прочел протоколы всех заседаний Трибунала, происходивших до того, как он занял свое место в качестве члена Трибунала и что он также просмотрел все экзибиты, предъявленные за этот период и полностью ознакомился с ними»[1].

Так закончился эпизод с американским судьей Крамером.

На заседании 3 июля 1946 г. австралийский обвинитель Мэнсфильд выступил с ходатайством обвинения о том, чтобы Трибунал разрешил представление выдержек из 650 аффидевитов военнопленных, интернированных граждан, жителей оккупированных японскими войсками территорий о зверствах, совершенных японцами в различных районах тихоокеанского театра военных действий. Мэнсфильд пояснил, что лица, составившие аффидевиты, находятся вне Японии, большинство из них в США, Австралии, Англии и других странах и обвинение не собирается вызывать их в Трибунал. При этом оно основывается на ст. 13 Устава п. b-3, разрешающей предъявлять в качестве доказательств «письменное свидетельское показание, данное под присягой, иные показания или любое другое подписанное заявление». Обвинение прибегает к этому методу лишь с целью избежать повторения и ускорить процесс, так как в большинстве указанных аффидевитов (некоторые — объемом до 100 страниц) говорится о лагерях заключения. Если же они будут предъявлены целиком, это явится лишь повторением того, что уже упоминалось в других доказательствах.

Защита заявила решительный протест против этого ходатайства обвинения.

Защитник Мак-Кормак сказал, что предъявлять следует сами аффидевиты... «Я хочу, чтобы мне сообщили имена и адреса свидетелей, чтобы я их мог доставить сюда».

На это председатель ответил, что если вызывать сюда всех свидетелей, то придется приостановить все транспортные средства во всех частях света для того, чтобы доставить их в Трибунал.

Защитник Уоррэн заявил: «Мы настаиваем на том, чтобы эти аффидевиты предъявлялись целиком с тем, чтобы благоприятные для обвиняемых места попадали вместе с неблагоприятными. А обвинение — нечего это скрывать — хочет стереть все хорошее и выпятить все плохое».

Японский защитник Киосэ также возражал против использования на данном процессе выдержек из аффидевитов, считая, что «на такой основе невозможно обеспечить беспристрастный суд».

Защитник Левин, сославшись на III раздел Устава, дающий право защите допрашивать любого свидетеля, сказал, что по англосаксонскому законодательству нельзя лишать защиту «неотъемлемого права» вести в суде перекрестный допрос свидетеля.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 11 сентября 1946 г., с. 5365.

На это председатель ответил: «Это обычное право. Но мы в своей работе придерживаемся Устава, который не сохраняет этого права».

После перерыва Трибунал принял решение по ходатайству обвинения и председатель объявил его: «Весь аффидевит целиком должен быть подан секретариату с тем, чтобы защита к моменту своего выступления имела бы достаточно времени отметить те части, которые она пожелает предъявить в доказательство и снять с них копии. Защите должны быть предоставлены все возможности, чтобы она могла снять копии с этих частей. Обвинение тогда предъявит в доказательство подобранные им выдержки. Через месяц после предъявления этих выдержек обвинение предоставит защите полные копии всех аффидевитов, из которых были сделаны выдержки. Мы полагаем, что можно будет получить выдержки в ближайшие несколько дней».

Защитник Смит: Прошу, Ваша честь, от имени всех обвиняемых разрешить сделать возражение в отношении этого постановления.

Председатель: Я не знаю суда или власти, которые вправе пересматривать наши решения, за исключением приговора [1].

На основе указанного решения Трибунал стал принимать аффидевиты свидетелей без вызова их в суд для перекрестного допроса.

Следует сказать, что еще раньше возник вопрос о выдержках из документов. Согласно п. 6 Правил процедуры Трибунала, копия каждого документа, который обвинение или защита намерена привести в доказательство, должна быть вручена соответствующему подсудимому, или его защитнику, или обвинению, в зависимости от случая, а также заведующему языковой секцией секретариата Трибунала.

При выполнении этого правила обвинение столкнулось с большими техническими трудностями. Указывалось, что при полном размножении всех представляемых документов обвинению пришлось бы отпечатать свыше 15 млн. страниц, при условии, что будет изготовлено только по 100 копий, а для полного перевода пришлось бы 300 переводчикам трудиться в течение 9—10 месяцев.

Учитывая это, обвинение обратилось с ходатайством разрешить представлять защите и Трибуналу копии лишь тех выдержек из объемных книг и документов, которые имеют значение для процесса, а целые книги и документы (или копии документов) передавать в секретариат, где они будут доступны каждому, желающему ознакомиться с ними в полном объеме.

Можно было надеяться, что Трибунал полностью удовлетворит разумное ходатайство обвинения, направленное на устранение излишней работы, экономию бумаги и ускорение хода судебного процесса. Однако Трибунал принял компромиссное решение. Председатель объявил, что можно найти выход из положения путем доба-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 3 июля 1946 г., с. 1842—1860.

вления оговорки к п. 6 Правил процедуры. «В этой оговорке можно указать, что члены Трибунала в суде могут распорядиться, чтобы документ не был полностью отпечатан или переведен, смотря по тому, что требуется» [1].

В общем, обвинение могло в отдельных случаях при согласии Трибунала представлять выдержки взамен полного текста книги или документа. Это решение, разумеется, относилось и к защите.

Несколько позже защита подняла другой вопрос: вправе ли обвинение представлять в качестве доказательства выдержку из документа, не зачитывая полностью ее.

В своем выступлении по этому вопросу защитник Брукс сказал, что поскольку обвинение читает из выдержек только отдельные места, то обвиняемые не имеют возможности знать полное содержание выдержек и это приводит к искажению фактов. Он предложил, чтобы обвинение полностью зачитывало выдержки, если оно желает, чтобы они были целиком включены в протокол судебного заседания.

Обвинение отстаивало свое право зачитывать только отдельные места выдержек, учитывая огромное количество документов, представляемых Трибуналу.

Трибунал вынес следующее решение по данному вопросу:

«Обвинение имеет право читать столько выдержек из документа, сколько найдет нужным. Так как выдержки в целом имеются среди доказательств, защита сможет, если найдет нужным, читать столько из оставшихся выдержек, сколько она считает необходимым, когда защита будет представлять свои доказательства. Защита, кроме того, вправе ссылаться на неоглашенные части выдержек во время перекрестных допросов» [2].

Надо сказать, что в дискуссиях по этим и другим подобным процессуальным вопросам явно просматривалось общее стремление защиты усложнить работу Трибунала и тем самым затянуть судебный процесс к выгоде обвиняемых.

В связи с вопросом о выдержках защитой был поднят также вопрос: является ли доказательством только оглашенная часть документа или весь документ в целом?

По мнению защиты, только зачитанная часть документа является доказательством.

По этому вопросу Трибунал принял такое постановление:

«Суд обязан рассмотреть все части документа, принятого в качестве доказательства, независимо от того, зачитано содержание документа в суде или нет» [3].

В дальнейшем, в связи с намерением обвинителя зачитать в ка-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 25 июня 1946 г., с. 1292, 1294, 1352.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 30 июля 1946 г., с. 2734.

[3] Т а м ж е, с. 2736.

честве доказательства два отрывка из документа для того, чтобы их содержание было занесено в протокол, председатель дал следующее разъяснение: «Ваше выражение «зачитать в качестве доказательства для внесения в протокол» может сбить защиту с толку... То, что Вы называете «протоколом», является всего лишь стенограммой судебного заседания, а стенограмма является лишь частью дела. В дело входят наряду со стенограммой и документальные доказательства, так что, когда Вы зачитываете документ в качестве доказательства, он представлен в деле дважды: в стенограмме и в качестве документального доказательства. Суд вправе рассматривать в качестве доказательства весь документ, хотя могла быть зачитана только часть его. Если в документе имеются места, не оглашенные обвинением, хотя они и выгодны для обвинения, суд все же вправе использовать эти места. Защита должна быть готова иметь дело со всем, что есть в документе, хотя бы обвинение и не зачитывало этого для внесения в стенограмму» [1].

Защита неоднократно пыталась добиться изменения постановления Трибунала по данному вопросу, настаивая на том, чтобы неоглашенные в суде части документа не считались доказательствами. Председатель решительно отвел возражения защиты, заявив следующее: «То, о чем вы просите, совершенно не нужно в интересах справедливого суда над японцами. Вы просите нас сделать для этих японских подсудимых то, чего мы не делаем ни в одном суде союзных наций для наших собственных граждан, обвиняемых в совершении преступлений. Вы должны принять решение суда. Больше мы вас слушать не будем» [2].

Однажды защитник Логан заявил, что настоящий Трибунал следует примеру Нюрнбергского трибунала, но иногда отступает от него.

На это Уэбб ответил: «Вы ошибаетесь, утверждая, что мы просто копируем Нюрнбергский процесс... Мы вовсе не копируем Нюрнберг, что, по-моему, мы и не должны делать» [3].

В ходе допроса свидетелей защитники нередко задавали такие вопросы, которые прямо не относились к рассматриваемому делу и лишь затягивали судебный процесс.

Приведем такие примеры.

Американский защитник Клейман допрашивает бывшего министра просвещения Японии Маеда.

«*Клейман:* В числе других предметов, преподаваемых в начальной школе, не преподавался ли японский язык?

[1] Стенограмма Токийского процесса от 24 сентября 1946 г., с. 6156—6157.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 30 июля 1946 г., с. 2739—2740.

[3] Стенограмма Токийского процесса от 10 июля 1946 г. с. 2225—2226.

Председатель: Это просто невозможно — не преподавался ли японский язык в японских школах?

Клейман: ...Если Трибунал не хочет, чтобы я задал этот вопрос — я не буду.

Председатель: Трибунал не хочет, чтобы Вы задавали этот вопрос.

Клейман: Хорошо, Ваша честь. Учили ли их арифметике?

Председатель: Ну, это просто невозможно. Мы разбираем серьезное дело. Вы выступаете перед Международным Военным Трибуналом для Дальнего Востока, который судит бывших руководителей Японии за самые тяжелые преступления, когда-либо совершенные против человечества» [1].

Вопрос отклоняется.

Американский защитник Брукс во время перекрестного допроса китайского свидетеля Ти Шутана, бывшего очевидцем издевательств японских военнослужащих над китайскими женщинами, спрашивает его.

«*Брукс:* Известны ли Вам причины, почему этих женщин раздели?

Председатель: Ну, это уж совсем бесполезный вопрос.

Брукс: Я заинтересован в достоверности знаний свидетеля, а не в самом инциденте.

Председатель: Как мог свидетель знать, что думали японцы? Вы не можете проверять достоверность его показаний таким способом» [2].

Тот же защитник Брукс, проводя перекрестный допрос бывшего мэра города Пекина Джин Теджуна, пытается доказать, что определенные важные экономические интересы различных стран вызвали условия, приведшие к войне, и старается получить от свидетеля нужные ему сведения.

Председатель, обращаясь к защитнику, говорит: «Если Вы не просто тянете время, а имеете доказательства... Ваши вопросы должны быть вполне определенны, а они — неопределенны, неясны и я думаю запретить Вам задавать вопросы, если они не станут определенными».

Защитник продолжает настаивать на своем и заявляет, что он хотел бы показать развитие экономических отношений между государствами за последние 60 лет, экономическое влияние Европы и Америки на Китай и те предупредительные меры со стороны мощных промышленных концернов, в частности американских, которые и явились причиной больших войн в прошлом.

На эти домогательства защитника председатель ответил следую-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 2 августа 1946 г., с. 3145—3146.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 30 августа 1946 г., с. 4622—4623.

щим образом: «Ну, совершенно ясно, что Вы собираетесь начинать бесконечный допрос, охватывающий период в 60, а то и все 80 лет, начиная, наверное, с первого знакомства Японии с внешним миром. Мы этого не можем разрешить. Суд никогда бы не закончил свою работу, никогда бы не выполнил то, что ему поручено, если бы мы разрешили Вам так закапываться в недра истории. Это слишком отдаленно. Если мы вернемся к первопричинам, мы уйдем на сотни лет назад... Мы отказываемся разрешить Вам продолжать перекрестный допрос по этой теме» [1].

Однако председатель Уэбб не всегда выдерживал линию на недопущение ненужных вопросов со стороны защиты. Было немало случаев, когда защитники задавали свидетелям явно не относящиеся к делу вопросы и Уэбб не останавливал их.

По завершении фаз обвинения о военной агрессии Японии в Маньчжурии и Китае обвинители приступили к представлению доказательств по фазе о сотрудничестве между Японией, Германией и Италией [2].

В процессе этой фазы были предъявлены доказательства, подтверждающие, что подсудимые планировали, подготовляли и являлись инициаторами агрессивных войн и войн, нарушающих международное право, договоры, соглашения или обязательства и что они являлись руководителями, организаторами, подстрекателями или сообщниками в составлении и выполнении общего плана или заговора (1—36 пункты Обвинительного заключения).

Было показано, что заключенный в 1936 году Японией и Германией «антикоминтерновский пакт» был направлен против Советского Союза и других стран мира.

Подписанный Японией, Германией и Италией в 1940 году тройственный пакт по существу явился окончательным завершением заговора агрессивных держав, направленного на раздел мира и установление так называемого нового порядка, целью которого было уничтожение демократии и порабощение других стран мира.

Обвинение показало, что после нападения Германии на Советский Союз Риббентроп настойчиво внушал Японии, какое большое значение, с точки зрения их интересов, представляет собой устремление на юг в направлении к Сингапуру, но советовал, поскольку Япония еще не готова для этого действия, разрешить «русский вопрос» путем присоединения к Германии в ее войне против России. После ожидаемого быстрого краха Советской России, говорил Риббентроп, Япония, обеспечив свой тыл, могла бы свободно направиться на юг.

11 декабря 1941 г., т. е. после нападения Германии на Советский

[1] Стенограмма Токийского процесса от 25 июля 1946 г., с. 2492.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 19 сентября 1946 г., с. 5847—6699.

Союз и Японии на США и Англию между Японией, Германией и Италией был подписан договор о незаключении сепаратного мира.

В доказательствах обвинения отмечалось, что 14 декабря 1941 г. на приеме Гитлером японского посла Осима, на котором он наградил его орденом большого креста с золотым германским орлом, Гитлер заявил, что Япония избрала правильный путь, совершив нападение, не тратя времени на объявление войны. Он пояснил, что он сам пользовался такой системой и собирается применять ее в будущем. А 18 января 1942 г. между вооруженными силами Японии, Германии и Италии было заключено военное соглашение в духе тройственного пакта 1940 года, предусматривающее координацию военных операций. Мир разделился на зоны военных действий. Японии предоставлялись воды к востоку примерно от 70° в. д. к западному побережью Американского материка, а также материк и острова, расположенные в этих водах, и азиатский материк восточнее 70° в. д. Германии и Италии отводились воды западнее примерно от 70° в. д. к восточному побережью Американского материка, а также материк и острова, расположенные в этих водах и также Ближний Восток, Средний Восток и Европа, западнее примерно 70° в. д. Были намечены общие оперативные планы и определены основные направления военного сотрудничества.

В ходе представления обвинением доказательств по фазе отношения Японии с Францией и Сиамом (Таиландом) было показано, как Япония планировала, подготовила, развязала и вела в 1940 году войну с целью захвата Индокитая, имеющего важное стратегическое значение в Южной Азии. Его северные границы примыкают к южным границам Китая и соединяют эту страну с Сиамом и Бирмой, устанавливая таким образом путь сообщения с Пекином, Ханькоу, Ханоем и Бангкоком. К тому же Индокитай богат рисом, каучуком и другим ценным сырьем, который был необходим для экономики Японии в ее военных приготовлениях.

Представлялись также доказательства военной агрессии Японии против Сиама и агрессии Сиама в свою очередь против Индокитая.

Французский обвинитель Онето в своей вступительной речи заявил, что «не имея достаточных людских сил и военного снаряжения, принужденный разделить свои войска, чтобы встретить двойную угрозу Японии и Сиама, лишенный, несмотря на неоднократные призывы помощи извне, французский Индокитай был принужден уступить силе. Таким образом, Франция была первой западной страной, павшей жертвой японской агрессии» [1].

Затем, как уже указывалось, проходила советская фаза обвинения, закончившаяся 21 октября 1946 г.

Вслед за ней была представлена фаза обвинения — приготовления к войне: а) морские; б) военные; в) в области финансов; г) в

[1] Стенограмма Токийского процесса от 30 сентября 1946 г., с. 6717.

области промышленности. К этой фазе относятся преступления, указанные в группе первой Обвинительного заключения.

Обвинение показало, что начиная с 1932 года, Япония вела морскую, военную и экономическую подготовку, далеко превосходящую обычные требования обороны, и имевшую своей действительной целью выполнение задуманного заговора на ведение агрессивных войн в нарушение международных договоров.

В июне 1937 года, за месяц до инцидента в Китае (в районе моста Марко Поло), военное министерство Японии разработало пятилетний план производства военных материалов, предусматривавший контроль над основными отраслями промышленности, производившими указанные материалы. Особое внимание уделялось ускорению производства самолетов, танков, орудий, стрелкового оружия, грузовиков и другого военного снаряжения.

План предусматривал использование ресурсов Маньчжурии, Кореи и других частей континента, которые находились под контролем Японии.

В 1938 году был издан закон о всеобщей национальной мобилизации. Численность японских войск выросла с 450 тыс. в 1937 году до 1350 тыс. в 1941 и до 2100 тыс. в 1942 году. В целях всесторонней подготовки к ведению агрессивных войн императорским указом от 30 сентября 1940 г. был создан Институт тотальной войны под руководством премьер-министра.

В 1933 году, после осуждения Лигой наций японской интервенции в Маньчжурии, Япония демонстративно вышла из этой международной организации.

В следующем году Япония денонсировала Вашингтонский договор 1922 года об ограничении морских вооружений.

В 1936 году она покинула Лондонскую морскую конференцию и отказалась присоединиться к договору о качественном ограничении морских вооружений (тоннаж и калибр орудий), который был принят на этой конференции. В 1938 году она отказалась быть участником договора о взаимном обмене сведениями о военно-морском строительстве.

Был установлен жесткий финансовый контроль с целью наиболее целесообразно использовать все финансовые возможности Японии для подъема военной промышленности и ее потенциалов через непосредственные и косвенные правительственные капиталовложения и установить строгий контроль над движением валюты, капиталов и товаров.

Все эти действия свидетельствовали о том, что японские руководители в начале 30-х годов вступили в преступный заговор и готовили страну к тотальной агрессивной войне против других стран с целью установления мирового господства.

Следующая фаза обвинения касалась отношений Японии с Соединенными Штатами Америки и Великобритании. Эту фазу представляли обвинители от США, Великобритании и Канады под руководством Главного обвинителя Кинана. Обвинители договори-

лись с защитниками, что они не будут прерывать чтение вступительной речи обвинения, а представят свои возражения по речи после того, как она полностью будет оглашена. Напомним, что такая же договоренность между обвинением и защитой имела место и при чтении вступительной речи советского обвинителя.

Во вступительной речи, которую огласил американский обвинитель Хиггинс, отмечалось, что агрессивные действия Японии в Китае и провозглашение «нового порядка» в Восточной Азии в итоге стали рассматриваться правительствами Англии и США как часть плана Японии, направленного на юг, чтобы в политическом отношении добиться доминирования в районе Тихого океана, в экономическом — эксплуатировать Китай в интересах Японии, игнорируя интересы других государств, а в социальном плане — подорвать личную собственность и заставить побежденные народы подчиниться. Все это делалось в нарушение существовавших договоров. Тем не менее США и Англия не применяли угроз, не занимали воинственной позиции и прилагали все усилия к тому, чтобы путем переговоров прийти к мирным соглашениям.

Весной 1941 года между Японией и США начались длительные переговоры по выяснению как разногласий, возникающих в связи с войной в Китае, так и возможностей мирного разрешения тихоокеанской и азиатской проблем.

В то время, под прикрытием переговоров, Япония интенсивно готовилась к дальнейшим военным действиям. Объектами нападения в скором времени намечались Филиппины, Малайя, Таи, Голландская Индия, Борнео. В подвалах Японского банка уже лежали оккупационные деньги для названных стран, выпущенные на основании совершенно секретного приказа интендантского бюро военного министерства и министерства финансов Японии от 24 января 1941 г. для финансирования предстоящих военных расходов.

В речи указывалось, что, начиная с 23 июня (т. е. со второго дня нападения Германии на СССР) и до 30 июня в Токио ежедневно заседал комитет по координации, который определил будущую национальную политику.

2 июля 1941 г. по требованию военного министра Тодзио была созвана имперская конференция, которая решила, что японская национальная политика, ввиду «изменения положения» будет базироваться на трех основных пунктах:

1. Япония продолжит свои попытки закончить китайский инцидент;

2. Япония установит сферу взаимного процветания Великой Восточной Азии, безотносительно к тому, какие перемены будут в международном положении;

3. Япония намеревается принять меры для наступления на юг.

Было решено, что Японии следует добиваться своих целей, даже если это приведет к войне с США, Великобританией и Голландией. Были осуществлены в широком масштабе общие приготовления для

Военная полиция обыскивает японских посетителей.

войны с этими странами, включая призыв более одного миллиона резервистов и призывников.

Отмечалось, что на имперской конференции некоторые из подсудимых, включая Мацуока и Сиратори, выступали за немедленное вступление Японии в войну против России на стороне Германии или до, или одновременно с наступлением на юг. Но несмотря на многократные предложения и заверения Германии, что такой план вполне осуществим, взяло верх и продолжало преобладать мнение о необходимости экспансии на юг.

5 ноября 1941 г. на совещании в присутствии императора под-

верглась пересмотру национальная политика Японии по отношению к Соединенным Штатам, Англии и Голландии. Было решено начать военные действия сразу же после 25 ноября, как только закончатся военные приготовления. В принятии этого решения участвовали подсудимые Тодзио, Того, Кайя, Судзуки, Симада, Нагано, Муто и Ока. По-видимому, в день совещания был издан объединенный морской, совершенно секретный, оперативный приказ № 1 для нападения на Пёрл-Харбор и для комбинированных морских операций против США, Англии и Голландии. Двумя днями позже вышел объединенный морской, совершенно секретный приказ № 2, устанавливающий 8 декабря как день «У» — предполагаемый день нападения, а день «Х» — день действительного нападения, который должен был быть установлен позднее.

План нападения на Пёрл-Харбор вошел в военную историю как «План Ямамото».

1 декабря состоялись последняя конференция в присутствии императора и последнее заседание кабинета. Ни на одном из этих собраний никто не возражал против решения начать войну. Днем «Х» назначили 8 декабря по токийскому времени (7 — по времени Пёрл-Харбора). Было решено совершить нападение внезапно, но о начале войны поставить в известность президента США. Долго обсуждался вопрос, в какой форме и когда сделать это сообщение. Ответственность за составление документа и назначение времени его вручения была возложена на Тодзио. Это был драматический момент, о котором стоит рассказать в подробностях.

6 декабря (по токийскому времени) министр иностранных дел Того послал послу Номура в Вашингтон шифром пространный документ с указанием, что он должен быть расшифрован и подготовлен в строгом секрете, но его не надо никуда представлять, пока не придет об этом специальный приказ. 7 декабря (6 по вашингтонскому времени) была получена инструкция о вручении этого документа в 13 час. 7 декабря (по вашингтонскому времени).

До того как этот документ был передан по назначению, а именно вечером 6 декабря, президент Рузвельт послал по телеграфу личную апелляцию императору Хирохито, в которой призывал избегать трагических возможностей в создавшейся обстановке. (Заметим, что в то время как США, так и Англия находились в мирных отношениях с Японией, причем между Соединенными Штатами и Японией происходили дипломатические переговоры.) Вслед за телеграммой Рузвельта государственный секретарь Хэлл в 20 час. послал телеграмму послу в Токио Грю с сообщением о телеграмме президента.

Телеграмма президента прибыла в Токио в 12 час. 7 декабря. Однако прежде чем она была передана в руки Грю, прошло около 10 час. Такое промедление произошло в результате приказа, данного японским почтовым чиновником, о задержании вручения всех таких телеграмм на 5—10 час. За эти часы японское правительство, конечно, узнало о содержании данной телеграммы. Посол Грю по-

Скамья подсудимых. Ниже — защитники.
Судьи удаляются на совещание для вынесения приговора.

лучил телеграмму только в 22 час. 30 мин. Он тут же телеграфировал японскому министру иностранных дел Того, прося его о срочной встрече. В 00 ч. 15 мин. 8 декабря Грю встретился с Того, прочитал ему телеграмму президента и вручил копию, которую министр обещал незамедлительно передать императору.

Японский посол Номура, получивший указание вручить заявление правительства Японии об объявлении войны США в 1 ч. 00 мин. 7 декабря по вашингтонскому времени, попросил государственного секретаря Хэлла отложить встречу с ним до 1 ч. 45 мин., что означало в Пёрл-Харборе 8 час. 15 мин. утра, воскресенье, 7 декабря. Атака на Пёрл-Харбор началась в 7 час. 45 мин. утра (1 час. 20 мин. по вашингтонскому времени), т. е. на 25 минут раньше намеченной встречи Номура с Хэллом.

Нападение на Пёрл-Харбор проводилось на основании упомянутых секретных приказов № 1 и 2 Объединенного флота при помощи групп особого назначения, которые оставили залив Тонкан 26 ноября. Операции осуществлялись с использованием 360 торпед, сброшенных с торпедоносцев, бомбардировок с пикирующего и горизонтального полетов и бомбардировщиков, выпущенных с шести быстроходных авианосцев в пункте около 230 миль севернее Пёрл-Харбора. Авианосцы сопровождались несколькими мощными линкорами, крейсерами, эсминцами и вспомогательными военно-морскими частями. Эти группы, получившие приказ атаковать Пёрл-Харбор, были самой мощной силой, собранной к тому времени.

В результате внезапного нападения на Пёрл-Харбор, четыре линкора и два других корабля военно-морского флота США были потоплены, четыре линкора, три крейсера, три миноносца и еще два корабля были серьезно повреждены. Военно-морской флот США потерял 1999 офицеров и рядовых убитыми, среди которых был адмирал Кидд. Морская пехота — 109 человек убитыми. Армия — 234 человека убитыми. Число убитых из гражданского населения во время нападения составило 54 человека. Число раненых достигло огромных размеров. Соединенные Штаты потеряли 188 самолетов, большинство из них на аэродромах.

Японский посол Номура появился в государственном департаменте США в 2 час. 05 мин. и в 2 час. 30 мин. дня вошел в кабинет Хэлла и вручил ему заявление японского правительства. К этому времени нападение на Пёрл-Харбор продолжалось уже 1 час. 10 мин.

В 6 час. 10 мин. утра был совершен воздушный налет на Сингапур.

Так, внезапными ударами японских вооруженных сил по главной военно-морской базе американского флота Пёрл-Харбор и другим базам и аэродромам США и Великобритании началась Тихоокеанская война.

В заключительной части вступительной речи американского обвинителя Хиггинса говорилось, что событиям, приведшим к войне

между Японией, с одной стороны, и США и Великобританией, с другой, — предшествовали заговоры и планы, в которых в разное время принимали участие обвиняемые. Быстрый захват Маньчжурии, эксплуатация ее естественных ресурсов, вторжение в Северный Китай, его эксплуатация, попытка захватить весь Китай явились хорошо рассчитанными действиями обвиняемых. Подготовка военных баз и укрепление мандатных островов, оккупация Французского Индокитая, вооруженное вторжение в Сиам, стали только вехами на их военном пути. Пёрл-Харбор и Сингапур — тактическими целями. Большая стратегия требовала всего Китая, Филиппин, Ост-Индии, Австралии, Новой Зеландии и Индии [1].

Фаза обвинения «Отношения Японии с США и Великобританией» длилась с 1 ноября по 3 декабря 1946 г.

Следующая фаза обвинения об отношениях Японии с Нидерландами вызвала возражение защиты.

Как только обвинитель от США Хиггинс представил голландца В. Бергергофа-Мульдера в качестве обвинителя по этой фазе, американский адвокат Кенинхэм заявил протест против него как представителя правительства Королевства Нидерландов.

Свое возражение он мотивировал в основном тем, что нидерландское правительство не участвовало в подписании Потсдамской декларации, что мнения, выраженные в обвинительном заключении во вступительной речи к этой фазе процесса, не являются взглядами руководителей Голландской Ост-Индии, а представляют собой взгляды королевского правительства Нидерландов, которое было в изгнании в то время, когда произошли инкриминируемые события, что верховный Главнокомандующий не имеет власти над голландскими вооруженными силами и поэтому не имеет права назначать процесс о нарушении законов ведения войны против нидерландских вооруженных сил и что главный обвинитель не имеет права возлагать какие-либо обязанности на обвинителей Нидерландского Королевства.

Председатель Уэбб заявил на это: «Возражения (Кенинхэма. — *Прим. авт.*) не имеют ни фактических, ни законных, ни разумных оснований. Они отклоняются» [2].

Вот такая была резкая реакция председателя Трибунала на возражение защиты.

Обвинителю от Нидерландов Бергергофу-Мульдеру было разрешено произнести вступительную речь и представить доказательства по своей фазе процесса.

В речи и доказательствах было показано, что японская агрессия

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 1 ноября 1946 г., с. 9264—9326.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 3 декабря 1946 г., с. 11 629—11 631.

против Голландии составляла часть общей агрессии Японии. Японские руководители в нарушение принятых по международным договорам обязательств планировали создание сферы сопроцветания Великой Восточной Азии под руководством Японии, в которую включалась и Голландская Индия, богатая сырьевыми ресурсами, в частности, нефтью, в которой особенно нуждалась Япония.

Как только Германия вторглась в Нидерланды в мае 1940 года, японское правительство получило заверение от германского правительства в том, что оно признает: район южных морей, включая Французский Индокитай и Нидерландскую Индию, входит в область, в которой Япония установит «новый порядок» и будет осуществлять свое политическое руководство, исключающее все другие державы.

В июле 1941 года японские вооруженные силы оккупировали Французский Индокитай, а в январе 1942 года первые японские войска высадились в Голландской Индии.

Следует отметить, что японское правительство не объявило войны Голландии, считая такое действие нежелательным по стратегическим соображениям. Правительство Голландии само объявило войну Японии после того, как она напала на Пёрл-Харбор и Сингапур, полагая, что нападения на эти пункты являются лишь прелюдией к завоеванию Голландской Индии. Это дало повод японскому правительству издать декларацию, в которой «оно выражало сожаление о том, что было вынуждено вступить в войну в связи с агрессией Голландии» [1].

22 января 1942 г. на открытии 79-й сессии японского парламента министр иностранных дел Того еще раз выразил сожаление о том, что Голландия «вынудила» Японию вступить в войну, но в то же время добавил, что целью этой войны является создание Великой Восточной Азии под руководством Японии и что для этой цели все районы, имеющие стратегическое значение, должны быть захвачены Японией, так как она несет ответственность за сохранение безопасности сферы сопроцветания и не должна допускать посягательства на них со стороны третьих держав [2]. Вот так.

В тот же день на сессии парламента премьер-министр Тодзио прямо заявил, что Япония в будущем будет господствовать в Великой Восточной Азии.

1 марта 1942 г. японцы высадились на главном острове Голландской Индии Яве, и голландские войска капитулировали. Вскоре была оккупирована вся территория Голландской Индии, которой управляли японские власти в течение трех с половиной лет.

Под властью Японии находились также Бирма, Сиам, Малайя, Филиппины.

В ноябре 1942 года в Японии было создано министерство по де-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 3 декабря 1946 г., с. 11 655.
[2] Там же.

лам Великой Восточной Азии, которое занималось внешними и внутренними делами всех стран, входящих в Великую Восточно-Азиатскую сферу сопроцветания.

В ноябре 1943 года в Токио состоялся съезд народов Великой Восточной Азии, на котором представители различных японских марионеточных правительств, прослушав речь премьер-министра Тодзио, призывавшего «вместе защищаться от своего общего врага», приняли Декларацию Великой Восточной Азии, в которой «подтвердили свою приверженность Японии и свою веру в японское руководство» и призвали все азиатские народы «совместно вести войну» [1].

Характерно, что Голландская Индия, находясь под прямым господством Японии, не была представлена на этом съезде так называемых свободных стран.

Япония осуществляла оккупацию захваченных ею территорий в районе Южных морей и эксплуатировала богатства этих территорий для удовлетворения нужд большой войны, которую она вела.

В отдельную фазу обвинения были выделены военные преступления и преступления против человечности, совершенные японскими захватчиками на Филиппинах, оккупированных с декабря 1941 по август 1945 года.

Следует, однако, отметить, что американский защитник Кенинхэм заявил возражение против введения в процесс филиппинской фазы, мотивируя тем, что Филиппинская Республика во время совершения подсудимыми действий, указанных в Обвинительном заключении, пользовалась суверенными правами лишь постольку, поскольку они могли быть дарованы ей Конгрессом США.

«Вы хотите сказать, — заявил председатель, — что Филиппины не были независимой страной, когда упомянутые акты жестокости совершались. Это заявление можно было бы отвести, передав филиппинские доказательства американской секции, если она согласится на такое решение, и если в этом есть необходимость. Я не говорю, что такая необходимость есть. Мы имеем здесь одного главного обвинителя, в ведении которого находятся все секции» [2].

Возражение защиты было отклонено.

В страстной, эмоциональной вступительной речи дополнительный обвинитель от Филиппин Педро Лопец нарисовал ужасную картину преступлений японской военщины на филиппинской территории.

Он отметил, что японские зверства не были единичными инцидентами, индивидуальными преступлениями, а были общим явлением на всем Тихоокеанском и Азиатском театре войны; зверские

[1] Стенограмма Токийского процесса от 3 декабря 1946 г., с. 11 656.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 10 декабря 1946 г., с. 12 345—12 346.

крупномасштабные акции, начавшиеся в Нанкине в 1937 году и достигшие кульминации в Маниле в 1945 году, совершались в течение долгих восьми лет; что территория, на которой бесчинствовали японцы, равнялась одной четверти всего земного шара, а именно — Бирма, Китай, Индокитай, Малайя, Голландская Индия, Гонконг, Филиппины, Новая Гвинея и различные острова Тихого океана; что главную массу преступников составляли солдаты и офицеры и лица из всех частей японской военной организации; что жертвы были неисчислимы, ими стало гражданское население, военнопленные, здоровые и больные, молодые и старые, мужчины и женщины, дети и даже новорожденные младенцы. Врагами-садистами убиты и замучены 131028 мирных граждан.

Одно из массовых убийств совершено в Маниле, в здании колледжа св. Павла, где гранатами и пулеметными очередями были убиты 800 мужчин, женщин и детей.

Японские садисты применяли самые разнообразные, наиболее изощренные способы убийства и пыток людей.

Обвинение представило массу таких случаев. Приведем здесь некоторые из них.

В феврале 1945 года, в Маниле, в доме Поне была расстреляна беременная женщина с одиннадцатимесячным ребенком на руках. Японцы намеревались уходить, но, услышав плач ребенка, вернулись и двумя выстрелами убили его.

На острове Васаян в феврале 1942 года арестовали трех членов семьи Палачио, в том числе одну женщину. Связав им руки за спиной, их повесили за руки на ветвях дерева на пять часов. Избив несчастных до крови расщепленными прутьями, мужчинам в подмышечные впадины налили бензин и зажгли.

В Инопакаме поймали 24-летнюю девушку, сорвали с нее одежду, отрубили ей груди и сожгли ее.

В Илойло был распят на земле Доктолеро: три шестидюймовых гвоздя были вбиты в его запястья и в череп.

В Кабайо Чансу дважды заставили выпить четыре галлона воды. Затем японец вскочил на его раздувшийся живот. А потом ему связали за спиной руки и повесили. Пока он висел, подпалили его набедренную повязку и когда сгорело все, кроме куска в два фута, этот кусок обмотали вокруг его головы и снова подожгли.

В Баколоде одного человека избили деревянной дубинкой и швырнули на пол, а на следующий день его заставили выпрыгнуть из окна с высоты 20 футов на асфальтовую мостовую. Другой был привязан к столу, грудь его облили спиртом и подожгли. Он горел, пока комната не наполнилась запахом паленого мяса. Третьему во время допроса вонзали постепенно штык в руку.

В Думанджуге ребенок трех с половиной лет был заколот штыком и брошен в море.

В феврале 1945 года в Маниле, в «Бэй-Вью» и в трех других гостиницах японцы устроили дикие оргии, закончившиеся изнасило-

ванием многих молодых женщин. Одна 24-летняя женщина в течение ночи была изнасилована поочередно 15-ю японцами.

В немецком клубе женщины были ограблены, изнасилованы и убиты, а остальную публику из 500 человек гражданского населения согнали в подвальное помещение и принудили быть беспомощными зрителями всего происходившего. Одну молодую девушку обезглавили, поскольку она оказала сопротивление. Ее изнасиловали, когда она была уже мертвой.

В Танауане у беременной женщины вырезали из утробы ребенка и обезглавили его.

В Обандо девушка Эжуидхера вместе с восемью другими женщинами была изнасилована, исколота штыками и, когда выпали ее внутренности, брошена в пруд с рыбами.

В Маниле три японских солдата среди белого дня вышли голые на улицу и изнасиловали двух американских девушек на самом людном месте в торговой части города.

Филиппинский обвинитель представил выдержки из захваченного дневника японского солдата, в которых было записано: «Февраль 1945 г. Каждый день мы проводим в охоте за партизанами. Я уже убил более 100 человек. Я давно потерял наивность, которая была мне присуща, когда я жил в Японии. Теперь я опытный и ожесточившийся убийца, и мой меч всегда в крови. Хотя это делается во имя моей родины, это по существу — ужасная жестокость. Да простит мне Бог, да простит мне моя мать!» [1].

Японские оккупанты грабили и уничтожали общественную и частную собственность на Филиппинах. Нанесенный ими материальный ущерб составляет приблизительно 1 370 263 324 доллара.

В нарушение IV Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г. и Женевской конвенции от 27 июля 1929 г. [2] японские власти грубо нарушали правила обращения с военнопленными. Примером бесчеловечного отношения к военнопленным является известный Батанский марш смерти, когда японцы заставили 62 тыс. филиппинских и 11 тыс. американских солдат и офицеров, сдавшихся в плен на Филиппинах 10 апреля 1942 г., пройти маршем 120 км в течение примерно десяти дней без пищи и воды, под палящим тропическим солнцем. В итоге этого изнурительного марша погибли около 16 тыс. филиппинцев и 1200 американцев.

В процессе данной фазы было представлено много доказательств о жестокости японских солдат и офицеров в отношении военнослужащих союзных армий в ходе военных действий.

Самым омерзительным военным преступлением был каннибализм, официально разрешенный японским командованием. В под-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 11 декабря 1946 г., с. 12 575—12 576.

[2] Япония подписала эту конвенцию, но не ратифицировала. Однако она заявила, что будет применять «mutatis mutantis», условия, предусмотренные этой конвенцией в отношении обращения с военнопленными.

тверждение этого обвинение представило в качестве доказательства выдержку из заявления, сделанного японским военнопленным Ямагизава Ейдзи, солдатом 9 роты, 3 батальона, 239 пехотного полка. В нем говорится: «1 ноября 1944 г. в речи к своим войскам генерал-майор Аоту, командир полка 41-й пехотной дивизии, сказал, что войска должны сражаться с союзниками до последнего предела, даже до того, чтобы поедать их».

«10 декабря 1944 г. штаб 18-й армии выпустил приказ о том, что войскам разрешается есть мясо убитых союзников, но они не должны есть мясо своих собственных убитых.

15 декабря 1944 г. по приказу майора Моримото, командира 2-го батальона, были расстреляны четверо солдат за неповиновение этому приказу» [1].

А вот как на практике осуществлялся каннибализм на острове Чичи-дзима (Тихий океан):

Допрашивается майор японской армии Сусо Матаба.

«*Вопрос:* Расскажите об обстоятельствах первого случая каннибализма на острове.

Ответ: Первый случай каннибализма имел место между 23 и 25 февраля 1945 г. В этот день я отправился в штаб дивизии и лично доложил генералу Тачибана о том, что летчик будет казнен... По просьбе генерала я позвонил в мой штаб и приказал прислать мясо в 307-й батальон дивизии, куда пригласили нас на обед. Мясо было зажарено в комнате полковника Като, и все присутствующие попробовали его...

В.: Все они знали, что это было человеческое мясо?

О.: Да.

В.: Упомянул ли генерал Тачибана во время совещания, что все военнопленные будут казнены?

О.: Да, и что мясо их будет употреблено в пищу... Он сказал «кичику», что означает мясо животных, и это относилось к американцам. Было также сказано, что враги — животные. Это слово всегда употреблялось в приказах и указах императорской ставки и все военачальники в Японии употребляли это слово в своих речах».

У японских каннибалов считалось особо почетным ритуалом съесть печень убитого врага-животного.

Рассказывая о казни американского летчика Холла, майор Матаба так отвечал на поставленные ему вопросы:

«*Вопрос:* Какие точные инструкции дали Вы доктору Тераки относительно того, что сделать с телом летчика?

Ответ: Я дал приказ доктору Тераки скорее отправиться туда и вырезать печень потому, что хотел взять ее в морской штаб.

В.: Не было ли в Вашем штабе вечеринки в тот вечер, когда был казнен Холл?

[1] Стенограмма Токийского процесса от 11 декабря 1946 г., с. 12 577.

О.: Это не было вечеринкой, но офицеры ели печень в этот вечер в штабе 308-го батальона. Это была печень Холла...

В.: В каких других случаях каннибализма участвовали Вы?

О.: Я ел человеческое мясо три раза, а именно: в 307-м батальоне, в штабе 308-го батальона и на военно-морской базе. Кроме того, я съел небольшую пилюлю, сделанную из человеческой печени, в Сингапуре»[1].

Обвинение представило в качестве доказательства и приказ об употреблении в пищу мяса американских летчиков, подписанный майором Сусо Матаба. Приказ гласит:

«I. Батальон хочет употребить в пищу мясо американского летчика, лейтенанта (младшего) Холла.

II. Старший лейтенант Канецура должен распределить это мясо.

III. Слушатель военного училища Сакабэ (медицинская служба) должен присутствовать при казни и вырезать печень и желчный пузырь.

Командир батальона. Майор Матаба Сусо.

Дата — 9 марта 1945 года.

Час — 9 утра.

Место: штаб в «Микадзуки Холл»[2].

Вот какие отвратительные надругательские действия над людьми совершали японские каннибалы в середине XX века.

В последних двух фазах обвинения: «Преступления против военнопленных на суше и на море» и «Преступления против гражданского населения на оккупированных территориях» были представлены большое число документов и показания многих свидетелей в качестве доказательств массовых зверств, совершенных японцами в отношении военнопленных, интернированных мирных граждан и жителей оккупированных районов.

Доказательства были классифицированы по районам. При этом подчеркнуто, что во всех районах бесчеловечное обращение с военнопленными, интернированными гражданскими лицами и туземным населением носило однотипный характер. Это заставляет сделать вывод, что такое бесчеловечное обращение не являлось результатом самостоятельных действий отдельных японских командующих или солдат, а было общей политикой японской армии и японского правительства. Представлены материалы по следующим районам: Сингапур, Малайя, Бирма, Сиам, Гонконг, Формоза, Хайнан, Андаманские и Никобарские острова, Ява, Борнео, Суматра, Целебес, Амбон, Тимор, Новая Гвинея, Новая Британия, Соломоновы острова, острова Гильбертса, Науру и Океанские; другие

[1] Стенограмма Токийского процесса от 13 января 1947 г., с. 15 031—15 040.

[2] Там же, с. 15 041.

Тихоокеанские острова, Индокитай. Предъявлены также материалы, касающиеся переездов по морю и зверств в море.

Суду были представлены доказательства и о зверствах, совершенных над военнослужащими СССР в районах озера Хасан и реки Халхин-Гол. При этом обвинение показало, что подсудимые несут индивидуальную ответственность за указанные преступления.

Можно было бы привести много случаев изощренных зверств и истязаний над людьми, о которых обвинение представило доказательства Трибуналу.

Сошлемся лишь на некоторые из них.

Архиепископ Сингапура Дж. Вильсон в своем аффидевите подробно рассказал об ужасных условиях содержания военнопленных и интернированных граждан в тюрьме Чанги в Сингапуре. Расположенный в Чанги лагерь военнопленных считался самым большим в Юго-Восточной Азии. Он был своего рода пересыльным пунктом военнопленных на Борнео, в Сиам, в Голландскую Индию. В нем находилось до 50 тыс. английских и австралийских военнопленных. Согласно его показаниям, пленные помещались все вместе, вне зависимости от национальности, пола или состояния здоровья, в небольших камерах. В них было настолько тесно, что нельзя было лежать вытянувшись. Яркий свет горел над головами всю ночь. С 8 до 10 часов утра заключенные сидели на голом полу с согнутыми и поднятыми вверх коленями. Им не разрешалось ни отдыхать, ни касаться пола руками, ни разговаривать, ни двигаться. Они могли двигаться только тогда, когда надо было идти в уборную. Любое нарушение жесткой дисциплины вызывало избиение со стороны часовых. В каждой камере, или клетке, находился унитаз, и вода, поступавшая в него, была единственным источником питьевой воды. Почти все заключенные были больны дизентерией. Не разрешалось иметь мыло, полотенце, туалетные принадлежности и носовые платки. У заключенных была только та одежда, которая имелась на них. Еды не хватало для того, чтобы поддерживать существование в течение длительного периода, что приводило к серьезным дистрофическим заболеваниям.

Здания, занятые японской военной полицией, день и ночь оглашались звуками ударов, окриками инквизиторов и криками пытаемых. Однажды человек, которого приволокли в камеру без сознания, ночью умер. Труп оставался в камере и после полудня. В этой атмосфере ужаса мужчины и женщины ожидали, когда их вызовут на допрос, что могло произойти в любое время дня и ночи.

Применялись различные изощренные способы пыток: водой, электричеством и другими средствами.

Пытки производились до последней степени человеческой выносливости. Один интернированный пытался совершить самоубийство, прыгнув с веранды. При падении он сломал таз, но, несмотря на

это, допрос его под пыткой продолжался до тех пор, пока он не умер [1].

Обвинение представило доказательства об ужасных условиях труда военнопленных и гражданских лиц на строительстве железной дороги Бирма — Сиам в период с августа 1942 по октябрь 1943 года.

Допрошенные в Трибунале в качестве свидетелей полковник английской армии Сирил Х. Д. Уайлд, служивший в штабе III Индийского корпуса в Куала-Лумпуре, и генерал-майор японской армии Эйгума Исида, который являлся начальником строительства железной дороги Бирма — Сиам, показали, что эта дорога строилась по приказу японского военного командования в срочном порядке с целью обеспечить снабжение японских войск, находившихся в Бирме, из Сингапура и Бангкока сухопутным путем, поскольку морские перевозки были затруднены нападениями на японские суда подводных лодок и самолетов. Железная дорога, протяженностью 415 километров, строилась военнопленными — английскими, австралийскими, голландскими — и кули — чернорабочими — индусами, бирманцами, малайцами, китайцами. Рабочих собирали из сельских местностей и с железорудных копей, сажали в поезда, часто не дав возможности проститься со своими семьями, и отвозили в Бангкок, а оттуда их направляли пешком на запад в сторону бирманской территории в джунгли, где осуществлялось строительство дороги. Условия труда были исключительно трудные: тяжелая изнурительная работа в джунглях под палящим тропическим солнцем; скудное питание, антисанитарные бытовые условия; произвол японских надсмотрщиков, которые безнаказанно могли истязать, избивать и убивать подчиненных им людей. В среде рабочих был очень высокий процент заболеваемости и смертности. По показаниям английского полковника Уайлда, из 46 тыс. военнопленных, работавших на строительстве железной дороги Бирма — Сиам, умерло 16 тыс. человек, т. е. 35% [2].

Будучи Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Таиланде и совершая поездку по стране в 1963 году, я посетил место строительства железной дороги Сиам — Бирма. Помню, был жаркий летний день, нещадно палило солнце. Мы стояли на берегу реки Квай у моста, воспетого в известной английской песне. Мост этот уже обвалился, не было видно и железнодорожного полотна. Мы молча стояли и думали о тех, кто 20 лет тому назад строил эту железную дорогу, ставшую символом человеческих страданий. А позже мы посетили кладбище, где захоронены английские, австралийские и голландские военнослужащие, погибшие во время войны.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 16 декабря 1946 г., с. 12 935—12 943.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 12 сентября 1946 г., с. 5434—5441; от 8 января 1947 г., с. 14 658—14 660.

На хорошо убранном ровном земельном участке в стройном, как на военном плацу, линейном порядке размещены сотни могил, над которыми положены белые прямоугольные плиты с крестами и именами тех, чьи останки покоятся под ними.

Французское обвинение представило суду документ, в котором описывается казнь 15 китайцев в Сайгон-Чолоне (Вьетнам) в октябре 1944 года. Они были приговорены Трибуналом японской военной полиции в Сайгоне к смертной казни за радиопередачи. Среди них были три женщины и двенадцать мужчин. Для казни из Сайгона были привезены две шашки: «Котетсу» и «Мурамадза». Первыми были казнены женщины.

Казнь проходила следующим образом: осужденных поставили на землю, на расстоянии около 30 метров от вырытой ямы, откуда они не могли видеть ни яму, ни то, что ее окружало. Каждый жандарм должен был казнить одного человека. Он подходил к своей жертве, обыскивал ее, затем подводил к яме метров за 20, так, чтобы ее еще не было видно, затем завязывал жертве глаза бинтом; после этого подводил приговоренного к яме, ставил его на колени и обезглавливал одной из привезенных шашек. Голова и тело падали в яму. Шашку обмывали и затем происходила следующая казнь.

Казнь осужденных началась в 16 час. 00 мин. и закончилась в 17 час. 30 мин. [1].

Так японские палачи расправлялись со своими жертвами.

От имени обвинения австралийский судья А. Мэнсфильд представил Трибуналу доказательства о японских зверствах, совершенных над советскими военнослужащими.

В представленном аффидевите подполковника И. Ф. Позинского, участвовавшего в боях против японских агрессоров в районе озера Хасан, говорится следующее: «2 августа 1938 г. во время артразведки в районе южнее озера Хасан я нашел два трупа советских красноармейцев и труп одного советского командира в чине младшего лейтенанта. Все три трупа были зверски изуродованы. Труп младшего лейтенанта был проткнут штыком на лице, на груди, животе и ногах, кроме того, штык был воткнут в рот, а глаза были прострелены пулями. Трупы красноармейцев были исколоты штыками. Рот одного был разодран до ушей, голова другого была проломлена во многих местах чем-то тяжелым и грудь была прострелена десятью пулями» [2].

В аффидевитах майора Я. В. Омельченко, полковника В. И. Кобзева и майора Н. И. Томилина, участвовавших в отраже-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 16 января 1947 г., с. 15 353—15 354.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 17января 1947 г., с. 15 483—15 484.

нии японской агрессии в районе реки Халхин-Гол в 1939 году, даются показания о зверствах, совершенных японцами в этом районе. Приведем выдержки из их показаний.

Я. В. Омельченко: «29 мая 1939 г., утром, когда мы проходили около горы Ремизово, я со своими разведчиками нашел труп младшего лейтенанта Комаристого. На его спине было вырезано 5 звезд. В глаза воткнуты патроны. Череп проломлен во многих местах; запястья и локти сломаны, а руки вывернуты. Пенис был отрезан, в животе — осколок противотанкового снаряда, пятки были сожжены, ногти на руках вырваны, язык и уши отрезаны, все тело было исколото штыками».

В. И. Кобзев: «27 августа 1939 г. часть монгольской территории в окрестности горы Песчаной была освобождена в результате наших наступательных операций. Я прибыл на эту территорию вместе со своими разведчиками, чтобы установить там новый наблюдательный пункт. Там я увидел труп в красноармейской форме, но без шапки. Подойдя ближе, я увидел, что уши и нос у него отрезаны, а тело приколото к земле через грудь штыками трех советских винтовок...»

Н. И. Томилин: «В сентябре 1939 г. ... я был назначен советским правительством в Комиссию по обмену военнопленными и передаче трупов. Я лично получил 60 военнопленных согласно списку японского командования. Все пленные были крайне утомлены. Они едва могли стоять на ногах ввиду своей слабости. Их истощение и бледность были поразительны. Их тела и лица были все в синяках и царапинах... Они мне подробно рассказали о зверском обращении с ними японских властей. Пленных подвергали систематическим избиениям, и они долгое время голодали».

Был также представлен суду аффидевит японского военного преступника Исаму Амано, который дал показания о зверствах в отношении советских граждан в Маньчжурии. Вот что он сказал: «Я признаю себя виновным в том, что в день, когда началась война между Японией и Советским Союзом, т. е. 9 августа 1945 г., я вызвал командира 5-го (разведывательного) отделения, младшего сержанта Бито и дал ему указание установить связь с местной полицией и отделением жандармерии, чтобы арестовать советских граждан, живущих в городе Хайларе и числившихся в списке полицейского отделения, и принять особые меры, т. е. убить их; я дал также указание убить советских разведчиков, заключенных в полицейскую тюрьму... Позже Бито приехал ко мне и доложил, что мой приказ выполнен: советские граждане, проживавшие в городе Хайларе и считавшиеся подозрительными, были арестованы и убиты. Бито доложил, что советские разведчики, находившиеся под арестом в полиции, также убиты... Можно сказать, что в городе Хайла-

9*

ре арестовано и убито 20 советских граждан, причем все они были гражданскими лицами» [1].

Обвинение представило Трибуналу обширную межгосударственную дипломатическую переписку в доказательство того, что Швейцарская миссия в Токио от лица Соединенных Штатов Америки и Великобритании и Шведская миссия в Токио от лица Голландии представляли многочисленные письменные протесты министерству иностранных дел Японии на протяжении всего времени военных действий о всех случаях бесчеловечного обращения с военнопленными и интернированными гражданскими лицами и о других нарушениях законов и обычаев войны, однако японские власти и лично подсудимые Тодзио, занимавший в период войны посты премьер-министра, военного министра и министра внутренних дел, Симада, возглавлявший военно-морское министерство, Того и Сигэмицу, бывшие министрами иностранных дел, и другие, по сути, игнорировали все эти протесты.

Следует отметить, что среди нот с протестами против грубых нарушений японскими властями законов и обычаев войны в отношении военнопленных, были и такие. Швейцарский посланник в Токио по поручению английского правительства направил министру иностранных дел Японии 8 июля 1942 г. ноту, в которой говорится следующее: «Имею честь доложить Вашему Превосходительству, что сэр Роберт Крейги прислал мне фотографию, напечатанную 23 июня в «Джапан Таймс энд Адвертайзер», на которой показано, как военнопленные на глазах удивленного населения подметают улицы в Рангуне. Он попросил меня послать необходимое представление императорскому правительству, так как он считает, что военнопленные не должны выполнять подобную работу, особенно в стране, где работа по очистке улиц считается работой кули. По его мнению, эта работа унизительна для солдат и во всех подобных случаях следует запретить японским газетам печатать подобные снимки.

Я доложил об этом моему правительству, которое попросило меня дружеским образом обратить внимание императорских властей на тот факт, что в данном случае достоинство солдата военнопленного было излишне ущемлено. Статья 2, абз. 2, из конвенции о военнопленных от 27 июля 1929 г. точно говорит о том, что с военнопленными следует обращаться во всех случаях по-человечески и их нужно защищать от актов насилия, от оскорблений и от любопытства со стороны населения» [2].

[1] Стенограмма Токийского процесса от 17 января 1947 г., с. 15 483—15 492.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 9 января 1947 г., с. 14 754.

В качестве дополнительного доказательства Советское обвинение представило Трибуналу новую карту, являющуюся приложением к Хунчунскому соглашению 1886 года, на которой показана линия границы между СССР и КНР, а также фотокопию Протокола о тщательной проверке первого участка границы между двумя государствами от 26 июня 1886 года с подписями представителей русской и китайской сторон [1].

В виде дополнительных доказательств обвинение представило суду ряд выдержек из книг идеологов японского империализма и национализма подсудимых Окава Сумэй и Хасимото Кингоро. Некоторые из них заслуживают того, чтобы их процитировать. Вот высказывания Окавы в его книге «Азия, Европа, Япония», опубликованной в 1925 году:

«История мира показывает, что Запад и Восток должны быть объединены. Однако это объединение, вероятно, не будет достигнуто мирным путем. «Небо всегда видно через скрещенные мечи». Для того чтобы наступил новый мировой порядок, нельзя избежать мертвой схватки между силами Запада и Востока, как это бывало и в прошлом. Эта теория достаточно ясно реализовывалась в американских угрозах Японии. Сильнейшая страна Азии — Япония, а сильнейшая страна, представляющая Европу, — Америка. Мы не можем сказать, является ли это простым совпадением или указанием свыше, но так как символ Японии солнце, а символ Америки звезда, борьба между этими двумя странами будет символизировать борьбу между ярким светом дня и тьмою ночи. Эти две страны самим провидением предопределены к борьбе друг с другом, подобно Греции и Персии, Риму и Карфагену. О, Япония! Будет ли это через год, через десять, или через 30 лет? Один Бог знает, когда это будет. В любое время ты, Япония, можешь быть призванной к войне. Не будем терять ни одного момента в подготовке к войне...

В течение трех тысяч лет, с самого основания страны, наша высшая раса заимствовала культуру и цивилизацию у других стран. Япония еще не внесла своего положительного вклада в мировую историю. Не был ли в действительности этот длинный период подготовкой к настоящему моменту? Путем победы Японии в будущей войне между Японией и Америкой, темный мир исчезнет и должен начаться мир яркий, освещенный лучами восходящего солнца» [2].

Вот такие идеи и предвидения высказывал японский философ, идеолог Окава в 1925 году. Напомним, что война между Японией и Америкой началась в 1941 году, т. е. через 16 лет. Эти высказывания уже покойного Окавы, на наш взгляд, имеют значение для японо-американских отношений и на будущее.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 17 января 1947 г., с. 15 535—15 536.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 20 января 1947 г., с. 15 607—15 608.

А вот цитата из книги Хасимото «Неизбежность восстановления», изданной в 1940 году:

«Мир разделился на два лагеря: один лагерь борется за статус-кво, другой — за новый порядок. Япония не остается нейтральной. Наши противники — это Англия и Америка, которые хотят сохранить статус-кво... Зачем же нам колебаться и не принимать решительных шагов по отношению к Америке?.. В какую бы форму они ни вылились, столкновение между Японией и Америкой неизбежно. Нам лучше подняться, пока еще не слишком поздно и создать сферу сопроцветания на Юге. Ничем не рисковать, значит ничего не приобрести».

И Япония в 1941 году поднялась на войну с Америкой, пошла на риск с целью создания «Сферы сопроцветания Великой Восточной Азии».

А вот что показал Хасимото на допросе 15 февраля 1946 г.

«*Вопрос:* Вы делали заявление, в котором Вы высказывались за объединение всего мира под властью императора. В этом заявлении Вы говорили: «Территории включат Японию в качестве руководящей страны, Маньчжоу-го, Китай, Дальневосточную часть России, Французский Индокитай, Бирму, Малайю, Голландскую Восточную Индию, Британскую Восточную Индию, Афганистан, Австралию, Новую Зеландию, Гавайи, Филиппины и острова Тихого и Индийского океанов?»

Ответ: Да, я говорил это. Я не помню, чтобы я говорил о России и Гавайях. Однако я делал подобное заявление».

Эта оговорка Хасимото о России имеет определенный смысл. Приведем более подробное высказывание Хасимото о политике в отношении Советской России.

«Советская Россия является каким-то наваждением и очень трудно установить, до какой степени ей можно доверять; но не следует опрометчиво превращать ее в нашего врага. Тем более что противоречия между Советской Россией и Японией на Дальнем Востоке не настолько серьезны или значительны, как противоречия между Великобританией и Японией.

Нам, конечно, следует быть готовыми выступить против Советской России, которая является труднопостижимой страной, нам следует усилить идеологические и военные приготовления, чтобы решительно принять идеологический или военный вызов Советского Союза, нам следует быть готовыми к его разгрому на месте в случае, если он нападет на нас» [1].

Из приведенных высказываний японских идеологов Окава и Хасимото можно заключить, что они рассматривали Америку и Великобританию как своих главных врагов и считали военное стол-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 20 января 1947 г., с. 15 672—15 673, 15 686—15 687.

кновение Японии с ними неизбежным. И такое столкновение в 1941 году произошло.

Что касается Советского Союза, то в отношении его названные идеологи проявляли определенную осторожность, и как известно, Япония, хотя и готовилась к войне против Советского Союза, тем не менее не решилась вступить в нее.

24 января 1947 г. обвинение закончило представление своей фазы. Отметим, что эта фаза длилась 160 дней и выразилась в 16 259 страницах стенограммы процесса. В общем, за это время Трибунал принял от обвинения 2485 документов, 561 письменное свидетельское показание и допросил 109 свидетелей.

В предвидении окончания фазы обвинения защита еще 30 декабря 1946 г. обратилась к Трибуналу с ходатайством устроить после этой фазы перерыв сроком на тридцать дней, чтобы защита могла подготовить свою фазу и представить ее по возможности быстрее и в должном порядке. В конце своего выступления по этому вопросу американский защитник Левин сказал: «Все, что мы просим, можно выразить словами французского короля Генриха, сказанными им послам Генриха V английского: «Вы вскоре будете отосланы с честью. Ночь коротка, как вздох, и поэтому отсрочка, которую я прошу прежде чем ответить на вопросы такой важности, тоже невелика» [1].

Выступивший от имени обвинения американский обвинитель Хиггинс заявил: «Мы не будем ни поддерживать, ни возражать против предоставления защите соответствующего времени, на которое, по мнению суда, защита имеет право и которое ей необходимо для подготовки своей фазы процесса» [2].

Трибунал своим постановлением от 31 декабря 1946 г. удовлетворил ходатайство защиты и объявил перерыв в заседаниях на две недели после завершения фазы обвинения.

Отметим, что в числе других просьб защиты была просьба о предоставлении ей лучших отапливаемых помещений в здании, где заседал Трибунал. На эту просьбу председатель Уэбб дал, можно сказать, классический, с точки зрения верховного буржуазного судьи, ответ: «По поводу просьбы о предоставлении лучших отапливаемых помещений я не могу ничего сказать. Мы работаем в полном комфорте и наши симпатии на стороне тех, кто лишен этого комфорта» [3].

Такой ответ председателя суда на просьбу защитников для нас, советских судей, был очень непривычен, он вызвал разное к себе отношение: от недоумения до восхищения находчивостью. У нас председатель суда не дал бы такого ответа. Он обязательно пообе-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 30 декабря 1946 г., с. 13 877—13 885.
[2] Там же, с. 13 892.
[3] Там же.

щал бы что-нибудь предпринять в целях улучшения условий работы адвокатов. Однако председатель Уэбб, занимая высокое судейское кресло, очевидно, считал, что он должен руководить судебным процессом, а вопросами организации процесса, его материального обеспечения должны заниматься другие — чиновники из штаба Макартура. Может быть, он был и прав.

27 января 1947 г. защита пошла в атаку, заявив несколько ходатайств. Первым было ходатайство о неправильном ведении процесса от имени одиннадцати подсудимых. На это ходатайство председатель ответил: «Мне кажется, что это ходатайство основано на том предположении, что мы готовы пересмотреть все решения, которые мы вынесли в ходе процесса, но мы вовсе не собираемся делать этого. Если я правильно понимаю точку зрения моих коллег, то подобное ходатайство не будет допущено. Вам не разрешат представить это ходатайство» [1].

Ходатайство было отклонено.

Следующим было ходатайство в отношении положения Верховного Главнокомандующего Макартура, приказом которого был организован Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока.

Это ходатайство особенно пришлось не по вкусу председателю Уэббу. С заметным раздражением он так реагировал на него: «Нет нужды публично обсуждать положение верховного Главнокомандующего. Это не в интересах правосудия. Ни к чему хорошему это не приведет. В данном месте и при настоящих обстоятельствах это нежелательно, если только это не необходимо ради интересов правосудия, а пока еще интересы правосудия этого не требуют. Вам разрешат это сделать, если вы представите соответствующие основания во время представления фазы защиты; но вы представите его в порядке представления достойных правовых доводов, а не как политическую речь. Это не конгресс или сенат США, или какой-нибудь другой парламент» [2].

Как безосновательное, ходатайство было отклонено.

Следует заметить, что эти два ходатайства не все подсудимые поддержали. Первое — не поддержали 10 подсудимых, второе — тоже 10 подсудимых.

В третьем ходатайстве защита вновь подняла вопрос об юрисдикции Суда. В своем ответе на это ходатайство Уэбб заявил, что «подавляющее большинство суда в свое время считало, что ходатайство не следует принимать, а основания для этого должны быть представлены позднее. Эти основания будут даны в соответствующее время».

Последовала такая реплика американского защитника Смита:

[1] Стенограмма Токийского процесса от 27 января 1947 г., с. 16 262.
[2] Там же, с. 16 271.

«Если будет необходимо, мы намерены обратиться в федеральный суд в Вашингтоне и поднять этот вопрос заново. Но для того чтобы обратиться в этот суд, мы должны показать, что мы возбуждали этот вопрос перед Вами, Ваша честь, и что данному Трибуналу была дана возможность исправить эту ошибку». Вот как!

Со стороны Его чести последовал такой ответ: «Нам совершенно безразлично, обратитесь ли Вы в Федеральный суд в Вашингтоне или в Федеральный суд в Сиднее, или в Оттаве, или в Федеральный суд в Москве, или в любой другой суд. Каждый имеет право делать, что ему захочется» [1].

После этого защита перешла к представлению индивидуальных ходатайств о снятии Обвинительного заключения от имени каждого подсудимого. Было представлено 26 ходатайств (подсудимые Мацуока и Нагано к этому времени умерли). В каждом ходатайстве давалась оценка представленных суду доказательств по всем предъявленным подсудимому пунктам Обвинительного заключения. По объему они составляли от нескольких до 20 с лишним страниц. А все 26 ходатайств заняли 386 страниц стенограммы [2]. Все ходатайства в общем содержали просьбу к суду о снятии всех пунктов Обвинительного заключения, относящихся к обвиняемому, на том основании, что приведенные доказательства являются недостаточными для поддержания обвинения.

Например, в ходатайстве Тодзио содержалась просьба к Трибуналу «снять все обвинения и пункты Обвинительного заключения, направленные против него, на том основании, что все доказательства, представленные обвинением, недостаточны для того, чтобы обосновать должным образом обвинения, выдвигаемые против него». А в конце своего выступления американский адвокат Блюэт, представлявший ходатайство Тодзио, с наигранным пафосом заявил следующее: «Главный обвинитель и его одаренные и прилежные сотрудники, состоящие из блестящих юристов, представителей многих стран, честно проделали огромную работу. То, что им не удалось доказать выдвинутые против подсудимых обвинения, ни в коей мере не объясняется тем, что у них не хватило опыта или способности сделать это. Ни одному обвинителю на всем протяжении истории, ни всем обвинителям нашего времени, объединенным здесь, располагая имеющимися материалами, не удалось бы доказать, что данные подсудимые виновны в совершении тех действий, которые им инкриминируются. При существующей системе права эта задача выше человеческих сил» [3].

В тот же день, 29 января 1947 г., защита представила «Общее

[1] Стенограмма Токийского процесса от 27 января 1947 г., с. 16 264, 16 267—16 268.

[2] См.: Стенограмма Токийского процесса от 27, 28, 29 января 1947 г., с. 16 277—16 663.

[3] Стенограмма Токийского процесса от 29 января 1947 г., с. 16 628—16 634.

ходатайство от имени всех подсудимых о снятии с них обвинений»[1]. Это ходатайство довольно пространное, в нем содержится 73 пункта, в которых дается анализ представленных обвинением доказательств по всем 55 пунктам Обвинительного заключения.

В начале ходатайства говорится: «Подсудимые, оставшиеся под судом по данному делу, при окончании представления доказательств обвинения, все вместе и каждый в отдельности ходатайствуют перед Высоким Международным Военным Трибуналом для Дальнего Востока о снятии с них обвинения по Обвинительному заключению, представленному Трибуналу 3 мая 1946 г., а также о снятии с них каждого пункта этого Обвинительного заключения в той степени, в какой этот пункт отдельно затрагивает каждого подсудимого. При этом подсудимые исходят из следующих оснований». И далее приводятся основания защиты, разделенные на пять групп:

1. Общие основания, имеющие отношение ко всем подсудимым.
2. Преступления против мира (пп. 1—36).
3. Убийства (пп. 37—52).
4. Преступления против человечности (пп. 53—55).
5. Индивидуальные пункты[2].

В качестве приложения были представлены «Доводы в подкрепление общего ходатайства о снятии обвинения по пунктам Обвинительного заключения» на 30 страницах. В конце этого документа заявлялось: «Таким образом, на основании фактов и закона, обвинение не смогло по сути обосновать на существенных доказательствах свою фазу и не смогло установить очевидной вины подсудимых и каждого из них; поэтому мы просим достопочтенный Трибунал снять обвинения по всем и по каждому пункту Обвинительного заключения и вынести решение об оправдании всех и каждого подсудимого»[3].

Представитель обвинения Ю. Уильямс дал обстоятельный ответ на указанные ходатайства защиты, показав их полную несостоятельность[4].

По ходатайствам защиты Трибунал принял такое решение:

«Трибунал заслушал 3 февраля 1947 г. в открытом заседании суда общее ходатайство от всех подсудимых вместе и от каждого подсудимого в отдельности об отводе всего Обвинительного заключения и каждого из его пунктов, относящихся к каждому подсуди-

[1] К общему ходатайству о снятии Обвинительного заключения не присоединились подсудимые: Судзуки, Кайя, Осима, Хосино, Итагаки и Мацуи (Стенограмма, с. 16 274).

[2] Стенограмма Токийского процесса от 29 января 1947 г., с. 16 663—16 664.

[3] Самостоятельный документ (в папке № 1 «Ходатайства и постановления суда»).

[4] Стенограмма Токийского процесса от 29, 30 января 1947 г., с. 16 713—16 900.

мому, и индивидуальные ходатайства от имени каждого подсудимого об отводе Обвинительного заключения и каждого из его пунктов, относящихся к данному подсудимому, и о вынесении оправдательного приговора, а также ответы обвинения на каждое из вышеуказанных ходатайств.

Трибунал, заслушав аргументы защиты и обвинения и полностью ознакомившись с данным вопросом, большинством голосов судей *постановляет:*

все вышеназванные ходатайства и каждое ходатайство в отдельности об отводе Обвинительного заключения и пунктов, содержащихся в нем, отклонить» [1].

Это было важное, принципиальное и справедливое решение Трибунала.

В тот же день, 3 февраля 1947 г., Трибунал по просьбе защиты решил устроить перерыв не на две недели, как было объявлено ранее, а на три.

ФАЗА ЗАЩИТЫ

24 февраля 1947 г., после перерыва, началась фаза защиты. Защита подготовила вступительную речь из двух частей. Обе части должны были зачитать японские адвокаты Киосэ и Такаянаги. Но между адвокатами возникли разногласия, как они говорили, вследствие столкновения интересов подсудимых, расхождения в их мнениях и различия в должностном положении, которое они занимали, а также ввиду разных способов изложения фактов и доводов и различия в теоретических взглядах и в толковании отдельных событий. От вступительной речи полностью отказались защитники подсудимых Хирота, Хиранума, Доихара, Судзуки и частично защитник Сигэмицу.

Адвокат Киосэ зачитал первую часть вступительной речи, а адвокату Такаянаги Трибунал не разрешил читать вторую часть речи, поскольку в ней он намеревался вновь обсуждать правомерность Устава Трибунала и его право судить тех, кто посажен на скамью подсудимых. При этом председатель разъяснил японскому адвокату, что в своей вступительной речи он должен изложить доказательства, которые защита собирается представить, и не должен затрагивать вопросы, касающиеся Устава и прав Трибунала, так как они уже обсуждались. Он предложил Такаянаги переделать свою речь, но тот на следующий день заявил, что он не в состоянии это сделать. В это же время адвокат Киосэ заявил, что Такаянаги выступает не от лица всех подсудимых, а только от имени некоторых. В ходе последующей дискуссии выяснилось, что вступительную

[1] Документ № 728 от 10 февраля 1947 г., а также стенограмма Токийского процесса от 3 февраля 1947 г.

речь Такаянаги поддерживают лишь 14 подсудимых, а 12 подсудимых не согласны с ней. Да и вступительную речь Киосэ поддержали не все подсудимые. В этих условиях выступил лишь Киосэ, а Такаянаги от выступления отказался [1].

В своей пространной вступительной речи адвокат Киосэ заявил, что доказательства будут представлены по следующим разделам: 1) общие проблемы; 2) вопросы, относящиеся к Маньчжурии и Маньчжоу-го; 3) вопросы, относящиеся к Китаю; 4) вопросы, относящиеся к Советскому Союзу; 5) вопросы, относящиеся к войне на Тихом океане; 6) индивидуальная защита, т. е. предъявление каждым подсудимым доказательств, касающихся лично его.

Представлению доказательств по каждому разделу предшествовала краткая вступительная речь адвоката.

Остановимся на основных положениях, которые были выдвинуты защитниками в своих речах и которые они намеревались доказать в ходе своей фазы.

Главным из них был тезис о том, что каждый в отдельности и все вместе взятые пункты Обвинительного заключения, предъявленные подсудимым, являются несостоятельными. Япония, включая подсудимых, не совершала в период с 1928 по 1945 год инкриминированных обвинением преступлений против международного права и что не существовало таких международно-правовых принципов, которые возлагали бы персональную ответственность за политические действия на лиц, действовавших от лица государства, осуществлявшего свои суверенные права. Японские государственные деятели не несут уголовной ответственности за то, что они, занимая ответственные посты, участвовали в принятии решения о ведении Японией войны.

Японский защитник Киосэ утверждал, что главной национальной чертой японского народа является его сильное стремление сохранить нацию как совершенно независимое и суверенное государство. Поскольку-де Восточная Азия имеет свою собственную культуру, то желанием японского народа было сохранить и очистить ее с тем, чтобы добиться равного положения со всеми другими расами и народами во всех отношениях и таким образом сделать вклад в общий прогресс человечества.

С начала периода Мейдзи «основными принципами и доктринами дипломатии» Японии было сохранить мир в Восточной Азии и тем самым внести вклад в благосостояние всего мира.

Война с Китаем в 1894—1895 гг. и война с Россией в 1904—1905 гг. велись с этой целью.

Правительство и народ Японии особенно хотели сохранить и развить Китай. Взаимоотношения между Японией и Китаем выражены в существующей поговорке «син си хоса», что означает «без

[1] Стенограмма Токийского процесса от 24 и 25 февраля 1947 г., с. 17 107—17 115.

губ, зубы подвергаются холоду» или «два колеса одной тележки помогают друг другу». Другая поговорка «добун досу» означает, что обе страны пользуются одними и теми же иероглифами, следуют этике Конфуция и являются одной и той же расой.

Киосэ пытался показать, что иностранцы неправильно понимают многие термины, употребляемые японцами. Он, например, убеждал, что термин «восемь углов под одной крышей» (Хакко Итиу) выражает «великое учение» их императорских предков о том, что «великое дело» будет распространено во всех восьми углах мира и все человечество должно стать одной семьей. Мы должны следовать за этим божественным учением и днем и ночью. «Великое дело» означает, что эта идея должна разъясняться и быть принята всем миром. «Быть в одной семье» означает, что все человечество должно жить вместе, на основе чувства братства под одной крышей.

Термин «новый порядок в Восточной Азии» впервые был официально употреблен в декларации Коноэ в 1938 году, в которой говорилось, что «Япония, Маньчжоу-го и Китай будут сотрудничать на основе добрососедских отношений, общей обороны против коммунизма, а также на основе экономического сотрудничества». Истинной сущностью идеи Японии о «новом порядке» является «кодо» или «императорский путь развития», в основе которого лежит милосердие, справедливость и моральная честность. Это как раз противоположно идее милитаризма и деспотизма.

Позднее наряду с термином «новый порядок в Восточной Азии» стал употребляться термин «Сфера сопроцветания Великой Восточной Азии», который обозначал объединение не только Маньчжурии и Китая, но также и других стран Восточной Азии. Сущность понятий «нового порядка» в «Великой Восточной Азии» была выражена в Совместной декларации, принятой на конференции Великой Восточной Азии, состоявшейся в Токио в ноябре 1943 года. Мы уже указывали, что на этой конференции, проходившей под руководством премьер-министра Японии Тодзио, участвовали делегации марионеточных правительств стран Восточной Азии, оккупированных японскими войсками.

В Совместной декларации, которую защита представила в качестве доказательства, в самых общих выражениях говорилось о том, что государства Великой Восточной Азии посредством взаимного сотрудничества построят новый порядок общего процветания и благосостояния, основанного на принципах справедливости, братства, уважения суверенитета и независимости, будут осуществлять экономическое развитие путем тесного сотрудничества и взаимопонимания, стремясь таким образом обеспечить общее процветание во всей своей сфере.

В своем выступлении японский защитник подчеркивал, что идеи установления «нового порядка» и создания «Сферы сопроцветания Великой Восточной Азии» будто не имели никакого отношения к завоеванию мира.

Мы слушали речь японского адвоката и думали, сколько же в ней лжи, обмана и лицемерия. Если судить по его речи, то Япония по повелению бога и его представителя на японской земле императора неуклонно проводила политику мира и дружбы народов, а ее руководители Тодзио и другие, ныне сидящие на скамье подсудимых, только и мечтали о сохранении мира в Восточной Азии, об объединении всех стран и народов этого континента в одну семью под одной крышей на основе братства и справедливости в целях достижения всеобщего процветания и благоденствия.

Японский защитник решительно отвергал существование заговора, направленного на установление господства Японии в Восточной Азии, на Тихом и Индийском океанах и прилежащих к ним районах, и ведение с этой целью агрессивных войн против Китая, СССР, США, Великобритании и других стран. Он отрицал существование «меморандума Танака».

Возражая против обвинения в заговоре, Киосэ, например, указывал на то, что дескать, «среди подсудимых есть люди разных возрастов и кругов. Некоторые из них офицеры армии и военно-морского флота, некоторые — гражданские чиновники, дипломаты и писатели. Они никогда не имели возможности встретиться все вместе с целью обсуждения какого-нибудь определенного вопроса. Они не имели возможности объединиться в одну группу и обменяться мнениями хотя бы по одному из этих вопросов...

Если некоторые из них сообща имели отношение к маньчжурскому инциденту или к войне на Тихом океане, это объяснялось тем, что они были выдающимися людьми в это время (инцидентов и войны), т. е. тогда, когда требовалось усиленная деятельность от всей нации» [1].

Вот такими наивными рассуждениями японская защита пыталась отмести существование заговора против мира.

Японские адвокаты утверждали, что между Японией и Китаем была не война, а лишь инциденты, в дальнейшем урегулированные сторонами. Они подчеркивали, что японские интересы в Маньчжурии будто восходят к китайско-японской войне 1894—95 гг. и что японский народ имеет моральное право на этот район и рассматривает его, как жизненную линию против угрозы со стороны России. При этом они указывали на возросшее влияние Советского Союза во Внешней Монголии и рост коммунизма в Китае.

Японская защита, вопреки установленным фактам, старалась облыжно доказать, что так называемый мукденский инцидент и инцидент у моста Марко Пола, происшедшие на территории Китая в 1931 и 1937 годах, были начаты самими китайцами, а японцы в порядке самообороны предпринимали ответные военные действия. Она утверждала также, что маньчжуры по своей инициативе созда-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 24 февраля 1947 г., с. 17 013, 17 019—17 022, 17 026—17 028, 17 032—17 033, 17 040—17 041.

ли самостоятельное государство Маньчжоу-го во главе с императором Пу И и что Япония осуществляла с ним отношения на принципах мира, дружбы и равноправного сотрудничества [1].

Что касается Тихоокеанской войны, то защита не отрицала того, что Япония начала войну против США, Великобритании и Голландии, но заявляла, что сделала это в порядке самообороны. Она представила Трибуналу доказательства того, что США, Великобритания и Голландия сократили наполовину экспорт в Японию товаров, в которых она остро нуждалась, заморозили японскую собственность — фонды, а США, кроме того, прекратили поставлять металлолом, нужный для японской промышленности, и наложили в августе 1941 года эмбарго на нефть, в которой особенно нуждался военно-морской флот Японии. К этому эмбарго присоединились Великобритания и Голландия. Эти и другие антияпонские действия названных западных держав якобы поставили Японию в исключительно трудное положение и тогда, как заявил японский адвокат Киосэ, «перед всей нацией как холодный и суровый факт во всей полноте встал вопрос самообороны». При этом Киосэ сослался на позицию Соединенных Штатов Америки в отношении самообороны, согласно которой, каждая нация компетентна решать — какие обстоятельства требуют начала войны в целях самообороны [2].

Американский защитник Логан в своей вступительной речи по этому разделу привел подробные данные в доказательство того, что Япония — бедная страна: у нее небольшая территория и лишь 16% ее территории составляют обрабатываемые земли, которых недостаточно, чтобы прокормить 73 млн. населения, ей недостает минерального и другого сырья; нет хлопка, каучука, коксующегося угля, очень мало производится железа и стали; она целиком зависит от поставок нефти из США, Голландской Индии и Бирмы; у нее отсутствуют олово, цинк, бокситы и другие минералы, нужные для промышленного производства; недоставало строительного и строевого леса. Правительство Японии стремилось разрешить проблему населения путем поощрения эмиграции, но западные державы воспрепятствовали этому.

По словам Логана, предпринятые США, Великобританией и Голландией в июле 1941 года жесткие экономические санкции в отношении Японии «по существу означали лишение Японии права на существование». «Япония окончательно была вынуждена прийти к решению начать борьбу за свое существование, чем и оправдала надежды западных держав, хотевших, чтобы Япония первая нанесла удар».

Вместе с тем американский адвокат заявил, что «в конце 1938 года старшие офицеры военно-морского флота Соединенных Шта-

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 18 марта 1947 г., с. 18 631, 18 635 и 19 марта 1947 г., с. 18 641, 18 651—18 654.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 24 февраля 1947 г., с. 17 051.

тов и Англии провели тайное совещание в Лондоне, обсуждая и намечая планы совместных действий и стратегию военных действий на Тихом океане против Японии. Эти планы затем обсуждались и были уточнены на следующем тайном совещании в Вашингтоне, в начале 1941 года. Кроме того, в переговорах, имевших место в апреле 1941 года между Америкой, Голландией и Англией, последняя агитировала за то, чтобы проводить «... подрывную деятельность, саботаж и работу по ослаблению страны в самой Японии и на территориях, занятых Японией», и советовала Соединенным Штатам последовать ее примеру и «сотрудничать с ней в этом отношении».

Помимо «составления планов войны против Японии, флот Соединенных Штатов на Тихом океане был переведен по настоянию Государственного департамента из Калифорнии на Гавайи, что преследовало лишь единственную цель — запугать Японию и заставить ее подчиниться требованиям Америки».

Кроме того, сказал Логан, «Соединенные Штаты вмешивались в китайско-японский конфликт, в таких размерах, равных которым до сих пор не было среди не воюющих держав».

Далее он сказал, что «в течение этого периода в районе Тихого океана Соединенные Штаты не дремали. Постоянно посылались подкрепления войскам на Филиппинах, проводилось минирование вод, окружающих эти острова, укрепление Сингапура и улучшение передовых баз».

Свою речь американский защитник Логан закончил следующими словами: «Такова была обстановка на Дальнем Востоке до 7 декабря 1941 г. Все ясно видели, что война была также неизбежна, как взрыв порохового бочонка с подожженными фитилями. Важно не то, какой фитиль вызвал первый взрыв, а то, кто поджег первый фитиль» [1].

Своими документами и свидетелями японские и американские защитники старались доказать, что первыми подожгли фитиль Соединенные Штаты Америки.

Интересным является эпизод, касающийся объявления войны. Версию обвинения мы изложили ранее. А вот как излагается версия защиты в речи японского адвоката Киосе.

6 декабря 1941 г. по Вашингтонскому времени японское министерство иностранных дел послало телеграмму японскому послу в Вашингтоне, в которой сообщалось о том, что нота на английском языке, которая должна быть вручена государственному департаменту, готова.

В телеграмме давалось указание, что хотя время вручения ноты наступит позднее, они должны провести тщательную подготовку документа и быть в готовности выполнить все необходимое, связанное с этим. Нота эта состояла из 14 частей. Посольство должно бы-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 4 августа 1947 г., с. 24 778—24 795.

ло получить 13 частей этой ноты 6 декабря. США перехватили эту часть телеграммы в 9 час. 30 мин. вечера 6 декабря, и эта перехваченная часть была представлена лично президенту. Последняя часть была перехвачена 7 декабря. Примерно, в это же время в посольство пришла телеграмма с указанием вручить ноту в час дня в тот же день. Но расшифровка и печатание ноты в посольстве заняли так много времени, что посол Номура смог прибыть в государственный департамент лишь в 2 час. дня; 20 минут он вынужден был ждать в приемной и только в 2 час. 20 мин. он вручил ноту. Учитывая, что нападение на Пёрл-Харбор было совершено в 1 час 25 мин. дня по Вашингтонскому времени, вручение ноты запоздало на 55 минут. По версии обвинения, как отмечалось, вручение ноты состоялось спустя 1 час 10 мин. после нападения на Пёрл-Харбор. Следовательно, разница по времени обвинения и защиты составляет всего 15 мин. Но самое главное, и это доказала защита, телеграммы об объявлении войны, посланные из Токио в японское посольство в Вашингтон, были перехвачены американской спецслужбой и доложены президенту США до того, как японская авиация нанесла бомбовый удар по Пёрл-Харбор [1].

По мнению японской защиты, раз началась война, то «гибель людей в результате военных действий не может расцениваться как убийство», и отдельные лица, занимавшие официальные правительственные посты, не должны «ipso facto» нести ответственность за действия правительства и за преступления, совершенные во время войны [2].

Касаясь японских зверств во время войны, японский адвокат Киосэ цинично заявил, что «зверства, совершавшиеся некоторыми японскими войсками в нескольких районах Китая, очень преувеличены и до некоторой степени сфабрикованы...» «Мы полагаем, что эти обвинения, возложенные на некоторых обвиняемых, не обоснованы и мы сделаем все, чтобы доказать, что никто из обвиняемых никогда не приказывал, уполномочивал или разрешал такие действия или обдуманно и с пренебрежением не следовал своим официальным обязанностям в этом направлении» [3].

И надо сказать, что защита активно действовала, чтобы правдой и неправдой собрать нужные доказательства. К нашему удивлению, защита представила суду несколько писем от американских, английских и австралийских военнопленных, в которых они выражали благодарность начальникам японских лагерей военнопленных за якобы заботливое и внимательное отношение к ним [4].

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 24 февраля 1947 г., с. 17 096—17 097.

[2] Там же, с. 17 057.

[3] Там же, с. 17 078—17 079.

[4] См.: Стенограмма Токийского процесса от 9 сентября 1947 г., с. 27 941—27 948.

В фазе защиты, как мы и ожидали, большое внимание было уделено Советскому разделу — вопросам, относящимся к Советскому Союзу.

Вступительную речь по этому разделу произнес американский адвокат Лазарус, отличавшийся антисоветским настроем [1]. Основное положение, выдвинутое защитой, заключалось в том, что будто вся дипломатическая и военная политика, проводимая Японией в отношении Советского Союза за период с 1928 по 1945 год, была оборонительной. Военные столкновения, возникавшие из-за неопределенности границы, не были заранее запланированной агрессией, а были случайностями, шедшими вразрез с общей политической линией.

Защита стремилась доказать, что Германия, Япония и Италия, заключив антикоминтерновский пакт, действовали вполне законно, преследуя цель воспрепятствовать распространению коммунизма в Европе и Азии. «Мы представим доказательства современного развития событий и той тревоги, — заявил Лазарус, — которая охватила весь мир в связи с распространением коммунизма, с тем, чтобы показать, что опасения, заставившие эти державы действовать подобным образом, были оправданы» [2].

Еще раньше Лазарус с большим пафосом произнес, что решающим доказательством, оправдывающим страх Японии перед коммунизмом, является обращение президента Трумэна к конгрессу США в марте 1947 года. «Мы полагаем, — заявил он, — что президент Трумэн сказал как раз то, что эти люди (т. е. подсудимые) говорили в то время, и мы хотим представить обращение президента Трумэна в качестве оправдания подсудимых...» [3].

Здесь же отметим, что Трибунал не принял в качестве доказательства защиты эту речь Трумэна.

В связи с попытками защиты оклеветать политику Советского Союза в отношении соседних прибалтийских государств и показать угрозу распространения коммунистического движения председатель Уэбб сделал заявление, в котором, в частности сказал: «Недавно мы вынесли решение по вопросу о том, до какой степени будет разрешаться представление доказательств о коммунистическом движении... Мы указали, что деятельность коммунистов в Европе не имеет никакого отношения к вопросам Дальнего Востока... Мы никогда не считали, что мы обладаем полномочиями и имеем задачу вести расследование по вопросу о влиянии коммунистической

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 16 мая 1947 г., с. 22 400—22 423.

[2] Там же, с. 22 404.

[3] Стенограмма Токийского процесса от 22 апреля 1947 г., с. 20 479.

доктрины на земной шар, а также по вопросу, какие меры следует предпринять для противодействия ей» [1].

Это разъяснение председателя несколько уменьшило антисоветский и антикоммунистический пыл американских и японских защитников.

Во вступительной речи Лазарус сочувственно заметил, что «после выхода из Лиги Наций Япония стала одинокой в дипломатическом отношении; ее взаимоотношения с Соединенными Штатами были натянутыми. Япония чувствовала давление со стороны СССР, государства, границы которого в Азии простираются на большое расстояние...» [2].

Слушая эту сочувственно-защитительную речь об одиноком положении Японии, в котором она оказалась после совершения агрессии против Китая в 1931 году, мне вспомнился случай из судебной практики. В одном суде рассматривалось дело об убийстве молодым человеком своих родителей. Адвокат, долго думавший о том, что можно сказать в защиту этого юноши, наконец, придумал и сказал так: «Товарищи, судьи, я прошу подойти снисходительно к моему подзащитному, ведь Вы подумайте, он теперь остался круглой сиротой».

Защитники старались доказать, что происшедшие события у озера Хасан в 1938 году и у реки Халхин-Гол в 1939 году являются типичными пограничными инцидентами между двумя вооруженными государствами в районах, где граница неясна и спорна. Они утверждали, что нельзя указанные пограничные инциденты рассматривать как акты агрессии Японии против Советского Союза и обвинять в связи с ними некоторых подсудимых в совершении убийств. К тому же, говорили они, оба эти пограничные инциденты были в свое время урегулированы между сторонами.

Защита пыталась доказать, что поскольку, мол, Япония не вела войны с СССР, то следовательно, она не замышляла и не планировала войну или агрессию против него. «Оперативные планы, в отношении которых давали показания свидетели обвинения, представляли собой не что иное, как теоретические планы на случай военных действий и, что в основном они были оборонительными. Знаменитый план «Кан Току Эн» (Специальные маневры Квантунской армии), о котором так много говорилось в аффидевитах, представлял собой не что иное, как посылки подкреплений континентальным армиям во время натянутых международных отношений в целях предосторожности» [3].

Вопреки приведенным обвинением многочисленным фактам о грубом нарушении Японией пакта о нейтралитете, заключенного

[1] Стенограмма Токийского процесса от 16 мая 1947 г., с. 22 412—22 413.
[2] Там же, с. 22 405.
[3] Там же, с. 22 421.

ею с Советским Союзом в 1941 году, защитники всеми средствами старались показать, будто этот пакт был основным фактором Японии в ее отношениях с СССР и она якобы полностью соблюдала его. «И несмотря на это, — говорил американский защитник Лазарус, — Советский Союз, не имея и не заявляя какой-либо причины, за исключением просьбы Америки и Англии, неожиданно напал на Японию в августе 1945 года, когда между обеими странами не было никаких крупных нерешенных вопросов, за исключением оставшейся без ответа просьбы Японии к СССР о посредничестве с целью окончания войны на Тихом океане. Несмотря на неоднократные требования Германии после июня 1941 года Япония упорно отказывалась вступить в войну против СССР» [1].

Вот так американские защитники пытались обелить агрессивную политику Японии и оправдать преступные действия ее руководителей.

Защита выставила несколько свидетелей по советскому разделу. Один из них японский генерал-лейтенант, бывший начальник 1-го отделения Генерального штаба Хасимото Гун, который дал подробные показания по событиям у озера Хасан и у реки Халхин-Гол. Он бездоказательно утверждал, что в обоих этих случаях советские войска первыми нарушили границу.

Вопрос о границах в этих событиях, понятно, имел первостепенное значение. Поэтому советское обвинение представило Трибуналу несколько карт, в том числе трофейную японскую, с указанием на них линии прохождения границы между СССР и Маньчжоу-го и между МНР и Маньчжоу-го. При рассмотрении военных действий у озера Хасан была предъявлена карта, приложенная к русско-китайскому соглашению, заключенному в Хунчуне в 1886 году. Приведем ответы свидетеля Гуна на вопросы советского обвинителя Смирнова при перекрестном допросе.

«*Вопрос:* Следовательно, в эпизоде боев в районе озера Хасан, Вы дали заключение о том, что Советские войска нарушили границу, даже не произведя никакой проверки?

Ответ: Я верил сообщениям, которые я получил из армии.

В.: Знаете ли Вы, что после Хасанского инцидента линия границы осталась точно такой же, как утверждалось Советской стороной?

О.: Граница с точки зрения Советского Союза и Маньчжурского правительства рассматривалась по-разному. Но я могу сказать, что абсолютно верно то, что Советские войска продвинулись по нашей территории даже за ту линию границы, на которой настаивал Советский Союз.

В.: Знаете ли Вы, что сопка Чанкуфын или Заозерная по-русски, которая являлась объектом боев, осталась на Советской территории?

[1] Стенограмма Токийского процесса от 16 мая 1947 г., с. 22 423.

О.: Я помню, что линия границы, на которой настаивал Советский Союз, проходила через вершину сопки Чанкуфын...

В.: Обращались ли Вы к Хунчунскому соглашению 1886 года до того, как начались бои?

О.: Нет» [1].

Вот те на! Начали пограничный инцидент, не посмотрев на карту, где проходит граница.

Еще более курьезными были показания Гуна по инциденту у реки Халхин-Гол.

Советский обвинитель Смирнов, оперируя картами, включая карту, приложенную к соглашению, подписанному наркоминдел СССР Молотовым и послом Японии в Москве Того 9 июля 1940 г., убедительно доказывал, что граница между Монгольской Народной Республикой и Маньчжоу-го проходила восточнее реки Халхин-Гол, а не по реке Халхин-Гол, как показывал свидетель Гун.

В этой связи между ними произошел такой диалог.

«*Смирнов:* С какой целью японские войска переправились на западный берег реки Халхин-Гол, если даже согласно японской версии, западный берег реки Халхин-Гол находился на Монгольской территории?

Гун: Во время этого наступления японцы пересекли реку Халху только в одном случае, когда теснили Советские войска, переправившиеся на восточный берег реки Халха. Это была только одна небольшая деталь всего боя, который происходил в то время.

С.: Вы хотите, чтобы я понял это так, что японские войска случайно пересекли реку шириной в 160 метров?

Г.: Они не случайно переправились через реку. Переправа через реку входила в план... Маньчжурский берег реки Халха низкий, а Монгольский берег высокий. Советская артиллерия, находясь на другом берегу... на Монгольском берегу реки Халха, пользуясь преимуществами высокого берега, поддерживала войска Внешней Монголии, которые переправились на восточный берег реки Халха, а потому японцам было трудно оттеснить войска Внешней Монголии. Другими словами, пехота была перед рекой, артиллерия находилась за рекой. Нашей целью было оттеснить эти силы, ведя одновременно лобовую атаку против пехоты, находившейся перед рекой...

С.: Таким образом, даже с Вашей точки зрения, Вы намеренно вторглись на Монгольскую территорию, не так ли?

Г.: Мы переправились через реку только с целью оттеснить войска, которые вторглись на восточный берег реки. Как только действия закончились, мы вернулись на маньчжурскую сторону» [2].

Слушая эти показания японского генерала, мы смотрели на не-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 20 мая 1947 г., с. 22 611—22 612.

[2] Там же, с. 22 639—22 641.

го и между собой говорили: «Да, трудно приходится генералу, совсем изоврался и запутался в своих объяснениях: низкий восточный берег... высокий западный берег... советская артиллерия... монгольская пехота... японские войска... вперед на запад, назад на восток...»

В конце перекрестного допроса советский обвинитель задал японскому генералу такие вопросы:

«*Смирнов:* Каковы по Вашим подсчетам были японские потери с мая по сентябрь в районе р. Халхин-Гол?

Гун: В то время я знал, но сейчас я не помню точной цифры.

С.: Во всяком случае, 23-я дивизия была почти совершенно уничтожена, не правда ли?

Г.: Исходя из этого, цифра может быть определена приблизительно в 10 тыс., но я не могу сейчас с уверенностью установить цифру.

С.: Постигла ли 7-ю дивизию та же судьба?

Г.: Я думаю, что 7-я дивизия понесла меньше потерь, чем 23-я.

С.: Планировала ли Квантунская армия к концу августа перебросить еще три дивизии в район военных действий?

Г.: Да.

С.: Правда ли, что командующий Квантунской армией генерал Уэда был смещен с поста в связи с инцидентом в районе р. Халхин-Гол?

Г.: Да» [1].

Ну, что ж, судя по ответам, генерал японского Генерального штаба «не мог вспомнить» действительные потери японской армии в боях у реки Халхин-Гол, а они были значительные, но он не отрицал намерения военного командования расширить Халхин-Голский инцидент и признал, что командующий Квантунской армией Уэда был снят с этого поста за провал военной операции в указанном районе.

Защита представила в качестве доказательства полную запись из дневника М. М. Литвинова о беседе с японским послом в Москве Сигэмицу 20 июля 1938 г., чтобы показать, что посол действовал по инструкциям своего правительства и предлагал, чтобы стороны вернулись на свои исходные позиции и затем установили, где должна проходить линия границы.

Была представлена и запись беседы М. М. Литвинова с Сигэмицу от 21 августа 1938 г., чтобы доказать, что предложение о редемаркации границы в районе озера Хасан с целью урегулирования происшедшего там инцидента исходило от японской стороны.

Как уже отмечалось, защита стремилась доказать, что военные приготовления Японии в Маньчжурии и Корее имели не наступательный, а оборонительный характер.

В подтверждение этого положения защита вызвала в качестве

[1] Стенограмма Токийского процесса от 21 мая 1947 г., с. 22 655.

свидетеля американского подполковника Хомера С. Блейка, помощника начальника 2-го отдела (разведывательного) штаба главнокомандующего войсками США на Дальнем Востоке. Вызов в Трибунал этого профессионального разведчика, несомненно, был согласован с Макартуром. Блейк возглавлял отделение, ведающее вопросами организации и численности армии противника, т. е. японских вооруженных сил. В ответ на вопрос американского защитника майора Блекни подполковник Блейк огласил в суде численность японской Квантунской армии и японской армии в Корее с указанием числа дивизий, бригад и других крупных частей, входивших в состав каждой из этих армий в каждом квартале 1943—1945 гг. включительно. Конечно, эти данные были соответствующим образом препарированы в штабе Макартура. Например, по приведенным данным, на 31 мая 1943 г. Япония имела в Маньчжурии — 500 тыс. человек, 22 дивизии, 3 бригады, 7 танковых полков; в Корее — 1 дивизию, 50 тыс. человек, в Маньчжурии и Корее — 405 самолетов.

Советский обвинитель Васильев обратился с вопросом: «Будут ли документы, которые сейчас свидетель зачитывает, представлены суду?»

Блейк ответил: «Я не имею права представлять документы, поскольку они содержат секретную военную информацию».

Защитник Блекни поясняет, что по правилам процедуры Трибунала документ может не представляться ввиду необходимости сохранения военной или государственной тайны. Кроме того, он ссылается на «прецедент» представления обвинением документа, подписанного заместителем начальника управления Генерального штаба Красной Армии.

Слово берет обвинитель Васильев: «Когда мы представляли наш документ, он был составлен в соответствии с установленными формами; он был заверен подписями и печатями Генштаба. Кроме того, нас просили дать дополнительные сведения об источнике документа и мы представили дополнительный сертификат, удостоверяющий происхождение этого документа. На основании принципа равенства сторон мы хотим только одного — чтобы документы, представляемые защитой, носили такой же характер, поскольку речь идет о приемлемости документа, а не о правильности документа по существу».

Председатель Трибунала Уэбб пояснил: «Присяга, которую принял свидетель, имеет большее значение, чем сертификат, который он мог бы представить».

После продолжительной дискуссии Трибунал решил «отклонить все возражения и принять показания свидетеля в качестве доказательства» [1]. Это решение, можно сказать, спасло американ-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 2 и 3 июня 1947 г., с. 23 425—23 455.

ского разведчика из штаба Макартура, оказавшегося в трудном положении в суде.

На другой день защита представила суду «Таблицу приблизительного размещения советских войск на советском Востоке, начиная с 1931 года и дальше», составленную Генеральным штабом японской армии и идентифицированную тем же американским подполковником Блейком. Эта таблица также была соответствующим образом препарирована штабом Макартура и представлялась с целью доказать, что «японские военные приготовления велись с учетом угрозы со стороны Советских Вооруженных Сил». Согласно Таблице, например, к концу 1941 года Советские Вооруженные Силы на Востоке, включая Красную Армию, флот и войска НКВД, насчитывали 800 тыс. человек. Они имели 23 стрелковые дивизии, 1000 самолетов, 1000 танков и 105 подлодок.

Советское обвинение возражало против представления этого документа, мотивируя тем, что, во-первых, вопрос об оборонительных мерах против агрессора, которые предпринимались демократическими странами, включая Советский Союз, не имеет отношения к данному делу и не может служить оправданием действий подсудимых; и, во-вторых, документ не заслуживает доверия и носит явно тенденциозный характер.

Однако Трибунал большинством голосов возражение отклонил и документ принял на общих основаниях с той доказательственной ценностью, которую он имеет [1].

Некоторые свидетели, вызванные защитой в суд, давали явно лживые показания, хотя они и присягали показывать правду и только правду. В этом смысле особенно запомнился свидетель капитан 2-го ранга Фудзита Масамичи, который с июня 1942 года до окончания войны служил в отделе по делам флота Министерства военно-морского флота Японии и занимался вопросами, связанными с судоходством Советского Союза. Он представил пространный аффидевит и дал устные показания в суде в ходе прямого и перекрестного допросов.

Он признался, что дает свои показания «в основном по памяти». В его аффидевите мало приводилось фактов, но зато много высказывалось личных мнений, выводов, общих рассуждений. Вопреки представленным обвинением многочисленным доказательствам грубых нарушений японцами советского торгового судоходства во время войны, свидетель неоднократно заявлял, что офицеры японского военно-морского флота считали своей обязанностью всеми силами избегать любых трений, которые могли возникнуть в результате военных ошибок, чтобы сохранить с Советским Союзом дружественные отношения. По словам свидетеля, он и другие офицеры, которые занимались вопросами, касающимися судоходства

[1] Стенограмма Токийского процесса от 4 июня 1947 г., с. 23 545—23 552.

Советского Союза, тщательно соблюдали международные конвенции и инструкции, чтобы не вызвать возмущения со стороны СССР. Если же возникал какой-либо инцидент, требовавший японо-советских переговоров, то они готовили материалы для министра иностранных дел таким образом, чтобы сделать советской стороне все возможные уступки, хотя для японской стороны они были в некоторой степени унизительными.

Вот так, оказывается, японские морские офицеры «уважительно» и «доброжелательно» относились к советскому торговому флоту.

Когда же свидетель рассказывал о гибели советского судна, например, «Ангарстроя» 1 мая 1942 г. в 36 милях к западу от японского архипелага Даньдзо, то он утверждал, что его потопила подводная лодка, но не японская, так как в этом районе тогда не действовала ни одна японская лодка.

А когда свидетель описывал обстоятельства бомбежки и потопления советских судов «Перекоп» и «Майкоп», то он указал, что в то время, в том районе японские самолеты не производили полетов.

По мнению свидетеля, это могли быть подводные лодки и самолеты других воюющих государств: США или Англии.

Советский обвинитель Васильев заявил возражения против некоторых частей аффидевита Ф. Масамичи, в которых содержатся общие рассуждения, высказываются мнения, без указания конкретных фактов.

Американский адвокат Блэкни стал опровергать возражения обвинителя и таким образом завязалась дискуссия по поводу представленного аффидевита. В конце дискуссии председатель Уэбб с горечью заявил: «На этой стадии процесса я должен сказать, что мы все разочарованы тем, что нам представляют аффидевит, который не ограничивается заявлениями о фактах, но также дает и мнения. Мы также хотим иметь аффидевиты, которые вскрывали бы данные о документах или объясняли бы отсутствие документов, когда на них ссылаются. Этот же аффидевит заставляет моих коллег обдумывать решение по ряду моментов. Некоторые могут поддержать выдвинутые Вами положения, другие могут отклонить их, и мы можем иметь 112 различных решений из-за количества поднятых вопросов. Это нечестно по отношению к Трибуналу».

После обсуждения данного вопроса членами Суда, большинством голосов было решено принять этот аффидевит — с предупреждением, что в будущем Трибунал будет строго соблюдать правила и будет отклонять аффидевиты, в которых выражаются мнения [1].

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 3 июня 1947 г., с. 23 492—23 504.

Заявление Уэбба и решение Трибунала были вызваны аффидевитом, представленным защитой и, следовательно, были адресованы в первую очередь защите. Но они относились и к обвинению, которое иногда тоже представляло аффидевиты, в которых высказывались мнения свидетелей, что вызывало возражения защиты против отдельных частей, и это действительно затрудняло принятие судьями решений по таким документам.

В числе многих документов, представленных защитой, был договор о ненападении между Советским Союзом и Германией от 23 августа 1939 г. Защита стремилась показать, что этот договор явился прямым нарушением статьи II тайного соглашения, приложенного к «антикоминтерновскому пакту» от 25 ноября 1936 г., в которой Япония и Германия обязывались не вступать в такой договор с Советским Союзом, который шел бы вразрез с характером этого соглашения.

Защита представила также выдержку из дневника маркиза Кидо за 23 августа 1939 г., в котором он писал, что «был удивлен этим в высшей степени предательским актом (имеется в виду договор о ненападении. — *Прим. авт.*), учитывая существование «антикоминтерновского пакта» и тайного соглашения» [1].

Было обращено внимание Суда на ранее принятый документ — телеграмму германского посла в Токио Отта в Берлин от 25 августа 1939 г., в которой передавался протест японского правительства правительству Германии по поводу заключения им договора о ненападении с СССР и сообщалось о перерыве в переговорах, которые велись между Японией, Германией и Италией с целью заключения тройственного военного союза [2].

Действительно, заключение Германией договора о ненападении с Советским Союзом вызвало большой переполох в правящих кругах Японии, проводивших агрессивную политику в отношении СССР. Но через некоторое время этот переполох стих, переговоры между Японией, Германией и Италией продолжены и в результате 27 сентября 1940 г. заключен союз трех агрессивных держав, направленный в первую очередь против Советского Союза.

По событиям у озера Хасан во время фазы защиты были допрошены советские свидетели: участники этих событий — майор, Герой Советского Союза, Батаршин Г. А., бывший командир отделения 69-го пограничного отряда, охранявшего участок советско-маньчжурской границы в районе озера Хасан, и майор, Герой Советского Союза, Чернопятко И. Д., бывший командир взвода на погранзаставе Подгорная, охранявшего участок границы на сопке Заозерная.

Их показания были выслушаны с большим вниманием. Их до-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 12 июня 1947 г., с. 24 186—24 189.

[2] См.: т а м ж е, с. 24 192.

прашивали советский обвинитель Смирнов и американский защитник майор Фернес.

Приведем небольшую часть из показаний Г. А. Батаршина.

«29 июля 1938 г. в 16 часов внезапно японские войска напали на соседний с нами пограничный наряд красноармейцев численностью в 11 человек (на сопке Заозерная. — *Прим. авт.*). Японских солдат было около 100 человек, вооруженных винтовками, ручными и станковыми пулеметами. Атаковав пограничников, японцы открыли огонь. Бой происходил в 700 метрах от нас.

Наблюдая этот бой, начальник нашей заставы [1] направил меня с четырьмя пограничниками на помощь. Взяв ручной пулемет, я приблизился к месту боя и застал такую картину: все советские пограничники были ранены и лежали, будучи не в состоянии оказывать сопротивление. Японцы же, обнажив клинки, рубили раненых, а некоторых пытались утащить на свою территорию.

Я немедленно открыл огонь, после чего японцы побежали на свою территорию, бросая по пути трупы и раненых пограничников.

На месте боя я обнаружил пять трупов наших пограничников, изрубленных клинками по всему телу от головы до ног. Шесть остальных пограничников были тяжело ранены, причем все они имели рубленые раны» [2].

Геройски сражался в боях у озера Хасан и И. Д. Чернопятко. Именно за геройство и мужество, проявленные в этих боях с японскими захватчиками, им обоим было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Американский защитник Фернес своими вопросами пытался поставить под сомнение достоверность показаний советских свидетелей-героев. Он, например, спрашивал: хорошо ли Вы знаете, где проходит линия границы; испытывали ли Вы трудности в определении границы; какова форма хребта на сопке Заозерная; часто ли бывают дожди и туманы в окрестностях этой сопки; не переходили ли Вы границу? Задавались и такие вопросы, например, Батаршину: обсуждали ли Вы свои показания с другими свидетелями — с Терешкиным, с Чернопятко?

Очень много вопросов было о том, где проходит линия границы. Спрашивалось о самых мелких деталях, чтобы поставить под сомнение знание нашими пограничниками линии прохождения государственной границы СССР. И это иногда вызывало возражения со стороны судей.

Приведем часть допроса адвокатом Фернесом свидетеля Чернопятко:

«*Фернес:* Это прохождение границы от пограничного знака

[1] В этот момент Батаршин с другими пограничниками с заставы Пашкикори охранял высоту Безымянную.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 30 октября 1947 г., с. 32 073.

«Т», как она проходит в северо-восточном, северо-западном или северном направлении?

Чернопятко: Насколько мне известно, общее направление северное, однако, кое-где граница проходит в северо-восточном направлении.

Ф.: Далее, сопка Заозерная имеет длинный гребень, не так ли?

Ч.: Да.

Ф.: И согласно советской точке зрения, граница проходит по вершине, затем по этому гребню, и затем спускается вниз, не так ли?

Ч.: Какое направление от сопки Заозерной Вы имеете в виду: южное или северное направление?

Ф.: Независимо от направления, Вас учили, что она проходит по этому гребню, не так ли?

Ч.: Да.

Ф.: Сопка Безымянная означает сопку без имени, не так ли?

И тут председатель не выдерживает. Он с раздражением прерывает допрос: «Мы не хотим больше слушать об этом. Я могу заверить, что в данном случае я говорю от имени всех членов Суда» [1].

Надо сказать, что председатель Уэбб принимал и более решительные меры в отношении защитников, которые проявляли неуважение к суду [2].

Следует отметить, что советские офицеры Батаршин и Чернопятко вели себя в суде с большим достоинством, отвечали на вопросы ясно и четко, с полным знанием обстоятельств событий, в которых они лично участвовали.

В этой фазе процесса допрашивался также советский свидетель Б. А. Бударин, служивший в должности первого помощника капитана на корабле «Перекоп», который 17 декабря 1941 г. был атакован и потоплен японскими самолетами.

Перед допросом в суде обвинитель Васильев попросил разрешения у Трибунала зачитать первые четыре страницы аффидевита свидетеля.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 31 октября 1947 г., с. 32 161.

[2] Так, на заседании Трибунала 5 мая 1947 г. в ходе допроса защитой своего свидетеля Уэбб сделал обоснованное замечание о том, что защита должна ограничить свои вопросы определенными рамками. Американский адвокат Смит, защищавший подсудимого Хирота, выступил с возражением против этого замечания, заявив, что Трибунал незаконно вмешивается в ход допроса. Уэбб расценил этот выпад адвоката Смита как оскорбление суда и потребовал, чтобы тот взял свои слова обратно. Смит отказался. Тогда Трибунал удалился в судейскую комнату на совещание и вынес решение об отстранении Смита от дальнейшего участия в процессе.

Это решение произвело сильное впечатление на участников процесса. Мы, советские юристы, встретили его как вполне обоснованное и нужное. Нельзя было безнаказанно допускать бестактность и неуважительность к столь высокому суду.

И совершенно неожиданно для нас председатель сделал такое заявление: «Большинство членов суда не разрешает сделать это, генерал. Они согласились лишь с тем, чтобы через меня один из членов Трибунала задал несколько вопросов. Я готов задать их». И задал около 20 вопросов такого характера: где были расположены опознавательные знаки на корабле «Перекоп»; каковы их размеры; когда они были сделаны, на каком расстоянии можно различить их с инструментами и без инструментов; что значит «подняли свои позывные»; видели ли какие-либо другие суда в тот день, когда было совершено нападение; какого рода были нападавшие самолеты, какие у них опознавательные знаки; какая была погода в момент нападения; какой груз везли, сколько человек из команды погибли? [1]

На все эти вопросы свидетель Бударин дал четкие правдивые ответы. Еще бы, ведь он на себе испытал весь ужас гибели своего судна и последующие долгие мучительные скитания по чужим странам до того, как вступил на территорию своей Родины. Судя по реакции, председатель и члены Трибунала были вполне удовлетворены ответами свидетеля. Уэбб заявил: «У меня больше нет вопросов к свидетелю ни от имени Трибунала, ни от кого-либо из его членов. Свидетель отпускается» [2].

К величайшему сожалению, Бударин Борис Александрович, прошедший, как мы говорили о нем, огонь, воду и медные трубы, Батаршин Гильфан Абубикерович и Чернопятко Иван Давыдович 11 декабря 1947 г. вместе с другими одиннадцатью советскими гражданами трагически погибли, когда самолет, на котором они летели из Токио во Владивосток, потерпел аварию и утонул в японском море вблизи Владивостока.

Защита закончила свою фазу 12 января 1948 г., она длилась более десяти с половиной месяцев, точнее — 187 дней. Стенограмма процесса по фазе защиты составляет 20 171 страницу.

Трибунал принял от защиты 1527 документов. Среди них: международные двусторонние и многосторонние договоры и соглашения с участием Японии, включая «антикоминтерновский пакт» и пакт трех держав; русско-японские и советско-японские договоры, в том числе договор о нейтралитете; дипломатическая переписка Японии с Германией, Италией, США, Великобританией, Голландией, Францией, Советским Союзом, Швейцарией и другими странами; официальные документы Японии, касающиеся ее государственного и общественного устройства, сборник инструкций императорской ставки; выдержки из трудов известных ученых по международному праву, например, англичанина Оппенгейма, американца Хайда; выдержки из книг японских, американских, английских

[1] На последний вопрос свидетель ответил: «Восемь человек».

[2] Стенограмма Токийского процесса от 6 ноября 1947 г., с. 32 572—32 577.

и иных авторов, в частности Сиратори «Век войн», Грю «Десять лет в Японии», Пауэлла «Мои двадцать пять лет в Китае»; выдержки из таких книг, как «История Китайской коммунистической партии», «Победоносный социализм» (сборник речей на XVII партсъезде), «Нападение на Пёрл-Харбор»; таблицы о вооруженных силах Японии, США, Великобритании, Голландии, Китая, Советского Союза и других стран; выдержки из японских, американских и иных журналов и газет, включая «Джапан Таймс энд Мейл», «Американский журнал международного права».

Некоторые документы, поступившие из Вашингтона для защиты, были заверены собственноручно государственным секретарем США Маршаллом.

Трибунал принял 214 письменных показаний свидетелей, включая аффидевиты американского посла в Токио Грю, германских военного атташе Кречмера и посла Штамера, в которых содержались их показания об американо-японских и германо-японских отношениях. Трибуналу был представлен аффидевит бывшего министра иностранных дел Германии Риббентропа, подписанный им накануне его казни — 15 октября 1946 г. За этим аффидевитом специально ездил в Нюрнберг американский защитник подсудимого Осима, бывшего японского посла в Берлине, Кэнинхэм.

На заседаниях Трибунала были допрошены 310 свидетелей, включая советских. В качестве свидетелей защиты допрошены 16 подсудимых. Девять подсудимых, а именно: Доихара, Хата, Хиранума, Хирота, Хосино, Кимура, Сато, Сигэмицу и Умэдзу — отказались давать показания в суде.

СТАДИЯ ОПРОВЕРЖЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ЗАЩИТЫ (REBUTTLE)

Вопрос об этой стадии процесса вызвал продолжительную дискуссию между представителями обвинения и защиты. Дело в том, что названная стадия является типичной для англо-американского процесса, но она не была предусмотрена Уставом Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока. Суть данной стадии заключается в том, что после представления доказательств защитой суд вправе разрешить обвинению представление дополнительных доказательств, опровергающих доказательства защиты.

Защита выступила против рибаттла: ведь дополнительные доказательства обвинения могли опровергнуть представленные защитой доказательства и таким образом подорвать ее общую позицию.

Адвокат Фернэс заявил, что в уставе нет ни одного положения, которое предусматривало бы представление доказательств в фазе рибаттла, и Трибунал не имеет права выходить за рамки положений устава.

Защита, стремившаяся ранее любыми средствами затянуть процесс, на этот раз сослалась на статью Устава Трибунала, в ко-

торой указывается на необходимость «ускорения процесса» и заявила, что если будет разрешено представление ответных доказательств, то защита должна иметь в интересах справедливости право представить доказательства с тем, чтобы ответить, объяснить или опровергнуть доказательства, представленные во время рибаттла, и таким образом процесс еще больше затянется.

Председатель Уэбб был настроен в пользу стадии рибаттла. Причем, он мог бы сослаться на Устав Нюрнбергского Международного Военного Трибунала, который предусматривал стадию опровержения доказательств сторон, но он этого не сделал. Он предпочел сослаться на толкование вопроса о рибаттле в книге Арчболда «Уголовная практика и ходатайства». В ней автор указывает, что если защита представляет новый вопрос, предъявляет доказательства, которые не мог предвидеть суд, то представителю обвинения должно быть дано право предъявить ответные доказательства для опровержения. Этот вопрос решается по усмотрению судей на процессе.

В итоге дискуссии Трибунал принял следующее решение: «Трибунал придерживается своего решения относительно принятия доказательств в ответной стадии обвинения. Что касается принятия конкретных доказательств, то это будет зависеть от обстоятельств» [1]. Это решение было объявлено 13 января 1948 г. и в тот же день обвинение приступило к представлению ответных доказательств.

Был представлен ряд дополнительных документов, в частности: японские официальные документы по вопросам международной и национальной политики; выдержки из мемуаров принца Сайондзи — барона Харада, а также принца Коноэ; документы из Министерства иностранных дел Германии, включая записи бесед Гитлера и Риббентропа с японским послом Осима; протоколы заседаний судов США, рассматривавших дела японских военных преступников. Были допрошены еще некоторые свидетели, в числе которых находились и японцы. Представленные доказательства опровергали утверждения защиты о том, что Япония проводила миролюбивую политику и ее лидеры не совершали военных преступлений.

Здесь приведем выдержку из записи беседы, происходившей между Риббентропом и Осима 9 июля 1942 г. в Штайнерте:

«Риббентроп считал, что лучше всего прийти к определенному решению и напасть на Россию, конечно, при том условии, что японская армия будет чувствовать себя достаточно сильной и закончит свои военные приготовления в Маньчжурии. До сих пор Гитлер полагал, что Япония, достигнув таких больших успехов, должна сначала укрепиться на новых территориях, а затем уже осуществить нападение на Россию. И он считал, что Японии не

[1] Стенограмма Токийского процесса от 13 января 1948 г., с. 37 205.

нужно браться сразу за осуществление многих задач, чтобы не поставить себя под угрозу.

Однако сейчас, ввиду успешного осуществления военных действий в России и полученного там опыта, о котором он сообщил послу, он также пришел к выводу, что наступил благоприятный момент для того, чтобы Япония вступила в общую борьбу с Россией в том случае, если она считает себя достаточно сильной. Если Япония стремительным ударом захватит Владивосток, а возможно и территорию Советского Союза вплоть до озера Байкал, положение русских на обоих фронтах будет необычайно тяжелым. Таким образом, конец войны будет предрешен, и державы, которые являются сторонами, подписавшими пакт трех держав, смогут направить все свои силы против Англии и Америки, положение которых будет тогда безвыходным.

Посол Осима заявил, что он необычайно рад успешному ходу военных действий в России и в Северной Африке, как об этом ему сообщил министр иностранных дел. Сам он был уверен в необходимости нападения Японии на Россию» [1].

Вот как они, германские и японские военные преступники, сговаривались между собой о совместной войне против Советского Союза и совместных военных действиях против Англии и Соединенных Штатов Америки.

26 января 1948 г. начало представлять ответные доказательства советское обвинение.

Советское обвинение предъявило наряду с другими документами выдержки из протокола выездной сессии Верховного Суда СССР от 31 августа и 1 сентября 1935 г., заседавшей в Иркутске, и полный текст приговора того же суда по делу Кобылкина и других, из которых видно, что японские власти проводили подрывную работу против СССР с привлечением русских белогвардейцев.

Защита заявила возражение против принятия этих документов, сославшись на то, что в составе указанного суда был член Международного Военного Трибунала от СССР генерал-майор юстиции И. М. Зарянов. Большинством голосов членов Трибунала это надуманное возражение было отклонено и документы приняты.

Но Трибунал не принял текст приговора Военной коллегии Верховного Суда СССР от 26—30 августа 1946 г. по делу белогвардейцев Семенова, Родзаевского и других, проводивших подрывную и диверсионную деятельность против СССР по заданиям японских властей, на том основании, что эти свидетели не были доставлены в Трибунал для устного допроса. По этой же причине ранее не были приняты аффидевиты Семенова, Родзаевского и двух японцев —Ероминага и Янагита.

С целью опровержения утверждений защиты о том, что будто

[1] Стенограмма Токийского процесса от 21 января 1948 г., с. 37 924—37 926.

советские войска подняли красный флаг на территории, принадлежащей Маньчжурии, и первыми начали боевые действия против японских войск в районе озера Хасан, был допрошен в качестве свидетеля генерал-майор Гребенник К. Е., Герой Советского Союза, депутат Верховного Совета СССР, который в период хасанских событий являлся командиром 59-го Посьетского пограничного отряда, куда входили погранзаставы Подгорная и Пакшихори, непосредственно охранявшие участок государственной границы западнее озера Хасан.

Гребенник подтвердил, что восточный склон высоты Заозерная и высота Безымянная, расположенная западнее озера Хасан, в соответствии с Хунчунским протоколом 1886 года принадлежат Советскому Союзу и всегда охранялись советскими пограничными частями. Он показал, как японские части готовились к наступлению и начали наступление на высоту Безымянная 29 июля 1938 г., как они овладели высотами Безымянная и Заозерная и потом под ударами советских полевых войск с потерями отошли на свои прежние позиции.

Вызванные также свидетели майор Советской армии А. Э. Быков и майор Монгольской армии Пунчугин Чогдон дали показания о Халхинголских событиях, в которых они участвовали: первый в качестве командира мотострелкового батальона, второй — начальника пограничной заставы. В опровержение необоснованных утверждений защиты свидетели показали, что государственная граница между МНР и Маньчжурией проходила восточнее реки Халхин-Гол на расстоянии 20—22 км, что именно японо-маньчжурская кавалерийская часть численностью более 200 человек первой пересекла границу 11 мая 1939 г. и продвинулась на 15—18 км на монгольскую территорию и что в результате последовавших боев японо-маньчжурские части были разбиты войсками Советской и Монгольской армий и изгнаны с территории МНР.

Наряду с этими доказательствами советское обвинение представило справку военно-топографического управления Генерального штаба СССР с приложением географических карт, изданных в различных странах мира с указанием на них действительной границы в районе реки Халхин-Гол, т. е. не по реке, а восточнее реки, а также справку управления пограничных войск Министерства внутренних дел МНР.

Значительный интерес представили показания свидетеля от Советского обвинения подполковника Фрица Петерсдорфа, бывшего помощника германского военного атташе в Токио. Петерсдорф, в частности, показал, что он слышал беседу премьер-министра Японии Тодзио с германским послом Оттом летом 1942 года, во время которой Тодзио сказал: «Япония является кровным врагом России.., Владивосток представляет постоянную угрозу с фланга для Японии.., в ходе данной войны имеется удобная возможность, что-

бы устранить эту опасность. Это сделать не так трудно, для чего имеется прекрасная Квантунская армия, в которую включены лучшие войсковые части». Тодзио дал понять, что «Япония предполагает совершить неожиданное нападение на Владивосток с воздуха, моря и с суши и в то же время провести отвлекающую внимание операцию на Благовещенск» [1].

Петерсдорф подтвердил, что он получал от офицеров японского Генерального штаба военную информацию о Советском Союзе: о дислокации советских войск на Дальнем Востоке, их численности, воинских перевозках, резервах, о передвижении советских войск на Европейском фронте, о военной промышленности в СССР, и эта информация передавалась в Берлин и использовалась в планировании военных действий против Красной Армии.

В ходе перекрестного допроса американский адвокат Кэнинхэм упорно добивался от Петерсдорфа, чтобы он сказал, что он получал информацию от немецкого корреспондента Рихарда Зорге. Советский обвинитель возражал против данного вопроса. Защитник настаивал на своем. Тогда председатель Уэбб с раздражением заявил: «Какое нам дело до источников получаемой им информации? К какому виду допроса это приведет и где будет этому конец? Какое отношение к делу и какое значение имеет вопрос об источниках получаемых свидетелем сведений».

Но и после этого ясного заявления председателя настырный американский адвокат продолжал домогаться от свидетеля желаемого ответа.

Данный вопрос обсуждался судьями и председатель объявил такое решение: «Точка зрения большинства членов Трибунала сводится к следующему. Аффидевит данного свидетеля и его основной допрос имели своей целью показать сотрудничество между Японией и Германией. Точность или неточность информации, на которой основано было это сотрудничество, а также источник этой информации являются второстепенными вопросами, разбором которых мы не имеем права заниматься. Мы решили запретить дальнейший перекрестный допрос по этим второстепенным вопросам» [2].

Чрезмерно любознательному адвокату все же пришлось оставить свои домогательства по вопросу, не относящемуся к рассматриваемому Трибуналом делу.

30 января 1948 г. советское обвинение закончило свой раздел рибаттла.

В общем в стадии рибаттла Трибуналом было принято от обвинения 180 документов в качестве доказательств. Эта стадия продолжалась 14 дней. Стенограмма рибаттла заняла 1409 страниц.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 28 января 1948 г., с. 38 423.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 28 января, с. 38 458 и 29 января 1948 г., с. 38 487.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ ЗАЩИТОЙ ОТВЕТНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ОБВИНЕНИЯ (SURREBUTTLE)

Перед данной стадией, 28 января 1948 г., главный японский адвокат Удзава от имени защиты обратился к Трибуналу с ходатайством о предоставлении ей десятидневного перерыва после стадии рибаттла обвинения для подготовки к ответной стадии — surrebuttle. В поддержку этого ходатайства выступили американские адвокаты Блекни и Кэнингхэм.

Надо сказать, что обстановка в Трибунале для такого ходатайства была явно неблагоприятной: суд длился уже двадцатый месяц и не видно было конца ему, а тут защита еще просит десятидневный перерыв.

С резким протестом выступил главный обвинитель Кинан. Он сказал: «Мы считаем, что всякий Трибунал должен в конце концов когда-то кончаться. Мы полагаем далее, что следует принять во внимание, что мы начали с обвинительного заключения по данному делу, со вступительных речей перед каждой фазой и что все вопросы были уяснены в течение очень продолжительного периода времени. Обвинение несло на себе основную ответственность по сбору доказательств и обоснованию своей фазы, и оно никогда не просило ни одного дня для перерыва, начиная с 4 июня 1946 г., т. е. с момента начала данного процесса. Подсудимые имели значительные перерывы два или три раза, и мы считаем, г-н председатель, что настало время для защиты выполнять свои обещания о том, что в интересах правильной процедуры и обеспечения представления документов она не будет больше просить о перерыве. Мы заявляем решительный протест против перерыва».

После дискуссии по этому вопросу председатель Уэбб сделал такое резюме: «До сих пор ни один из членов Трибунала не высказался в пользу перерыва любой продолжительности. Насколько мне известно, некоторые из защитников готовы к представлению доказательств по делу своих подзащитных. Во всяком случае мы готовы приступить к заслушиванию доказательств защиты, пока они не иссякнут» [1].

Таким образом, ходатайство защиты о перерыве было отклонено.

Вслед за этим, когда защита уже приступила к своей стадии сюррибаттла, главный обвинитель Кинан выступил с возражением против представления дальнейших показаний и других доказательств в этой стадии.

Трибунал не принял это возражение обвинения. Председатель Уэбб объявил следующее решение: «Если обвинение представило во время рибаттла новые доказательства, которые следовало бы

[1] Стенограмма Токийского процесса от 28 и 30 января 1948 г., с. 38 386, 38 435—38 438, 38 439—38 441, 38 575.

представить во время основной стадии представления доказательств, если бы обвинение имело тогда на руках эти документы, то защита, во всяком случае, должна получить право ответить на них. Она имеет право ответить на них так же, как если бы обвинение представило эти документы во время основной стадии, а не в стадии рибаттла» [1].

После этого решения защита приступила к представлению доказательств, которые, по ее мнению, должны были опровергнуть доказательства обвинения, представленные им в стадии рибаттла.

Например, были зачитаны дополнительные выдержки из мемуаров Сойондзи — Харада с целью показать, что будто руководящие деятели Японии, в частности Хирота, проводили мирную политику и ограничивали военные устремления молодых офицеров армии.

Защита представила ряд аффидевитов японских свидетелей — военнослужащих и государственных чиновников, — а некоторых из них подвергла устному допросу в суде, стремясь опровергнуть доказательства обвинения о том, что подсудимые Тодзио и другие проводили агрессивную политику, в частности против Китая, что между Японией и Германией существовало тесное сотрудничество, особенно в военной области, что подсудимые нарушали международные конвенции об обращении с военнопленными. Были внесены некоторые уточнения в отношении компетентности и функций министерств и ведомств, которые возглавлялись подсудимыми, чтобы показать их невиновность.

После представления этих доказательств защита приступила к представлению «смягчающих вину доказательств».

Коминс-Карр от имени обвинения высказал сомнение в представлении такого рода доказательств. Председатель Трибунала выступил с разъяснением. Он сказал: «Эти доказательства будут приниматься во внимание исключительно с целью смягчения приговора, выносимого каждому данному подсудимому, если эти доказательства действительно послужат для смягчения приговора, если таковой будет вынесен, разумеется... Эти доказательства не будут приниматься во внимание при определении виновности или невиновности подсудимого» [2].

Следует сказать, что в ряде стран, в том числе в Англии, такая стадия в уголовном процессе существует.

На основании принятого решения защита представила некоторое число «смягчающих вину доказательств». В частности, был предъявлен документ в подтверждение того, что подсудимый Кидо выражал стремление к миру в 1941 году, когда Япония находилась

[1] Стенограмма Токийского процесса от 30 января 1948 г., с. 38 586, 38 589.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 10 февраля 1948 г., с. 38 915–38 918.

в состоянии войны. Несмотря на возражение обвинения, этот документ был принят Трибуналом.

В итоге в стадии сюррибаттла, которая завершилась 10 февраля 1948 г., Трибунал принял от защиты в качестве доказательств 54 документа. Данная стадия заняла 4 дня судебных заседаний. Стенограмма сюррибаттла составила 351 страницу [1].

Окончив представление доказательств, защита вновь подняла ходатайство о прекращении дела в отношении подсудимых. Разумеется, защитники понимали необоснованность этого ходатайства, но они считали необходимым внести его по формальным и престижным соображениям. Японский адвокат Ямаока, выступивший с этим ходатайством, прямо сказал:

«Мы не намерены обосновывать это ходатайство в настоящее время, так как это можно целиком осветить в заключительных речах; цель наша заключается в том, чтобы вновь возбудить это ходатайство с тем, чтобы оно вошло в стенограмму заседания суда. Это ходатайство о прекращении дела, о юрисдикции Трибунала и полномочиях Верховного главнокомандующего союзных держав... которое было возбуждено в январе 1947 года... Кроме того, мы ходатайствуем сейчас о снятии с каждого подсудимого отдельно и со всех сразу всех пунктов Обвинительного акта в свете имеющихся у Трибунала доказательств, и мы почтительно просим не считать их виновными».

Выступивший с возражением главный обвинитель Кинан отметил, что во-первых, Трибунал уже вынес свое решение по этому ходатайству; во-вторых, защите была предоставлена без всякого ограничения возможность изложить аргументацию по всем относящимся к делу вопросам защиты. Кинан обратился к Трибуналу с просьбой о том, «чтобы он отказал в праве возбудить это ходатайство, которое, как видно с первого взгляда, является легкомысленным и оскорбительным» [2].

Трибунал отклонил это ходатайство защиты.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ОБВИНЕНИЯ

11 февраля 1948 г. началась заключительная речь обвинения. Она длилась 14 дней и составила 3126 страниц стенограммы судебного процесса.

Следует отметить, что порядок произнесения заключительной речи обвинения на Токийском процессе отличался от порядка, установленного на Нюрнбергском процессе. В Нюрнберге каждый

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 30 января, 2, 9, 10 февраля 1948 г., с. 38 586—38 936.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 10 февраля 1948 г., с. 38 940—38 947.

из четырех обвинителей выступал с самостоятельной заключительной речью. В Токио была подготовлена одна, общая заключительная речь обвинения и ее произносили по частям главный обвинитель, дополнительные обвинители и их помощники. Вступительную часть заключительной речи произнес главный обвинитель Кинан.

В заключительной речи обвинения подводился итог двухгодичного рассмотрения в Международном Военном Трибунале дела главных японских военных преступников, рассматривалась международно-правовая основа создания Трибунала, включая вопрос о его юрисдикции, давалась характеристика составов преступлений, совершенных подсудимыми, анализировались доказательства, представленные обвинением, подвергались критике доказательства и позиция защиты, делались заключения о персональной ответственности каждого подсудимого.

При рассмотрении любого уголовного дела в суде всегда интересно знать, с чего начал свою заключительную речь обвинитель.

Главный обвинитель на таком исторически важном международном судебном процессе Кинан начал заключительную речь так:

«Г-н Председатель и г-да Члены Трибунала!

1. Выражаясь словами, взятыми из старой системы права, мы подошли к «закрытию ворот». В течение двух лет мы были заняты подготовкой и представлением доказательств по этому делу. Теперь остаются только заключительные речи и приговор суда. Это — действительно очень длинный период для любого уголовного процесса, но для этого есть много оснований и оправданий.

2. Вопросы, рассматриваемые здесь, совершенно отличаются от вопросов, которые рассматриваются нашими национальными судами в уголовных процессах. Здесь мы обсуждаем события величайшей исторической важности, которые оказывали существенное влияние на мировую обстановку за период в четырнадцать лет. Для этого потребовалось вызывать свидетелей из всех частей мира и представлять важные государственные документы, доставленные из отдельных стран Европы и Соединенных Штатов, кроме тех, которые были найдены в архивах японского правительства. Даже в Японии в результате этих поисков документов были представлены важные и обличающие доказательства только после длительных упорных усилий» [1].

Имея в виду огромную разрушительную силу изобретенного нового атомного оружия, американский обвинитель заявил следующее: «...Для нас наступила новая эра. Даже урок победы приносит серьезное беспокойство как за нашу будущую безопасность, так и за существование цивилизации. Разрушительная мощь военного потенциала, полученного в результате достижений прогресса и развития науки, достигла такого момента, когда меняется тради-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 11 февраля 1948 г., с. 38 949.

ционное понятие о войне... Если мы не выработаем какой-нибудь более значительной и беспристрастной системы, Армагеддон будет у наших дверей».

Говоря о необходимости наказания милитаристов, главный обвинитель сказал: «Милитаристы, стремящиеся к агрессии, которая неизбежно приведет к мировой разрухе, могут быть подавлены объединенными усилиями человеческого общества — путем применения самых жестких мер, известных закону, с тем, чтобы предотвратить эти действия таким же путем, как преступные намерения подавляются внутренними законами страны».

Касаясь внутреннего режима, установленного руководителями Японии в отношении своего народа, Кинан заявил: «События показали нам, до какой степени был порабощен японский народ и как над ним властвовали. Начиная от незаметного горожанина и кончая высшим должностным лицом, никто из 80-миллионного населения Японии не имел свободы выразить свои взгляды или хотя бы свободно мыслить. Действительно, это был режим террора. Протокол этого процесса ясно показывает, что Япония должна была сражаться не против своих внешних врагов, а против пагубных, злобных и безжалостных врагов, гнездившихся в центре столицы».

Кинан процитировал то место из решения Нюрнбергского Трибунала, где говорится, что «развязывание агрессивной войны является не только международным преступлением, это высшее международное преступление, отличающееся от других военных преступлений только тем, что оно в самом себе собирает все зло» [1].

В связи с утверждениями защиты о том, что будто Япония совершала военные действия в целях самообороны, главный обвинитель сказал: «Мы считаем, что по делу, которое мы рассматриваем, совершенно ясно доказано, что использование громадных армий в Маньчжурии и Китае представляло собою агрессивное действие и не может быть оправдано ни по одной системе правосудия тем, что это делалось в целях самообороны. Эти подсудимые не могут больше успешно оправдывать свои действия в военных операциях, начатых 8 декабря 1941 г. в районе Тихого океана против западных держав. Точно также доказательства показывают, что правящая клика Японии совершала акты агрессий, проводила агрессивную политику против СССР и в течение ряда лет подготовляла агрессивную войну больших масштабов против Советского Союза» [2].

Дальнейшее изложение заключительной речи обвинения проходило по следующим четырем основным разделам:

I. Анализ обвинительного заключения.

II. Преступления против мира.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 11 февраля 1948 г., с. 38 954—38 955, 38 956, 38 963, 38 966.

[2] Там же, с. 38 979.

III. Преступления против законов и обычаев ведения войны и преступления против человечности.

IV. Персональная ответственность подсудимых.

В первом разделе указывается: на основе каких правовых актов создан Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока, приводятся общие данные об Обвинительном заключении и дается подробный анализ содержащихся в нем пунктов — по группам и в отдельности.

Поскольку обвинительное заключение детально рассматривалось в специальном разделе, то нет необходимости вновь рассматривать его здесь. Отметим лишь, что в целях изложения заключительной речи обвинение сочло целесообразным все пункты обвинительного заключения, правовые вопросы и доказательства, относящиеся к этим пунктам, сгруппировать в два больших раздела: «Преступления против мира» и «Преступления против законов и обычаев ведения войны и преступления против человечности».

В этом порядке и мы будем рассматривать заключительную речь обвинения.

Во втором разделе речи дается правовое обоснование наказуемости преступлений против мира, в частности агрессивной войны, убийств, рассматривается право на самооборону, подробно исследуется заговор в общем виде и по отдельным этапам.

Обвинение подвергает обстоятельной и аргументированной критике возражения защиты против юрисдикции Трибунала в отношении преступлений против мира и человечности. Отмечается, в частности, что Устав Трибунала составлен на основе Акта о капитуляции и различных деклараций союзников, в том числе Потсдамской декларации, принятой Японией, в которой говорится о наказании всех военных преступников. Причем, как было доказано, император Японии и его правительство сознавали, что в понятие «военные преступники» входят и лица, ответственные за войну».

Указывается также, что устав Трибунала содержит в себе нормы международного права, существовавшие до и после 1928 года, с которого инкриминируются подсудимым преступления по обвинительному заключению.

В качестве общеизвестной нормы международного права детально рассматривается Парижский договор 1928 года, в котором, как уже отмечалось, его участники, включая Японию, торжественно заявили об отказе от войны, как инструмента национальной политики. Из Парижского и других международных договоров делается вывод, что агрессивная война является не только незаконной, но и преступной.

В речи обвинения обосновывается положение о том, что международное право возлагает ответственность не только на государство за совершенное им действие, но и на отдельных лиц, осуществлявших это действие. Отсюда вполне правомерное предание международному суду японских руководителей, которые планиро-

вали, готовили и вели агрессивные войны Японии против других государств.

Вместе с тем обращается внимание на то, что международное право не является чем-то застывшим, оно развивается; заключаются новые международные договоры, которые создают новые нормы. Это относится и к международно-правовым нормам, касающимся наказания лиц, виновных в преступлениях против мира и человечности и в военных преступлениях.

Обвинение в своей речи показало необоснованность утверждений защиты о том, будто Япония была вынуждена прибегнуть к войне против США и других держав в целях самообороны. В речи говорится, что нет никаких доказательств того, что кто-либо из подсудимых верил в такую возможность или имел основание для такой веры.

Обвинение далее утверждает, что «война является просто убийством и что незаконная война является просто незаконным убийством с заранее обдуманным намерением». Лица, которые принимают решения и отдают приказы своим подчиненным убивать, зная о незаконности своих действий, являются виновными в убийстве. Именно поэтому подсудимым было предъявлено обвинение в убийстве.

В заключительной речи обвинения значительное место отводится раскрытию понятия «Заговор», инкриминированного всем подсудимым в п. 1 Обвинительного акта. В речи подчеркивается, что целью заговора, в котором участвовали все подсудимые в период с 1 января 1928 г. по 2 сентября 1945 г., было «склонить Японию одну или вместе с другими странами к ведению объявленной или необъявленной агрессивной войны или войн и войны или войн в нарушение международного права, договоров, соглашений и обязательств, чтобы обеспечить военное, морское, политическое и экономическое господство в Восточной Азии и в Тихом и Индийском океанах». При этом поясняется, что другие отдельные заговоры, инкриминируемые подсудимым как преступления против мира, являются составными частями общего заговора, инкриминируемого в п. 1 Обвинительного акта.

В этой связи обвинение, обращаясь к судьям, заявило: «Если вы найдете, что заговор доказан, что, по нашему утверждению, было сделано, и если вы найдете, что каждый из подсудимых был или участником его с самого начала или присоединился к нему позднее, то вы можете счесть ненужным рассматривать отдельные пункты со второго по пятый включительно [1] (в этих пунктах говорится об участии подсудимых в заговорах против отдельных государств: Китая, СССР, США, Великобритании и других).

Суд принял это соображение обвинения во внимание и не стал рассматривать пп. 2—5 Обвинительного заключения.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 11 февраля 1948 г., с. 39 048.

Касаясь вопроса об участии отдельных подсудимых в общем заговоре, обвинение отметило, что в развитии такого широкого заговора время от времени, естественно, вставали такие вопросы: следует ли совершать наступление в данный конкретный момент и какое направление наступления следует избрать; на какую или на какие страны следует напасть. Этот выбор мог зависеть от мнения о желательности нападения на какую-либо конкретную страну или чаще только от мнения о целесообразности такого действия.

Если человек присоединяется к заговору подобного характера, описанного в п. 1 Обвинительного акта, он обязательно предоставляет решение указанных вопросов тем из своих сообщников по заговору, которые в это время находятся у власти.

Человек, однажды присоединившись к заговору, не может поэтому снять с себя ответственность за последующие действия своих сообщников, доказывая, что он лично не высказывался за какое-то конкретное действие, совершенное ими, особенно если его оппозиция основывалась только на соображениях осторожности; важно, что это действие входило в рамки первоначального заговора и что этот человек не отошел со всей определенностью от него [1].

Это объяснение, данное обвинением в заключительной речи, является вполне логичным и разумным, и суд, как мы увидим в следующей главе, принял его во внимание.

В связи с утверждением защиты, что заговор не является международным преступлением, что это лишь доктрина, характерная только для англо-американского права, обвинение указало, что Устав Нюрнбергского трибунала также признает заговор преступлением, хотя этот устав был создан по соглашению между четырьмя государствами, в двух из которых не применяется англо-американская правовая система. Позднее к этому соглашению присоединились 19 других государств, причем только три из них входили в круг государств с англо-американской правовой системой. «Заговор», независимо от того, называется он этим или другим словом, является концепцией, свойственной большинству, если не всем правовым системам. В подтверждение этого обвинение ссылается на уголовное законодательство Франции, дофашистской Германии, Голландии, Испании, Китая, Японии. Делается ссылка и на Советское уголовное законодательство.

Характеризуя общий заговор, в котором обвиняются подсудимые, обвинение указывает, что в течение периода с 1 января 1928 г. по 2 сентября 1945 г. участники заговора, включая данных подсудимых, а также других лиц, которые упоминаются в ходе процесса, пытались посредством крупных мер осуществить общий план, согласно которому Япония, используя специально вызванный инцидент, должна была вторгнуться, захватить и поработить

[1] Стенограмма Токийского процесса от 11 февраля 1948 г., с. 39 049—39050.

часть Китая, известную под названием Маньчжурия и превратить ее в плацдарм для дальнейшего военного, экономического и политического продвижения, для установления своего господства и контроля над Восточной Азией, Тихим и Индийским океанами и островами, расположенными на них, включая остальную часть Китая, восточные территории СССР, Французский Индокитай, Голландскую Восточную Индию, Малайю, Филиппины, Индию, Бирму, Австралию, Новую Зеландию.

Для успешной реализации этого плана заговорщики должны были осуществить свои цели и в самой Японии, установив для этого свой контроль над японским правительством, либо посредством государственного переворота, либо посредством постепенного проникновения участников заговора на все важнейшие посты японского государственного аппарата.

На международной арене заговорщики должны были осуществлять свои цели путем агрессивных войн в нарушение международного права, договоров, соглашений и заверений против любой страны, которая стояла на пути осуществления преступных целей и замыслов заговорщиков, которые должны были быть выполнены самой Японией или в союзе с другими государствами.

Здесь дана обстоятельная и четкая характеристика общего заговора японских военных преступников против мира, их деятельности для достижения целей заговора как внутри своей страны, так и на Международной арене.

Вместе с тем обращается внимание на сложность этого заговора, имея в виду, что заговор по времени охватывает продолжительный период истории, что он повлек за собой тысячи событий разной степени важности, что число заговорщиков было весьма большим, причем некоторые из них присоединились к заговору в самом начале его создания и оставались его участником до конца, в то время как другие заговорщики играли в нем пассивную роль или же вступали в него в разгар его осуществления или, наконец, играли активную роль на одном этапе, затем временно прекращали свою деятельность и снова возобновляли ее, что при таком крупномасштабном заговоре между его участниками, естественно, могли быть некоторые внутренние конфликты в связи с вопросом о времени осуществления конкретных целей заговора.

Чтобы суммировать в наиболее удобной и простой форме все факты, относящиеся к заговору и установленные тысячами документов и показаниями сотен свидетелей, обвинение сочло целесообразным анализировать заговор, придерживаясь в основном хронологического порядка, по следующим пяти этапам:

1. Установление контроля над Маньчжурией.

2. Распространение контроля и господства из Маньчжурии на остальные части Китая;

3. Внутренняя и внешняя подготовка агрессивной войны в Азии и на Тихом океане;

4. Агрессия против западных держав: агрессия против Велико-

британии и Соединенных Штатов Америки; создание «Сферы сопроцветания Великой Восточной Азии».

5. Агрессия против Советского Союза.

При рассмотрении *первого этапа заговора* отмечается, что Япония приобрела ряд прав в Маньчжурии, в частности, по Портсмутскому договору с Россией от 5 сентября 1905 г. она получила права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, а по Пекинскому договору, подписанному в декабре того же года, Китай передал Японии Квантунскую арендованную территорию и южную часть КВЖД — Южно-Маньчжурскую железную дорогу, находившуюся ранее под контролем России.

Ссылаясь на свои особые права, Япония стремилась полностью овладеть Маньчжурией.

В речи обвинения подробно излагается, как японская военщина организовала Мукденский инцидент и начала военные действия в Маньчжурии, как Япония установила в ней свое господство, создала марионеточное государство Маньчжоу-го и эксплуатировала материальные и людские ресурсы Маньчжурии в целях усиления своих экономических и военных возможностей.

В период *второго этапа заговора* Япония распространяет свой контроль и господство из Маньчжурии на остальные части Китая.

В заключительной речи обвинения отмечается, что пять основных министров сформулировали заговор, как национальную политику Японии. 30 июня 1936 г. военное и военно-морское министерства выработали «Основы национальной политики». В тот же день принципы этой политики были одобрены премьер-министром, министром иностранных дел, военным и военно-морским министрами и министром финансов, а 7 августа 1936 г. конкретный план был принят и подписан премьер-министром Хирота и другими четырьмя министрами, как «Основные принципы национальной политики». Основное направление политики Японии заключалось в том, чтобы путем дипломатических ходов и под предлогом, так называемой, национальной обороны обеспечить позиции Японии на азиатском континенте, а также продвинуться и распространить владения Японии в направлении Южных морей. Основные принципы политики Японии на континенте заключались в развитии Маньчжоу-го, в усилении «национальной обороны» Японии и Маньчжоу-го с целью уничтожения «угрозы со стороны Советского Союза» и в то же самое время с целью подготовки войны против Англии и Америки и в установлении тесного сотрудничества между Японией, Маньчжоу-го и Китаем для экономического развития этих стран [1].

Совершенно очевидно, что употребляемое в этих формулировках выражение «национальная оборона», являлось лишь евфимиз-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 12 февраля 1948 г., с. 39 218—39 220.

мом и служило для прикрытия действительных целей заговорщиков, а именно: держать под своим контролем Маньчжурию, распространить посредством военной силы контроль и господство из Маньчжурии на остальные части Китая и, используя экономические ресурсы всего Китая, готовиться к агрессивным войнам: в северном направлении — против Советского Союза и в южном направлении — против Англии, США и других стран.

В соответствии с этим стратегическим планом японцы спровоцировали на китайской территории у моста Марко Поло в ночь на 8 июля 1937 г. инцидент и использовали его в качестве предлога для агрессивной войны в Китае, продолжавшейся до 2 сентября 1945 г., когда Япония потерпела военное поражение и капитулировала.

В ходе этой войны японские войска захватили и разрушили много городов и сел Китая, убили миллионы китайских жителей. По числу убитых и раненых, по разрушениям война в Китае была одной из самых больших войн в истории.

Как уже указывалось, основной целью Японии в Китае было использование его богатых ресурсов. Японские заговорщики ставили своей задачей объединение экономики Китая с экономикой Японии и Маньчжурии и использование этих огромных объединенных экономических ресурсов в целях осуществления программы агрессивных войн.

Чтобы показать, что принес Японии ее контроль над китайской экономикой, обвинение приводит следующие японские статистические данные. С 1931 по 1945 год импорт соли из Китая в Японию возрос с 1 960 000 иен до 167 501 000 иен, импорт угля увеличился с 3 902 000 иен до 145 430 000 иен и импорт железа возрос с 4 180 000 иен до 95 930 000 иен [1].

Убедительные данные о целях агрессии Японии в Китае!

Чтобы раскрыть *третий этап заговора*, обвинение показывает, как Япония вела внутреннюю и внешнюю подготовку агрессивной войны в Азии и на Тихом океане. В речи указывается, что принятый пятью министрами кабинета Хирота 7 августа 1936 г. план «ясно предполагал войну, как единственно возможный метод действий и предусматривал подготовку к такой войне. Согласно выработанной политике, заговорщики разработали программу подготовки Японии к войне в мельчайших деталях» [2].

Они ускоренными темпами вели экономическую подготовку, мобилизовывали все экономические ресурсы страны на нужды войны, увеличивали объемы военной промышленности, проводили военную и военно-морскую подготовку, вырабатывали стратегические и тактические планы войны, осуществляли психологическую под-

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 12 февраля 1948 г., с. 39 308.

[2] Там же, с. 39 327.

готовку нации к войне, мобилизовывали весь японский народ на войну.

Одновременно японские заговорщики вступили в союз с заговорщиками европейских фашистских государств — Германии и Италии. Они заключили «антикоминтерновский пакт», а 27 сентября 1940 г. подписали пакт трех держав с целью создания нового порядка: в Европе под руководством фашистской Германии, а в Восточной Азии под руководством империалистической Японии. Между германскими и японскими заговорщиками была достигнута договоренность о том, что когда Германия нападет на Советский Союз (это в нарушение германо-советского договора о ненападении), то Япония вступит в войну на стороне Германии (это в нарушение японо-советского договора о нейтралитете), а когда Япония нападет на Соединенные Штаты Америки, то Германия немедленно присоединится к Японии.

Итальянский заговорщик Муссолини в свою очередь дал обещание, что в случае нападения Германии на Советский Союз, Италия немедленно объявит войну СССР, а в случае нападения Японии на Соединенные Штаты Америки, Италия немедленно объявит войну США.

7 декабря 1941 г. Япония, напав на Соединенные Штаты Америки, полностью выполнила условия тройственного союза в смысле подготовки к войне. Ее союзники восхищались верностью Японии обязательствам союза. 11 декабря 1941 г. Япония, Германия и Италия подписали договор о незаключении сепаратного мира для того, чтобы довести войну с Соединенными Штатами и Великобританией до победного конца. 18 января 1942 г. они подписали также военное соглашение, определившее район операций вооруженных сил каждой из этих стран, в которых они должны были действовать. Они должны были поддерживать контакт относительно планов операций и взаимодействовать в экономической и психологической войне [1].

Так, японские заговорщики сообща с Гитлером и Муссолини готовили агрессивную войну в Азии и на Тихом океане.

Четвертый этап заговора составляет агрессию против западных держав.

В начале этой части заключительной речи обвинения говорится, что экспансионистские планы Японии не остановились на границах Китая. Заговорщические планы предусматривали не только господство на территории Китая, но также господство на остальной части Восточной Азии и в юго-западных районах Тихого океана. Однако, чтобы полностью осуществить эту грандиозную цель, следовало преодолеть некоторые прочные препятствия. Это были двойные препятствия. С одной стороны, что касается экспан-

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 12 февраля 1948 г., с. 39 517.

сии в собственно Китай и в районы к югу от Китая, то таким препятствием являлись западные державы, в частности, Великобритания, Соединенные Штаты Америки, Франция и Голландия. С другой стороны, что касается экспансии в собственно Китай и в районы к северу от Китая, то таким препятствием являлся Советский Союз. Оба эти препятствия нужно было преодолеть [1].

Первым актом агрессии Японии против западных держав было ее вторжение в июне 1941 года на территорию Французского Индокитая (ныне территория Вьетнама, Камбоджи и Лаоса). И это не случайно. Французский Индокитай, как можно видеть на карте, занимал исключительно важное стратегическое положение. Его северная граница является южной границей Китая и она соединяет эту территорию с Таиландом и Бирмой, создавая, таким образом, коммуникационную линию, соединяющую ее с Бейпином, Ханькоу, Кантоном и Бангкоком. В стратегическом отношении Французский Индокитай являлся весьма удобной базой для военных операций против Малайи, Сингапура, Голландской Восточной Индии (современной Индонезии) и Филиппин. Кроме того, Индокитай богат естественными ресурсами, необходимыми для ведения войны.

Оккупировав территорию Французского Индокитая, японские войска в январе 1942 года высадились в Голландской Индии, располагавшей богатыми месторождениями полезных ископаемых, в том числе нефтью, оловом, никелем, свинцом, медью и другими, в которых особенно нуждалась воюющая Япония.

В начале 1941 года японские заговорщики твердо решили приступить к осуществлению своей программы установления господства в Азии и на Тихом океане и с этой целью уничтожить мешавшие этому препятствия, создаваемые Великобританией и Соединенными Штатами Америки. С тактической точки зрения они решили проводить двойственную политику: с одной стороны, продолжать переговоры с Великобританией и США по проблемам Азии и Тихого океана, с другой стороны, активно готовиться к войне с этими государствами.

В ходе переговоров японская сторона выдвигала претензии на руководящую роль в Азии, на установление своего господства в этом регионе, которые не могли удовлетворить США и Англия, и поэтому переговоры не приносили положительных результатов.

2 июля 1941 г., как уже указывалось ранее, премьер-министр Коноэ, министр иностранных дел Мацуока, военный министр Тодзио, морской министр Оикава, министр финансов Кавада и другие министры и руководители иных ведомств провели совещание в присутствии императора Хирохито, на котором были приняты важные и далеко идущие решения, включая решения о войне с Великобританией и США и о позиции в отношении СССР. В них

[1] Стенограмма Токийского процесса от 12 февраля 1948 г., с. 39 518.

указывалось, что независимо от каких-либо изменений в международной обстановке, Япония будет стремиться к созданию сферы сопроцветания Великой Восточной Азии, продолжать китайский инцидент и продвигаться на юг с целью обеспечения своего существования и обороны. Через южные районы будет оказано на правительство Чан Кайши дальнейшее давление и в соответствующее время Япония осуществит свои права в войне против Китая. Япония будет продолжать переговоры с соответствующими странами на юге и принимать другие меры. Япония осуществит намеченные ею планы против Французского Индокитая и Таи. Япония не колеблясь с этой целью пойдет на войну с Великобританией и США.

Пока тройственный пакт определяет отношение Японии к советско-германской войне, она не будет вмешиваться в нее, а будет продолжать вооружаться и вести переговоры, прибегнув к оружию лишь в том случае, если ход войны повернется для Японии в благоприятную сторону. Все эти меры должны проводиться в жизнь с таким расчетом, чтобы Япония без трудностей могла проводить основную линию в отношении войны с Великобританией и США [1].

Принятые решения выражали суть заговора японских милитаристов против мира, они заключали в себе величайшую трагедию для человечества.

Как уже отмечалось, 7 декабря 1941 г. японские заговорщики реализовали одно из своих решений — начали войну против США и Великобритании в районе Тихого океана.

В заключительной речи обвинения подвергаются обстоятельной критике утверждения защиты, что США и Англия знали о намерении Японии начать войну против них и что Япония была вынуждена воевать с ними и другими державами в порядке самообороны и самосохранения.

В речи указывается, что если США и Англия через свои разведывательные службы и знали о готовящемся против них нападении со стороны Японии, то это никак не может служить оправданием против обвинений в развязывании и ведении агрессивной войны, в убийствах и в заговорах с целью совершения этих преступлений. Никогда ни в одной цивилизованной стране, начиная с древних времен, подобная осведомленность жертвы о том, что она будет убита, не является оправданием при обвинении в убийстве. Следовательно, это не может служить оправданием в преступлении, которым считается агрессивная война, являющаяся квинтэссенцией всех перечисленных выше преступлений, совершенных преднамеренно и со злым умыслом, в преступлении огромного масштаба и в самой его ужасной и опасной форме [2].

Перейдя к критике утверждения защиты о самообороне, обви-

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 12—16 февраля 1948 г., с. 39 622.

[2] Там же, с. 39 699—39 701.

нение заявило: «Чтобы поддержать эту наглую концепцию, которая отнюдь не является новой и неотделима от общего направления довоенной пропаганды, которая проводилась японскими военными лидерами, в том числе и этими подсудимыми, защита выдвинула четыре положения.

Во-первых, Соединенные Штаты, Англия и другие державы принимали определенные экономические меры против Японии с тем, чтобы изолировать ее экономически.

Во-вторых, военные круги западных держав планировали войну против Японии. В-третьих, Соединенные Штаты создали военную угрозу для Японии. В-четвертых, Соединенные Штаты вмешивались в японо-китайский конфликт в таких масштабах, которые были беспрецедентными среди невоюющих держав» [1].

Против этих «положений» обвинение высказало подробные возражения, суть которых сводится к следующему.

1. Соединенные Штаты Америки, Англия и Голландия принимали некоторые экономические меры в отношении Японии, в частности, США денонсировали торговый договор 1911 года и наложили эмбарго на ряд товаров и материалов, которые могли быть использованы для ведения войны; эти страны предприняли также меры по замораживанию японских фондов. Но все эти ограничительные меры были приняты лишь после того, как Япония в нарушение международных договоров развязала агрессивную войну в Китае и была осуждена Лигой Наций, ввела свои войска в южную часть Французского Индокитая и стала серьезно угрожать правам и интересам США и их союзникам; как Япония вступила в преступный заговор с гитлеровской Германией и фашистской Италией с целью установления мирового господства.

2. Планирование военными штабами западных держав войны против Японии на ранней стадии, когда война рассматривалась весьма отдаленной, это обычная функция военных. Планирование же войны против Японии на более поздней стадии исходило из возможности вооруженного конфликта с Японией и предусматривало стратегические меры, которые должны быть приняты в подобном развитии обстановки. Однако союзные державы не имели намерения начинать войну против Японии, если бы она не напала на них первой.

3. Соединенные Штаты Америки перевели свой тихоокеанский флот из баз в Калифорнии к Гавайским островам, являющимся американской территорией, и надеялись этим обуздать японский разбой и пиратство, удержать Японию от дальнейшего расширения своей агрессии. Но это вовсе не означало, что Соединенные Штаты Америки намеревались вступить в войну с Японией.

4. Соединенные Штаты Америки оказывали Китаю экономиче-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 12—16 февраля 1948 г., с. 39 703.

скую помощь в виде поставок военных материалов в масштабах, соответствующих масштабам войны в Китае, в которой участвовали с обеих сторон миллионы солдат и имели место величайшие сражения, вошедшие в историю. Помощь США не являлась вмешательством во внутренние дела Японии. Они придерживались своих обязательств уважать независимость и территориальную целостность Китая. Оказывая помощь Китаю, США выражали свое полное согласие с бесспорным выводом Лиги наций о том, что Япония, нарушив договоры, стала агрессором, и с законной рекомендацией Лиги наций о том, чтобы ее члены воздерживались от любых действий, которые могли бы ослабить сопротивление Китая, и чтобы каждая держава в отдельности оказывала бы по мере возможности помощь Китаю.

Подводя итог высказанным возражениям, обвинение в своей заключительной речи указывает, что ссылка подсудимых на самооборону — это абсурдность, которая усиливается лишь наглостью и дерзостью, с какой они это делают. Это напоминает избитую уловку убийцы, который, спасаясь от погони, убивает одного из преследователей и потом утверждает, что это второе убийство совершено при самоообороне. Подобный довод никогда и нигде не признавался ни одной правовой системой. Подобный довод противоречит всем законам и он не должен признаваться здесь.

Более того, ссылка на самооборону является нечестной. Громадные масштабы планов Японии и громадные размеры районов, которые были ими охвачены, со всей очевидностью свидетельствуют, что действия Японии не являлись мерами самообороны. Нелепо утверждать, что для обеспечения обороны, будь то военная, политическая или экономическая, Японии необходимо было установить свое господство над всей Восточной Азией и всем Тихим океаном. Концепция самообороны была лишь предлогом, который использовался заговорщиками для того, чтобы завуалировать и в то же время реализовать свои агрессивные планы [1].

Необходимо отметить, что японскими заговорщиками был разработан подробный план создания сферы сопроцветания Великой Восточной Азии. Такой план был подготовлен Институтом тотальной войны в январе 1942 года. В нем указывалось, что государства, их подданные и ресурсы, находящиеся в Центральной Азии и на Тихом и Индийском океанах, будут превращены в автономную зону во главе с Японией. Ближайшая задача заключалась в том, чтобы создать внутреннюю сферу, необходимую для обеспечения обороны Японии. В ее состав должны были войти Япония, Маньчжоу-го, Северный Китай, район, прилегающий к нижнему течению р. Янцзы, и советская Приморская область. Следующая задача — создать малую сферу сопроцветания, в состав которой долж-

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 17 февраля 1948 г., с. 39 704—39 711.

ны были войти внутренняя сфера, Восточная Сибирь, Китай, Индокитай и районы южных морей. Третья задача заключалась в создании большой сферы сопроцветания, в состав которой должны были войти малая сфера плюс Австралия, Индия и острова Тихого океана. Создание большой сферы предполагало не только Тихоокеанскую войну, но и другую, бóльшую войну в будущем.

Вот какие грандиозные планы захвата чужих территорий строили японские агрессоры-заговорщики под предлогом «самообороны и самосохранения» Японии.

Пятый этап заговора касается агрессии против Советского Союза. На этом этапе заговора остановимся более подробно. Данную часть заключительной речи обвинения произносил советский обвинитель А. Н. Васильев 17 и 18 февраля 1948 г.

Обвинитель отметил, что империалистическая Япония вместе с гитлеровской Германией и фашистской Италией развязали в заговоре между собой вторую мировую войну и поставили человечество и его цивилизацию на край гибели. Он подчеркнул, что «Советский Союз принял на себя главный удар агрессоров и сыграл решающую роль в их разгроме, в спасении человечества от фашистского варварства».

А. Н. Васильев обратил внимание судей на то, что подсудимые все еще не сложили оружия. Они не только не признали себя виновными, пользуясь тем, что их преступная деятельность в прошлом тщательно конспирировалась, а агрессивная политика маскировалась официальной ложью о борьбе Японии за мир и т. п., но и продолжают активно защищать свою преступную агрессивную политику, которая принесла неисчислимые бедствия и страдания миллионам людей.

Сделав вывод, что факты и документы нарисовали перед Трибуналом полную картину преступлений, совершенных подсудимыми по отношению к свободолюбивым народам государств, представленных в этом Трибунале, советский обвинитель сказал: «Я, как представитель от СССР, поддерживаю обвинение в полном объеме Обвинительного акта».

После такого вступления обвинитель от СССР приступил к обоснованию обвинения по части обвинительного акта об агрессии Японии против Советского Союза по следующему плану:

Конкретное содержание обвинения.

1. Этапы японской агрессии.

2. Агрессивные устремления Японии против СССР и пропаганда агрессивной войны.

3. Планирование и подготовка Японией агрессивной войны против СССР в период с 1928 года и до нападения Германии на СССР (1941 г.). Захват Маньчжурии и превращение ее и Кореи в военный плацдарм для войны против СССР:

а) планы войны против СССР в период 1928—1931 гг. Захват Маньчжурии для превращения ее в плацдарм для нападения на СССР;

б) планы войны против СССР в период с 1932 до 1941 года;

в) подготовка японских вооруженных сил для войны против СССР;

г) создание военного плацдарма в Маньчжурии;

д) подготовка населения Маньчжурии к войне с СССР;

е) о роли командующего и штаба Квантунской армии;

ж) нарушение Японией Портсмутского договора 1905 года и Пекинской конвенции 1928 года.

4. Диверсионная деятельность японских империалистов против СССР. Систематические нарушения Советской границы:

а) подрывная деятельность первого периода (до захвата Маньчжурии);

б) подрывная деятельность на КВЖД;

в) систематические нарушения советской границы;

г) подрывная деятельность последнего периода (после 1938 года).

5. Необъявленная агрессивная война Японии против СССР в районе озера Хасан (1938 г.).

6. Необъявленная агрессивная война Японии против СССР в районе реки Халхин-Гол (1939 г.).

7. Союз Японии с гитлеровской Германией и фашистской Италией для агрессии против СССР:

а) антикоминтерновский пакт — блок агрессоров против СССР;

б) пакт трех держав — окончательное оформление заговора государств-агрессоров против демократических стран и, в частности, против СССР.

8. Нарушение Японией пакта о нейтралитете и агрессивные действия против Советского Союза после нападения Германии на СССР:

а) подготовка Японией нападения на СССР после заключения пакта о нейтралитете;

б) снабжение Германии данными о хозяйственном, политическом и военном положении СССР;

в) препятствия советскому судоходству на Дальнем Востоке, незаконные задержания и пиратские нападения на советские суда.

9. Заговор (юридический анализ).

Заключение

Советская часть заключительной речи обвинения занимает 239 страниц стенограммы Токийского процесса [1].

Учитывая ограниченный объем настоящей работы, приведем только некоторые места из указанных разделов речи советского обвинителя.

В речи отмечается, что японская агрессия против СССР имеет глубокие корни в прошлом. Агрессивные действия, инкриминируе-

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 17, 18 февраля 1948 г., 39 736—39 975.

мые главным японским военным преступникам, тесно связаны с войной Японии против России в 1904—1905 гг. и с японской интервенцией в Сибири в 1918—1922 гг. Указывается, что агрессивная политика Японии в отношении Советского Союза являлась программой японской правящей клики.

Идеологическая подготовка агрессивной войны велась под завесой широко распространенной идеи создания сферы сопроцветания Великой Восточной Азии, которая включала и Советский Дальний Восток.

В Японии существовал ряд специальных учреждений, так называемых «исследовательских бюро», «институтов» и «обществ», созданных заговорщиками для разработки планов захвата и освоения чужих территорий. Важное место среди них занимало «Общество по изучению государственной политики» («Кокусаку Кенкью Кай»), в которое входили видные политические и военные деятели, в том числе подсудимые Того, Кайя, Муто и Сато. В курсе деятельности этого общества были и другие подсудимые, в частности, Тодзио. В обществе имелся специальный комитет по разработке мероприятий административного управления на территориях, подлежащих захвату.

В октябре 1941 года общество специально занималось изучением вопроса «О посылке вооруженных японских колонистов в оккупированные районы СССР» и планировало использование на низших административных должностях в оккупированных районах Советского Союза белоэмигрантов, состоявших на субсидиях японского правительства.

Советский обвинитель отметил, что в мае 1943 года общество «Кокусаку Кенкью Кай» издало проект десятилетнего плана построения сферы «сопроцветания», в границы которой должны были входить районы восточной части СССР, включая озеро Байкал и Внешнюю Монголию. Западную часть территории Советского Союза японцы «отдавали» немцам.

В этих районах, после их оккупации японскими войсками, «должна быть введена военная администрация», прежние законы объявлены недействительными. Местные жители в принципе не должны участвовать в политике. Им может быть предоставлено минимальное самоуправление. В случае необходимости будет проведено переселение японцев, корейцев, маньчжур. Имея в виду внедрение японской мощи, предлагалось «пользоваться строго реальной силой, не опускаясь до так называемого принципа умеренности».

Таким образом, японские милитаристы планировали захватить значительные территории Советского Союза на Дальнем Востоке и в Сибири и установить на них военно-полицейский режим.

В последующих разделах речи советского обвинителя говорится, что на протяжении всего периода, охваченного Обвинительным актом, правящая клика японских империалистов планировала и подготовляла агрессивную войну против СССР.

В 1928—1931 гг. Генеральный штаб Японии и штаб Квантунской армии, находившейся в ближайшем соприкосновении с границами Советского Союза и являвшейся форпостом японского империализма по отношению к СССР, имели наступательные планы войны против СССР. Эти планы носили зашифрованное название «Оцу» и предусматривали операции Квантунской армии и японской армии в Корее по захвату Советского Приморья с использованием территории Маньчжурии и Кореи в качестве плацдарма.

Захватив в сентябре 1931 года Маньчжурию, японские милитаристы приступили к использованию ее в качестве плацдарма для вторжения на территорию СССР.

Обвинитель от СССР напомнил, что в это время Советское правительство, верное своей мирной политике, дважды предлагало правительству Японии заключить пакт о ненападении, однако Япония каждый раз отклоняла это предложение.

Как показали японские свидетели-военнослужащие, Генеральный штаб Японии, разрабатывая планы нападения на Советский Союз, постоянно увеличивал численность Квантунской армии и обеспечивал ее лучшим вооружением.

С 1932 года Япония осуществила на территории Маньчжурии ряд крупных мероприятий военного характера, превратив ее в мощный военный плацдарм для нападения на СССР. Убедительным доказательством этого являются оставшиеся на территории Маньчжурии, после капитуляции Японии, стратегические железные и шоссейные дороги, которые вели к границам Советского Союза, укрепленные районы, аэродромы, казармы, военные склады.

Советский обвинитель доказательно опроверг утверждения защиты о том, будто военные планы Японии имели оборонительный характер в виду опасения, что СССР нападет на Японию. Была приведена, в частности, выдержка из доклада военного атташе в Москве Касахара (1931 г.), в котором он писал, что «в настоящее время Советский Союз занимает не наступательную, а оборонительную позицию и опасается иностранного вторжения».

Этот и другие секретные японские документы, относящиеся к тридцатым годам, показывают, что у Генерального штаба Японии не было оснований ожидать, и он вовсе не ожидал нападения со стороны Советского Союза, и защита в своем усердии сознательно надумала эту «угрозу» в целях оправдания подсудимых.

В подтверждение того, что Советский Союз проводил миролюбивую внешнюю политику, обвинитель сослался на доклад Того (апрель 1933 г.) о внешней политике Японии, в котором он охарактеризовал позицию СССР как вполне миролюбивую, а также на письмо подсудимого Сиратори к Арите в конце 1935 года, в котором он писал: «Самым желательным для Советской России в на-

стоящее время являются дружественные отношения с иностранными государствами»[1].

Японские милитаристы систематически организовывали против СССР подрывную деятельность, в частности, осуществляли акты саботажа, диверсий и террора на принадлежавшей Советскому Союзу Китайско-Восточной железной дороге в Маньчжурии (КВЖД), чтобы вынудить СССР отказаться от своих прав на железную дорогу. Это было необходимым элементом превращения Маньчжурии в плацдарм для нападения на СССР.

Бывший японский генерал Сэичи, являвшийся в 1933 году начальником разведывательного отдела Квантунской армии, показал: «Начиная с 1933 года, Япония проводила мероприятия по вытеснению из пределов Маньчжурии влияния СССР, в эксплуатации которого оставалась КВЖД. С этой целью оказывалось всяческое давление на КВЖД и ее служащих. Эта работа проводилась, главным образом, харбинской военной миссией, начальником которой был генерал-майор Комацубара, а также представителем КВЖД, управляющим которой в Харбине являлся Усами, и другими органами. Эта кампания проходила под руководством начальника 3-го отдела штаба Квантунской армии Харада»[2].

Японская военщина систематически нарушала границу между так называемым Маньчжоу-го и Советским Союзом.

Как видно из справки Управления пограничных войск МВД СССР о нарушениях границы с 1932 по 1945 год, количество нарушений особенно возрастало в те периоды, когда японское командование считало совсем близким момент вторжения в Советский Союз.

В 1938 году японские империалисты совершили открытое нападение на СССР в районе озера Хасан на стыке границ СССР, Маньчжурии, Кореи с целью оккупации Владивостока. Этот агрессивный акт со стороны Японии был подтвержден многими доказательствами, в том числе показаниями советских свидетелей — участников событий у Хасана.

Доказательства, предъявленные защитой, не смогли ничего изменить или поколебать в обвинении по этому разделу. Большинство доказательств защиты представляло собой недобросовестные и голословные заявления свидетелей, которым самим следовало бы занять место на скамье подсудимых как лицам, ответственным за японскую агрессию на Хасане.

Защита пыталась утверждать, будто инициатива боевых действий принадлежала советской стороне, что Япония была застигнута врасплох и ее усилия направлены на мирное и быстрейшее урегулирование конфликта. Так, выставленный защитой свидетель,

[1] Стенограмма Токийского процесса от 17 февраля 1948 г., с. 39 795—39 796.

[2] Там же, с. 39 816.

один из японских адвокатов на этом процессе Миура использовал в своих показаниях информацию некоего «простого полицейского» Мицуру и некоего «штабного офицера» Корейской армии майора Саита, о которых Миура вообще больше ничего не знал и не мог доказать, что названные им лица вообще существовали в природе. О степени информированности этого мифического майора лучше всего свидетельствуют представленная Миура схема боевых действий у озера Хасан, якобы полученная им от Саита. На этой схеме японский майор умудрился нанести «очаг столкновений» между советскими и японскими частями 11 июля 1938 года, хотя на суде было установлено, что до 29 июля не происходило никаких столкновений в этом районе.

По утверждению защиты военные действия у озера Хасан относятся, якобы, к числу пограничных инцидентов и не являются необъявленной войной.

Обвинитель опроверг эту попытку защиты принизить значение хасанских событий. Он пояснил, что понятие пограничного инцидента включает стихийное возникновение событий небольшого масштаба по инициативе агентов государства на местах без ведома центральных властей. В данном случае с японской стороны непосредственно участвовало, по меньшей мере, пехотная дивизия (19-я дивизия японской армии в Корее), усиленная тяжелой артиллерией и полученным от Квантунской армии пополнением численностью не менее чем в две тыс. активных штыков, а за спиной стояла вся Квантунская армия.

Свидетель Рюкичи показал: «В то время проводилась экстренная мобилизация войск. Если память мне не изменяет, то я думаю, что к концу военных действий общая численность пехоты достигла восьми тысяч человек и общая численность артиллерии — около двух тысяч человек. Другими словами, общая численность войск составляла десять тысяч человек...

Некоторое подкрепление численностью в две тысячи солдат было послано Квантунской армией... Оно находилось под командованием Японской армии в Корее» [1].

По заявлению того же свидетеля японская артиллерия выпустила по советской территории 12 тыс. снарядов.

Защита выдвинула также утверждение о том, что факт прекращения боевых действий у Хасана после дипломатических переговоров и установление впоследствии мирных отношений якобы исключают уголовную ответственность за эти действия виновных в них лиц.

«Это утверждение не состоятельно, — сказал советский обвинитель, — так как для освобождения от ответственности требовалось бы специальное указание на амнистию в каком-либо последующем дипломатическом акте. Такого указания, как известно,

[1] Стенограмма Токийского процесса от 17 февраля 1948 г., с. 39 851.

никогда сделано не было. Кроме того, Хасанские события не являются частным изолированным фактом, а представляют собой звено в общей системе агрессивных действий японских империалистов против СССР и, больше того, звено агрессии империалистических государств против всех демократических стран.

Наконец, если защита хочет считать вопрос об ответственности отпавшим в силу заключенного Японией с Советским Союзом в апреле 1941 года договора о нейтралитете, как бы подводящего черту под прошлыми взаимоотношениями, то такой довод несостоятелен помимо вышеуказанных соображений также и потому, что, как будет показано в дальнейшем, этот договор был заключен Японией с вероломной целью и, следовательно, этот договор не дает никаких — ни юридических, ни моральных оснований ссылаться на него» [1].

В 1939 году, заявил далее советский обвинитель, японские империалисты повторили свое нападение уже в другом месте, в районе Монгольской Народной Республики около реки Халхин-Гол с целью прорваться на советскую территорию, перерезать Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать советский Дальний Восток от европейской части СССР. Японская правящая клика хорошо знала, что существует советско-монгольский протокол о взаимопомощи и, следовательно, военные действия против МНР будут одновременно военными действиями против СССР.

Для того, чтобы придать хотя бы внешне правовое обоснование открытию военных действий, японские милитаристы заявили претензию на участок территории МНР на Восточном берегу реки Халха, образующий выступ между рекой и границей, мотивировав свою претензию тем, что, якобы граница проходит не восточнее реки, а по самой реке Халха.

Между тем эта территория всегда принадлежала Монголии — сперва как провинции Китая, а впоследствии как суверенному государству — и линия границы проходила именно восточнее реки Халха. Со дня образования МНР на этой линии находились посты ее пограничной охраны. До начала событий эта граница МНР с Маньчжурией, проходящая восточнее реки Халха, никем, в том числе и японо-маньчжурской стороной, не оспаривалась.

В подтверждение прохождения указанной линии границы советское обвинение представило соответствующие карты, изготовленные в СССР, Китае, Японии и в других странах, и выставило ряд советских и монгольских свидетелей — участников халхингольских событий.

Защита утверждала, что прохождение границы по реке Халха основано на старых административных границах империи династии Чин и определяется скорее по традиции и описанию границы,

[1] Стенограмма Токийского процесса от 17 февраля 1948 г., с. 39 853—39 854.

содержавшимся в древних рукописях, а не по точным картам или пограничным знакам. Однако защитники не смогли представить ни одной такой «древней рукописи» или исторической карты.

Следовательно, японо-маньчжурские войска сознательно нарушили твердо установленную и сыздавна охраняемую монгольскими пограничниками линию государственной границы МНР.

В речи советского обвинителя также отмечалось, что нападение у Халхин-Гола было тщательно подготовлено Квантунской армией. С января 1939 года в этом районе систематически нарушалась граница МНР и одновременно сосредоточивалась крупная группировка регулярных войск из состава японской 23-й дивизии и баргутских кавалерийских полков, в то время, как участок границы в данном районе со стороны МНР охранялся только одной малочисленной пограничной заставой.

О том, как японские войска 11 мая 1939 г. перешли государственную границу МНР в районе Халхин-Гола и напали на монгольский пограничный пост и как в дальнейшем протекали военные действия в этом районе, подробно показали участники боев майор Чогдон и майор Быков.

По вопросу о масштабе халхинголских боевых операций даже свидетели защиты дали показания, характеризующие эти бои как военные действия больших масштабов, а не как «пограничный инцидент», в виде которого защита стремилась представить японскую агрессию на Халхин-Голе.

Обвинитель от СССР обратил внимание на соглашение Молотов — Того, заключенное в 1940 году по поводу Халхинголских событий и приложенную к нему карту, из которых видно, что граница была установлена комиссией по демаркации в точном соответствии с советско-монгольскими утверждениями, что свидетельствует фактически о признании японским правительством своей неправоты.

Советский обвинитель заявил, что совершенные во время агрессивной войны на Халхин-Голе, начатой японскими империалистами, убийства советских и монгольских военнослужащих являются преступными преднамеренными актами, ответственность за которые ложится на главных японских военных преступников в соответствии с п. 51 Обвинительного акта.

Утверждения же свидетелей защиты о том, что не японо-маньчжурские войска напали на монгольских пограничников, а наоборот — абсурдно, так как малочисленная монгольская пограничная застава не в силах была «напасть» на Хайларский японо-маньчжурский пограничный гарнизон, состоявший минимум из 2-х дивизий.

Защита стремится так же, как это она пыталась сделать в отношении необъявленной войны у оз. Хасан, принизить значение событий у Халхин-Гола и свести их до пограничного инцидента. Но эти попытки защиты безуспешны и в данном случае. Об этом

свидетельствует масштаб боевых действий, их длительность, подготовка к ним и активная роль японского правительства.

Обвинитель от СССР отметил, что ответственность японских империалистов за акт агрессии у реки Халхин-Гол, также как и за агрессию у озера Хасан, не может считаться погашенной [1].

Касаясь союза Японии с гитлеровской Германией и фашистской Италией, советский обвинитель подчеркнул, что это был заговор государств-агрессоров против демократических стран, и в первую очередь против СССР.

Защита старалась обыграть договор о ненападении, заключенный Германией и Советским Союзом 23 августа 1939 г.

Обвинитель на основании представленных доказательств показал, что этот договор со стороны Германии являлся вероломным и что об этом знали японские правители. Именно поэтому японское правительство возобновило летом 1939 года переговоры с Германией и Италией, а 27 сентября 1940 г. заключило с ними пакт трех держав.

22 июня 1941 г., т. е. менее чем через год после заключения пакта трех держав, Советский Союз подвергся вероломному нападению со стороны блока агрессоров.

Подводя итог сказанному, советский обвинитель заявил: «Я заключаю, что предъявленное обвинение по этому разделу полностью подтверждено доказательствами и ни в какой степени не поколеблено защитой» [2].

Обвинитель от СССР подробно остановился на нарушениях Японией пакта о нейтралитете и агрессивных действиях против Советского Союза в период после нападения Германии на СССР и используя представленные Трибуналу доказательства, убедительно показал, что Япония после заключения пакта о нейтралитете с Советским Союзом активно готовилась к нападению на него.

Среди предъявленных доказательств он обратил внимание, в частности, на речь начальника штаба Квантунской армии, с которой тот выступил сразу же после заключения пакта о нейтралитете с Советским Союзом в конце апреля 1941 года на секретном совещании командиров соединений. Он охарактеризовал этот договор как «один из дипломатических шагов» с точки зрения усиления «союза трех держав» и призвал «ни в коем случае не допускать ни малейшего ослабления подготовки к военным операциям» против Советского Союза для того, чтобы «получить практический результат от этого договора в будущем» [3].

Вряд ли можно выразиться более ясно и цинично.

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 17 февраля 1948 г., с. 39 854 — 39 875.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 18 февраля 1948 г., с. 39 885.

[3] Там же, с. 39 904.

Советский обвинитель заявил, что основой Японской политики по отношению к Советскому Союзу в период после нападения Германии на СССР, т. е. в наиболее острый период в жизни Советского государства, явилось секретное решение совещания японских государственных деятелей с участием императора 2 июля 1941 г. и привел его содержание.

Ранее мы приводили выдержку из решения этого совещания. Напомним, что японские руководители решили тогда некоторое время не вмешиваться в германо-советскую войну, но принять по собственной инициативе меры, тайно вооружаясь для войны с СССР.

Защита пыталась ослабить значение решения совещания японских государственных деятелей от 2 июля 1941 г., ссылаясь на то, что оно не было проведено в жизнь.

В этой связи обвинитель от СССР сказал: «Нападение Японии не состоялось. Обвинение считает достаточно доказанным, что нападение не состоялось потому, что Японское правительство, активно готовя нападение и приурочивая его к наиболее выгодному моменту, связанному с ожидавшейся благоприятной ситуацией в войне Германии против СССР, не дождалось этого момента, так как войска англо-советско-американской коалиции разгромили гитлеровскую Германию, и победоносная Советская Армия водрузила Знамя Победы над Берлином» [1].

В речи советского обвинителя было сказано, что защита представила ряд документов о том, что японское правительство летом 1945 года предлагало Советскому Союзу принять на себя посредничество в прекращении войны между Японией и США, Великобританией и другими странами. Эти документы состоят из телеграмм из Токио в Москву японскому послу Сато и от последнего в Токио.

Всему миру известно, что японское правительство пыталось прибегнуть к этому посредничеству для того, чтобы избежать безоговорочной капитуляции и спасти свои вооруженные силы в расчете на будущие перспективы.

Поэтому Советский Союз отверг просьбу японского правительства о посредничестве. Верный своему союзническому долгу, СССР по просьбе США и Великобритании 9 августа 1945 г. объявил войну японскому агрессору и этим способствовал скорейшему окончанию второй мировой войны, стоившей человечеству десятков миллионов жизней [2].

В связи с тем, что защита решительно отвергала существование заговора лидеров японской правящей клики против миролюбивых народов мира, советский обвинитель в заключительной речи подробно остановился на вопросах правовой природы заговора и

[1] Стенограмма Токийского процесса от 18 февраля 1948 г., с. 39 929
[2] Т а м ж е, с. 39 936—39 937.

пределах ответственности его участников. Он сказал, в частности: «Советское уголовное право, как и англо-саксонское и французское право, как и право многих других стран, несмотря на некоторые частичные различия, рассматривает заговор как наиболее опасную форму соучастия нескольких или многих лиц, в подготовке и совершении преступлений».

Касаясь милитаристской клики в Японии, обвинитель подчеркнул, что она, «используя свою политическую власть и опираясь на целую систему учреждений и организаций, включая такие организации, как «Ассоциация помощи трону», на такие капиталистические монополии, как Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда и др., объединенные общим названием дзайбацу, являлась центром и вдохновителем разоблаченного впоследствии плана агрессивной войны против демократических стран.

Эта клика была связана общими целями преступной агрессии. Ее руководители и отдельные участники были объединены общим преступным планом агрессивной войны и должны рассматриваться как участники заговора, несущие всю полноту ответственности как за самый факт заговора против мира, так и за все последствия осуществления их заговорческих планов».

В отношении заговора против СССР, обвинитель сказал: «Государственная политика Японии вообще и, в частности, ее агрессивная политика против СССР формировалась и проводилась под руководством лидеров милитаристской клики: Тодзио, Араки, Умэдзу, Итагаки и других. Все подсудимые в период с 1928 по 1945 год играли ведущую роль в правящей клике Японии, будь то на посту премьера или министра, дипломата или военного лидера, идеолога или сановника.

Не возникает сомнения, что подсудимые действовали во всех случаях организованно и сознательно, вполне понимая характер своих действий и отдавая себе отчет в их последствиях.

Они действовали преднамеренно, поставив перед собой цель и настойчиво стремясь к ее достижению. Каждый факт, приведенный нами в доказательство японской агрессии против СССР, свидетельствует о том, что все мероприятия заговорщиков были заранее запланированы, тщательно разработаны и последовательно осуществлены.

Все это бесспорно доказывает, что подсудимые, совершая свои преступления, состояли в преступном заговоре, одной из важнейших целей которого была агрессия против Советского Союза» [1].

В заключение А. Н. Васильев заявил: «Выступая в этом Трибунале от имени Союза Советских Социалистических Республик, я считаю полностью доказанными все обвинения, предъявленные

[1] Стенограмма Токийского процесса от 18 февраля 1948 г., с. 39 953—39 961.

подсудимым, как в отношении агрессии против СССР, так и по другим разделам обвинительного акта.

Обвинение считает доказанной вину всех подсудимых в подготовке и развязывании агрессивных войн, в заговоре против мира, в нарушении законов и обычаев войны, в тягчайших злодеяниях против человечности» [1].

Затем советский обвинитель обратил внимание Трибунала на то, что особо активную роль в подготовке и осуществлении агрессии против СССР играли и, следовательно, должны нести за это наибольшую ответственность следующие подсудимые:

1. *Тодзио* — по праву считался лидером японской милитаристской клики. Будучи начальником штаба Квантунской армии, заместителем военного министра, военным министром и премьер-министром, являлся виднейшим творцом и проводником агрессивной политики против СССР, вынашивал мысль о захвате Японией советской территории до озера Байкал и делал все от него зависящее для того, чтобы подготовить и осуществить этот преступный замысел.

2. *Умэдзу* — являлся виднейшим представителем наиболее реакционной части японской военщины, сторонником тесного военноагрессивного союза Японии с Германией и Италией. Возглавлял Квантунскую армию, а затем Генеральный штаб, непосредственно руководил разработкой наступательных планов и других военных приготовлений к агрессивной войне против СССР.

3. *Араки* — был идеологом крайних экспансионистских кругов японской военщины на протяжении всей своей политической деятельности. Занимал посты военного министра и министра просвещения. В период японской интервенции в 1918—1922 гг. активно участвовал в захвате Советского Дальнего Востока. В последующие годы участвовал в подготовке агрессивной войны против СССР.

4. *Итагаки* — будучи начальником штаба Квантунской армии и затем военным министром, являлся вдохновителем и организатором необъявленных агрессивных войн против СССР в районе озера Хасан и реки Халхин-Гол и ярым сторонником военно-политического союза Японии с гитлеровской Германией и фашистской Италией, направленного в первую очередь против СССР.

5. *Хиранума* — занимая посты председателя Тайного совета, министра внутренних дел, премьер-министра, был теснейшим образом связан с милитаристскими кругами Японии и принимал активное участие в проведении агрессивной политики против Советского Союза и создании против него блока государств-агрессоров.

6. *Минами* — являясь командующим Квантунской армией и военным министром, активно участвовал в захвате Маньчжурии и создании военного плацдарма для нападения на СССР. Возглавлял

[1] Стенограмма Токийского процесса от 18 февраля 1948 г., с. 39 962.

«Политическую ассоциацию великой Японии» и играл важную роль в создании так называемой «Сферы сопроцветания Великой Восточной Азии», в попытке превратить советский Дальний Восток и Сибирь в японскую колонию.

7. *Сигэмицу* — бывший посол в Москве и министр иностранных дел Японии, способствовал развязыванию необъявленной войны в районе озера Хасан, являлся ярым сторонником пакта трех держав, направленного в первую очередь против СССР.

8. *Хирота* — один из наиболее видных лидеров японской правящей клики. Свою преступную деятельность против Советского Союза особенно проявил в период своего пребывания на посту посла в Москве и затем в качестве премьера и министра иностранных дел Японии. Играл видную роль в заключении «антикоминтерновского пакта», в создании блока агрессоров против демократических государств и, в первую очередь, против СССР.

9. *Осима* — бывший посол Японии в Берлине, один из виднейших участников заговора, приложивший много усилий к заключению «антикоминтерновского пакта» и пакта трех держав. Будучи в курсе планов нападения гитлеровской Германии на Советский Союз в 1941 году, всячески поддерживал эти планы и активно добивался у своего правительства ускорения нападения Японии на СССР.

10. *Хасимото* — являлся одним из главных идеологов агрессии, постоянно выступал как последовательный и злостный враг Советского Союза, призывал «включить» Советский Дальний Восток в «Сферу сопроцветания Великой Восточной Азии». Ему принадлежит роль главного пропагандиста человеконенавистнической расовой «теории», призванной обосновать захват чужих территорий и истребление народов.

11. *Того* — действуя на дипломатическом поприще в качестве министра иностранных дел Японии, осуществлял резко враждебную деятельность по отношению к СССР, являлся активным членом общества «Кокусаку Кенкью Кай», разрабатывавшего планы агрессии против Советского Союза.

Такова в общих чертах преступная деятельность группы подсудимых, являющихся основными виновниками агрессии против Советского Союза.

Советский обвинитель в конце своей речи сказал:

«Миллионы погибших на полях сражений и замученных в фашистских застенках; миллионы женщин, детей и стариков, истребленных в мирных городах и селах, подвергшихся захвату; многомиллиардные убытки, понесенные народами всего мира в результате огромных разрушений, вызванных агрессивной войной; гибель колоссальных культурных и исторических ценностей, варварски уничтоженных — таков счет, предъявляемый человечеством к гитлеровской Германии и империалистической Японии.

Суд народов уже вынес свой приговор главным немецким военным преступникам.

Теперь весь мир ждет Вашего справедливого приговора главным японским военным преступникам, ответственным за море невинно пролитой человеческой крови, за миллионы и миллионы жертв варварской агрессии японских милитаристов.

Ваш приговор должен послужить грозным предупреждением для каждого, кто задумает разжечь пожар новой войны» [1].

Этим предупреждением советский обвинитель закончил свою речь.

Затем зачитывался третий раздел заключительной речи обвинения — Преступления против законов и обычаев ведения войны и преступления против человечности. Эти преступления инкриминированы подсудимым в пп. 53, 54 и 55 Обвинительного заключения.

В целях избежания повторения подробностей, касающихся убийств и разного рода зверств, совершенных японцами в открытом море и в районах, оккупированных ими, обвинением были подготовлены краткие своды доказательств по различным фазам и представлены Трибуналу в виде приложения «А» и «В». Эти приложения не зачитывались в суде.

Приложение «А» касается обращения с военнопленными. В нем излагаются доказательства о зверствах японцев в Китае в период 1937—1945 гг. по следующим разделам: 1) массовая резня и убийства; 2) пытки; 3) изнасилования; 4) грабежи и бессмысленное уничтожение имущества [2].

Приложение «В» состоит из семи частей.

В первой части дается свод доказательств, относящихся к обращению с военнопленными, гражданскими интернированными лицами и населением в оккупированных странах, кроме Филиппин, за период с декабря 1941 по сентябрь 1945 года.

Во второй части приводится свод доказательств, относящихся к обращению с военнопленными, гражданскими интернированными лицами и населением на Филиппинах за период с декабря 1941 по сентябрь 1945 года.

Третья часть состоит из свода доказательств, относящихся к обращению с военнопленными и гражданскими интернированными лицами во время перевозки по морю в период с 7 декабря 1941 г. до конца войны.

Четвертая часть содержит свод доказательств, касающихся зверств на море, и протесты по поводу этих зверств в период войны на Тихом океане.

Пятая часть состоит из свода документальных доказательств, касающихся заверений Японии в отношении применения Женевских конвенций 1929 года о военнопленных.

В шестой части дается свод документальных доказательств, ка-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 18 февраля 1948 г., с. 39 975.
[2] См.: Стенограмма Токийского процесса от 19 февраля 1948 г., с. 40 115—40 167.

сающихся сведений, полученных японским правительством об обращении с военнопленными и гражданскими интернированными лицами.

В седьмой части приводится соотношение числа умерших или убитых военнопленных к числу захваченных [1].

В приложении «А» отмечается, что зверства, совершенные японскими войсками против граждан Китайской республики, являются типичными для поведения японских войск в Китае. Случаи резни и убийств, пыток, насилий, грабежа и беспорядочного уничтожения собственности имели место почти в каждой провинции оккупированной части Китая, начиная с 1937 года и до конца войны. Доказательства подтверждают, что такой метод ведения войны одобрялся и санкционировался не только командирами японских войск в Китае, но и верховным командованием и японским правительством в Токио.

В документах, составляющих *приложение «В»*, приводятся многочисленные доказательства того, как японские захватчики и оккупанты в нарушение международных договоров и конвенций совершали военные преступления и преступления против человечности, убивали, подвергали зверствам, истязаниям, пыткам, насилиям, издевательствам и надругательствам миллионы военнопленных, интернированных лиц и мирных граждан на суше и на море, во время перевозок, в лагерях, тюрьмах, госпиталях, на стройках и на маршах, как они грабили и уничтожали имущество государственных и общественных организаций и граждан в Сингапуре, Гонконге, на Филиппинах, в Голландской Индии, во Французском Индокитае, в Бирме, Малайе, Таиланде, Новой Гвинее и в других районах Азии, Тихого и Индийского океанов, где они вели войну за установление своего господства.

Из массы приведенных доказательств о зверствах японцев сошлемся здесь лишь на два.

1. Из дневника унтер-офицера Ямагучи Йосими, прикомандированного к 10-му танковому полку, действовавшему на Филиппинах: «Нам приказано убивать всех мужчин, которых нам только удастся найти. Отныне истребление этих бандитов будет поистине интересным зрелищем.

Наша цель — убить или ранить всех мужчин, а также собирать сведения. Женщин, пытающихся бежать, следует убивать. Одним словом, наша цель — истребление людей».

2. Из дневника японского солдата, в котором он описывает казнь захваченных ими местных жителей: «...Через некоторое время один за другим солдаты отряда стали закалывать партизан. Первого заколол Юкимацу, моя очередь была второй. В тот момент, когда я колол партизана штыком, он вскричал «ах» и упал в

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 19 февраля 1948 г., с. 40 168—40 537.

11 Заказ № 2

яму. Он страдал, но я не чувствовал никакого к нему сострадания... Заколов всех, мы зарыли их и сверху положили кокосовые листья. В десять часов вечера мы с военной песней вернулись в свою часть» [1].

Вот как расправлялись японские захватчики с населением оккупированных ими территорий.

В *седьмой части* приложения «В» приводится соотношение умерших или убитых военнопленных к общему числу захваченных по странам союзников. Вот эти данные:

1. Австралийцы — 7412/21726.
2. Канадцы — 273/1691.
3. Военнопленные Великобритании — 12433/50016.
4. Новозеландцы — 31/121.
5. Американцы — 7107/21580.
6. Голландцы — 8500/37000.

Здесь же приведем подобные сравнения между числом военнопленных союзных держав, захваченных немцами и итальянцами, с общим числом военнопленных англичан и американцев.

Военнопленные Великобритании — 7310/142319.

Американцы — 2038/93154 [2].

В речи обвинения подчеркивается, что жестокое обращение с военнопленными являлось политикой японского правительства и что оно не реагировало должным образом на протесты союзных держав по поводу убийств и зверств, совершаемых японцами в отношении военнопленных и мирных граждан.

Командование вооруженными силами Японии, зная о военных преступлениях, совершенных японскими военнослужащими, в конце войны принимало меры к тому, чтобы виновные покинули места своих преступлений и уничтожили документы, относящиеся к этим преступлениям. В качестве примера приведем Извещение начальнику штаба Формозской армии от начальника лагерей для военнопленных в Токио от 20 августа 1945 г. Вот его текст:

«Всему личному составу, который плохо обращался с военнопленными и интернированными лицами, разрешается немедленно покинуть места своей службы. Кроме того, все документы, которые могут быть использованы противником против нас, должны рассматриваться как секретные, и их надлежит уничтожить вместе с ними» [3].

Это извещение было адресовано Корейской, Формозской, Квантунской армиям, армии в Северном Китае и в Гонконге. Копии направлялись начальникам лагерей для военнопленных в

[1] Стенограмма Токийского процесса от 19 февраля 1948 г., с. 40 424-40 426.

[2] Там же, с. 40 537.

[3] Там же, с. 40 536.

Корее, на Формозе, в Мукдене, на Борнео, в Северном Китае, в Гонконге, в Таи, на Малайе и Яве.

Как видно из этого документа, японские военные преступники действовали решительно и безжалостно, чтобы замести следы своих преступлений и уйти от ответственности за них.

Последним зачитывался четвертый раздел заключительной речи обвинения — Персональная ответственность подсудимых.

Во вступительной части этого раздела говорится, что если не знать фактов и бегло прочитать личные дела отдельных подсудимых, то на мгновение можно прийти к мнению, что подсудимые представляют собой беспорядочно подобранную группу лиц, и что между ними не было никакого единства, которое оправдывало бы вывод о том, что они совершили общее преступление, или оправдывало бы общий процесс над ними. Подсудимые, казалось бы, разделяются на несколько категорий, некоторые из которых совершенно очевидно тесно связаны друг с другом, а некоторые, как кажется, не имеют отношения к другим. Несколько подсудимых были премьер-министрами Японии, многие в разные периоды времени занимали посты в кабинете министров. Некоторые были в правительстве лишь подчиненными лицами и никогда в течение периода, охватываемого обвинительным заключением, не поднимались до поста министра. Некоторые из подсудимых — бывшие офицеры действующих армий; другие — дипломаты. Некоторые были пропагандистами. Один занимал необычный пост личного советника императора в самый критический период.

Однако после некоторого изучения служебной карьеры этих людей первоначальное впечатление быстро рассеивается. Во-первых, становится ясно, что эти несколько категорий не являются взаимно исключающими. Многие подсудимые в один период принадлежали к одной категории, а позднее — к другой. Но что более важно, изучение фактов этого дела раскрывает, что над всеми различиями между разными подсудимыми стоит одно единство, заключающееся в том, что все они занимались разработкой агрессивной политики Японии и поэтому все они несут ответственность за эту политику. Все подсудимые и каждый в отдельности обвиняются в рассматриваемых преступлениях только в силу той ответственности, которую каждый из них несет за свое участие, полное или частичное, в разработке агрессивной политики Японии.

Другими словами, ни один человек не обвиняется в преступлениях против мира или в преступлениях против законов и обычаев войны и против человечности, если он не несет в той или иной форме ответственность за агрессивную политику, проводившуюся Японией и породившую эти преступления [1].

Следовательно, на скамью подсудимых были посажены те, кто

[1] Стенограмма Токийского процесса от 19 февраля 1948 г., с. 40 538—40 539.

участвовал в разработке агрессивной политики Японии и в преступлениях, которые были порождены этой политикой, т. е. в преступлениях против мира, в военных преступлениях и в преступлениях против человечности.

Ранее отмечалось, что в ходе судебного процесса подсудимые и их защитники сознательно старались выгородить императора Хирохито, показать, что он не виновен в развязывании и ведении Японией агрессивных войн и в тех преступлениях, которые явились следствием этих войн.

В данном разделе было сказано, что «согласно конституции Японии, находившейся в силе в течение периода, охватываемого данным процессом, все полномочия правительства находились в руках императора.

Однако сами подсудимые, когда они затрагивали эту проблему, утверждали, что император действовал только по рекомендациям своих советников. Два ведущих подсудимых, Кидо и Тодзио, говоря о деятельности японского правительства, показали, что император был бессилен сопротивляться решениям или советам своих советников» [1].

Вот такие показания дали главные подсудимые, чтобы избавить императора от ответственности перед международным судом за развязанные с его одобрения агрессивные войны.

Вместе с тем на процессе подчеркивалась огромная роль военной организации в определении государственной политики Японии. В этом разделе речи обвинения говорилось, что верховное командование играло громадную роль в формулировании агрессивной политики Японии. Особенно большой властью обладали начальники штабов армии и флота, которые находились под непосредственным началом императора в вопросах формулирования политики национальной обороны, стратегии и использования вооруженных сил. Они не являлись подчиненными военного и военно-морского министров и наряду с ними входили в состав верховного командования.

Верховное командование, действовавшее в своей независимой от правительства сфере и имевшее право участвовать вместе с правительством в решении важных политических вопросов, стало настолько сильной организацией, что, по словам Тодзио, который был одним из самых влиятельных лиц в Японском правительстве и в то же время занимал пост начальника штаба армии, в Японии не существовало ни одного политического органа, который мог бы помешать Верховному командованию ввергнуть народ в войну [2].

После общих вступительных замечаний обвинение приступило к чтению заключительных речей по отдельным подсудимым. В

[1] Стенограмма Токийского процесса от 19 февраля 1948 г., с. 40 551.
[2] Там же, с. 40 558.

этих речах по каждому из 25 подсудимых указываются пункты обвинительного заключения, по которым он обвиняется и излагается его преступная деятельность на всех служебных постах, которые он занимал в период, охватываемый обвинительным заключением. В конце отмечаются те параграфы общей заключительной речи, которые непосредственно касаются подсудимого и которым должно быть уделено особое внимание.

2 марта 1948 г. обвинение закончило чтение своей заключительной речи и в тот же день началось чтение заключительной речи защиты.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ЗАЩИТЫ

Заключительная речь защиты была также построена как единая речь, а ее части зачитывались соответствующими адвокатами, т. е. теми, кто их готовил. Эта речь являлась как бы ответом на заключительную речь обвинения и была написана примерно по такой же схеме. Она читалась в Трибунале со 2 марта по 15 апреля 1948 г., заняв 31 день заседаний и 6033 страницы стенограммы судебного процесса [1].

Вступительную часть речи зачитал главный японский защитник доктор права Удзава. Она состояла из следующих разделов: I. Мировой кризис и беспорядки на Дальнем Востоке; II. Правосудие и ответственность; III. Мир и вантаоизм.

В этих разделах японский адвокат пытался обосновать такие положения: 1) с первых дней истории существовала война. Она является реальностью и принадлежит к самым серьезным и опасным явлениям человеческого общества. До сих пор в международном праве или в международных взаимоотношениях еще не было найдено эффективных средств уничтожения войны; 2) нет установленного международным правом определения агрессивной войны; 3) японцы — миролюбивая нация. Милитаризм не является прирожденным свойством нации; 4) современный мир полон беспорядка; 5) большие и малые страны противостоят друг другу в борьбе за свою независимость и существование; 6) на судебном процессе должны нести ответственность как страны побежденные, так и страны-победительницы, поскольку они тоже совершают убийства и причиняют разрушения; 7) не является эффективным способ прекращения войн путем наложения наказаний посредством новых законов на тех людей, которые были участниками неизбежной войны или военных действий в качестве ответственных деятелей государства или в сфере международных отношений; 8) содержащийся в материалах Трибунала принцип «Хакко Ити У»

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 2 марта — 15 апреля 1948 г., с. 42 076—48 109.

(«восемь углов под одной крышей») означает лишь распространение мира на всю вселенную, а не территориальные притязания и не установление контроля или правления над кем-нибудь.

В общем, все эти положения, которые выдвинул и стремился обосновать японский защитник в своем вступлении, были направлены на оправдание агрессивных войн, которые вели японские империалисты против других стран и народов в целях установления мирового господства.

В заключение Удзава цинично заявил, что подсудимые являются сторонниками пацифистского учения вантаоизма, похожего на новый тип демократии, что они невиновны, действовали в соответствии с принципом разума и совершенно непостижимо представить, чтобы они участвовали в заговоре для совершения преступлений, инкриминируемых в обвинительном заключении и, более того, чтобы они снова стали участниками агрессивного заговора, если будут освобождены [1].

Выступивший затем японский адвокат Такаянаги сказал, что насколько возможно, защитники будут придерживаться того порядка, в котором главный обвинитель излагал взгляды обвинения и разделят данное изложение их взглядов на следующие восемь разделов:

1. Акт капитуляции и Устав.
2. Заговор.
3. Агрессивная война.
4. Война в нарушение международного права, договоров и т. д.
5. Убийства.
6. Преступления против законов и обычаев войны.
7. Личная ответственность.
8. Новая доктрина международного права, предложенная обвинением [2].

В этих разделах защита вновь стремилась доказать, что настоящий Трибунал не имеет права судить японских государственных деятелей, принявших Акт о капитуляции Японии. По ее мнению, изложенное в Уставе право, на основе которого создан и действует Трибунал, не является признанным международным правом.

«Если какое-либо действие японского правительства являлось незаконным по международному праву или было объявлено незаконным международным договором, который Япония согласилась соблюдать, или если Япония была побеждена в войне, вся нация должна испытывать на себе последствия этого. Она должна в зависимости от обязательств платить репарации или возместить

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 2 марта 1948 г., с. 42 076—42 109.

[2] См.: Стенограмма Токийского процесса от 3, 4 марта 1948 г., с. 42 111—42 283.

ущерб, или должна быть лишена своей территории. В этих случаях политическая ответственность ее руководителей перед нацией за их ошибки в политике была бы действительно серьезной...» Но если такие действия не составляют преступлений по международному праву, «то эти подсудимые должны быть признаны невиновными» [1].

В речи защиты подвергалась критике выдвинутая обвинением «революционная доктрина о том, что планирование, подготовка, развязывание и ведение войны в нарушение международного права и договоров включает не только ответственность данного государства, но и уголовную ответственность отдельных лиц, действующих от имени государства». По ее мнению, о такой ответственности «никогда не мыслил ни один государственный деятель любой страны, когда он вел переговоры по вопросу о международных договорах. Если бы подобное толкование было высказано во время переговоров, то эти договоры никогда не были бы заключены» [2].

Содержащееся в Потсдамской декларации положение: «Суровое правосудие будет осуществлено по отношению к военным преступникам, включая тех лиц, которые совершали зверства по отношению к нашим военнопленным», защита истолковала в том смысле, что оно относится только к военным преступлениям, совершаемым в ходе военных действий личным составом вооруженных сил или другими лицами в нарушение установленных правил ведения войны, включая плохое обращение с военнопленными, но не относится к «преступлениям против мира» — планирование, развязывание и ведение агрессивной войны — и к «преступлениям против человечности» и, следовательно, не относится к государственным деятелям Японии.

При этом защита отвергала наличие общего плана массовых убийств военнопленных и гражданских лиц; вопреки фактам она заявляла, что якобы убийства и жестокости «были спорадическими явлениями и совершались младшими офицерами действующих частей».

По мнению защиты, не существовало заговора против мира и «попытка обвинения путем проведения сравнений из уголовной юриспруденции доказать, что заговор является международно-правовым преступлением, полностью потерпела неудачу» [3].

Она снова повторяла, что каждое государство имеет право на самооборону и только оно может решить вопрос о том, «что составляет ее самооборону» и «что является нападением на нее».

В конце указанных разделов своей речи защита обратилась к Трибуналу с таким призывом:

«Мы призываем Трибунал к тому, чтобы при вынесении своего

[1] Стенограмма Токийского процесса от 3 марта 1948 г., с. 42 113.
[2] Там же, с. 42 205.
[3] Там же, с. 42 247.

исторического решения по данному беспрецедентному уголовному делу он руководствовался только общепринятыми нормами международного права. Нет необходимости напоминать высокому Трибуналу о том, что несправедливое наложение суровых наказаний в соответствии с правовыми положениями ex post facto за преступления, которые неизвестны праву, вызовет лишь озлобление в сердцах грядущих поколений и помешает установлению вечного мира, необходимого для обеспечения дружественных отношений между востоком и западом»[1].

Следующий раздел заключительной речи защиты был посвящен Обвинительному заключению[2]. В нем подвергались критическому анализу все пункты обвинительного заключения и делался вывод, что «пункты, относящиеся к отдельным преступлениям и к заговору, должны отпасть или должны быть ограничены с тем, чтобы только действительно важные и имеющие историческое значение вопросы, требующие разбора на этом важном процессе, могли быть правильно и беспристрастно разрешены согласно справедливости и закону».

И далее защита подробно рассматривала эти важные вопросы: заговор; нарушение международных договоров; Маньчжурия; военнопленные; Советский Союз; Китай; отношения между Японией, Германией и Италией; Япония была спровоцирована на войну за самооборону; японо-американские переговоры 1941 г.[3].

В названных разделах защита подвергла подробной критике доказательства и доводы обвинения, пытаясь показать их необоснованность и неправомерность.

Так, защита по-прежнему утверждала, что доктрина заговора, не являющаяся частью существующего международного права, в случае принятия ее Трибуналом может стать по своему характеру явно доктриной «экс пост факто» и что «данный Трибунал имеет право и полномочия вынести решение о том, что преступления, изложенные в статье 5 Устава, не существуют в международном праве, и что положение права по этому вопросу не является обязательным для Трибунала»[4].

Защита просила Трибунал вынести авторитетное решение по этому вопросу.

При рассмотрении нарушений международных договоров защита проводила мысль, что «в «тотальной» войне прежние правила международного права, относящиеся к проведению вражеских

[1] Стенограмма Токийского процесса от 3 марта 1948 г., с. 42 281—42 282.

[2] См.: там же, с. 42 286—42 351.

[3] Защита зачитывала названные разделы не в логическом порядке, а по мере их подготовки. — См.: Стенограмма Токийского процесса от 3, 4, 5, 8—12, 15 марта 1948 г., с. 42 352—43 263, 43 493—43 738.

[4] Стенограмма Токийского процесса от 4 марта 1948 г., с. 42 400—42 401.

действий, могут стать неприменимыми и нереальными. При этих условиях нельзя избежать пересмотра ранее принятых правил. Даже, может быть, следовало бы продумать эти правила с учетом образования договорного права для того, чтобы предотвратить полное уничтожение правовой системы» [1].

И далее: «Мы должны избегать связывать себя по-рабски с прошлым или пытаться предсказать будущее. Мы применяем право не в том виде, в каком оно существовало во время Гроция, не во времена мирных гаагских конференций (ни даже в дни Лиги наций), и не так как мы хотим и предполагаем, оно будет выглядеть через тысячелетие. Мы применяем его в том виде, в каком оно существует, как было создано по общему согласию в наши дни объединенными нациями, что зафиксировано в актах и взаимных обязательствах». И если действовать так, «мы немедленно избавимся... от утверждения, что эти подсудимые являются преступниками» [2].

Вот как рассуждали защитники и какой они делали вывод. Рассуждая таким образом, защита по сути возражала против применения ранее установленных норм международного права и против применения новых «доктрин» права, в частности, «доктрины» о заговоре.

Излагая раздел о Маньчжурии, защита заявляла, что «японо-китайские инциденты, началом которых явилось событие 18 сентября 1931 года, должны рассматриваться как уже урегулированные между соответствующими державами и что Потсдамскую декларацию не следует рассматривать как охватывающую такие отдаленные по времени события».

Пребывание войск и полиции Японии в Китае она объясняла «японским инстинктом самозащиты» [3].

Говоря о Китае в целом, защита вопреки установленным фактам утверждала, что китайские события, начавшиеся с инцидента у моста Марко Поло 7 июля 1937 года, «когда отряд японских войск, проводивших маневры, ...был подвергнут обстрелу со стороны китайских войск», являются лишь инцидентом. «Китайский инцидент никогда не был агрессивной войной». Со стороны Японии это был «акт самообороны». «Япония никогда не была намерена господствовать в Китае в военном, политическом или финансовом отношении. Подсудимые не нарушали международное право, и их нельзя обвинять в военных преступлениях» [4].

В разделе, посвященном советской фазе, который зачитал американский адвокат Фернес, защита ополчилась против доказа-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 5 марта 1948 г., с. 42 512.
[2] Там же, с. 42 513.
[3] Там же, с. 42 515, 42 549.
[4] Стенограмма Токийского процесса от 9 марта 1948 г., с. 42 854, 42 938.

тельств и выводов обвинения об агрессии Японии против Советского Союза.

«Эта фаза, — заявил Фернес, — резко отличается от всех других фаз в том отношении, что нельзя даже утверждать, что Япония когда-либо или где-либо развязала и вела войну против Союза Советских Социалистических Республик. Она отлична потому, что единственной войной между двумя государствами в период, охватываемый обвинительным заключением, является война, которая была объявлена СССР, «верным своим союзникам, по просьбе США и Великобритании», Японии 9 августа 1945 года, и была начата им, несмотря на существование пакта о нейтралитете и на многочисленные и совершенно ясные последующие заверения о том, что этот пакт будет уважаться» [1].

В заключение своей пространной речи американский защитник сказал:

«Защита заявляет о том, что ни один из пунктов обвинительного заключения, инкриминирующих обвинение в совершении преступлений, направленных против Советского Союза, не подтвержден доказательствами. Пограничные инциденты в районах Чанкуфына и Номонгана, не будучи войнами, не входят в юрисдикцию Трибунала, ограниченную его Уставом. В представленных Трибуналу доказательствах относительно приготовлений Японии к войне не приводится никаких данных о том, что эти действия когда-либо совершались согласно планам правительства, армии или официальных органов или являлись намерением начать агрессивную войну против Советского Союза. Наоборот, доказательства подтверждают тот факт, что Япония действовала всегда, подгоняемая страхом перед мощью Советского Союза, независимо от того, был он хорошо обоснован или нет; характер и масштаб этих военных приготовлений Японии убедительно доказывают, что Япония занимала оборонительные, а не агрессивные позиции. Мы утверждаем, что Япония до самого конца честно выполняла пакт о нейтралитете, заключенный с Советским Союзом, который сейчас не имеет никаких оснований для обвинения государства, его государственных и военных деятелей в планировании и ведении агрессивной войны, учитывая, что в течение долгих лет между этими странами существовали мирные отношения» [2].

В этом заявлении защиты прямо наотмашь отклоняются все доказательства обвинения, как будто их и не было, и все ставится с ног на голову: не Япония совершила агрессию против Советского Союза, а наоборот, Советский Союз угрожал Японии. Но стоит ли удивляться этому? Ведь защита решительно отрицала все пункты обвинительного заключения и считала всех подсудимых ни в чем невиновными.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 8 марта 1948 г., с. 42 697.
[2] Там же, с. 42 849—42 850.

Вернемся к другим разделам заключительной речи защиты.

В разделе речи защиты, касающейся отношений между Японией, Германией и Италией, который зачитал американский защитник Кэнинхем, было заявлено, что «рамки этого судебного следствия были совершенно ненужным образом расширены до рассмотрения деятельности представителей японского государства, которая происходила не в Японии и не на Дальнем Востоке, а в других частях мира». А далее, указав на то, что защита по сравнению с обвинением имела ограниченные возможности в поисках свидетелей и документов, Кэнинхэм сделал прямо-таки ошеломляющее по наглости и самоуверенности заявление. «Однако мы считаем, — заявил он, — что мы выиграли дело даже с теми ограниченными ресурсами, которые были в нашем распоряжении» [1]. Вот так!

В последующем изложении речи американский адвокат ополчился против решения Нюрнбергского трибунала. Он сказал: «Обвинение все время ссылается на соглашение, заключенное четырьмя государствами для суда над преступниками оси. Является ли правильным осуществлением прав этих держав, предусмотренных капитуляцией и оккупацией в Европе? Это вопрос, который не может быть разрешен или даже рассмотрен здесь. Совершенно очевидно, что ученые и авторы работ по юриспруденции во всем мире расходятся во мнениях по поводу разумности действий, приведших к Нюрнбергокому процессу... Не будет слишком поспешным решением сказать, что суд над немецкими руководителями был ошибкой со стороны наших победоносных держав» [2].

Следует заметить, что председатель Уэбб не остановил не в меру ретивого защитника главных немецких и японских военных преступников и не сделал ему замечания. Да и обвинение промолчало, не заявило возражения.

В заключительной части речи по этому разделу защита обратилась к Трибуналу с просьбой вынести решение в отношении ряда фактов и права.

Прежде всего она просила принять решение, что данный процесс ограничивается действиями только подсудимых и не затрагивает других лиц и государств. Она добивалась, чтобы Трибунал начисто отверг п. 5 Обвинительного заключения, в котором утверждалось, что «обвиняемые вместе с различными другими лицами» участвовали в заговоре, целью которого «являлось обеспечение Германией, Италией и Японией военного, морского, политического и экономического господства во всем мире».

Исходя из этого, защита возражала против упоминания в указанном пункте Обвинительного заключения трех государств — Германии, Италии и Японии, которые, по ее мнению, Трибунал не вправе осуждать. Она возражала также против осуж-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 9 марта 1948 г., с. 42 941.
[2] Там же, с. 42 944.

дения «других лиц», имея в виду руководителей Германии и Италии.

Защита просила Трибунал признать, что п. 5 Обвинительного заключения не выражает преступление в том виде, как оно охарактеризовано Уставом и существующим международным правом.

Вместе с тем защитники настаивали на том, чтобы Трибунал вынес решение, что «антикоминтерновский пакт» и пакт трех держав носили оборонительный характер и являлись законными действиями суверенных государств, их подписавших; что между Германией, Японией и Италией не было никакого содружества; что внешняя политика одного государства или группы государств не является предметом судебного разбирательства, проводимого другими государствами [1].

Вот таких решений добивалась защита от Трибунала по разделу «Отношения между Японией, Германией и Италией».

В разделе под названием «Япония была спровоцирована на войну за самооборону» защита предлагала учесть тот факт, что на протяжении многих веков Япония представляла собой миролюбивое государство. Японский народ довольствовался своей собственной цивилизацией, своей сложившейся многовековой высокой культурой, своим преклонением перед добродетелью и традициями, известными с древних времен. Они были удовлетворены настолько, что закрыли свои порты, отгородились от внешнего мира и с радостью довольствовались теми ограниченными ресурсами, которые давали им их источники на островах. Все их несчастья начались с того момента, когда западные державы с их так называемой цивилизацией, включающей длительную историю войн и насильственных завоеваний, открыли двери Японии, принесли к ее берегам торговлю и связали ее с внешним миром...» [2].

Далее защита утверждала, что начиная с тридцатых годов западные державы, и в первую очередь США, принимали активные меры враждебного характера, направленные на экономическое удушение Японии. Экономическая блокада Японии имела такие тяжелые последствия для нее, что она вынуждена была начать войну и «бороться в целях самообороны» [3].

При этом защита заявляла, что Японская экономика не планировалась и не развивалась в целях войны, а подготовка Японии в военном отношении не носила агрессивного характера [4].

В связи с представленными обвинением доказательствами о росте военных расходов по бюджету Японии как на свидетельство подготовки японского военно-морского флота к войне, защита заявила, что обвинение при этом закрывает глаза на рост военных

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 10 марта 1948 г., с. 43 047—43 050.

[2] Там же, с. 43 057—43 058.

[3] Там же, с. 43 112—43 136.

[4] См.: там же, с. 43 057—43 224.

расходов по бюджету в Соединенных Штатах с 358 млн. долларов в 1931 году до 3500 млн. долларов в 1941 году. Увеличение личного состава японского военно-морского флота, о котором говорило обвинение, кажется ничтожным по сравнению с увеличением личного состава флота Соединенных Штатов. В 1940 году, когда эта подготовка якобы достигла своего кульминационного пункта, личный состав военно-морского флота Соединенных Штатов насчитывал 280 086 человек, в то время как флот Японии насчитывал в своем составе 215 273 человека [1].

Имея в виду заявление обвинения относительно стратегических и тактических планов и подготовки флота Японии, защита указала, что «такая подготовка и наличие потенциальных военных планов против предполагаемого противника не является преступлением ни согласно Уставу, ни согласно правилам здравого смысла. Доказательства вскрыли, что Соединенные Штаты Америки имели потенциальные военные планы против Японии и что эти планы были разработаны в мельчайших подробностях».

Отмечалось также, что «более близкие, настоящие соседи Японии — Китай и СССР вооружались в больших масштабах».

В заключение по данному разделу защита заявила:

«Мы считаем, что представленных доказательств совершенно недостаточно для того, чтобы осудить как агрессоров данных подсудимых, которые в силу своего служебного долга обязаны были отстаивать права и само существование их страны» [2].

Большое внимание со стороны защиты было уделено японо-американским переговорам 1941 года. И это понятно: именно эти переговоры предшествовали войне Японии против США и других западных держав. Переговоры проходили в Вашингтоне с 9 апреля по декабрь 1941 года. Хотя они и называются японо-американскими переговорами, но по сути они затрагивали отношения Японии также с Великобританией, Голландией и Францией.

По высказанному защитой мнению, только рассмотрев японо-американские переговоры, «Трибунал найдет ответ на вопрос: «была ли война на Тихом океане актом агрессии со стороны Японии, за которую ее руководители, сидящие сейчас на скамье подсудимых, должны быть наказаны как преступники, вызвавшие эту войну? Или они делали усилия, чтобы предотвратить ее, искренне стремясь к мирному урегулированию вопроса?» [3]. Именно в этом заключалось значение японо-американских переговоров.

Защитники старались доказать, что японские руководители прилагали все усилия к тому, чтобы предотвратить надвигавшуюся

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 10 марта 1948 г., с. 43 192—43 193.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 10 и 11 марта 1948 г., с. 43 217, 43 230, 43 262—43 263.

[3] Стенограмма Токийского процесса от 12 марта 1948 г., с. 43 494.

войну на Тихом океане между Японией и Соединенными Штатами Америки, Великобританией, Голландией, Францией.

Читавший этот раздел речи защиты американский адвокат Блекни сказал: «Если японские чиновники являлись заговорщиками, стремясь ведением неискренних переговоров получить время для военных приготовлений, подготовиться к обороне, то то же самое делали и американские чиновники» [1].

В речи защиты указывается, что на японо-американских переговорах обсуждались следующие основные вопросы:

1. Об отношении обоих государств к войне в Европе.
2. Об отношении обоих государств к китайскому инциденту.
3. О торговле между обоими государствами.
4. О политической стабилизации районов Тихого океана.
5. Об Индокитае [2].

16 апреля государственный секретарь США Хэлл вручил японскому послу Номура документ, в котором были изложены четыре принципа, на которых должны строиться все отношения между нациями: 1. Уважение территориальной целостности и суверенитета всех наций. 2. Поддержка принципа невмешательства во внутренние дела других стран. 3. Поддержка принципа равенства, включая равенство торговых возможностей. 4. Сохранение статус-кво на Тихом океане. Его изменение может быть осуществлено только мирными средствами [3].

8 мая Номура предложил Хэллу «не увлекаться диспутами об абстрактных принципах», а «должным образом обсудить действительное состояние японо-американских отношений и свести до минимума споры о принципах, которые охватывают весь мир» [4].

По мнению защиты, кульминационным пунктом японо-американских переговоров была «нота Хэлла», врученная послу Номура 26 ноября. В этой ноте указывались меры, которые должны быть приняты правительствами Соединенных Штатов и Японии. Главными из них были следующие: 1. Оба правительства будут стремиться заключить многосторонний пакт о ненападении между ними и Британской империей, Китаем, Голландией, Советским Союзом и Таи. 2. Оба правительства будут стремиться заключить между собой и правительствами Великобритании, Китая, Голландии и Таи соглашение об уважении территориальной неприкосновенности Французского Индокитая. 3. Япония отводит все сухопутные, морские, воздушные и полицейские силы из Китая и Индокитая. 4. Оба правительства не будут поддерживать никакое

[1] Стенограмма Токийского процесса от 12 марта 1948 г., с. 43 499.
[2] Стенограмма Токийского процесса от 12 и 15 марта 1948 г., с. 43 508—43 510, 43 621.
[3] Стенограмма Токийского процесса от 12 марта 1948 г., с. 43 541.
[4] Там же, с. 43 543.

правительство в Китае, кроме правительства в Чунцине (это означало непризнание Маньчжоу-го. — *Прим. авт.*) [1].

Японское правительство считало, что это предложение «игнорировало весь ход восьмимесячных переговоров, направленных к достижению взаимопонимания, и являлось требованием сдаться или вести войну, и Соединенные Штаты знали, что оно являлось непреемлемым для Японии» [2].

Конечно, агрессивно настроенная японская руководящая клика не могла пойти на принятие этих мер. В самом деле, японо-американские переговоры проходили в то время, когда гитлеровская Германия вела войну против Советского Союза, а Япония, связанная с Германией «антикоминтерновским пактом» и пактом трех держав, обещала оказывать ей помощь и в подходящий момент вступить в войну на ее стороне. Так что о заключении многостороннего пакта о ненападении, да еще с участием Советского Союза, для японских агрессоров не могло быть и речи.

Они не могли пойти и на заключение соглашения об уважении территориальной неприкосновенности французского Индокитая, поскольку в это время их войска уже находились в северных районах этого региона. А принятие Японией мер, указанных в пп. 3 и 4, означало бы полное крушение ее агрессивно-захватнических планов в отношении Маньчжурии и всего Китая, бессмысленность военных действий японских войск в этой стране в течение нескольких лет.

Как указал в своей речи адвокат Блекни, на совещании по координации действий 27 ноября все его участники, обсудив ноту Хэлла, согласились в том, что должно быть принято решение о вступлении в войну, но одновременно должны быть сделаны усилия к тому, чтобы убедить США пересмотреть свои позиции. Однако, эти усилия ни к чему не привели и «1 декабря было принято решение о вступлении в войну» [3].

Американский защитник пытался убедить Трибунал в том, что Министерство иностранных дел Японии предприняло необходимые шаги для того, чтобы нота, содержащая объявление войны, была вручена в назначенный срок. Однако посольство Японии в Вашингтоне проявило неумышленную халатность: слишком долго расшифровывало и печатало ноту. Поэтому посол Номура вручил эту ноту государственному секретарю США Хэллу с опозданием, уже после того, как Япония начала войну против США. При этом Блекни заметил, что штаб Военно-морского флота США расшифровал указанную ноту к 8 час. 15 мин. утра 7 декабря, т. е. раньше, чем расшифровало ее японское посольство и, следовательно,

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 15 марта 1948 г., с. 43 680—43 681.

[2] Там же, с. 43 682.

[3] Там же, с. 43 699.

президенту Рузвельту было заранее известно, что Япония объявила войну США.

Заканчивая свое выступление, американский защитник Блекни сказал: «Этот Трибунал не может ждать приговора истории, а должен сам сейчас решить — не погрешим ли мы против истины, если скажем, что Америка была вынуждена вступить в войну с Японией» [1].

Вот к такому выводу пришла защита по вопросу о том, какая страна является виновной в развязывании Тихоокеанской войны.

Следует сказать, что защитники, особенно американские, вели себя слишком развязно и допускали оскорбительные выражения в адрес союзных держав и их лидеров. Трибуналу по требованию обвинения приходилось исключать из текста подготовленной речи защиты отдельные выражения и целые абзацы. Председатель Уэбб неоднократно предупреждал защитников, чтобы они избегали оскорблений в отношении союзных держав, представленных в Трибунале. Он также предупреждал их о том, чтобы они в своих речах не использовали документов, которые были отвергнуты Трибуналом или вовсе не представлялись в качестве доказательств.

Так, на заседании 9 марта 1948 г., когда зачитывал речь защиты американский адвокат Лазарус, председатель с раздражением сделал такое замечание: «Мы только теряем время, разбирая эту заключительную речь. Мы не примем во внимание никаких заявлений, не подкрепленных доказательствами» [2].

Во время чтения речи защиты японским адвокатом Кандзаки главный обвинитель выступил с протестом. Он заявил: «Обвинение очень не хочет выступать с возражениями на данной стадии процесса, но поскольку эта часть заключительной речи, касающаяся китайской фазы, содержит такое большое количество заявлений, не подтвержденных доказательствами, представленными по этому вопросу, и не основанных на каких-либо разумных выводах, сделанных из имеющихся доказательств, и поскольку эти заявления представляют собой ничем не вызванные оскорбления по адресу некоторых представленных на этом процессе государств, — я считаю необходимым выразить протест против этого» [3].

Трибунал удовлетворил протест и отложил чтение этого раздела речи, предложив защите переработать его.

Однако Трибунал не во всех случаях пресекал нарушения установленных правил судопроизводства со стороны защиты. Он, например, не удовлетворил возражение обвинения против чтения защитником Фернесом речи, посвященной отношениям Японии с Советским Союзом, поскольку эта речь не была заранее разослана

[1] Стенограмма Токийского процесса от 15 марта 1948 г., с. 43 738.
[2] Стенограмма Токийского процесса от 9 марта 1948 г., с. 42 913.
[3] Стенограмма Токийского процесса от 8 марта 1948 г., с. 42 692—42 693.

обвинителям и членам Трибунала и они не могли заблаговременно с ней ознакомиться.

Председатель обращал внимание защитников на то, что они не имеют права критиковать суд за его решения, а такие попытки с их стороны были.

Так, американский адвокат Блекни всячески старался принизить роль судебного процесса и значение приговора. На заседании Трибунала 12 марта 1948 г. он, с присущей ему надменностью, заявил: «Каковым бы ни был его приговор, Трибунал, выполняя свои обязанности, не делает истории. Он просто судит свыше 20 человек по конкретным обвинениям в якобы совершенных ими преступлениях. Обязанность и цель этого Трибунала состоят в том, чтобы вершить правосудие в соответствии с правом, с тем правом, перед которым все люди равны» [1].

11 марта 1948 г. защита приступила к чтению последнего раздела заключительной речи — о личной ответственности подсудимых. Этот раздел очень большой: чтение его проходило до 15 апреля, он занял 4600 страниц стенограммы процесса [2].

Сначала зачитывалась речь о личной ответственности подсудимого Хата, потом — Доихара, Хиранума, Минами и далее по мере подготовки защитниками речей на своих подзащитных. Последним в этой очереди был подсудимый Умэдзу.

По каждому подсудимому защита пыталась опровергнуть все пункты предъявленного обвинения и заканчивала речь выводом о том, что обвиняемый не виновен.

Для примера сошлемся на речь защиты в отношении Хата. Речь о нем занимает 228 страниц стенограммы [3].

Американский адвокат Лазарус начал свою речь следующими словами: «Хотя обвинение упомянуло имя подсудимого генерала Хата Сюнроку в большей части пунктов Обвинительного заключения, процесс, продолжающийся уже 20 месяцев, показал огромное расхождение между обвинениями, выдвинутыми против этого подсудимого, и доказательствами, представленными обвинением».

Затем защитник подробно анализировал все доказательства, представленные обвинением в отношении Хата, с целью их опровержения и приводил доказательства, предъявленные защитой, чтобы показать, что Хата не виновен.

В заключение своей длинной речи Лазарус сказал: «Мы утверждаем, что Хата был представителем почетной профессии солдата. Он посвятил свою жизнь служению своей стране. Когда наступила война, в подготовке которой он не принимал никакого участия, то он боролся не колеблясь.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 12 марта 1948 г., с. 43 498.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 11—15 марта 1948 г., с. 43 264—43 492, 43 738—48 110.

[3] Там же, с. 43 264—43 492.

Хата не виновен по пунктам, которые инкриминируются ему на данном процессе».

Американский защитник Маттайс закончил свою речь в защиту подсудимого Итагаки таким образным выражением: «Перед тем, как осуждать какого-либо подсудимого по тому или иному пункту, обвинение должно твердо установить вину. Можно сказать, что перед тем, как суд, разбирающий уголовное дело, сможет вынести заключение о виновности, он должен быть убежден в этой виновности в такой же степени, в какой человек, потерявший свою мать, должен быть убежден в том, что она действительно мертва, перед тем как он даст разрешение прибить крышку гроба» [1].

Американский адвокат Фернес, защищавший подсудимого Сигэмицу, в заключение своей речи с учетом дипломатической деятельности своего подзащитного сказал: «Он представлял свою страну в памятном акте, который закончил войну... Он хочет, чтобы его считали японцем, который верил и все еще верит, что благосостояние его страны зависит от совместной работы с западными демократическими государствами, а не против них, и что Япония, Китай и другие государства на Востоке, соседи и братья по крови могли и должны быть равными и друзьями и что должен быть осуществлен мир с Великой страной, которая находится между этими двумя культурами — с Советской Россией. Его патриотизм был мудрым и дальновидным без всякого намека на агрессию.

И поэтому я прошу снять с него все пункты обвинительного заключения. Это все, о чем я могу просить сейчас, так как годы, проведенные им в тюрьме Сугамо, никогда не могут ему быть возвращены» [2].

Перед тем, как приступить к чтению заключительной речи, касающейся подсудимого Осима, его защитник Кэнинхэм обратился к Трибуналу с ходатайством разрешить ему представить в качестве доказательства аффидевит государственного секретаря США, бывшего генерала армии Джорджа К. Маршалла, «исходя из уважения к государственной деятельности автора данного аффидэвита и в знак признания его мудрости и благодарности за то, что он потратил свое драгоценное время на составление документа большой доказательной ценности» [3].

Это действие со стороны защиты представляло собой грубое нарушение Устава Трибунала и общепринятых правил судопроизводства, так как стадия представления доказательств защитой была уже закончена.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 11—15 марта 1948 г., с. 45 350.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 1 апреля 1948 г., с. 46 407.

[3] Стенограмма Токийского процесса от 2 апреля 1948 г., с. 46 409—46 412.

Обвинение заявило протест, указав на то, что такой документ мог быть передан Трибуналу лишь в стадии представления доказательств защитой, но ни в коем случае в конце заключительной речи защиты. Тем не менее Трибунал принял положительное решение: «Большинством голосов Трибунал решил снова открыть фазу представления доказательств с тем, чтобы принять аффидевит Дж. К. Маршалла» [1].

Почему защита так настойчиво добивалась представления Трибуналу этого документа в качестве доказательства?

В своем аффидевите государственный секретарь США Маршалл показал, что «нет доказательств тесной стратегической координации действий между Японией и Германией» [2].

Конечно, с точки зрения защиты этот документ выглядел уникальной находкой, однако для суда его доказательственная ценность являлась сомнительной, поскольку он основывался на субъективном умозаключении одного лица, пусть даже авторитетного, и находился в противоречии с многочисленными другими доказательствами, которые были приняты Трибуналом и имели неопровержимую доказательственную ценность.

Как уже отмечалось, защитник Осима — американский адвокат Кэнинхэм — вылетал в Берлин и получил письменные показания от Риббентропа, который написал их накануне своей казни. В своем аффидевите Риббентроп, в частности, писал: «После начала войны с Россией я пытался добиться вступления Японии в войну против Советской России. Я заявил Осима, что будет чрезвычайно целесообразно, если Япония выступит против Советской России. Судя по позиции Осима и японского правительства, я пришел к выводу, что Япония сделала все возможное для того, чтобы избежать конфликта с Советской Россией» [3].

Приведенные показания Риббентропа, так же как и показания Маршалла, явно не согласуются со многими другими достоверными доказательствами, представленными Трибуналу обвинением, и поэтому они не могли иметь того эффекта, на который рассчитывала защита.

Следует отметить, что защита представила много выдержек из различных источников по дипломатическому праву с целью доказать, что посол, каковым являлся Осима, не несет ответственности за последствия своих действий, если он осуществлял инструкции министра иностранных дел, что он обладает абсолютным иммунитетом.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 2 апреля 1948 г., с. 46 441.
[2] Стенограмма Токийского процесса от 7 апреля 1948 г., с. 46 777.
[3] Стенограмма Токийского процесса от 7 и 8 апреля 1948 г., с. 46 808, 47 001.

Сошлемся еще на одного подсудимого — дипломата Того, который занимал посты посла в Берлине, в Москве и министра иностранных дел Японии.

Американский защитник Блекни в заключительной речи сказал о нем так: «Мы можем сказать, что он был единственным государственным деятелем в Японии, который с первых дней войны не только настаивал на окончании ее, но и предпринимал необходимые отчаянные и смелые попытки, которые и привели к окончанию войны. На основе доказательств мы можем сказать, что он был единственным официальным представителем Японии, который в период с 1928 по 1945 год упорно настаивал на строгом соблюдении международной порядочности и морали и боролся против агрессии и милитаризма».

И после этого защитник патетически воскликнул:

«Чего же он заслуживает?» [1]

А вот что сказал Блекни в заключение своей речи по делу Умэдзу: «Генерал Умэдзу до конца вел себя, как подобает солдату, и в 10 час. утра 2 сентября 1945 г. он, в соответствии с решением императора, подписал на линкоре «Миссури» документ, положивший конец второй мировой войне, в развязывании которой он не принимал никакого участия» [2].

В заключение этого раздела сошлемся на речь американского защитника Блюэта по делу самого главного подсудимого Тодзио. Он сказал: «В заключение нашей работы мы утверждаем, что Япония начала эту войну с твердым убеждением в том, что она необходима для ее самообороны. Японский план создания применимой на практике и разумной системы мира был направлен на достижение успешных результатов в данной войне. Во всех этих отношениях война, которую вела Япония, не имела ничего общего с войной, которую вела Германия. Японские лидеры не приказывали совершать акты зверств и не знали о них. Они прилагали все свои усилия к тому, чтобы предотвратить их. Мы убеждены в том, что все подсудимые, включая и Тодзио, должны быть оправданы данным Трибуналом» [3].

И в этой речи, как можно заметить, не выражается никакого раскаяния в том, что Япония развязала кровопролитную войну. Напротив, в ней утверждается, что война была необходима в целях самообороны, что японские лидеры невиновны и должны быть оправданы.

Такова была позиция подсудимых и их защитников и эта позиция выдерживалась до конца судебного процесса.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 15 апреля 1948 г., с. 47 985—47 986.

[2] Там же, с. 48 109.

[3] Стенограмма Токийского процесса от 12 апреля 1948 г., с. 47 526.

ОТВЕТНАЯ РЕЧЬ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ (РЕПЛИКА)

После того, как кончилось чтение заключительной речи защиты, последовала ответная речь (реплика) Главного обвинителя.

Поскольку Кинан в это время отсутствовал, с речью выступил его заместитель Тавеннэр. Председатель Уэбб, обращаясь к Тавеннэру, заявил: «После Вашего ответа не будет больше ответа защиты» [1]. Это означало, что защите отказывается в реплике.

В реплике обвинения давались ответы на некоторые утверждения, сделанные защитой в ее заключительной речи. Она состояла из трех частей: *первая часть*, которая была представлена советским обвинением по вопросам из общей части заключительной речи защиты по советской фазе; *вторая часть* — была представлена китайским обвинением в ответ на утверждения, выдвинутые подсудимыми Доихара и Итагаки по японской агрессии в Китае; *третья часть* — состояла из ответа обвинения на общие положения, выдвинутые защитой в общей части заключительной речи и в аргументации по вопросам права.

Речь советского обвинителя А. Н. Васильева оглашалась 15 и 16 апреля 1948 г., она заняла 101 страницу стенограммы судебного процесса [2]. В ней подвергнуты резкой критике попытки защиты во что бы то ни стало оправдать главных японских военных преступников, разоблачены ее махинации в использовании разного рода сомнительных доказательств и в фальсификации их.

В речи опровергается довод защиты о том, что якобы планирование и подготовка войны Японией против Советского Союза не подпадает под юрисдикцию настоящего Трибунала.

Анализировав представленные суду доказательства, обвинитель от СССР показал необоснованность заявлений защиты о том, что якобы события у озера Хасан и на реке Халхин-Гол представляют собой «бои, носящие форму пограничных инцидентов» и потому, де-мол, не должны относиться к юрисдикции Трибунала.

Советский представитель в своей части реплики обвинения показал необоснованность заявлений и утверждений защиты и по другим вопросам советской фазы, в частности, о заговоре германских, японских и итальянских агрессоров против СССР, о нарушениях Японией пакта о нейтралитете, заключенного с Советским Союзом, включая нападения японских вооруженных сил на советские торговые суда.

Во второй части реплики обвинения китайский обвинитель Сян дал ответы на заключительную речь защиты в отношении подсудимых Доихара и Итагаки. Он показал активную деятельность Доихара в захвате Японией Маньчжурии и в создании марионе-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 15 апреля 1948 г., с. 48 111.
[2] Там же, с. 48 113—48 214.

точного государства Маньчжоу-го во главе с японским ставленником Пу И, а также важную роль Итагаки в организации Мукденского инцидента и движения за независимость Маньчжурии и заявил, что приведенные факты, несомненно, устанавливают виновность этих подсудимых по всем инкриминированным им обвинениям [1].

В третьей части реплики обвинения американские обвинители Горвиц и Тавеннэр дали обстоятельную критическую оценку доказательствам и выводам защиты, ответили на основные вопросы, включая правовые, изложенные в заключительной речи защиты.

«Даже беглое знакомство с любой частью заключительных речей защиты, — сказал Горвиц, — делает ясным, что они содержат много ошибок и неправильных утверждений, а также включают значительное количество материала, не принятого Трибуналом в качестве доказательства. Тщательная проверка по стенограмме аргументации защиты обнаруживает, что неправильные утверждения, искажения и другие ошибки являются столь многочисленными, и что аргументация защиты включает такое количество материала, не принятого Трибуналом в качестве доказательства, что ценность всех заключительных речей защиты в значительной степени сводится на нет» [2].

«Потерпев неудачу в своих нападках на документальные доказательства обвинения, — сказал далее обвинитель, — защита направила их на свидетелей обвинения. Эти нападки не ограничиваются расхождениями в показаниях и противоречиями или вопросами, которые могут быть найдены в стенограмме. Все они в общем основаны на вопросах, не имеющих отношения к делу и во многих случаях эти нападки делаются с полным игнорированием дела» [3].

Касаясь утверждений защиты по правовым вопросам, представитель обвинения заявил, что «никто не мог ожидать такого большого количества противоречивых утверждений, необоснованных выводов и пустых рассуждений, которые были выдвинуты в заключительных речах защиты, посвященных правовым вопросам. Очень сомнительно, чтобы подобный же набор правовых положений когда-либо представлялся какому-либо Трибуналу во всей истории юриспруденции. Заключительные речи защиты по правовым вопросам особенно примечательны тем, что в них полностью отсутствует последовательность. Сначала положения выдвигаются применительно к одной ситуации, затем защита отказывается от них, выдвигая совершенно противоположные положения. Делаются большие усилия для того, чтобы обосновать то или иное положение, а

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 16 апреля 1948 г. с. 48 215—48 243.
[2] Там же, с. 48 249—48 412.
[3] Там же, с. 48 269.

когда становится ясным, что аргументация заводит защиту в тупик, то предпринимаются не меньшие усилия для того, чтобы опровергнуть то, что защита уже пыталась доказать, и обосновать положение, которое прямо противоположно ранее высказанному. Трибуналу заявляют о том, что конфликт в Китае, который унес миллионы жизней и в котором участвовали громадные армии с обеих сторон на территории, занимающей полконтинента, не был войной в юридическом смысле слова, так как стороны, принимавшие в нем участие, не объявляли войны. Но Трибуналу говорят также, что с юридической точки зрения Соединенные Штаты и Германия находились в состоянии войны в сентябре 1940 года, хотя ни одна из сторон и не объявляла войны и даже не сделала ни единого выстрела. Состояние войны рассматривается как оправдание в отношении актов убийства, инкриминируемых в соответствующих пунктах, а отсутствие состояния войны рассматривается как оправдание плохого обращения с военнопленными в связи с конфликтами, во время которых были совершены убийства.

Договоры рассматриваются просто как клочки бумаги, которые ни к чему не обязывали, и поэтому Япония не совершала никаких преступлений, когда она действовала в нарушение их. Однако, если другая держава законным образом денонсирует договор в соответствии с процедурой, предусмотренной этим договором, то пытаются убедить Трибунал в том, что подобная денонсация договора составляла как с фактической, так и с юридической точки зрения такую угрозу для Японии, что последняя имела все основания напасть на первую державу с помощью вооруженных сил в качестве меры самообороны» [1].

Представитель обвинения подверг резкой критике выдвинутую защитой теорию о том, что будто «война является неизбежным спутником биологического существования человечества» и «находится вне контроля человека», назвав эту теорию «самой отвратительной» [2].

В связи с попыткой защиты охарактеризовать «военных преступников», как лиц, совершивших преступления «во время войны» и подлежащих юрисдикции обычных военных судов, в речи обвинителя справедливо было заявлено, что «военные преступления» не ограничиваются только преступлениями, совершенными во время войны, но включают также любое преступление, связанное с войной или направленное на войну, независимо от того, шла ли война в момент совершения преступления или нет, и что в данном случае «критерием является не элемент времени, а намерение преступников» [3].

[1] Стенограмма Токийского процесса от 16 апреля 1948 г., с. 48 286—48 287.
[2] Там же, с. 48 291.
[3] Там же, с. 48 293.

«Разбирая вопрос о том, является ли агрессивная война преступлением по международному праву, а также другие смежные вопросы, — сказал обвинитель, — защита не представила никаких новых утверждений. Однако необходимо обратить внимание Трибунала на материалы, которые были использованы для обоснования утверждений защиты, и на метод использования их. По этому вопросу, а также по другим вопросам имеется целый ряд необоснованных утверждений в отношении фактов и ссылок на труды, которые не могут рассматриваться в качестве источников права, так как они не носят юридического характера, а если и являются юридическими трудами, то содержат утверждения и предположения, которые не подтверждаются доказательствами и не признаются историей. Подобные утверждения и ссылки являются не правильными, и они недостойны обсуждения» [1].

Развивая далее доктрину об агрессивной войне и убийствах, совершенных в ходе ее, представитель обвинения сказал:

«Агрессивная война является незаконной и она сама по себе является преступлением. Война в нарушение договоров и других обязательств также является незаконной войной. Таким образом, нет законных военных действий. Все убийства, совершенные в ходе агрессивной войны, являются убийствами, совершенными во время незаконной войны, а, следовательно, преднамеренными убийствами, так как нет оправданий подобным действиям. Вследствие того, что эти убийства являются нарушением международного права, они подсудны международному Трибуналу» [2].

Касаясь правовых положений о заговоре, защита, по мнению обвинения, «проявляет большую путаницу в мыслях и полное непонимание теории заговора и положений обвинения в связи с этим вопросом. Обвинение ничего не говорило о применении англо-американских правил к вопросу о размере заговора. Обвинение утверждает и показало, что преступление заговора признано правом всех цивилизованных наций... Заговор против мира и безопасности существования семьи государств (международного сообщества) является поэтому международным преступлением. Заговор с целью ведения агрессивной войны или войны в нарушение договоров, является заговором против мира и безопасности существования международного сообщества» [3].

Указав на то, что заговор предполагает объединение лиц с преступными намерениями, обвинитель далее сказал: «Как обнаружил Нюрнбергский Трибунал, даже Гитлер, обладавший огромной диктаторской властью, не мог бы один вести агрессивные войны Германии. Объединение является поэтому самой сущностью престу-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 16 апреля 1948 г., с. 48 294–48 295.
[2] Там же, с. 48 310.
[3] Там же, с. 48 324.

пления агрессивной войны. Объединение делает возможным осуществление конечной цели преступления... Преступная цель заговора ясно очерчена. Доказательства устанавливают со всей убедительностью, что существовала преступная цель ведения агрессивных войн против Китая, западных держав и Советского Союза и любого другого государства с целью добиться господства и контроля над Восточной Азией и районом южных морей»[1].

Подвергнув критике положения защиты о том, будто Япония была спровоцирована вести Тихоокеанскую войну в порядке самообороны, американский обвинитель заявил: «Каждый из так называемых видов доказательств не устанавливает ни того факта, что Тихоокеанская война была войной оборонительной, ни того факта, что Япония была спровоцирована вести эту войну[2].

Продолжавший чтение реплики обвинения по разделу «Защита отдельных подсудимых», американский обвинитель Тавеннэр заявил: «Ввиду провала попытки сослаться в качестве оправдания на самооборону, подсудимые отказались от всех попыток оправдать совершенные преступные акты и выдвигают личные доводы против их ответственности за совершенные преступные акты. Хотя и представлено большое количество разнообразных доводов в защиту каждого подсудимого, однако, все они разделяются в действительности на две категории. С одной стороны, там, где совершенно невозможно уклониться от личной ответственности, они утверждают, что они не имели никакого преступного намерения. С другой стороны, там, где есть возможность, они отрицают всякую личную ответственность за совершенные акты... В обоих случаях их попытки провалились во всех отношениях»[3].

Одним из их излюбленных приемов в стремлении избежать ответственности, сказал обвинитель, является утверждение о том, что обвинение пытается возложить на них ответственность, которую должны нести другие. Они перелагают ответственность с одной группы людей на другую, с одного человека на другого, с подчиненного на начальника и с начальника на подчиненного. Когда же подсудимые обнаруживают, что невозможно переложить свою ответственность на кого-либо другого, они прилагают огромные усилия к тому, чтобы принизить значение того поста, который они занимали.

Подсудимые, которые были членами дипломатического корпуса, стремятся избежать ответственности на основании дипломатического иммунитета. Но ведь никто из них не судится по внутригосударственному праву государства, в котором он был аккредитован. Он судится по международному праву за совершенное им

[1] Стенограмма Токийского процесса от 16 апреля 1948 г., с. 48 327, 48 334.
[2] См.: там же, с. 48 345.
[3] Там же, с. 48 356.

международное преступление против международного сообщества, и в этом случае дипломатического иммунитета не существует [1].

В конце реплики обвинения, обвинитель Тавеннэр, глядя на скамью подсудимых, сказал:

«Эти люди знали разницу между добром и злом. Они знали какими обязательствами они торжественно связали свою страну. С полным знанием всего этого они добровольно выбрали путь зла, предпочтя не выполнять обязательства и обмануть доверие своего собственного народа и народов других стран. Зная все это, они добровольно предпочли встать на дорогу войны, принеся смерть и несчастье миллионам людей и вызывая разрушение и ненависть всюду, где проходили их войска. Они поставили на карту судьбу своего народа, и как обыкновенные преступники везде приносили только лишь смерть, зло, разрушение и хаос тем, чья судьба была им вверена. И за этот выбор эти люди предстали перед Трибуналом, ожидая приговора. О них нужно судить по тому, что они сделали и по тому, что они намеревались сделать. Они предпочли действовать таким образом по своему собственному выбору. Их выбор пал на агрессию, на путь войны, и они сделали это свободно и добровольно. За этот выбор они должны нести ответственность» [2].

На этом закончилось последнее выступление обвинения, продолжавшееся 15 и 16 апреля 1948 г. и занявшее 301 страницу стенограммы судебного процесса.

После этого выступления обвинения председатель Уэбб заявил: «Трибунал объявляет перерыв для вынесения приговора, время оглашения которого будет установлено и объявлено особо» [3].

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 16 апреля 1948 г., с. 48 368, 48 378, 48 394—48 396.

[2] Там же, с. 48 411—48 412.

[3] Там же, с. 48 412.

ПРИГОВОР

СТРУКТУРА ПРИГОВОРА

Напомним, что согласно Уставу, Трибунал имел право приговорить подсудимого, признанного виновным, к смертной казни или любому другому наказанию, которое он признает справедливым.

Приговор Трибунала должен быть объявлен в открытом судебном заседании и содержать мотивы, на основании которых он вынесен (ст.ст. 16 и 17).

Судьи совещались в течение 6 месяцев и 19 дней. 4 ноября 1948 г. Трибунал приступил к оглашению приговора. Чтение приговора длилось до 12 ноября.

Полный текст приговора составляет 1214 страниц. Заметим, что приговор Нюрнбергского Трибунала по делу главных немецких военных преступников составляет лишь 340 страниц.

Теперь рассмотрим структуру и содержание приговора. Приговор начинается так:

Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока. I. Соединенные Штаты Америки, Китайская Республика, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии, Союз Советских Социалистических Республик, Австралия, Канада, Французская Республика, Нидерландское королевство, Новая Зеландия, Филиппины и Индия

Против

Араки Садао, Доихара Кэндзи, Хасимото Кингоро, Хата Сюнроку, Хиранума Кинчиро, Хирота Коки, Хосино Наоки, Итагаки Сэйсиро, Кайя Окинори, Кидо Кончи, Кимура Хэйтаро, Койсо Куниаки, Мацуи Иванэ, Мацуока Иосукэ, Минами Дзиро, Муто Акира, Нагано Осаки, Ока Такацуми, Окава Сюмэй, Осима Хироси, Сато Кэнрио, Сигэмицу Мамору, Симада Сигэтаро, Сиратори Тосио,

Судзуки Тэйити, Того Сигэнори, Тодзио Хидэки, Умэдзу Иосидзиро.

Приговор состоит из трех частей.

В части I (A) излагаются общие вопросы, касающиеся процесса. В ней содержатся три главы: 1 — создание и деятельность Трибунала; 2 — правовые вопросы; 3 — обязательства, взятые на себя Японией, и приобретенные ею права.

В части II (B) излагаются конкретные преступные действия и факты, установленные судебным следствием. В ней содержится пять глав: 4 — господство военщины в Японии и приготовления к войне; 5 — японская агрессия против Китая; 6 — японская агрессия против СССР; 7 — Тихоокеанская война; 8 — военные преступления.

В части III (C) излагаются выводы Трибунала по отдельным пунктам обвинительного акта, о виновности каждого подсудимого и назначенные меры наказания. В ней содержатся три главы: 9 — выводы по отдельным пунктам обвинительного акта; 10 — вердикты; 11 — меры наказания.

Каждая глава приговора, в свою очередь, делится на разделы и подразделы, имеющие свои заголовки. Следует заметить, что некоторые заголовки являются необычными для приговора и скорее похожи на заголовки, встречающиеся в американских газетах и журналах. Например: «Минами санкционировал действия Квантунской армии»; «Действия, предпринятые полковником Доихара с целью возвращения Пу И»; «Итагаки выполнил свою миссию и вернулся в Мукден»; «Араки стал популярной фигурой»; «Армии удалось направить Японию на путь национальной мобилизации в целях войны»; «Военная клика возражает против компромисса с Китаем»; «Основные причины Тихоокеанской войны коренятся в завоевании Китая»; «Тодзио формирует кабинет».

Разумеется, мы не имеем возможности в рамках настоящей книги подробно изложить содержание приговора, занимающего свыше тысячи страниц, поэтому остановимся кратко на отдельных его главах.

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРИБУНАЛА

В этой главе отмечается, что Трибунал был создан в силу и во исполнение Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., Акта о капитуляции от 2 сентября 1945 г. и решений Московской конференции от 26 декабря 1945 г. приказом Верховного командующего союзных держав генерала Макартура от 19 января 1946 г. Им же в тот же день был утвержден Устав Трибунала, в котором определялись состав, юрисдикция и функции Трибунала.

15 февраля 1946 г. приказом Верховного командующего были назначены девять членов Трибунала, а позже — дополнительно члены Трибунала от Индии и Филиппин. В ходе процесса назна-

чены члены Трибунала от США и Франции вместо первоначально назначенных и вышедших в отставку.

Отмечается также, что до начала процесса каждый подсудимый по своему усмотрению избрал защитника. Каждый подсудимый был представлен американским и японским защитниками.

Далее указывается, что 29 апреля 1946 г. подсудимым было вручено Обвинительное заключение и здесь же дается краткое содержание всех 55 его пунктов и 5 приложений.

Указывается также, что в ходе процесса двое подсудимых — Мацуока и Нагано умерли и их имена были исключены из Обвинительного заключения, а подсудимый Окава был признан невменяемым и дело в отношении него прекращено.

Особо отмечается, что все подсудимые заявили Трибуналу, что они не признают себя виновными. Здесь же говорится, что защита представила ходатайства, оспаривавшие правомочность Трибунала рассматривать и принимать решения по обвинениям, содержащимся в Обвинительном заключении, но все они были отклонены Трибуналом.

В главе приводятся данные о том, когда начались и кончились основные стадии процесса. Указывается, что всего было принято в качестве доказательств 4336 экзибитов, 419 свидетелей дали показания посредством аффидевитов и письменных заявлений. Стенограмма заседаний Трибунала насчитывает 48 412 страниц.

Из 22 страниц этой главы 9 посвящены оправданию длительности данного процесса.

Судьи понимали, что Трибунал не выполнил требования Устава о «быстром суде и наказании главных военных преступников на Дальнем Востоке» (ст. 1) и что это вызвало справедливые нарекания со стороны мировой прогрессивной общественности, поэтому даются некоторые разъяснения по этому поводу.

В качестве одной из причин, вызвавших задержку процесса, в приговоре указывается на колоссальное число документов и устных показаний, необходимость изучения истории Японии за много лет, выяснение деятельности всех подсудимых в течение продолжительного периода времени, многословность представителей сторон и свидетелей и др.

Адвокаты и свидетели, отмечается в приговоре, имели тенденцию говорить то, что не относилось к делу, а Трибунал не мог их контролировать, пока не будет сделан перевод с японского. Многие из доказательств, представленных защитой, были отвергнуты, потому что они были малоценными, либо повторяли представленные доказательства. Много времени ушло на мотивировку допустимости доказательств. Но Трибунал старался устранить ненужные документы, излишние вопросы при допросах свидетелей.

Трибунал признал, что установленные им правила «не соблюдались неукоснительно. Время от времени Трибунал проявлял снисходительность, вызванную в основном необходимостью быть

справедливым по отношению к подсудимым и ознакомиться со всеми существующими и имеющими отношение к делу фактами» [1].

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

В настоящей главе рассматриваются:

1. Юрисдикция Трибунала. 2. Ответственность за преступления, совершенные против пленных в нарушение законов и обычаев войны. 3. Обвинительное заключение.

В приговоре дается обстоятельное обоснование юрисдикции Трибунала. В нем, в частности, говорится: «Данный Трибунал является особым Трибуналом, созданным Верховным командующим в соответствии с полномочиями, предоставленными ему союзными державами. Юрисдикция Трибунала вытекает из его Устава. На данном процессе члены Трибунала не имеют никакой другой юрисдикции, кроме той, которая определена Уставом...»

Вместе с тем подчеркивается, что союзные державы, создавая такой Трибунал и наделяя его полномочиями судить и наказывать военных преступников, «могли действовать только в рамках международного права».

В приговоре делается ссылка на приговор Нюрнбергского международного военного Трибунала и приводится из него ряд положений относительно юрисдикции. Отметим, что в приговоре Нюрнбергского Трибунала по данному вопросу записано, в частности, следующее: «Правовые нормы, вытекающие из Устава, являются руководящими и обязательными для Трибунала».

Положения относительно юрисдикции Нюрнбергского Трибунала являются четкими, ясными и вполне обоснованными. Поэтому Токийский Трибунал в своем приговоре «предпочел заявить о своем безоговорочном присоединении к мнениям Нюрнбергского Трибунала, имеющим отношение к данному делу, и не создавать возможности для полемики, порождаемой наличием противоречивых толкований двух изложений одного и того же мнения, выдвигая заново обоснования этих мнений в несколько иных формулировках» [2].

В приговоре Токийского Трибунала утверждается, что «агрессивная война считалась преступлением в международном праве задолго до подписания Потсдамской декларации, и нет никаких оснований для того узкого толкования Устава, которое стремится дать ему защита».

В связи с выдвинутым защитой доводом о том, что Японское правительство, согласившись принять условия Акта о капитуляции, будто не понимало того, что те японцы, на которых возлагается ответ-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 4 ноября 1948 г., с. 48 413—48 435.

[2] Там же, с. 48 439.

ственность за войну, будут преданы суду, в приговоре указывается: «Для такого довода нет фактических оснований. Трибунал считает, что было установлено, что Японское правительство, прежде чем подписать акт о капитуляции, рассмотрело данный вопрос, и что члены правительства, советовавшие принять условия капитуляции, предвидели, что те, на кого возлагается ответственность за войну, будут преданы суду. Еще 10 августа 1945 г., за три недели до подписания Акта о капитуляции, император сказал подсудимому Кидо: «Я не могу выносить мысли о том, ... что те, кто ответствен за войну, будут наказаны.., но я полагаю, что сейчас настало время, когда надо выносить невыносимое».

В приговоре отвергается утверждение защиты о том, что некоторые подсудимые (Итагаки, Кимура, Муто и Сато), сдавшиеся в плен, подлежат военному суду как военнопленные на основании Женевской конвенции 1929 года о военнопленных.

Трибунал признал, что статьи указанной Женевской конвенции не могут распространяться на военных преступников, совершивших свои преступления до их пленения.

В конце этого раздела приговора делается четкий, однозначный вывод: «Попытка оспорить правомочность Трибунала совершенно несостоятельна» [1].

В разделе приговора об ответственности за преступления, совершенные против пленных в нарушение законов и обычаев войны, показывается несостоятельность утверждений защиты о том, что, якобы, за эти преступления несут ответственность только непосредственные исполнители.

В приговоре указывается, что пленные, захваченные во время войны, и гражданские интернированные лица находятся во власти захватившего их правительства, и оно ответственно за обращение с ними. Правительство должно предотвращать бесчеловечные акты по отношению к пленным, которые запрещаются обычным правом и конвенциями. Люди, входящие в состав правительства, несут главную и постоянную ответственность за пленных, даже если они возлагают обязанность содержать и охранять пленных на других.

В приговоре говорится, что ответственность за пленных, находившихся во власти Японии, лежала на:

членах правительства; офицерах армии и флота, командовавших соединениями, во власти которых находились пленные; работниках тех учреждений, которые ведали вопросами благосостояния пленных; должностных лицах армий, флота и гражданских учреждений, осуществлявших прямой и непосредственный контроль над пленными.

Эти лица обязаны были обеспечить должное обращение с пленными и предотвращать дурное обращение с ними путем создания не-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 4 ноября 1948 г., с. 48 440—48 442.

прерывно и эффективно функционирующей системы, необходимой для достижения этих целей.

Если член кабинета, зная о плохом обращении с пленными и будучи не в силах предотвратить его в дальнейшем не уходит в отставку, предпочитает остаться в кабинете, то тем самым он добровольно принимает на себя ответственность за плохое обращение с пленными в будущем [1].

Такова была точка зрения Трибунала об ответственности подсудимых за бесчеловечное обращение с военнопленными и гражданскими интернированными лицами.

Перейдем теперь к разделу «Обвинительное заключение».

В этом разделе Трибунал анализирует статью 5 Устава, в которой сформулированы составы преступлений и все пункты Обвинительного заключения, составленного обвинением на основе Устава.

Под заголовком «Преступления против мира» Устав перечисляет пять отдельных преступлений. Это — планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны или войны в нарушение международного права, договоров, соглашений или обязательств; к этим четырем преступлениям добавляется новое преступление, заключающееся в участии в общем плане или заговоре для совершения любого из перечисленных выше преступлений.

В основу Обвинительного заключения был положен Устав, и все вышеперечисленные преступления были инкриминированы в дополнение к другим обвинениям, основанным на других положениях Устава.

Заговор с целью ведения агрессивной войны или незаконной войны возникает в том случае, когда два или более лица вступают в соглашение для совершения преступления. После этого с целью осуществления заговора начинается планирование и подготовка к войне. Участниками заговора на данной стадии могут быть либо первоначальные заговорщики, либо лица, присоединившиеся к заговору позднее. Если последние соглашаются с целью заговора и плана и ведут подготовку для его осуществления, то они становятся заговорщиками. И поскольку все подсудимые обвиняются в заговоре, то Трибунал не считает необходимым выносить решение о виновности в планировании и подготовке также и тех подсудимых, которых он признает виновными в заговоре. Иными словами, хотя Трибунал и не сомневается в правомерности этих обвинений, однако, он не считает необходимым принимать во внимание пункты с 6 по 17 включительно или выносить решение о виновности тех подсудимых, которые могут быть признаны виновными в заговоре и по этим пунктам [2].

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 4 ноября 1948 г., с. 48 442.

[2] В пп. 6—17 предъявляется обвинение в планировании и подготовке агрессивной войны против Китая, США, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Канады, Индии, Филиппин, Нидерландов, Франции, Сиама, СССР.

Подобное же положение возникает в связи с пунктами, инкриминирующими развязывание и ведение агрессивной войны. Хотя развязывание агрессивной войны может иметь при некоторых обстоятельствах иной смысл, в Обвинительном заключении оно означает начало военных действий. В этом смысле оно включает фактическое ведение агрессивной войны. После того, как подобная война развязана или начата какими-либо преступниками, другие могут принимать в этом такое участие, что они становятся виновными в ведении этой войны. Однако это соображение не дает оснований для вынесения решения о виновности одновременно по пунктам, инкриминирующим ведение агрессивной войны. Поэтому Трибунал не будет рассматривать пункты с 18 по 26 включительно [1].

Пункты 37 и 38 инкриминируют заговоры с целью совершения убийств. Подпункты «б» и «в» статьи 5 Устава рассматривают преступления против законов и обычаев войны и преступления против человечности. В подпункте «в» статьи 5 говорится: «Лидеры, организаторы, вдохновители и соучастники, принимавшие участие в разработке или осуществлении планов или заговоров, предусматривавших совершение вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любым лицом при выполнении подобных планов».

Трибунал признал, что этот абзац относится только к преступлениям против мира (п. «а» ст. 5) и поэтому отверг пп. 37, 38, а также пп. 44 и 53, которые инкриминируют заговоры с целью совершения преступлений в нарушение законов войны.

Следовательно, Трибунал дал ограничительное толкование Уставу и таким путем сузил пределы ответственности подсудимых, что имело своим последствием несправедливое оправдание некоторых подсудимых по отдельным пунктам обвинения.

Наряду с этим Трибунал отклонил пп. 39—43 и 45—52 Обвинительного заключения, предусматривавшие обвинения в убийствах мирного населения и военнослужащих при нападениях на города, районы, суда и т. п., мотивировав свое решение тем, что эти убийства поглощаются обвинением в незаконном ведении войны [2].

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА, ВЗЯТЫЕ НА СЕБЯ ЯПОНИЕЙ, И ПРИОБРЕТЕННЫЕ ЕЮ ПРАВА

Эта глава не зачитывалась в суде. Вместо нее была оглашена краткая справка [3], в которой указывалось, что в данной главе излагаются

[1] В пп. 18—26 предъявляется обвинение в развязывании агрессивной войны против Китая, США, Филиппин, Британского содружества наций, Франции, Сиама, СССР, МНР.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 4 ноября 1948 г., с. 48 447—48 453.

[3] Там же, с. 48 454—48 512.

права, приобретенные Японией в Китае до 1930 года, а также те обязательства Японии по отношению к другим державам, которые имеют касательство к Обвинительному заключению. Все относящиеся к данной главе международные договоры, соглашения и конвенции — начиная от Симоносекского договора 1895 года и кончая Третьей опиумной конвенцией 1931 года — сгруппированы по следующим основным обязательствам, которые нарушались Японией: сохранять территориальную и административную независимость Китая; соблюдать во всем мире принцип равной торговли со всеми районами Китая, т. е. проводить так называемую политику «открытых дверей»; пресекать производство, ввоз и потребление опиума и аналогичных ему наркотиков; уважать территорию держав, имеющих интересы на Тихом океане; оставить нерушимыми территории нейтральных государств; решать споры между государствами дипломатическим путем, либо путем посредничества или арбитража; делать предупреждение перед началом военных действий; проявлять гуманность во время войны.

В приговоре говорится о «приобретенных Японией правах» в Китае и о «правах, приобретенных в этой стране другими державами». По мнению Трибунала, это было необходимо сделать «для понимания действий подсудимых и суждения об этих действиях». Например, говорится о Боксерском восстании 1899—1901 гг., которое закончилось подписанием 7 сентября 1901 г. в Пекине протокола, в силу которого Япония и другие державы получали для своих миссий в китайской столице ряд особых прав и привилегий в ущерб суверенным правам Китая. Вряд ли стоило так подробно расписывать в приговоре о «правах Японии и западных держав в Китае», которые, как мы знаем, «приобретались на основе неравноправных договоров». Однако, большинство членов Трибунала, представлявших империалистические государства, сочло возможным это сделать.

ГОСПОДСТВО ВОЕНЩИНЫ В ЯПОНИИ И ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ВОЙНЕ.

Эта глава довольно большая, она занимает 495 страниц приговора [1].

В начале главы отмечается, что характерной чертой рассматриваемого периода японской истории — с 1928 года является постепенное занятие военщиной и поддерживавшими ее кругами такого господствующего положения в японском правительстве, что никакой другой правительственный орган, ни избранные представители народа, ни гражданские министры в кабинете, ни гражданские со-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 4, 5 и 8 ноября 1948 г., с. 48 512—49 007.

ветники императора в Тайном совете и при дворе не могли впоследствии установить эффективный контроль над притязаниями военщины. Преобладание влияния военщины и ее сторонников в гражданских правительственных органах Японии и в японской дипломатии, а также в чисто военных вопросах было достигнуто не сразу, причем, имели место события, которые ставили под угрозу осуществление этой цели, однако, в конце концов, она была достигнута. Переменный успех участников политической борьбы, которая увенчалась господством военщины, является объяснением многих событий за границей. Военные авантюры Японии и приготовления к ним то активизировались, то ослаблялись, в зависимости от успехов политической борьбы в самой Японии [1].

В последующем изложении этой главы встречаются такие подзаголовки: «Усиление влияния армии при правительстве Танака», «Нападки на партийное правительство и убийство премьера Инукаи», «Подготовка общественного мнения к войне: Араки раскрывает планы армии», «Координация внешней политики Хирота с планами армии», «Указ, требовавший назначения на посты военного и морского министров генералов и адмиралов», «Офицеры военно-морского флота в качестве работников администрации на мандатных островах», «История военной подготовки в школах и университетах», «Участие армии в экономическом и промышленном развитиии Маньчжурии», «Первый кабинет Коноэ принимает политику ведения войны против Китая, предложенную армией», «Армии удалось направить Японию на путь национальной мобилизации в целях войны» и т. п.

Ряд подразделов посвящен планам японской военщины по подготовке нападения на СССР. Они изложены под такими заголовками: «Планы означали намерение армии напасть на Советский Союз»; «Подготовка армии против СССР после инцидента у Лукоучао» (в Китае, у моста Марко Поло); «Продолжение подготовки к войне с Советским Союзом: Армия начала переговоры о военном союзе с Германией»; «Намерение армии напасть на Советский Союз имеет свои истоки в захвате Маньчжурии»; «Армия в августе 1938 г. отложила выполнение своих планов нападения на Советский Союз»; «Замыслы в отношении Советского Союза заставили армию искать союза с Германией», «Ближайшие цели Японии: создание нового порядка в Восточной Азии и готовность к войне с Советским Союзом»; «Трудности, стоявшие перед кабинетом, были увеличены вследствие деятельности армий в Китае и нападения на Советский Союз в районе Номонгана».

В указанных подразделах констатируется, что агрессивные планы японской военной клики были направлены в основном против Советского Союза.

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 4 ноября 1948 г., с. 48 513—48 514.

«После 11 августа 1936 г., когда было принято решение об основах государственной политики Японии, — говорится в приговоре, — приготовления, направленные против Советского Союза, были усилены с тем, чтобы позволить Японии «справиться с любыми силами, которые СССР сможет мобилизовать на Дальнем Востоке».

Японская армия «считала Советский Союз неизбежным врагом своей азиатской политики... Квантунская армия последовательно проводила подготовку к войне против СССР и испытывала свою силу в пограничных столкновениях с русскими».

Действия японских войск в Северном Китае «рассматривались как предварительные шаги к предстоящей борьбе с СССР».

В понимании японских руководителей «Советский Союз был ближайшим противником, растущая мощь которого была постоянным препятствием для целей Японии установить свое господство в Восточной Азии» [1].

В приговоре указывается, что военные планы Японии не были направлены только против Советского Союза, «они были также направлены и против западных держав». Японские лидеры считали, что «военное господство западных держав должно быть изгнано с континента» и что «Япония должна проникать в районы южных морей». Эти тенденции особенно усилились после 1937 года, когда Япония вторглась в Китай. В приговоре содержится несколько подразделов на эту тему под такими заголовками: «Ухудшение отношений Японии с западными державами после инцидента у Люкоучао», «Нарушения японцами прав западных держав в Китае», «Подготовка к продвижению на юг», «Основные причины Тихоокеанской войны коренятся в завоевании Китая», «Осима при поощрении Германии планировал нападение Японии на тихоокеанские владения западных держав», «Япония разрабатывала новые планы обеспечения промышленной самостоятельности для того, чтобы избавиться от зависимости от Соединенных Штатов», «Япония подчеркивает свои интересы в Голландской Ост-Индии», «Япония готовится к наступлению на юг», «Япония предъявляет новые требования к Французскому Индокитаю».

Ряд подразделов посвящен формированию Союза Японии с Германией и Италией, который, как отмечается в приговоре, был направлен не только против Советского Союза, но и против западных держав. Эти подразделы даются под такими заголовками: «Антикоминтерновский пакт»; «Отношения между Японией и Германией после заключения «антикоминтерновского пакта»; «Армия поддерживает отношения Японии с Германией»; «Армия по своей инициативе сделала предложение о военном союзе стран оси»; «Изменения в штате дипломатических представителей свидетель-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 5 ноября 1948 г., с. 48 729, 48 609, 48 651, 48 800.

ствуют о желании кабинета укрепить связи с Германией и Италией»; «Армия продолжает переговоры о военном союзе со странами оси»; «Хиранума поддерживал военный заговор о заключении безоговорочного союза со странами оси»; «Германо-советский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. вызвал падение кабинета Хиранума»; «Военная группировка составила заговор о союзе Японии с Германией против западных держав»; «Появление плана заключения союза со странами оси, который позволил бы Японии установить свое господство в Восточной Азии и в южной части Тихого океана»; «Мацуока предлагает Германии условия, на которых Япония согласна сотрудничать со странами оси»; «Детальный план трехстороннего военного союза»; «Переговоры о заключении трехстороннего союза 9—11 сентября 1940 г.»; «Условия трехстороннего союза и обмен обязательствами между Японией и Германией 27 сентября 1940 г.».

В приговоре приводится содержание договора, заключенного Германией, Японией и Италией и дается оценка его.

Отмечается, что в упомянутых обменных письмах было зафиксировано «соглашение о том, что Япония сохранит власть над теми островами Тихого океана, ранее принадлежавшими Германии, которыми она управляла в то время по мандату Лиги Наций. Другие бывшие колонии Германии в районе Южных морей, которыми в то время управляли другие державы, должны были быть автоматически возвращены Германии после победоносного окончания войны с Великобританией. Германия, однако, заявила о своей готовности начать переговоры о передаче их Японии» [1].

Здесь же воспроизводится заявление германского посла в Японии Отта. «Германия, — заявил он, — убеждена в том, что державы, заключившие трехсторонний союз, стоят на пороге нового решающего периода мировой истории, в течение которого их задачей будет принять на себя руководящую роль соответственно в Европе и в «Великой Восточной Азии» [2].

Отмечается также, что «в ответ на вопрос, поставленный перед Мацуока на заседании Тайного совета 26 сентября 1940 г., он конкретно указал, что несмотря на сформулированные условия союза и наличие договора о ненападении между Германией и Советским Союзом, участники союза трех держав будут оказывать друг другу помощь в случае, если кто-либо из них вступит в войну с СССР» [3].

«Таким образом, — делается вывод в приговоре, — Пакт трех держав был соглашением агрессивных государств, заключенным для достижения их агрессивных целей. Его подлинный характер был полностью раскрыт, когда один из членов Тайного совета спросил, каким образом можно примирить заявление, которое со-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 8 ноября 1948 г., с. 49 001.
[2] Там же, с. 49 002.
[3] Там же, с. 49 004.

держится в преамбуле пакта о том, что каждая страна должна иметь соответствующее место на Земном шаре, с принципом Гитлера, гласящим, что только самые сильные должны остаться в живых.

Премьер-министр Коноэ, министр иностранных дел Мацуока и военный министр Тодзио дали на это совместный ответ, заявив, что только сильные нации достойны того, чтобы остаться в живых. Они заявили, что если Япония потерпит неудачу в осуществлении своей «великой миссии распространения принципа императорского пути», то ее даже нельзя будет спасти от гибели» [1].

Как видно, в Приговоре приведены убедительные доказательства в подтверждение агрессивных, прямо-таки фанатических, планов японской руководящей клики в целях установления господства Японской империи в Восточной Азии и на юге Тихого океана.

ЯПОНСКАЯ АГРЕССИЯ ПРОТИВ КИТАЯ

Эта глава в приговоре является весьма значительной, она занимает 319 страниц [2]. Глава состоит из 7 разделов:

1. Вторжение в Маньчжурию и ее оккупация. Война в Китае и ее этапы.
2. Укрепление и эксплуатация Маньчжурии. Реорганизация Маньчжоу-го.
3. План дальнейшего продвижения в Китай.
4. От инцидента у моста Марко Поло (7 июля 1937 г.) до декларации Коноэ от 16 января 1938 года.
5. Временное правительство в Северном Китае.
6. Сфера сопроцветания в Великой Восточной Азии.
7. Экономическое господство Японии в Маньчжурии и других частях Китая [3].

В каждом разделе имеются подразделы со своими подзаголовками.

В начале главы говорится: «Война, которую Япония вела против Китая, и которую японские лидеры лживо называли «Китайским инцидентом» или «Китайским конфликтом», началась ночью 18 сентября 1931 г. и окончилась вместе с капитуляцией Японии, подписанной в Токийском заливе 2 сентября 1945 г. Первый этап войны состоял из вторжения Японии в ту часть Китая, которая известна как Маньчжурия, и в провинцию Жэхэ, из их оккупации и объединения.

Второй этап этой войны начался 7 июля 1937 г., когда япон-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 8 ноября 1948 г., с. 49 005.
[2] Там же, с. 49 007—49 326.
[3] См.: Стенограмма Токийского процесса, страницы, на которых начинаются указанные разделы: 49 007, 49 135, 49 165, 49 207, 49 248, 49 295, 49 310.

ские войска напали на обнесенный стеной город Ваньпин, около Бейпина, вслед за «инцидентом на мосту Марко Поло», этот этап состоял из ряда последовательных наступлений, за каждым из которых следовал короткий период укрепления сил, необходимый для подготовки к дальнейшему продвижению на китайскую территорию. Некоторые из подсудимых активно участвовали в этой войне с самого начала, другие — приняли участие в ней по мере ее развития.

Сиратори в своей лекции «Ход великой войны», опубликованной в журнале «Даймонд мэгазин» за июнь 1942 года, заявил: «Не будет преувеличением сказать, что бикфордов шнур, вызвавший взрыв, называемый европейской войной, впервые был подожжен Китайским инцидентом» [1].

Похвальное признание подсудимого Сиратори, активного дипломатического деятеля Японии, ничего не скажешь! И судьи к месту использовали его.

В приговоре отмечается, что японские лидеры широко пропагандировали идею о том, что «Маньчжурия является жизненной линией Японии» и что «после предоставления независимости Маньчжурии на основе императорского пути развития и после установления неразрывных связей между Маньчжурией и Японией, Япония сможет взять на себя руководство народами Азии».

В тексте приговора приводятся заявления подсудимого Окава о том, что «создание Маньчжоу-го явилось результатом исполнения заранее разработанного плана Квантунской армии, одобренного японским правительством», и бывшего императора Генри Пу И, что «с самого начала Маньчжоу-го находилось под абсолютным господством Японии».

«Вместо того, чтобы соблюдать свои обязательства по Уставу Лиги Наций, — говорится в приговоре, — Япония 27 марта 1933 г. известила о своем намерении выйти из Лиги Наций» [2].

Выйдя из Лиги Наций, «Япония перешла к созданию того, что называлось «новым порядком в Восточной Азии». 3-го ноября 1938 г. японское правительство издало заявление, в котором всему миру сообщалось о том, что падение Кантона, Учана, Ханькоу, Ханьяна, основных городов Китая, свело национальное правительство на уровень местного правительства и что конечная цель Японии заключается в том, чтобы в сотрудничестве с Маньчжоу-го и Китаем создать новый порядок, который обеспечит вечный мир на Дальнем Востоке» [3].

В приговоре отмечается также, что «идея создания сферы сопроцветания Великой Восточной Азии была тесно связана с япон-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 8 ноября 1948 г., с. 49 007—49 008.

[2] Там же, с. 49 023, 49 024, 49 098, 49 132.

[3] Стенограмма Токийского процесса от 9 ноября 1948 г., с. 49 274.

ской программой господства в Китае; было признано, что эта программа неизбежно приведет Японию к конфликту с интересами третьих держав. 7 июля 1939 г. через два года после начала военных действий у Люкоучао военный и военно-морской министры кабинета Хиранума — Итагаки и Ионаи... заявили, что несправедливое вмешательство третьих держав в осуществление Японией ее миссии по созданию нового порядка в Восточной Азии должно быть уничтожено... Япония никогда не откажется от своей цели превратить Восточную Азию в страну для восточноазиатов. Следует не жалеть никаких усилий для достижения этой цели» [1].

Вот с какими воинственными заявлениями выступали японские милитаристы, стремясь установить господство Японии в Восточной Азии!

В этой главе далее говорится, что «начало Тихоокеанской войны не ослабило военных действий Японии в Китае и не повлияло на решение уничтожить китайское национальное правительство в Чунцине. Еще до начала Тихоокеанской войны потери, которые понес Китай в живой силе и материальных ценностях, достигли огромных размеров. Согласно японским данным, к июню 1941 года китайские вооруженные силы потеряли убитыми, ранеными и пленными 3800 тыс. человек; японцы захватили у китайцев огромное количество трофеев, уничтожили 1977 китайских самолетов, причем потери японцев составили убитыми — 109 250 человек и 203 самолета.

В мае 1942 года японцы захватили Лунлин и Тэнчун в провинции Юньнань в тылу Чунцина. В декабре 1943 года они захватили Чандэ в провинции Хэнань, однако, вскоре город был освобожден китайцами. К середине 1944 года военные операции во внутренних районах Центрального Китая были усилены. 20 апреля 1943 г. пал Чженчжоу, 25 мая 1944 г. — Лоян, 18 июня 1944 г. — Чаньша и 8 августа 1944 г. — Хэнань. Затем зимой того же года японцы совершили новый прорыв в стратегические районы юго-западного Китая. 10 ноября 1944 г. они захватили Гуйлин, а 11 ноября 1944 г. Лючжоу. К концу войны, согласно официальным данным китайской армии, одни только наземные войска в период с 7 июля 1937 г. до августа 1945 г. потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 3 207 948 человек» [2].

Вот они результаты японских военных действий в Китае!

Путем агрессивной войны японские милитаристы стремились установить экономическое господство Японии в Маньчжурии и других частях Китая.

В последнем разделе данной главы говорится: «Подсудимых судят за ведение агрессивной войны, одной из целей которой было

[1] Стенограмма Токийского процесса от 9 ноября 1948 г., с. 49 294—49 295.

[2] Там же, с. 49 308—49 309.

установление экономического господства в Маньчжурии и других частях Китая... Политика Японии в Маньчжурии была направлена на закрепление территории за правительством, подчиненным Японии, а также на то, чтобы путем соглашений с этим правительством и иными средствами добиться получения особо необходимых основных материалов, которые требовались для осуществления программы, принятой в Японии, и на то, чтобы добиться контроля над коммуникациями и значительной частью промышленности и торговли, так как все это имело большое значение для последующих военных операций.

В Северном Китае осуществлялся тот же план и в тех же целях, причем в особенности для того, чтобы удовлетворить потребности в предметах снабжения, которые в то время нельзя было получить на иностранных рынках и которые были крайне необходимы для проведения кампании против всего Китая и для того, чтобы обеспечить осуществление общего плана. Та же политика была принята после того, как война охватила Центральный и Южный Китай» [1].

ЯПОНСКАЯ АГРЕССИЯ ПРОТИВ СССР

Эта глава занимает 78 страниц [2]. Она состоит из 4 разделов: «Политика Японии в отношении СССР»; «Планирование и подготовка войны против Советского Союза»; «Пакт о нейтралитете»; «Наступательные операции Японии против СССР в 1938—1939 гг.» Внутри разделов имеются подразделы.

1. Политика Японии в отношении СССР

В приговоре констатируется, что «в течение периода, охватываемого доказательствами, представленными Трибуналу, одним из основных элементов военной политики Японии было намерение вести войну против СССР. Военная партия была полна решимости осуществить оккупацию Японией дальневосточных территорий СССР так же, как и других частей Азиатского континента. Хотя Маньчжурия (три северо-восточные провинции Китая) привлекала своими естественными богатствами, возможностями экспансии и колонизации, ее захват был так же желателен, как обеспечение плацдарма в планировавшейся войне против СССР. Маньчжурию стали называть «жизненной линией» Японии, но совершенно ясно,

[1] Стенограмма Токийского процесса от 9 ноября 1948 г., с. 49 309—49 310.

[2] Там же, с. 49 327—49 405.

что под этим скорее имелась в виду линия наступления, а не линия обороны.

Цель вторжения на дальневосточные территории СССР и овладение ими, казалось, всегда были постоянным стимулом для военных устремлений Японии»[1]. В подтверждение этого приводятся высказывания подсудимых Окава, Итагаки, Хирота, Минами, Судзуки, Араки, которые призывали к войне против СССР с целью захвата его восточных территорий — Приморья, Забайкалья и Сибири.

В подразделе «Обмен дипломатическими документами» говорится, что «политика Японии в отношении СССР была не оборонительной, а наступательной или агрессивной» и в подтверждение этого приводятся дважды сделанные в 1931—1933 гг. Советским правительством правительству Японии официальные предложения о заключении пакта о ненападении и нейтралитете и отрицательные ответы на них японской стороны. При этом отмечается, что «японское правительство в то время было уверено в том, что эти предложения являются искренним выражением миролюбивой политики Советского Союза на Дальнем Востоке»[2].

В специальном подразделе «Заявление о государственной политике 1936 года» указывается, что «в августе 1936 года премьер-министр Хирота вместе с министром иностранных дел, военным министром, военно-морским министром и министром финансов сформулировали заявление о государственной политике Японии, которое, в частности, «было направлено на «обеспечение прочной опоры» для японской империи на восточном континенте, а также на развитие в районе Южных морей при помощи совместных усилий дипломатического мастерства и национальной обороны».

Что такое «национальная оборона» в японском понимании — известно. В приговоре разъясняется: «Как упоминалось выше, «национальная оборона» означала для японских милитаристов экспансию на континенте Азии при помощи вооруженной силы».

В названном заявлении указывается, что в качестве одного из практических шагов Япония «должна стремиться уничтожить русскую угрозу на севере для того, чтобы осуществить прочное развитие Маньчжурии и для создания прочной обороны Японии и Маньчжурии».

В этом заявлении предписывалось, что размер военной мощи должен быть таким, какой необходим для того, чтобы «противостоять тем военным силам, которые Россия сможет выставить и использовать на Дальнем Востоке». Особое внимание должно было уделяться завершению упрочения военной мощи в Корее и Маньч-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 9 ноября 1948 г., с. 49 327—49 328.

[2] Там же, с. 49 331.

журии с тем, чтобы Япония могла «нанести удар русским в самом начале войны».

«Изучение этого заявления о японской государственной политике, в связи с господствовавшими тогда условиями, — говорится в приговоре, — показывает намерение Японии напасть на Советский Союз с целью захвата части его территории» [1].

В соответствии с решением о государственной политике, принятом в 1936 году, армия представила в 1937 году планы, которые «были явно продиктованы ожидавшейся войной с СССР». Так, план развития важных отраслей промышленности предусматривал «быстрое развитие, обеспечивающее реальное руководство в Восточной Азии» [2].

При рассмотрении планов армии на 1937 год «Тодзио рекомендовал, учитывая положение в Китае и состояние военной подготовленности против СССР, напасть на Китай до начала военных действий против СССР и этим избавить тыл Квантунской армии от угрозы. В это время, а именно в июне 1937 года, Хасимото в газетной статье призывал развивать военно-воздушные силы, которые должны были быть использованы не только в качестве костяка вооружений Японии, но также и против СССР» [3].

В подразделе «Антикоминтерновский пакт» отмечается, что отношения с Германией, которая с середины тридцатых годов XX века проявила себя как основная агрессивная сила в Европе, имели особое значение для Японии, если учитывать ее стремление начать войну против СССР.

В тексте приговора излагается история заключения «антикоминтерновского пакта» и указывается, что «целью пакта было создание специального ограниченного союза между Японией и Германией». Здесь же приводится высказывание бывшего государственного секретаря США Хэлла: «Хотя пакт внешне был заключен для самообороны против коммунизма, фактически он являлся подготовительным шагом для дальнейших мер насильственной экспансии со стороны разбойничьих государств». «Мы, — говорится в приговоре, — самостоятельно пришли к такому же выводу».

«Пакт, — отмечает далее приговор, — главным образом был направлен против СССР». В доказательство этого приводятся следующие слова Арита: «Отныне Советская Россия должна понимать, что ей приходится стоять лицом к лицу с Германией и Японией».

В конце этого подраздела Трибунал приходит к следующему выводу: «антикоминтерновский пакт» составлял основу политики Японии в отношении СССР в последующие годы. Этот военный

[1] Стенограмма Токийского процесса от 9 ноября 1948 г., с. 49 334—49 335.
[2] Там же, с. 49 335.
[3] Там же, с. 49 337.

союз с Германией играл важную роль в политике Японии и в подготовке ее к войне против СССР» [1].

В подразделе «Союз трех держав» описываются обстоятельства заключения пакта трех держав 27 октября 1940 г.

«Желание Японии реализовать свои захватнические планы на континенте, — говорится в начале этого подраздела, — стимулировало ее политику, направленную на установление более тесных связей с Германией».

Переговоры о заключении этого пакта начались еще в середине 1938 года. «В течение полутора лет, — отмечается далее в приговоре, — они не приносили никаких результатов, так как Германия, занятая широкими агрессивными планами в Европе, стремилась к военному союзу, направленному против всех потенциальных врагов. Япония, со своей стороны, хотела чтобы этот союз стал дальнейшим развитием «антикоминтерновского пакта», направленного, главным образом, если не целиком против СССР». Тут же приводится высказывание принца Коноэ об этом раннем периоде переговоров: «Это был план превращения трехстороннего антикоминтерновского пакта, который в то время находился в действии, в военный союз, направленный в основном против СССР».

В конце концов германские, японские и итальянские агрессоры нашли общий язык и заключили пакт о тройственном союзе.

В данном подразделе указывается, что «хотя в самом пакте трех держав специально не упоминается тот факт, что он был направлен против СССР, однако это не вызывало никаких сомнений у японской армии в сентябре 1940 года, когда был подписан этот союз. Оговорка, изложенная в статье 5 и гласившая, что «приведенные выше статьи данного соглашения ни в коей мере не затрагивают существующих в настоящее время политических отношений между каждым и любым участником пакта и Советским Союзом», была неискренней» [2].

В следующем подразделе «Нападение Германии на СССР в июне 1941 года» констатируется, что после этого нападения «имели место настойчивые призывы к захвату советских территорий на Дальнем Востоке. Нападение Германии безусловно стимулировало захватническую политику Японии против Советского Союза. Японские правящие круги считали победу Германии над СССР неизбежной и быстрой и полагали, что она предоставит Японии удобный случай осуществить на практике свои агрессивные планы против СССР».

В подразделе отмечается, что в начале, ввиду первых успехов немцев в их войне против СССР, у японских милитаристов было стремление ускорить нападение на СССР. Они даже опасались то-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 9 ноября 1948 г., с. 49 338—49 343.

[2] Там же, с. 49 344—49 345.

го, что Япония может опоздать со своей военной подготовкой к нападению.

В приговоре цитируется решение совещания военных и политических лидеров Японии в присутствии императора, состоявшегося 2 июля 1941 г. Об этом решении говорилось ранее. Напомним, что было решено некоторое время не вмешиваться в советско-германскую войну, но когда ход войны примет благоприятный для Японии оборот, тогда применить оружие для решения северных проблем.

В приговоре отмечается, что «это решение говорит о том, что несмотря на пакт о нейтралитете с СССР, Япония считала себя обязанной, как участник заговора против СССР, и выжидала лишь благоприятного момента для того, чтобы воспользоваться им. Во всяком случае, она намеревалась приурочить свое нападение на СССР к наиболее благоприятному моменту в советско-германской войне».

Германия настаивала на том, чтобы Япония, по возможности, в ближайшее время напала на СССР. В подтверждение этого в приговоре приводится дипломатическая переписка между министерствами иностранных дел Германии и Японии.

Однако, замедление темпов наступления германской армии против СССР вынуждало Японию быть осторожной и она отложила осуществление своих наступательных планов в отношении Советского Союза. Но она продолжала рассматривать нападение на СССР в качестве одной из главных целей своей политики и не ослабляла ни своей целеустремленности, ни своей подготовки к этому нападению.

В конце 1942 года после тяжелого поражения германской армии под Сталинградом, руководство Германии стало еще более настоятельно просить Японию вступить в войну с Советским Союзом. Но японские руководители не решались на такой рискованный поход.

В беседе Осима с Риббентропом 6 марта 1943 г., о которой говорилось ранее и которая приводится в приговоре, японский посол заявил, что «предложение германского правительства о нападении на Россию детально и исчерпывающим образом обсуждалось на совещании японского правительства с императорской ставкой» и было решено: «...ввиду сложившейся в настоящее время военной обстановки, японское правительство не может вступить в войну».

Объясняя это решение, говорится далее в приговоре, Осима сказал, что «с давних пор Япония имела намерение обратить свои силы против России. Но пока она, очевидно, не чувствует себя достаточно сильной, чтобы сделать это... Одновременное продвижение на юг и на север невозможно для Японии» [1].

[1] Стенограмма Токийского процесса от 9 ноября 1948 г., с. 49 349, 49 356—49 357.

В подразделе «Сфера сопроцветания Великой Восточной Азии включала часть Сибири» говорится: «Когда идея сферы сопроцветания Великой Восточной Азии сложилась в качестве эвфемизма для японской гегемонии в Восточной Азии, то создание этой сферы неизбежно предусматривало захват Сибири и Советского Дальнего Востока. Это было естественным следствием, вытекавшим из поставленных ранее целей и проводившегося планирования». В подтверждение этого положения в приговоре приводятся цитаты из статьи подсудимого Хасимото «Сфера Великой Восточной Азии под руководством Империи» и выдержки из планов создания указанной Сферы, подготовленных обществом «Кокусаку Кенкью Кай» и Институтом тотальной войны.

Этот подраздел заканчивается таким выводом: «Трибунал считает, что агрессивная война против СССР предусматривалась и планировалась в течение рассматриваемого периода, что она была одним из основных элементов японской национальной политики и что ее целью был захват советских территорий на Дальнем Востоке» [1].

2. Планирование и подготовка войны против Советского Союза

В первом подразделе «Маньчжурия, как плацдарм против СССР» отмечается, что воинственная политика Японии по отношению к СССР нашла свое отражение в японских военных планах. Военные планы японского Генерального штаба с начала рассматриваемого периода предусматривали в качестве первого мероприятия оккупацию Маньчжурии. В японских военных планах захват Маньчжурии рассматривался не только как этап в завоевании Китая, но также как средство обеспечения плацдарма для наступательных военных операций против Советского Союза [2]. Согласно этим планам японская армия должна была продвинуться «по крайней мере до озера Байкал».

В подразделе «Планы войны против СССР» говорится, что «как при оккупации Маньчжурии в 1931 году, так и при вторжении в остальную часть Китая в 1937 году, всегда имелась в виду возможность войны с СССР. Стратегия была направлена на подготовку нападения на СССР».

Опираясь на представленные доказательства, Трибунал в своем приговоре констатирует, что военные планы японского Генерального штаба на 1939 и 1941 гг. были направлены на захват советских территорий. Основу военного плана 1939 года составляла

[1] Стенограмма Токийского процесса от 9 ноября 1948 г., с. 49 358—49 360.

[2] См.: т а м ж е, с. 49 361—49 362.

концентрация основных японских сил в Восточной Маньчжурии для осуществления наступательных операций. Квантунская армия должна была оккупировать советские города Ворошилов, Владивосток, Иман и затем Хабаровск, Благовещенск и Куйбышевку. План 1941 г. до нападении Германии на Россию предусматривал осуществление тех же целей. На первом этапе этой войны предполагалось захватить города: Ворошилов, Владивосток, Благовещенск, Иман и Куйбышевку, а на следующем этапе — оккупировать Северный Сахалин, Петропавловск-на-Камчатке, Николаевск-на-Амуре, Комсомольск и Совгавань.

О наступательном характере этих планов и мероприятий свидетельствует секретный боевой приказ командующего объединенным флотом адмирала Ямамото от 1 ноября 1941 г.; там говорилось, что «...если империя не нападет на Советский Союз, то мы полагаем, что Советский Союз не начнет военных действий». Эта же точка зрения была высказана Тодзио на заседании Исследовательского комитета Тайного Совета 8 декабря 1941 г. «...Советская Россия занята сейчас войной против Германии, поэтому она не воспользуется японским продвижением на юг».

Хотя говорили о том, что эти планы были «обычными» планами «стратегической обороны» и т. д., все же ясно, что они были наступательными, а не оборонительными планами... Рассмотрение характера этих планов и военной политики Японии в отношении СССР приводит к выводу о том, что эти планы были агрессивными планами, а не планами «стратегической обороны». Они были «оборонительными» только в искаженном смысле этого слова, о чем уже говорилось, поскольку они предусматривали защиту «императорского пути развития», то есть экспансию Японии за счет своих соседей на азиатском континенте» [1].

В подразделе «Активная подготовка к войне против СССР» указывается, что непосредственно после захвата Маньчжурии Япония стала размещать там свои основные вооруженные силы. Подготовка этих сил имела своей основной целью подготовку к военным операциям против Советского Союза и Китая. По подсчетам Танака — бывшего начальника Отдела военной службы и начальника Бюро военной службы Военного министерства, в Маньчжурии обучалось 2,5 млн. японских солдат.

В 1938 году начальник штаба Квантунской Армии Тодзио заявил, что целью планов организации системы метеорологической службы в Чахаре было «обеспечивать для Японии и Маньчжурии более точное предсказание погоды и, в особенности, укреплять систему аэронавигационной и метеорологической службы в качестве мероприятий по подготовке войны с Советской Россией».

В приговоре отмечается, что «командование армией недопусти-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 9 ноября 1948 г., с. 49 364—49 367.

ло того, чтобы пакт о нейтралитете, подписанный в апреле 1941 года, ослабил подготовку к войне с СССР».

В конце подраздела приводится такой факт: «На совещании 5 декабря 1941 г. начальник штаба Квантунской армии дал инструкции командирам соединений закончить подготовку к операциям против Советского Союза и следить за всеми изменениями военной обстановки на Советском Дальнем Востоке и в Монголии в связи с ходом советско-германской войны с тем, чтобы вовремя использовать поворотный момент в военной обстановке» [1].

Вот чего ждало японское командование для вступления в войну против СССР: поворотного момента в советско-германской войне.

Специальный подраздел посвящен «Планам контроля над оккупированными советскими территориями». В нем написано: «Японские руководители считали захват советских территорий в такой степени осуществимым, что в Генеральном штабе и в штабе Квантунской армии были выработаны конкретные планы по управлению этими территориями. С июля по сентябрь 1941 года специальная группа офицеров Генерального штаба занималась изучением вопроса об оккупационном режиме для советских территорий, которые должны были быть оккупированы японскими войсками». Указывается, что разработкой проектов системы управления оккупированными советскими территориями занимались также специально созданные организации и в их числе — Институт тотальной войны и Общество Кокусаку Кенкью Кай. В проекты включались также такие разделы, как: «Администрация», «Поддержание мира и порядка», «Организация промышленности», «Денежное обращение», «Связь и транспорт» [2].

В подразделе, озаглавленном «Активные приготовления к войне после нападения Германии на СССР», говорится: «После нападения Германии на Советский Союз Япония усилила общие приготовления к войне против СССР. Хотя в то время Япония уже вела затяжную войну с Китаем, она надеялась воспользоваться войной в Европе для осуществления своих замыслов в отношении СССР. Это повлекло за собой секретную мобилизацию и увеличение численности Квантунской армии. Летом 1941 года согласно плану была проведена секретная мобилизация, и в состав Квантунской армии включено 300 тыс. человек, две новых дивизии и различные специальные части. К январю 1942 года численность Квантунской армии увеличилась до 1 млн. человек. Квантунская армия получила большое количество новой военной техники. Число танков по сравнению с 1937 годом увеличилось вдвое, а самолетов — втрое. Вдоль границ Советского Союза на территории Маньчжурии было

[1] Стенограмма Токийского процесса от 9 ноября 1948 г., с. 49 367, 49 369—49 370.

[2] Там же, с. 49 371—49 373.

развернуто большое количество войск. В намеченном нападении на Советский Союз должны были принять участие помимо Квантунской армии японские армии в Корее и во Внутренней Монголии и войска, находившиеся в Японии. Кроме увеличения личного состава и военной техники, была произведена заготовка крупных запасов продовольствия для Квантунской армии» [1].

В последнем подразделе «Подрывная и диверсионная деятельность» указывается, что наряду с непосредственными военными приготовлениями была намечена и проводилась в жизнь тщательно разработанная программа подрывной деятельности против Советского Союза, рассчитанная как на мирное, так и на военное время. Программа включала целый комплекс мероприятий, в том числе диверсий, в частности на КВЖД, шпионаж, террористические акты и др.

В приговоре отмечается, что «подсудимый Осима, находясь в Берлине, тайно занимался подрывной деятельностью, направленной против СССР и его руководителей, и обсуждал эти вопросы с Гиммлером».

В конце этого подраздела делается такое резюме: «В 1942 году японский Генеральный штаб и штаб Квантунской армии разработали новые наступательные военные планы против Советского Союза, остававшиеся в силе на 1943 год. Согласно этим планам война против Советского Союза должна была начаться неожиданно после сосредоточения в Маньчжурии около 30 дивизий. Эти планы, как и планы, составленные раньше, не были проведены в жизнь. К этому времени военные перспективы стран оси: Германии, Италии и Японии стали ухудшаться. После этого они вынуждены были занимать все более и более оборонительные позиции, и такое рискованное мероприятие, как задуманное Японией нападение на Советский Союз, становилось все менее и менее осуществимым, пока, наконец, в мае 1945 года страны оси не потерпели окончательного поражения. Во всяком случае Трибунал считает, что до 1943 года Япония не только планировала вести агрессивную войну против Советского Союза, но также и продолжала активную подготовку к такой войне» [2].

3. Пакт о нейтралитете

В первом подразделе, данном под заголовком «Нападение Германии на СССР», констатируется, что 13 апреля 1941 г., т. е. незадолго до нападения Германии на СССР, Япония подписала с Советским Союзом пакт о нейтралитете, и воспроизводится содержание этого пакта.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 9 ноября 1948 г., с. 49 374.
[2] Там же, с. 49 375—49 377.

В статье II пакта записано: «В том случае, если одна из Договаривающихся Сторон станет объектом военных действий со стороны одной или нескольких держав, другая Договаривающаяся Сторона должна сохранять нейтралитет в течение всего периода конфликта».

В этой связи Трибунал справедливо замечает, что, «подписав вышеупомянутый пакт, японское правительство поставило себя в двусмысленное положение, поскольку в то время оно имело обязательства в отношении Германии по «антикоминтерновскому пакту» и пакту трех держав. Поведение японского правительства при подписании пакта о нейтралитете было еще более двусмысленным, так как оно имело все основания ожидать неминуемого нападения Германии на Советский Союз». И далее в приговоре приводится содержание упоминавшихся ранее бесед министра иностранных дел Японии Мацуока и посла Осима с Гитлером и Риббентропом, в ходе которых германские руководители по сути информировали о готовности Германии начать в ближайшее время войну с Советским Союзом, а японские представители заверили, что в случае конфликта между Советским Союзом и Германией Япония нападет на Советский Союз на стороне Германии.

Неискренность политики японского правительства при подписании пакта о нейтралитете подтверждается и тем фактом, и об этом говорится в приговоре, что одновременно с переговорами о подписании пакта, Япония вела переговоры с Германией о продлении «антикоминтерновского пакта», срок действия которого истекал 26 ноября 1941 г. и в этот же день, когда Германия уже вела войну с Советским Союзом, этот пакт был продлен на следующий пятилетний срок.

Как указывается в приговоре, «нейтралитет» Японии в войне между Германией и СССР служил в действительности ширмой для оказания помощи Германии впредь до ее нападения на Советский Союз [1].

В последующих подразделах приговора говорится об общей военной помощи, которую Япония оказывала Германии, о передаче ею информации о Советском Союзе, о препятствиях, чинимых японцами советскому судоходству.

Отмечается, что Япония проводила в Маньчжурии военные приготовления широкого масштаба и сосредоточила там большую армию, сковывая таким образом на востоке значительные силы Советской Армии, которые в противном случае могли быть использованы в войне против Германии.

Были представлены доказательства в подтверждение того, что Япония снабжала Германию разведывательными сведениями экономического, политического и военного характера о Советском

[1] Стенограмма Токийского процесса от 9 ноября 1948 г., с. 49 378-49 383.

Союзе, полученными от японских военных и дипломатических органов.

Несмотря на обязательство соблюдать нейтралитет, Япония серьезно препятствовала советским военным усилиям, мешая советскому судоходству на Дальнем Востоке. В частности, советские суда, стоявшие на якоре в Гонконге в 1941 году, подверглись артиллерийскому обстрелу, и одно из них было потоплено; в том же месяце другие советские суда потоплены бомбами, сброшенными с японских самолетов; некоторые советские суда были незаконно задержаны японскими военными кораблями, отведены в японские порты и находились там под арестом в течение продолжительного времени.

Японские власти закрыли Сангарский пролив и тем самым вынудили советские суда пользоваться другими, менее пригодными и более опасными подходами к своему Дальневосточному побережью. «Все это делалось для того, — говорится в конце данного раздела, — чтобы помешать Советскому Союзу в его войне с Германией, в нарушение обязательств Японии по пакту о нейтралитете и носило характер косвенной подготовки к войне, которую Япония намеревалась вести против СССР.

С несомненностью было установлено, что Япония заключила пакт о нейтралитете неискренне и в качестве средства, которое помогло бы ей осуществить свои агрессивные намерения против СССР» [1].

4. Наступательные операции Японии против СССР в 1938—1939 гг.

В начале этого раздела указывается, что после заключения союза между Японией и Германией по «антикоминтерновскому пакту» 1936 года, после военных успехов, одержанных Японией в Северном и Центральном Китае, и после инцидента у моста Марко Поло в 1937 году, японская армия в 1938 и 1939 гг. начала военные действия против СССР сначала в районе озера Хасан, а потом в районе реки Халхин-Гол.

В приговоре описывается развитие военных действий в районе озера Хасан и делается такое резюме: «Бои в этом районе продолжались с 31 июля до 11 августа 1938 г. К этому времени Советские войска с помощью подкреплений, подошедших после начала военных действий, нанесли поражение и фактически уничтожили японские войска, которые принимали участие в этой операции. После этого японское правительство согласилось с тем, что военные действия должны быть прекращены и граница восстановлена в

[1] Стенограмма Токийского процесса от 9 ноября 1948 г., с. 49 387.

соответствии с советским утверждением, т. е. на возвышенности вдоль гряды холмов».

Затем Трибунал формирует свой вывод на представленных ему доказательствах. «Исходя из доказательств в целом, Трибунал приходит к выводу, что нападение японских войск у озера Хасан было умышленно запланировано Генеральным штабом и военным министром Итагаки и санкционировано, по крайней мере, пятью министрами, которые участвовали в совещании 22 июля 1938 г. Целью этого нападения могло быть: прощупать силу Советского Союза в этом районе или захватить стратегически важную территорию на гряде, господствовавшей над коммуникациями, ведущими к Владивостоку и Приморью. Нападение, которое планировалось и было осуществлено с использованием значительных сил, нельзя рассматривать как простое столкновение между пограничными патрулями. Трибунал также считает установленным, что японцы развязали военные действия.

Хотя военные силы, занятые в этом конфликте, не были весьма значительными, однако вышеуказанная цель нападения и его результаты, если бы оно было успешным, достаточны, по мнению Трибунала, для того, чтобы признать эти военные действия войной. Более того, принимая во внимание действовавшее в то время международное право и позицию японских представителей в предварительных дипломатических переговорах, Трибунал считает, что операции японских войск носили явно агрессивный характер» [1].

В подразделе, посвященном военным действиям в районе реки Халхин-Гол, Трибунал описывает ход этих действий и анализирует представленные ему сторонами доказательства.

В приговоре указывается, что военные действия в районе Халхин-Гола, продолжавшиеся с мая до сентября 1939 года, были гораздо большего масштаба, чем военные действия у озера Хасан.

Японские руководители в своих военных планах в отношении СССР придавали большое значение Внешней Монголии. «Если Внешняя Монголия будет объединена с Японией и Маньчжоуго, — говорил в 1936 году подсудимый Итагаки, — то советские территории на Дальнем Востоке окажутся в очень опасном положении и, пожалуй, можно будет уничтожить влияние Советского Союза на Дальнем Востоке без военных действий. Поэтому целью армии должно быть распространение японо-маньчжурского господства на Внешнюю Монголию любыми средствами, имеющимися в ее распоряжении» [2].

В приговоре записано: «Военные действия начались 11 мая 1939 г. нападением японских разведывательных войск численностью в несколько сотен человек на монгольских пограничников...

[1] Стенограмма Токийского процесса от 9 ноября 1948 г., с. 49 394—49 395.

[2] Т а м ж е, с. 49 397.

Трудно с точностью определить численность войск, участвовавших в боевых действиях, но о том, что эта численность была большой, можно судить по различным подсчетам общего количества потерь и по размерам района, в котором проводились военные действия. Японские потери, включая убитых, раненых и захваченных в плен превысили 50 тыс. человек, а потери монголо-советской стороны превышали 9 тыс. человек. Военные действия проводились по фронту от 50 до 60 км и в глубину от 20 до 25 км» [1].

Однако Трибунал дал компромиссный ответ на вопрос: кто является ответственным за нападение на Советский Союз и Монгольскую Народную Республику.

«Несомненно, — говорится в приговоре, — что подготовка к конфликту проводилась Квантунской армией, но не было представлено никаких доказательств, которые дали бы нам основание сказать — санкционировал ли Генеральный штаб или правительство начало этих военных действий... Мало вероятно, что военные действия такого широкого масштаба могли проводиться без ведома, по крайней мере, японского Генерального штаба и военного министерства. Вскоре после начала конфликта Итагаки, бывший тогда военным министром, сообщил об этом премьер-министру Хиранума. В своих показаниях, которые он давал перед данным Трибуналом, Хиранума говорит, что он потребовал, чтобы Итагаки приостановил военные действия, но что он «не мог давать приказа» и что «военные круги придерживались другого мнения». Поэтому, очевидно, что в самом начале конфликта, как Хиранума, так и Итагаки хорошо знали о сложившемся положении, и нет никаких доказательств того, что кто-либо из них предпринял какие-либо шаги для предотвращения продолжения конфликта».

В приговоре далее указывается: «Как и во время инцидента в районе озера Хасан, японские войска потерпели полное поражение. Что случилось бы, если бы они имели успех, является чисто умозрительным вопросом. Однако один только факт, что они потерпели поражение, не определяет характера проводившихся военных действий. Это были действия широкого масштаба, и они охватили период времени, превышавший четыре месяца. Ясно, что они были предприняты японцами после тщательной подготовки, как видно из обращения командующего 6-й армией, и что целью их было уничтожение противника, оказывавшего сопротивление. Поэтому, утверждение, сводящееся к тому, что этот инцидент представлял собой простое столкновение между пограничниками двух сторон, является несостоятельным. Исходя из этого, Трибунал считает, что военные действия являлись агрессивной войной, проводившейся японцами» [2].

В данном разделе имеется подраздел «Ссылка на амнистию», в

[1] Стенограмма Токийского процесса от 9 ноября 1948 г., с. 49 398.
[2] Там же, с. 49 401—49 403.

котором Трибунал отклоняет утверждения защиты о том, что будто нельзя снова поднимать конфликты у озера Хасан и у реки Халхин-Гол, поскольку-де, мол, они были урегулированы соглашениями Сигэмицу — Молотов в 1938 году и Того — Молотов в 1940 году, а также пактом о нейтралитете 1941 года. По этому вопросу Трибунал записал в приговор такое решение:

«Ни одно из трех соглашений, на которых основывает защита свою аргументацию, не предусматривает иммунитет, и вопрос об уголовной или другой ответственности не разбирался ни в одном из этих соглашений. Поэтому Трибунал считает, что ссылка на эти соглашения не является определяющим обстоятельством в уголовном деле, которое рассматривает данный Международный Трибунал. Что касается уголовной ответственности, как внутригосударственной, так и международной, то, если бы Трибунал по уголовным делам прямо или косвенно простил бы преступление, это противоречило бы публичным интересам любого государства» [1].

В последнем подразделе Трибунал отверг утверждение защиты о том, что якобы 26-й пункт Обвинительного заключения (развязывание агрессивной войны против МНР) является недоказанным по той причине, что будто МНР в то время не была суверенным государством. При этом Трибунал сослался на соглашение между правительствами СССР и Японии от 9 июня 1940 г., в котором было обусловлено, что будет установлена граница между Маньчжурией и Внешней Монголией, а лица, подписавшие соглашение, каждый со своей стороны, заявили по поручению правительств Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-го, что те присоединятся к этому соглашению. И дальше в приговоре сказано: «Перед лицом ясно выраженного признания суверенитета Внешней Монголии и при отсутствии доказательств противного, нельзя допустить, чтобы подсудимые заявили, будто этот пункт обвинения не доказан».

Конечно, Трибунал мог бы привести более широкую аргументацию в защиту суверенитета Монгольской Народной Республики, в частности, сослаться на Крымское соглашение СССР, США и Великобритании от 11 февраля 1945 г., признавшее «сохранение статус-кво Монгольской Народной Республики и на плебисцит 1945 года, проведенный в МНР, но в этом вопросе, очевидно, сказалось влияние политики США и Великобритании в отношении монгольского государства.

Трибунал отметил в приговоре, что «вопрос о статусе Внешней Монголии не касается его и он не считает необходимым решать его. Трибунал занимается рассмотрением уголовных преступлений, где основную роль играет преступное намерение, и защите в данном случае не разрешено опровергать письменные обязательства

[1] Стенограмма Токийского процесса от 9 ноября 1948 г., с. 49 403—49 404.

японского правительства, в которых оно официально признало статус Монгольской Народной Республики»[1].

ТИХООКЕАНСКАЯ ВОЙНА

Эта глава довольно большая, она занимает 186 страниц[2].

Интересно отметить, что данная глава начинается с констатации неудачи нападения Японии на СССР в районе озера Хасан. Вот как она начинается:

«Неудача японского нападения в районе озера Хасан в 1938 году показала неожиданную военную мощь СССР на Дальнем Востоке. Заключение 23 августа 1939 г. пакта о ненападении между Германией и СССР и занятость Германии войной против Англии и Франции на время освободили СССР от беспокойства о своих западных границах. Продвижение Японии на север, которое до того времени рассматривалось как первый шаг на пути к реализации государственной политики Японии, теперь было отклонено до того времени, когда представится лучшая возможность.

Когда дверь на север закрылась, начали открываться ворота на юг, и Япония предприняла различные шаги, предшествующие осуществлению второй основной части ее государственной политики — продвижению на юг»[3].

Напомним, что в принятых 11 августа 1936 г. основных принципах государственной политики Японии предусматривалось продвижение сначала на север — против Советского Союза, а затем на юг — против Франции, Англии, США и Голландии. Потерпев поражение в агрессии против СССР в 30-х годах в районах озера Хасан и реки Халхин-Гол, Япония взяла курс на агрессию против западных держав в районе южных морей и в 1941 году развязала Тихоокеанскую войну. Так что избранное судьями начало этой главы вполне логично.

После вступительной части в главе излагаются разделы под такими, в частности, заголовками:

«Японская политика в 1940 году», «Сотрудничество в соответствии с Тройственным пактом», «Подготовка к продвижению на юг»; «Французский Индокитай и Таи должны быть использованы для нападения на Сингапур», «Отношения с Голландской Ост-Индией», «Отношения с США и Великобританией», «Соединенные Штаты согласились вести переговоры (май 1941 года)», «Решение о войне (12 октября 1941 г.)», «Тодзио стал премьер-министром 18 октября 1941 г.», «Приказ Военно-морского флота о нападе-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 9 ноября 1948 г., с. 49 404—49 405.

[2] См.: Стенограмма Токийского процесса от 9 и 11 ноября 1948 г., с. 49 405—49 591.

[3] Стенограмма Токийского процесса от 9 ноября 1948 г., с. 49 405—49 406.

нии», «Пёрл Харбор», «Филиппины», «Гонконг», «Японская нота была вручена в Вашингтоне 7 декабря 1941 г.».

В отличие от других глав в этой главе даются «Выводы».

В выводах излагаются решения Трибунала по основным, касающимся Тихоокеанской войны, пунктам обвинения.

Так, Трибунал отклонил выдвинутое защитой утверждение о том, будто агрессивные акты, совершенные Японией против Франции, ее нападение на Голландию и ее нападения на Великобританию и Соединенные Штаты Америки являлись оправданными мерами самообороны, и что, якобы, эти державы принимали такие меры к ограничению японской экономики, что Японии не оставалось ничего иного для сохранения благосостояния и процветания своих подданных, кроме как начать войну.

В обоснование своего решения Трибунал приводит аргументы, в частности, указывает, что «меры, которые были приняты этими державами для ограничения японской торговли, представляли собой полностью оправданную попытку побудить Японию отказаться от агрессивного курса, которому она издавна следовала и которому она была полна решимости следовать в будущем. Так, Соединенные Штаты Америки 26 июня 1939 г. известили Японию о расторжении договора о торговле и судоходстве после того, как Япония захватила Маньчжурию и значительную часть Китая, и когда наличие договора уже в течение долгого времени не побуждало Японию уважать права и интересы граждан Соединенных Штатов в Китае. Это извещение было дано с тем, чтобы можно было принять какие-либо другие меры для того, чтобы заставить Японию уважать эти права».

«Вопреки утверждениям защиты, — говорится в приговоре, — доказательства ясно устанавливают, что агрессивные акты против Франции и нападение на Англию, Соединенные Штаты Америки и Голландию были продиктованы только желанием лишить Китай какой-либо помощи в той борьбе, которую он вел против японской агрессии, и обеспечить за собой владения своих соседей на юге» [1].

Трибунал признал, что в течение 1940 и 1941 гг. руководители Японии планировали ведение агрессивных войн против Франции во Французском Индокитае и что Япония вела агрессивную войну против Французской Республики. Оккупация японскими войсками районов Французского Индокитая, на которую Япония заставила Францию согласиться, осуществлялась не мирным путем [2].

«Трибунал также считает, — указывается в приговоре, — что нападения, предпринятые Японией 7 декабря 1941 г. против Англии, Соединенных Штатов Америки и Голландии, представляли

[1] Стенограмма Токийского процесса от 11 ноября 1948 г., с. 49 581 49 582.
[2] См.: там же, с. 49 582—49 583.

собой агрессивные войны. Это были неспровоцированные нападения, продиктованные желанием захватить владения этих государств»[1].

Трибунал отверг утверждение защиты о том, что будто война Японии против Голландии не может быть охарактеризована как агрессивная война, поскольку, мол, Голландия проявила инициативу в объявлении войны Японии. Тот факт, что Голландия, хорошо зная о близости нападения, в качестве меры самообороны 8 декабря объявила войну Японии и, таким образом, официально признала существование состояния войны, начатой Японией, не меняет того положения, что эта война являлась со стороны Японии только агрессивной. В действительности Япония объявила войну Голландии только 11 января 1942 г., когда ее войска высадились в Голландской Ост-Индии[2].

Трибунал не признал агрессии со стороны Японии в отношении Таиланда (Сиама). Он указал, что доказательства, касающиеся вступления японских войск в Таи, являются весьма недостаточными. Напротив, было доказано, что японские руководители планировали получение мирным путем права прохождения японских войск через территорию Таи на Малайский полуостров путем соглашения с Таи. 21 декабря 1941 г. Таи заключил договор о союзе с Японией. Ни один свидетель не жаловался от имени Таи на действия Японии, как на акты агрессии.

При таких обстоятельствах у Трибунала нет достаточной уверенности в том, что продвижение Японии на территорию Таи противоречило желаниям правительства Таи, и обвинения в том, что подсудимые развязали и вели агрессивную войну против Королевства Таи, остаются недоказанными[3].

В связи с тем, что в п. 31 Обвинительного заключения инкриминируется ведение агрессивной войны против «Британского содружества наций», а в указе императора Японии от 8 декабря 1941 г. говорится об объявлении войны «Британской империи», Трибунал рассмотрел этот вопрос и признал, что «правильным названием этого объединения будет «Британское содружество Наций»[4].

В п. 30 Обвинительного заключения инкриминируется ведение агрессивной войны против Филиппинской республики.

В связи с этим Трибунал указал, что «во время войны Филиппинские острова не являлись полностью суверенным государством. С точки зрения международных отношений они являлись частью Соединенных Штатов Америки. Нет никакого сомнения в том, что агрессивная война велась против народа Филиппинских островов.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 11 ноября 1948 г., с. 49 584.
[2] См.: там же, с. 49 584—49 586.
[3] См.: там же, с. 49 588—49 589.
[4] См.: там же, с. 49 589—49 591.

В интересах формальной точности мы будем считать агрессию против народа филиппинских островов частью агрессивной войны против Соединенных Штатов Америки».

Конечно, большинство членов Трибунала, представлявшее государства англо-американского блока, приняло такое решение не «в интересах формальной точности», а в интересах Соединенных Штатов Америки [1].

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЗАКОНОВ И ОБЫЧАЕВ ВОЙНЫ (ЗВЕРСТВА)

Данная глава занимает 169 страниц [2]. В начале главы говорится: «После тщательного рассмотрения и изучения доказательств, мы пришли к выводу, что в таком приговоре, каким является настоящий приговор, невозможно полностью изложить всю массу представленных устных и документальных доказательств; для полного описания масштаба и характера зверств необходимо ссылаться на протокол заседаний Трибунала.

Доказательства, относящиеся к зверствам и другим преступлениям против законов и обычаев войны, представленные Трибуналу, устанавливают, что с начала войны в Китае до капитуляции Японии в августе 1945 года пытки, убийства, изнасилования и другие акты жестокости самого бесчеловечного и зверского характера широко практиковались японской армией и флотом. В течение нескольких месяцев Трибунал принимал устные и письменные показания свидетелей, которые подробно сообщали о зверствах, совершенных на всех театрах войны в таком широком масштабе и, тем не менее, по одному и тому же образцу, что можно сделать только один вывод, а именно, совершение этих зверств либо секретно приказывалось, или преднамеренно разрешалось японским правительством или отдельными его членами и руководителями вооруженных сил».

Далее в приговоре говорится: «Безжалостные убийства военнопленных путем расстрелов, обезглавливания, утопления и другими методами; марши смерти, в которых военнопленных, включая больных, вынуждали проходить большие расстояния в условиях, которые не могли бы вынести даже хорошо натренированные войска; многих из военнопленных, которые отставали, конвоиры застреливали или закалывали штыками; принудительный труд в тропической жаре без защиты от солнца; полное отсутствие жилищ и медикаментов, во многих случаях приводившие к тысячам смертных случаев от болезней; избиения и пытки всех видов для полу-

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 11 ноября 1948 г., с.49 591.
[2] Т а м ж е, с. 49 592—49 761.

чения сведений или признаний, или за мелкие проступки; убийства без суда пойманных военнопленных после побега и за попытку к бегству; убийства без суда захваченных в плен летчиков; и даже людоедство, — все это только часть зверств, доказательства о которых были представлены Трибуналу» [1].

Затем в приговоре излагаются доказательства по отдельным разделам под такими заголовками, как: «С пленными, захваченными в китайской войне, обращались как с бандитами», «Нанкинская резня»; «Убийство захваченных в плен летчиков»; «Массовые убийства производились по приказу»; «Марши смерти»; «Железная дорога Бирма — Сиам»; «Пытки и другие формы бесчеловечного обращения»; «Вивисекция и людоедство»; «Незаконное использование на работах»; «Голод и неоказание медицинской помощи военнопленным и интернированным лицам»; «Применение чрезмерных и незаконных наказаний»; «Унижение военнопленных»; «Плохое обращение с военнопленными было политикой Японского правительства»; «Протесты союзников»; «Плохое обращение с военнопленными и гражданскими интернированными лицами покрывалось и скрывалось» и др.

Приведенные заголовки разделов дают представление о содержании данной главы. Отметим лишь некоторые моменты из текста главы.

Японское правительство не ратифицировало и не ввело в действие Женевскую конвенцию о военнопленных, которую оно подписало в 1929 году. Против ратификации этой конвенции решительно выступили армия и военно-морской флот, которые считали, что она противоречит основам подготовки японского солдата.

Задолго до начала периода, охватываемого Обвинительным заключением, молодых людей Японии учили на основе двух заповедей: первая — «величайшая честь умереть за императора»; вторая — «сдача в плен противнику является позором».

Общей целью этих двух заповедей являлось то, чтобы внушить японским солдатам презрение к солдатам союзников, которые сдавались в плен, что, в нарушение правил войны, было продемонстрировано в их обращении с военнопленными.

В этой связи в приговоре указывается, что Тодзио, давая инструкции начальникам лагерей для военнопленных, заявил: «В японии мы имеем свою собственную точку зрения относительно военнопленных, которая, естественно, должна сделать обращение с ними более или менее отличными от обращения с ними в Европе и Америке» [2].

В разделе «Массовые убийства» отмечается, что 9 августа

[1] Стенограмма Токийского процесса от 11 ноября 1948 г., с. 49 593—49 594.

[2] Стенограмма Токийского процесса от 12 ноября 1948 г., с. 49 721—49 723.

1945 г. в Хайларе (Маньчжурия) по указанию командующего Квантунской армией была расстреляна большая группа советских граждан на том основании, что они «могли проводить диверсионную деятельность и шпионаж против японской армии».

Доказательства свидетельствуют о том, что большинство массовых убийств было совершено по приказам офицеров, генералов и адмиралов, которые во многих случаях лично руководили убийствами или фактически совершали их.

В разделе «Вивисекция и людоедство» указывается, что Японские военные врачи практиковали вивисекцию военнопленных. Приводится несколько примеров. Так, в Кандоке одного военнопленного, здорового, не имевшего ранений, привязали к дереву, а затем японский врач в присутствии четырех студентов-медиков вырезал у него ногти на пальцах, потом разрезал грудную клетку и вынул сердце, которое демонстрировал студентам.

Другой случай. Японские солдаты схватили 24-летнюю женщину, когда она скрывалась в траве. Офицер сорвал с нее одежду и своей саблей вырезал у нее груди и матку. Солдаты держали женщину, когда офицер проделывал эту операцию. Вначале девушка кричала, затем замолчала... Ее труп тут же сожгли.

Далее в этом разделе указывается: «К концу Тихоокеанской войны японская армия и флот дошли до людоедства и ели тела союзных военнопленных, которых они незаконно убивали. Это практика имела место не без ведома и согласия командования японской армии и флота». Затем приводятся доказательства, в частности приказ по 16 армии от 10 декабря 1944 г., который цитировался обвинением [1].

В разделе «Протесты союзников» отмечается, что «официальные и неофициальные протесты и предостережения против нарушений законов и обычаев ведения войны, заявлявшиеся союзными и протектирующими державами в течение Тихоокеанской войны, игнорировались, а если на них давались ответы, то в них отрицалось совершение преступлений или же давались лживые объяснения» [2].

ВЫВОДЫ ПО ПУНКТАМ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Эта глава приговора по сути представляет собою продолжение того раздела второй главы, в котором анализируется обвинительное заключение. В ней Трибунал излагает свое мотивированное решение о дальнейшем сокращении пунктов обвинения.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 11 ноября 1948 г., с. 49 671–49

[2] Стенограмма Токийского процесса от 12 ноября 1948 г., с. 49 738.

«В пункте 1 Обвинительного заключения, — говорится в начале этой главы, — все подсудимые обвиняются в том, что они совместно с другими лицами участвовали в составлении и осуществлении общего плана или заговора. Цель этого общего плана заключалась в том, что Япония должна была обеспечить свое военное, морское, политическое и экономическое господство в Восточной Азии, на Тихом и Индийском океанах и во всех странах и на островах этих районов, а также в районах, граничащих с ними, и с этой целью Япония одна или совместно с другими странами, преследующими те же цели, должна была вести агрессивную войну или войны против любой страны или стран, которые могли бы противодействовать осуществлению этой цели.

Несомненно, имеются заявления некоторых из тех лиц, которые обвиняются в участии в заговоре, совпадающие с вышеприведенным серьезным утверждением, однако, мы считаем, что не было доказано, что эти заявления были чем-то большим, чем высказывания о стремлениях отдельных лиц. Так, например, мы не думаем, что заговорщики когда-либо всерьез намеревались попытаться установить господство в Северной и Южной Америке. Что касается желаний заговорщиков, выкристаллизованных в конкретном общем плане, то мы считаем, что территория, над которой они претендовали установить господство Японии, включала только Восточную Азию, Западную и Юго-Западную части Тихого океана, Индийский океан и некоторые острова в этих океанах.

В соответствии с этим мы будем рассматривать п. 1, как если бы обвинение, выдвинутое в нем, было ограничено вышеизложенной целью» [1].

Трибунал признал, что существовал заговор с указанной выше целью.

Сделав этот принципиальный вывод, Трибунал далее изложил основные этапы японской агрессии против других стран, начиная с агрессивной войны Японии против Китая, развязанной в 1931 году, когда была захвачена Маньчжурия и провинция Жэхэ.

Здесь же говорится, что японские заговорщики «в течение долгого времени планировали и готовили агрессивную войну, которую они намеревались развязать против СССР. Их намерение заключалось в том, чтобы захватить восточные территории этой страны, когда наступит благоприятный момент...

Их запланированное нападение на СССР откладывалось время от времени по различным причинам, среди которых были:

1) занятость Японии войной в Китае, которая поглощала непредвиденно большое количество военных ресурсов, и

2) заключенный в 1939 году между Германией и СССР пакт о ненападении, который освободил СССР на время от угрозы нападения

[1] Стенограмма Токийского процесса от 12 ноября 1948 г., с. 49 762—49 763.

на его западные границы и мог позволить ему использовать значительную мощь своих сил для обороны восточных границ, если бы Япония напала на него» [1].

Резюмируя сказанное о планах японских заговорщиков о ведении агрессивных войн, Трибунал в приговоре записал: «Эти далеко идущие планы ведения агрессивных войн и продолжительная и сложная подготовка к ведению этих агрессивных войн не были плодом деятельности одного человека. Это был результат усилий многих лидеров, действовавших в соответствии с общим планом для достижения общей цели. Эта общая цель, заключавшаяся в установлении господства Японии путем подготовки и ведения агрессивных войн, была преступной целью. В самом деле, нельзя себе представить более тяжких преступлений, чем заговор с целью ведения агрессивной войны или ведение агрессивной войны, так как заговор угрожает безопасности народов мира, а ведение войны нарушает ее. Возможным результатом подобного заговора и неизбежным результатом его существования является смерть и страдания бесчисленного количества людей.

Трибунал не считает необходимым рассматривать вопрос о том, существовал ли заговор с целью ведения войн в нарушение договоров, соглашений и обязательств, перечисленных в приложениях к пункту 1 Обвинительного заключения. Уже сам заговор с целью ведения агрессивных войн был в высшей степени преступным.

Трибунал считает доказанным существование преступного заговора с целью ведения агрессивных войн, как он инкриминируется в пункте 1 Обвинительного заключения, но ограничивает его цель, как было сказано выше» [2].

К этому важному кардинальному решению Трибунал принял следующее дополнительное решение-разъяснение: «Заговор существовал и осуществлялся в течение многих лет. Не все заговорщики присоединились к нему в самом начале, а некоторые из тех, кто был его участником, перестали играть активную роль в его осуществлении еще до того, как он прекратил свое существование. Все те, кто в какой-либо период времени был участником преступного заговора и кто в какой-либо период времени участвовал в его осуществлении, зная, что это является преступлением, признаются виновными по пункту 1 Обвинительного заключения».

Приняв такое решение по пункту 1, Трибунал вынес следующее решение по другим пунктам Обвинительного заключения: «Нет необходимости рассматривать пункты 2 и 3, которые инкриминируют организацию или осуществление заговоров, имевших более ограниченные цели, чем заговор, который мы считаем доказанным по пунк-

[1] Стенограмма Токийского процесса от 12 ноября 1948 г., с. 49 766—49 767.

[2] Там же, с. 49 768—49 769.

ту 1, и пункт 4, который инкриминирует тот же заговор, что и в пункте 1, лишь с большей детализацией.

Пункт 5 инкриминирует заговор более широкий по своим масштабам и даже с более грандиозными целями, чем заговор, инкриминируемый в пункте 1. Мы считаем, что, несмотря на то, что некоторые из заговорщиков явно хотели достичь этих грандиозных целей, нет достаточных доказательств, которые оправдывали бы вывод о том, что заговор, инкриминируемый в пункте 5, доказан.

По причинам, изложенным в одной из предыдущих частей приговора, мы не считаем необходимым принимать какое-либо решение по пунктам с 6 по 26 и с 37 по 53 обвинительного заключения.

Таким образом остаются лишь пункты с 27 по 36 и с 54 по 55, по которым мы и выносим ниже свое решение.

Пункты с 27 по 36 обвиняют в преступлении ведения агрессивных войн и войн в нарушение международного права, договоров, соглашений и обязательств против стран, поименованных в этих пунктах.

В изложении фактической части данной главы мы уже установили, что агрессивные войны велись против всех этих стран, за исключением Филиппин (п. 30) и королевства Таи (п. 34)...

Пункт 28 инкриминирует ведение агрессивной войны против Китайской Республики в течение меньшего периода времени, чем это инкриминируется в пункте 27.

Поскольку мы считаем, что более полное обвинение, выдвинутое в пункте 27, было доказано, мы не будем выносить решения по пункту 28.

Учитывая, что факт ведения агрессивных войн был доказан, нет необходимости рассматривать, были ли они также войнами в нарушение международного права или в нарушение договоров, соглашений и обязательств. Поэтому Трибунал считает доказанным, что агрессивные войны велись, как это инкриминируется в пунктах 27, 29, 31, 32, 33, 35 и 36.

Пункт 54 инкриминирует издание приказов и предоставление полномочий и разрешений на совершение преступлений против законов и обычаев войны.

Пункт 55 инкриминирует непринятие соответствующих мер к обеспечению соблюдения конвенций, законов и обычаев войны в отношении военнопленных и интернированных гражданских лиц и к предотвращению их нарушений. Мы устанавливаем, что в ряде случаев преступления, инкриминируемые в обоих этих пунктах, были доказаны.

Исходя из вышеизложенных выводов, мы намереваемся рассматривать обвинения против отдельных подсудимых только по следующим пунктам обвинительного заключения: 1, 27, 29, 31, 32, 33, 35, 36, 54 и 55» [1].

[1] Стенограмма Токийского процесса от 12 ноября 1948 г., с. 49 770—49 772.

Следовательно, вместо 55 пунктов, содержащихся в обвинительном заключении, Трибунал решил инкриминировать подсудимым лишь 10, считая, что остальные пункты по существу поглощаются этими десятью пунктами.

РЕЗОЛЮТИВНАЯ ЧАСТЬ

Эта глава содержит в себе вердикты, под которыми в английском праве понимаются решения присяжных о признании подсудимых виновными или невиновными. После того, как присяжные вынесли вердикт, судьи определяют меру наказания подсудимому и объявляют приговор.

Приговор по делу японских главных военных преступников был вынесен Международным Военным Трибуналом, однако структура его соответствует структуре приговора суда присяжных. Именно поэтому были выделены в специальные главы изложения выводов Трибунала по отдельным пунктам обвинительного заключения и индивидуальной виновности каждого подсудимого.

В начале данной главы записано следующее:

«Трибунал переходит к вынесению своего приговора по делу каждого подсудимого.

Статья 17 Устава требует того, чтобы в приговоре излагались основания, на которых он базируется. Эти основания изложены при описании фактической стороны дела и в выводах, содержащихся в только что зачитанной части приговора. В них Трибунал подробно рассмотрел деятельность каждого подсудимого.

Поэтому Трибунал не намеревается в резолютивной части, которая сейчас будет оглашена, повторять многие конкретные выводы, на которых основывается эта резолютивная часть.

Трибунал изложит свои мотивы в общих чертах в отношении каждого подсудимого. Такие общие мотивы будут базироваться на частных определениях и выводах, содержащихся в уже зачитанной части приговора [1].

Далее Трибунал излагает свои выводы (вердикты) по каждому из 25 подсудимых.

В качестве примера приведем вывод (вердикт) в отношении подсудимого Доихара.

«Подсудимый Доихара Кэндзи обвиняется по пунктам 1, 27, 29, 31, 32, 33, 35, 36, 54 и 55.

В начале рассматриваемого нами периода Доихара был полковником японской армии и к апрелю 1941 года был произведен в полного генерала. К началу Маньчжурского инцидента он пробыл

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 12 ноября 1948 г., с. 49 773.

в Китае около 18 лет, и в японской армии его стали считать специалистом по Китаю. Он имел самое непосредственное отношение к развязыванию и ведению агрессивной войны против Китая в Маньчжурии и к последующему созданию государства Маньчжоуго под господством Японии.

В то время, как в других районах Китая осуществлялась агрессивная политика японской военной группировки, Доихара играл видную роль в проведении этой политики путем политических интриг, угроз применения силы и путем применения силы.

Доихара действовал в тесном контакте с другими руководителями военной группировки в деле разработки, подготовки и осуществления их планов подчинения Восточной и Юго-Восточной Азии японскому господству.

Когда отпала необходимость в его особых знаниях Китая и в его способностях к интригам, его использовали в качестве генерала в действующей армии для осуществления тех целей, к которым он стремился, участвуя в заговоре. Он принял участие в ведении агрессивной войны не только против Китая, но также против СССР и тех стран, против которых Япония вела агрессивную войну с 1941 по 1945 год, за исключением Французской Республики.

Что касается войн против СССР в 1938 и 1939 гг., то Доихара, будучи генерал-лейтенантом, служил в Генеральном штабе, который осуществлял общее руководство боями в районе озера Хасан. Подразделения армии, которой он командовал, приняли участие в боях в районе реки Халхин-Гол...

Мы считаем его виновным в заговоре для ведения агрессивной войны согласно пункту 1 и в ведении агрессивных войн согласно пунктам 27, 29, 31, 32, 35 и 36. Он не виновен по пункту 33 (война против Франции. — *Прим. авт.*)

С апреля 1944 по апрель 1945 год Доихара командовал 7-м фронтом. Этот фронт включал Малайю, Суматру, Яву и в течение некоторого времени — Борнео. Доказательства о рамках его ответственности за защиту военнопленных на территориях, где он командовал, от убийств и пыток — противоречивы. Во всяком случае он нес ответственность за снабжение их продовольствием и медикаментами...

Защита утверждала, что в результате ухудшения военного положения Японии в этих районах, а также вследствие разрыва коммуникаций стало невозможным обеспечить лучшее снабжение военнопленных.

Доказательства показывают, что продовольствие и медикаменты имелись в наличии и могли быть использованы для облегчения тех ужасных условий, в которых находились пленные. Эти предметы не выдавались в соответствии с политикой, за которую нес ответственность Доихара.

В соответствии с этими выводами о фактах преступления Доихара, его следует скорее считать подпадающим под пункт 54,

чем под пункт 55. Следовательно, он признается виновным по пункту 54; мы не выносили решения по пункту 55»[1].

По такому же плану сформулированы выводы (вердикты) и в отношении других подсудимых.

Здесь мы укажем, по каким пунктам обвинительного заключения подсудимые были признаны виновными и по каким оправданы.

Араки — признан виновным по пп. 1, 27; оправдан по пп. 29, 31, 32, 33, 35, 36, 54, 55.

Хасимото — признан виновным по пп. 1, 27; оправдан по пп. 29, 31, 32, 54, 55.

Хата — признан виновным по пп. 1, 27, 29, 31, 32, 55; оправдан по пп. 35, 36, 54.

Хиранума — признан виновным по пп. 1, 27, 29, 31, 32, 36; оправдан по пп. 33, 35, 54, 55.

Хирота — признан виновным по пп. 1, 27, 55; оправдан по пп. 29, 31, 32, 33, 35, 54.

Хосино — признан виновным по пп. 1, 27, 29, 31, 32; оправдан пп. 33, 35, 54, 55.

Итагаки — признан виновным по пп. 1, 27, 29, 31, 32, 35, 36, 54; оправдан по пп. 33, 55.

Кайя — признан виновным по пп. 1, 27, 29, 31, 32; оправдан по пп. 54, 55.

Кидо — признан виновным по пп. 1, 27, 29, 31, 32; оправдан по пп. 33, 35, 36, 54, 55.

Кимура — признан виновным по пп. 1, 27, 29, 31, 32, 54, 55, т. е. по всем предъявленным ему обвинениям.

Койсо — признан виновным по пп. 1, 27, 29, 31, 32, 55; оправдан по пп. 36, 54.

Мацуи — признан виновным по п. 55; оправдан по пп. 1, 27, 29, 31, 32, 35, 36, 54, т. е. признан виновным лишь в непринятии мер против зверств в отношении военнопленных и интернированных гражданских лиц.

Минами — признан виновным по пп. 1, 27; оправдан по пп. 29, 31, 32, 54, 55.

Муто — признан виновным по пп. 1, 27, 29, 31, 32, 54, 55; оправдан по пп. 33, 36.

Ока — признан виновным по пп. 1, 27, 29, 31, 32; оправдан по пп. 54, 55.

Осима — признан виновным по п. 1; оправдан по пп. 27, 29, 31, 32, 54, 55.

Сато — признан виновным по пп. 1, 27, 29, 31, 32; оправдан по пп. 54, 55.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 12 ноября 1948 г., с. 49 777—49 779.

Сигэмицу — признан виновным по пп. 27, 29, 31, 32, 33, 55; оправдан по пп. 1, 35, 54.

Симада — признан виновным по пп. 1, 27, 29, 31, 32; оправдан по пп. 54, 55.

Сиратори — признан виновным по п. 1; оправдан по пп. 27, 29, 31, 32.

Судзуки — признан виновным по пп. 1, 27, 29, 31, 32; оправдан по пп. 35, 36, 54, 55.

Того — признан виновным по пп. 1, 27, 29, 31, 32; оправдан по пп. 36, 54, 55.

Тодзио — признан виновным по пп. 1, 27, 29, 31, 32, 33, 54; оправдан по пп. 36, 55.

Умэдзу — признан виновным по пп. 1, 27, 29, 31, 32; оправдан по пп. 36, 54, 55.

САНКЦИИ

В данной главе приводятся меры наказания, определенные Трибуналом.

В начале главы излагается заявление председателя Трибунала Уэбба.

«В соответствии с Уставом Трибунала я огласил приговор Трибунала.

Член Трибунала от Индии не согласен с приговором большинства и представил заявление с изложением в нем причин своего несогласия.

Члены Трибунала от Франции и Голландии только частично не согласны с приговором большинства, они представили заявления с изложением причин своего несогласия.

Член Трибунала от Филиппин, соглашаясь с приговором большинства в целом, представил заявление с изложением своего особого мнения.

Что касается фактов, я, в общем, разделяю взгляды большинства, но, не выступая с особым мнением, я представил краткое заявление с изложением причин, по которым я согласен с Уставом и с юрисдикцией Трибунала, а также некоторых общих соображений, которыми я руководствовался при вынесении приговора.

Эти документы будут приобщены к делу и будут переданы Верховному Главнокомандующему, защите и всем другим лицам, имеющим к ним отношение. Защита обращалась с ходатайством об оглашении в суде этих особых мнений, но Трибунал, рассмотрев этот вопрос, решил не оглашать их.

[1] См.: Стенограмма Токийского процесса от 12 ноября 1948 г., с. 49 774—49 851.

Трибунал придерживается этого решения.

Подсудимые будут выведены со скамьи подсудимых, и затем, по одному, будут вводиться в суд для оглашения им меры наказания в том порядке, как их фамилии перечислены в заголовке обвинительного заключения.

Трем подсудимым, которые по болезни не присутствуют сегодня в зале суда, приговор будет объявлен заочно, после оглашения приговора подсудимым, присутствующим в суде.

Для того, чтобы дать возможность вводить подсудимых в зал суда для объявления им приговора в указанном порядке, я объявляю перерыв на 15 минут» [1].

После перерыва заседание Международного Военного Трибунала было продолжено.

Наступило время объявления приговора.

В зале суда воцарилась мертвая тишина. Казалось, все замерло, как на фотографии. Сидящие в зале японцы не только не шевелились, они как бы удерживали себя от дыхания, чтобы не нарушить тишину.

В этот напряженный момент председатель, наклонившись к микрофону, спокойным и вместе с тем твердым голосом произнес: «В соответствии с пунктом «3» статьи 15 Устава Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока сейчас объявит приговор подсудимым, осужденным по данному Обвинительному заключению».

Напряжение в зале суда еще больше усилилось.

В зал вводят первого по списку Обвинительного заключения подсудимого Араки.

Председатель объявляет: «Подсудимый Араки Садао, на основании пунктов Обвинительного заключения, по которым Вы признаны виновным, Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока приговаривает Вас к пожизненному тюремному заключению». И так далее, по списку...

Последним в зал суда вводят самого главного японского военного преступника — Тодзио.

Председатель объявляет: «Подсудимый Тодзио Хидэки, на основании пунктов Обвинительного заключения, по которым Вы признаны виновным, Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока приговаривает Вас к смертной казни через повешение».

Затем объявляется приговор трем подсудимым, отсутствовавшим по болезни. «Подсудимых Кайя, Сиратори и Умэдзу Трибунал на основании пунктов Обвинительного заключения, по которым они

[1] Стенограмма Токийского процесса от 12 ноября 1948 г., с. 49 852—49 853.

признаны виновными, приговаривает каждого к пожизненному тюремному заключению»[1].

Заседание Трибунала объявляется закрытым.

Так закончилось последнее заседание Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока по делу главных японских военных преступников.

Это произошло в 16 час. 12 мин. 12 ноября 1948 г.

Итак, Международный Военный Трибунал в Токио приговорил: Тодзио Хидэки, Доихара Кэндзи, Хирота Коки, Итагаки Сэйсиро, Кимура Хэйтаро, Мацуи Иванэ, Муто Акира — к смертной казни через повешение.

Араки Садао, Хасимото Кингоро, Хата Сюнроку, Хиранума Кинчиро, Хосино Наоки, Кидо Кончи, Койсо Куниаки, Минами Дзиро, Ока Такацуми, Осима Хироси, Сато Кэнрио, Симада Сигэтаро, Судзуки Тэйити, Кайя Окинори, Сиратори Тосио, Умэдзу Иосидзиро — к пожизненному заключению.

Того Сигэнори — к тюремному заключению сроком на 20 лет, считая со дня вручения Обвинительного заключения; Сигэмицу Мамору — к тюремному заключению сроком на 7 лет, считая со дня вручения Обвинительного заключения.

ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА

Приговор Международного Военного Трибунала главным японским военным преступникам так же, как и приговор Международного Военного Трибунала главным немецким военным преступникам, имеет важное историческое значение и был с одобрением встречен мировой прогрессивной общественностью.

Если же к приговору подойти с юридической точки зрения, то надо сказать, что он не лишен и существенных недостатков. Тот факт, что некоторые члены Трибунала не согласились с приговором большинства и представили свои особые мнения, свидетельствует о том, что в судейской комнате по многим пунктам обвинения высказывались различные суждения и оценки и вследствие этого Трибунал вынужден был принимать по этим пунктам компромиссные решения. Очевидно, по этой же причине в приговоре имеются и некоторые противоречия между выводами Трибунала и установленными им же фактами.

Так, обращает на себя внимание мягкость вынесенной Трибуналом меры наказания подсудимым Араки, Хасимото, Хиранума, Минами, Умэдзу и некоторым другим, хотя было установлено, что они являлись активными участниками заговора против мира.

[1] Стенограмма Токийского процесса от 12 ноября 1948 г., с. 49 854—49 858.

В приговоре признается, что между гитлеровской Германией и империалистической Японией существовал военный союз, что как Германия, так и Япония проводили агрессивную политику и вели войны с целью установления своего господства над другими странами и народами. Однако Трибунал не нашел доказанным существование общего заговора Японии с Германией против мира. При этом в приговоре дело представляется таким образом, что будто основной движущей силой в заключении японо-германского военного союза были военные с той и с другой стороны, а их правительства как бы стояли в стороне. Здесь явно преувеличивается роль военных и уменьшается роль правительства Японии. К тому же умалчивается роль японских промышленно-финансовых монополий «Дзай-бацу» и императора Хирохито в планировании, подготовке и ведении агрессивных войн.

Подобное положение наблюдается и при чтении той части приговора, в которой говорится об ответственности за нападение японских войск на Монгольскую Народную Республику и Советский Союз. Судя по приговору, ответственными за это нападение могли быть либо штаб Квантунской армии, либо Генеральный штаб, а роль правительства в этой агрессивной войне сведена только к тому, что премьер-министр Хиранума и военный министр Итагаки не приняли мер к прекращению военных действий, начатых войсками Квантунской армии. Здесь также умалчивается роль императора Хирохито.

Необоснованно мягким представляется приговор Трибунала в отношении Сигэмицу, осужденного лишь к семи годам тюремного заключения. Он был оправдан по п. 1 Обвинительного заключения — заговор и п. 35 — агрессивная война против СССР в районе озера Хасан, хотя в ходе судебных заседаний было установлено, что он участвовал в заговоре и, будучи японским послом в Москве, активно содействовал развязыванию указанной агрессивной войны.

Хотя Мацуи и был приговорен к смертной казни через повешение, тем не менее вызывает удивление, что он был оправдан по многим пунктам Обвинительного заключения, в частности, по п. 1 — заговор и по п. 27 — агрессивная война против Китая. Кажется странной и неубедительной приведенная Трибуналом мотивировка по вердикту в отношении Мацуи: «Нельзя рассматривать его военную службу в Китае в 1937—1938 гг. саму по себе, как ведение агрессивной войны. Для того, чтобы обосновать осуждение его по п. 27, обвинение должно было бы представить доказательства, которые обосновали бы вывод о том, что он знал о преступном характере этой войны...

В 1937 году он был назначен командующим экспедиционными войсками в Шанхае. Затем он был назначен командующим японской армией в Центральном Китае, которая включала в себя экспедиционные войска в Шанхае и 10-ю армию. Будучи командующим этими войсками, он 13 декабря 1937 г. захватил Нанкин».

Известно, что «Нанкинская резня», совершенная японскими войсками под командованием Мацуи, является одним из самых ужасных преступлений в истории японской военной агрессии. Однако Трибунал не признал Мацуи в полной мере ответственным за «Нанкинскую резню». «Трибунал считает, — читаем мы в приговоре, — что Мацуи знал о том, что происходило. Он не предпринял никаких, или, по крайней мере, никаких эффективных шагов для того, чтобы прекратить эти ужасы» [1]. В итоге Мацуи был признан виновным лишь по одному пункту Обвинительного заключения — 55 — непринятие мер к соблюдению правил обращения с военнопленными или интернированными гражданскими лицами, а по всем другим — оправдан.

Ранее отмечалось, что в США имелись определенные влиятельные силы, которые всячески старались умалить значение Международного суда над бывшими японскими лидерами и обелить их деятельность.

Весьма наглядно эта тенденция проявилась на стадии исполнения приговора.

На основании ст. 17 Устава Трибунала приговор должен приводиться в исполнение в соответствии с приказом Главнокомандующего Союзных Держав, который имеет право в любое время смягчить наказание или каким-либо образом изменить приговор, но не может повысить наказание.

Генерал Макартур 22 ноября 1948 г. утвердил приговор, отметив при этом, что он «не может найти никаких технических упущений или упущений в виде самого судебного разбирательства, чтобы оправдать вмешательство в приговор». Но затем принял для направления в Верховный Суд США апелляции осужденных Хирота и Доихара и в связи с этим отложил исполнение приговора в отношении всех осужденных. Позже к апелляциям Хирота и Доихара присоединились осужденные Кидо, Ока, Сато, Симада и Того.

Со своей стороны Верховный суд США (т. е. национальный суд) в нарушение норм международного права 6 декабря 1945 г. большинством в пять голосов против четырех принял к своему производству апелляцию осужденных и назначил ее рассмотрение на 16 декабря 1948 г. Данное решение Верховного Суда США вызвало возмущение в среде Международного Военного Трибунала, у мировой демократической общественности и даже у некоторых японских кругов. Многие заявляли, что решение Международного Военного Трибунала, состоящего из представителей 11 стран, не может быть подвергнуто пересмотру национальным судом какой-либо одной страны.

Под влиянием мирового общественного мнения американскому

[1] Стенограмма Токийского процесса от 12 ноября 1948 г., с. 49 814—49 816.

правительству пришлось выступить против решения Верховного суда США.

Заместитель министра юстиции США Перлман от имени своего правительства обратился с официальным письмом в Верховный суд США, в котором потребовал, чтобы суд не вмешивался в приговор Международного Военного Трибунала. При этом он указал, что любое вмешательство Верховного суда США не только нанесет ущерб международному правосудию и дальнейшему росту авторитета международного права, но «повредит также и другим усилиям, направленным на достижение сотрудничества, и в частности деятельности Организации Объединенных Наций». Заместитель министра юстиции заявил далее, что если Верховный суд не отклонит апелляции японских военных преступников, «можно предвидеть самые несчастные последствия в развитии международных дел». Он также указал, что у Верховного суда нет полномочий пересматривать такие решения, как соглашение президента с союзниками военного времени о наказании военных преступников.

Верховный суд США 16 декабря отложил рассмотрение апелляций, а 20 декабря 1948 г. шестью голосами против одного отказался пересматривать приговор, вынесенный Международным Военным Трибуналом для Дальнего Востока.

В ночь с 22 на 23 декабря между 0 час. и 0 час. 30 мин. по местному времени во дворе тюрьмы Сугамо в Токио приговор в отношении семи главных японских военных преступников, осужденных к смертной казни через повешение, был приведен в исполнение.

При исполнении приговора присутствовали члены Союзного Совета для Японии от СССР, США, Англии и Китая, а также врачи и представители тюремной администрации.

* *
*

Международный Военный Трибунал в Токио, так же как и Международный Военный Трибунал в Нюрнберге, сыграл важную историческую роль.

Он осудил агрессивную войну как тягчайшее преступление против человечества и сурово наказал конкретных виновников.

Судебный процесс в Токио вскрыл политический, экономический, идеологический и военный механизм подготовки Японии к агрессивным войнам, характер и цели японского милитаризма, его планы порабощения других народов, преступные человеконенавистнические войны, в результате которых сам японский народ и народы других стран понесли бесчисленные людские жертвы и огромные материальные потери.

Токийский и Нюрнбергский судебные процессы создали международно-правовую базу для суда над военными преступниками.

В 1947 году в Японии была принята новая конституция, в которой указывается, что «Японский народ на вечные времена отказы-

вается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров». В ней также заявляется, что в Японии «никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны». Право на ведение государством войны «не признается» (ст. 9).

Несмотря на это, в японских военных кругах, как и в период второй мировой войны, разрабатываются стратегические планы, имеющие целью превращение Японии в современную военную державу, которая обладала бы всеми видами боевой техники, в том числе ядерным оружием.

Уже в 1951 году, сразу после заключения Соединенными Штатами и некоторыми другими капиталистическими странами с Японией сепаратного мирного договора, японское правительство подписало с правительством США «договор безопасности», заложивший правовую основу военно-политического союза между двумя государствами. По этому договору Япония предоставила США право сохранить военные базы и содержать сухопутные, военно-воздушные и военно-морские силы на ее территории.

Уже через несколько лет после поражения японское правительство стало воссоздавать не без ведома и при содействии американской оккупационной администрации, вооруженные силы в нарушение статьи 9-й Конституции. В настоящее время японские вооруженные силы представляют достаточно боеспособную, оснащенную современным вооружением армию.

Следуя этому милитаристскому курсу, Япония уклонилась от принятия предложений СССР о заключении договора о добрососедстве и сотрудничестве и соглашения о гарантиях, предусматривающего закрепление в соответствующей договорно-правовой форме обязательства СССР не применять против Японии ядерного оружия и обязательства Японии строго и последовательно соблюдать безъядерный статус — не производить, не приобретать и не допускать завоза на японскую территорию, а также в воздушное и морское пространство страны ядерное оружие.

Советская сторона проявляла и другие инициативы для улучшения отношений между двумя соседними странами.

Выступая во Владивостоке в 1986 г. и в Красноярске в 1988 г., беседуя с японскими государственными деятелями, М. С. Горбачев отмечал, что объективное положение Советского Союза и Японии требует углубленного сотрудничества на здоровой реалистической основе, в атмосфере спокойствия, не обремененной проблемами прошлого. При этом подчеркивал, что такое сотрудничество может успешно строиться только на основе взаимности, на базе баланса двусторонних и региональных интересов, при том понимании, что никто не будет посягать на итоги второй мировой войны и нерушимость границ.

Со стороны японских государственных деятелей, в частности

бывшего премьер-министра Накасонэ, произносились заявления в пользу улучшения отношений с Советским Союзом. Однако эти заявления не были подкреплены практическими действиями.

29 июля 1987 г. в Вашингтоне было подписано межправительственное соглашение об участии Японии в программе «звездных войн», которое позволяет США разместить на японской территории средства связи, слежения и наведения, необходимые для ведения боевых действий в космосе.

В настоящее время милитаристские круги Японии, как и в предвоенные годы, широко пропагандируют шовинизм, «исключительность японской нации», особую роль Японии в Азии. Они активно распространяют антикоммунизм и антисоветизм, пытаются запугать свой народ «угрозой с севера», выступают за пересмотр итогов второй мировой войны. Выдвигаются требования о возвращении «северных территорий» — южной группы Курильских островов, являющихся неотъемлемой частью территории Советского государства. Возраждаются «духовные ценности» периода «великой империи», предпринимаются попытки обелить преступления, совершенные японскими милитаристами на территориях других государств во время прошедшей войны.

Явным кощунством над памятью миллионов безвинно погибших в войнах людей является сооружение вблизи города Нагоя на вершине горы Микэнояма памятника «национальным героям, павшим во имя великой Японии» — семи главным японским военным преступникам, казненным по приговору Международного Военного Трибунала!

Следует подчеркнуть, что сооружение указанного памятника было сделано с санкции японского правительства, которое тем самым выразило свое отношение к бывшим правителям Японии и их политике.

ТОКИЙСКИЙ ПРОЦЕСС И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В ЯПОНИИ

О Токийском судебном процессе над главными японскими военными преступниками в Японии написано немало книг и статей. Здесь хотелось бы остановиться на некоторых из них, чтобы в общих чертах показать, что пишут японские ученые и общественные деятели по поводу этого процесса.

В 1984 году журнал «Japan Echo» посвятил свой специальный номер теме: «Война и Япония: ревизионистские взгляды» [1]. В нем выступают со статьями японские авторы (историки, юристы, писатели), а именно: Симидзу Хаяо [2]; Хата Юкихико [3]; Ирис Таканори [4], Хасэгава Митико [5], Кобори Кейсиро [6], Мураками Хё [7], Такэяма Митио [8], Онума Ясуаки [9]. Они излагают «ревизионистские взгляды» на послевоенные годы, войну и на Токийский процесс.

Среди книг, посвященных Токийскому процессу, в первую очередь следует назвать книгу Киосэ Итиро, который на этом процессе был заместителем руководителя группы японских защитников и за-

[1] Japan Echo. The War and Japan: Revisionist Views. Volume xi. Special Jssue, Tokyo, 1984.

[2] Shimizu Hayao. The War and Japan. Revisionist Views. Pp. 3—11.

[3] Hata Jkuhiko. The Postwar Period in Retrospect. Pp. 12—21.

[4] Jrie Takanori. The Lingering Impact of Misguided Occupation Policies. Pp. 22—28.

[5] Hasegawa Michiko. A Postwar View of the Greater East Asia War. Pp. 29—37.

[6] Kobori Keichiro. A Letter Gratitude to the War Dead. Pp. 38—45.

[7] Murakami Hyoe. The Wartime Years Through Japanes Eyes. Pp. 46—54.

[8] Takeyama Michio. Questions on the Tokio Trial. Pp. 55--62.

[9] Onuma Yasuaki. Beyond Victors Justice. Pp. 63—72.

щитником Тодзио [1]. О суде в Токио написал также книгу Кодзима Нобору [2]. Тема о Токийском процессе затрагивается и в других книгах, в частности, в книге Фудзивара Акира, Аракава Сёдзи, Хаяси Хирофуми [3] и в книге Ватанабэ Ёдзо, Хасэгава Масаясу, Катаока Нобору, Симидзу Макото [4].

В работах японских авторов указывается, что в Японии существует традиция вести счет годам по периодам — «эрам» царствования императора, причем каждый период имеет свое название. Эра царствования императора Хирохито началась со времени его коронации в 1926 году под названием Эра Сёва. Этот период условно делят на две части: с 1926 по 1945 год и с 1945 года. Первую часть характеризуют как «мрачную и ретрогрессивную» (Упадочную. — *Прим. авт.*), а вторую как «оживленную и прогрессивную» [5].

Симидзу высказывает мнение, что 14-летний период с 1931 по 1945 год можно рассматривать как три различные войны или как одну войну с тремя стадиями. Это: «Маньчжурское дело» (начиная с Маньчжурского инцидента в 1931 г.), «Китайское дело» (начиная с инцидента у моста Марко Поло в 1937 г.) и «Великая Восточно-Азиатская война» (1941—45 гг.), означавшая вступление Японии во вторую мировую войну. Автор утверждает, что «Великая Восточно-Азиатская война» велась японцами с целью освобождения народов Азии и создания «Сферы сопроцветания Великой Восточной Азии».

Симидзу отмечает, что некоторые японские авторы называют это сражение просто «Японо-Американской войной» или «Тихоокеанской войной» или «Тихоокеанским театром второй мировой войны», но предпочтение отдается названию «Великая Восточно-Азиатская война».

Автор высказывает мысль о том, что в течение четырех десятилетий после прекращения борьбы взгляд на войну складывался под углом зрения Токийского процесса. По этому взгляду борьба Японии от начальной ее фазы в Маньчжурии до Хиросимы и Нагасаки, включая борьбу против Китая, США, Великобритании, Советского Союза и других стран составляет одну агрессивную войну.

[1] Киосэ Итиро. Хироку. Токе сайбан (Суд в Токио, Секретные записи). Токио, «Емиури симбун ся», 1967.

[2] Кодзима Нобору. Токе сайбан (Суд в Токио). Токио, «Тюю корон ся», 1971.

[3] Фудзивара Акира, Аракава Сёдзи, Хаяси Хирофуми. Нихон гэндай си. 1945—1985 (Современная история Японии. 1945—1985). Токио, «Оцуки сетэн», 1986.

[4] Ватанабэ Ёдзо, Хасэгава Масаясу. Катаока Нобору, Симидзу Макото. Гэндай Нихон хо си (История современного японского права). Токио, «Иванами сётэн», 1982.

[5] Император Хирохито скончался 7 января 1989 г. Новым императором Японии стал наследный принц Акихито. Его новая эра называется «Хэйсэй» («утверждение мира»).

По мнению автора, большинство японцев согласны с осуждением Японии за подстрекательство к войне. Они согласны и с тем, что Тодзио и другие лидеры того времени несут главную ответственность за вовлечение Японии в войну, за втягивание других азиатских народов в неисчислимое разрушение и причинение японцам невиданных страданий и печали поражения. Но в то же время, многие японцы сомневаются в возможности проведения параллели между нацистской Германией и милитаристской Японией и осуждения японских мотивов и действий в начале Эры Сёва. Они также считают ошибочной принятую Токийским трибуналом презумпцию, что Япония стремилась завоевать Восточную Азию. Единственным мотивом Великой Восточно-Азиатской войны для Японии было ее желание освободить азиатские страны от колониального господства Запада.

С тех же позиций, что и Симидзу рассуждает Хасэгава. Он указывает, что «Япония пошла на Азиатский континент, чтобы спасти его, а не бороться против него» и что целью в войне было «освободить Восточную Азию от английского и американского господства и установить самообороняющуюся и независимую сферу». Однако в ходе борьбы многие народы Юго-Восточной Азии оказались отчужденными вследствие грубых японских действий. В дополнение к этому, союзные войска брали местных жителей из своих колоний на военную службу, и таким образом японские солдаты и солдаты из Юго-Восточной Азии часто оказывались противниками на поле боя. Словом, как рассуждает Хасэгава, сложилось положение со «странной логикой», а именно: Япония пошла на войну, чтобы освободить народы Азии, а получилось так, что она стала воевать против этих народов. Налицо явный разрыв между целью войны и ее исходом.

Хасэгава отмечает, что хотя Япония потерпела поражение в войне, «за освобождение Азии», однако Азия была освобождена. Те же мысли высказывает Мураками, замечая, что после поражения Японии широкая волна за независимость прошла по Азии, Среднему Востоку, Африке, Карибскому морю и тихоокеанским островам.

Это действительно так, но развитие национально-освободительной борьбы в мире, и, в частности в Азии, после второй мировой войны вряд ли можно поставить в заслугу Тодзио и его сообщникам.

Кобори считает, что поражение Японии в Великой Восточно-Азиатской войне привело к некоторой трансформации в мышлении японского народа.

С чувством сострадания о войне и ее жертвах пишет Мураками. По его мнению, многие воевавшие японцы сжились с идеей смерти и пали в бою «за императора», «за Родину». Большинство солдат и офицеров в войну находили моральную поддержку в чувстве гордости за свою общину, в презрении к смерти; они боялись посрамить своих товарищей и родственников трусостью. Эти чувства, по мне-

нию Мураками, являются превосходным примером результатов милитаристского воспитания».

Да, действительно, такие чувства годами прививались японской молодежи посредством жесткой милитаристской системы образования и воспитания. И в ходе Токийского процесса было приведено много тому доказательств.

Далее Мураками задает риторический вопрос: почему война была неизбежна и почему так много людей должны были умереть, и признается в том, что он чувствует «величайшее сострадание к жертвам в инциденте у моста Марко Поло в 1937 году, будь то китайцы или японцы», и считает, что этот «конфликт был бесцельным».

Автор не оправдывает оккупацию Маньчжурии Японией и создание марионеточного государства Маньчжоу-го. Он признает, что эти акты явно составляли агрессию против Китая. Но при этом он подчеркивает, что западные державы не отличались от Японии в этом отношении и что Япония не заслуживает неблагоприятного сравнения ее с ними.

Мураками осуждает действия военных и руководящую военную клику. «Независимость и «успешные» действия Квантунской армии», — пишет он, — толкнули народ Японии в безрассудную эйфорию и дали возможность появиться военной клике, ставшей инициатором цепи событий, которые привели Японию к неотразимому возмездию».

Вместе с тем японский писатель «не оспаривает утверждения о том, что так называемая сфера сопроцветания Великой Восточной Азии была просто эгоистической уловкой. В конце концов, — говорит он, — страны часто прибегают к такого рода самооправданию во время войны».

По мнению Мураками, Великобритания, Соединенные Штаты Америки и другие западные союзные страны «должны разделить вину с Японией» за вторую мировую войну — «глобальную катастрофу для всех цивилизаций».

Автор признает, что с начала Маньчжурского инцидента Япония вторглась на территорию Китая и стремилась захватить как можно больше его территории и подчинить себе население. Он признает также, что японское руководство требовало от Китая объединения его сил с силами Японии под японским руководством, «с целью отразить вторжение европейских стран в Китай».

Известно, что многие японские офицеры никак не могли примириться с фактом поражения Японии, и потому уже в конце войны стали говорить о реванше. Историк Хата в своей статье один из разделов так и назвал: «Период реванша». В этом разделе он указывает, что адмирал Т. Садатоси, начальник оперативного отдела генерального штаба флота, в конце войны успокаивал руководящих офицеров, которые, собравшись в Токио, призывали «продолжать сопротивление», заявляя, что «по окончании второй мировой войны наверняка будет противостояние между Соединенными Штатами и

Советским Союзом. В эту щель между ними Япония может иметь шанс поставить ногу».

В своих инструкциях о демобилизации и расформировании генерал Т. Татсухико, начальник штаба токийского армейского командования, вежливо намекал ждать другого дня, когда «на смену ночи придет горячая спорная игра». «Оба эти заявления, — заключает Хата, — вероятно означают «вставай и бери реванш».

Литератор Такэяма, касаясь послевоенного периода, пишет, что это было время, когда страна испытывала трудности, а нация переживала горе, вызванное поражением в войне и стремилась искупить свою вину.

Если прежде многие газеты поддерживали и укрепляли веру в победу, то теперь стали осыпать бранью «грехи военной клики Тодзио Хидэки».

Касаясь Токийского процесса, Такэяма отмечает, что этот процесс проводился от имени «цивилизации и нравственности» в то время, когда японский народ пал духом и был деморализован вследствие лишений, которые ему пришлось претерпеть.

Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока «восстанавливал недавнюю историю Японии и учил нас, японцев справедливости и показывал, какими безнравственными мы были. Поскольку наши глаза и уши были закрыты в течение дюжины лет или около этого, мы не были знакомы с фактами, но как только судебный процесс развернулся, факты вскрылись. И это вызвало удивление и стыд, мы впервые узнали, каков был ход событий».

В это время пресса писала обо всех ужасных действиях, совершенных нашей страной.

Однажды утром мы были шокированы неожиданной информацией о том, что мы находились в состоянии войны с Великобританией и Соединенными Штатами. Мы были удивлены тем, что происходило на Земле. Когда мы услышали приговор Токийского суда, мы не поверили. Мы почувствовали в нем что-то ошибочное, но не в состоянии были понять, что́ именно. Но как только мы узнали больше о положении дел, мы постепенно пришли к определенному выводу: Япония совершила ошибку, но не в том смысле, как установил суд».

Такие рассуждения Такэяма представляются, прямо скажем, противоречивыми.

С одной стороны, признание большого национального горя, которое действительно пришлось пережить японскому народу во время и после войны, и вины «военной клики Тодзио», ввергнувшей страну в губительную войну. А с другой, «полное незнание» до того, как начался судебный процесс в Токио, что происходило в Японии и в мире. Конечно, трудно поверить, что Такэяма, родившийся в 1903 году, окончивший университет в Токио и преподававший в нем литературу, ничего не знал, как его страна в течение многих лет готовилась к большой войне и против кого она воевала. Ведь другие

профессора знали, как руководители Японии культивировали в стране милитаризм и нацизм, готовили народ, особенно молодежь, к войне, и они дали показания об этом в суде.

Так к каким же заключениям пришли Такэяма и его ученые коллеги в отношении Токийского процесса?

1. Авторы названных книг «Современная история Японии» и «История современного японского права» положительно оценивают суд в Токио. По их мнению, этот суд «не только выявил ответственность Японии за агрессивную войну. Примененные в этом суде правовые принципы, вместе с правовыми принципами Нюрнбергского суда над немецкими военными преступниками, в качестве «нюрнбергских принципов» образуют часть международного права, что неоднократно признавалось ООН, и являются вкладом в упрочение принципа признания агрессивной войны преступлением».

Отмечается также, что «суд в Токио не только охватил много проблем: осудив вместе с судом в Нюрнберге преступления против мира, он тем самым признал «мир» в качестве объекта права и обосновал послевоенное движение за мир. Аналогичное содержание было вложено и в принцип пацифизма конституции Японии».

2. Вместе с тем справедливо указывается на недостаточную эффективность наказания военных преступников в Японии после окончания войны: «Наличие огромной разницы становится ясным тогда, когда задумываешься над тем, что вопреки последовательному преследованию нацистских военных преступников в ГДР и ФРГ вплоть до настоящего времени, в Японии уже в пятидесятые годы бывшие военные преступники категории «А» возвращались в политические круги».

Авторы упомянутых книг дают понять, что наряду с судом Токийского трибунала следовало бы судить японских военных преступников от имени народа Японии.

3. Онума, профессор международного права, в своей статье указывает, что ряд недостатков в Токийском процессе (выбор подсудимых, теория заговора, суровость приговора и др.) был связан с тем фактом, что этот процесс происходил как часть послевоенной политики США в отношении Японии. Именно поэтому японский народ называл Токийский процесс «американским».

В книге Ватанабэ и др. говорится: «из-за того, что процесс осуществлялся под американским руководством, он сфокусировался на войне Японии против США и Великобритании, а вопрос об ответственности за причинение ущерба Азии, где Япония нанесла наибольший вред, поднимался недостаточно; так процесс и закончился».

Так же критически оценивается приоритет американской стороны в организации процесса и руководстве им в книге Фудзивара и др. В ней сказано: «По сравнению с Нюрнбергским процессом, который был сформирован на коллегиальной основе с отведением центрального места США, Великобритании, Франции и СССР, в

Токийском процессе было обеспечено руководящее положение США благодаря тому, что командование (американское) оккупационных войск держало в своих руках право назначения судей и обвинителей и т. п.

Эти замечания японских авторов относительно организации Токийского процесса и руководства им соответствуют нашей оценке организации Трибунала в Токио, данной в первой главе.

4. Большинство японских авторов считает, что Токийский судебный процесс — это процесс победителей над побежденными.

В статье Симидзу отмечается, что «некоторые японцы поддерживают Токийский процесс как должный суд цивилизованных наций над японскими нецивилизованными действиями, в то время как другие осуждают его как процесс, организованный победителями, чтобы наказать побежденных».

О Токийском суде как «суде победителей над побежденными» говорится в указанных книгах японских ученых. А известный нам юрист Киосэ в своей книге характеризует Токийский процесс как «зрелище, демонстрируемое напоказ». По его мнению, суд в Токио был «устроен для того, чтобы вызвать дешевое чувство мести».

Такая резкая критика Киосэ Токийского процесса нас не удивляет. В таком духе в качестве защитника Тодзио он выступал и на процессе. Он всячески пытался доказать, что Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока не правомочен судить Тодзио и других японских лидеров. Однако судьи решительно отклонили заявления и ходатайства Киосэ и других защитников о неправомочности Трибунала.

5. Онума усматривает недостаток Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока в том, что в его составе не было ни обвинителей, ни судей, ни защитников из нейтральных стран.

Он отмечает также, что из 11 судей только трое из азиатских стран — Китая, Индии и Филиппин. Не было судей из Малайзии, Сингапура, Вьетнама, Индонезии или Бирмы — азиатских стран, которым Япония причинила огромный ущерб во время Восточно-Азиатской войны. И, конечно, не было вопроса о том, чтобы японец был избран в качестве одного из судей.

Надо сказать, что защитники поднимали вопрос о судьях из нейтральных стран, но их заявления об этом были признаны необоснованными.

Судьи от трех азиатских стран были. Другие страны, которые здесь называются, в частности, Малайзия, Сингапур, Бирма к тому времени еще не обрели независимость, а Вьетнам и Индонезия только что стали независимыми (1945 г.).

Однако доказательства о военных преступлениях, совершенных японцами на территории этих стран, были представлены Трибуналу обвинителями от США, Англии, Франции, Голландии.

При этом следует заметить, что в Нюрнбергском трибунале были представлены лишь четыре страны — СССР, США, Англия и

Франция, хотя, как известно, гитлеровская Германия вела агрессивные войны против многих европейских стран.

Что касается избрания японца в качестве одного из судей, то этот вопрос даже защитники не считали возможным ставить перед Трибуналом.

6. Онума обращает внимание на выбор подсудимых. Он видит недостаток Токийского процесса в том, что на нем отсутствовал император.

«Императору, — пишет он, — не только не было предъявлено обвинение, как лицу, ответственному за ведение Японией агрессивных войн, но он даже не был вызван в суд в качестве свидетеля».

И далее Онума поясняет: «Теперь это широко известно, что решение не предъявлять императору обвинения и не вызывать его в суд, основывалось на суждении творцов политики США, что император был полезен для эффективного осуществления оккупационной политики».

Другие авторы прямо высказываются, что был сужен круг лиц, привлеченных к ответственности и круг инкриминированных им преступлений. Так, Фудзивара и другие говорят в своей книге: «Неясности проблемы состояли, в частности, в том, что император был освобожден от ответственности, не поднимался вопрос об ответственности за войну дзайбацу (финансово-промышленные объединения. — *Прим. авт.*), сумел избежать преследования в обмен на предоставление армии США информации генерал-лейтенант Исии Сиро из отряда 731, где велись разработки биологического и химического оружия и проводились эксперименты над живыми людьми, и т. п.»

«Что касается отбора обвиняемых, — говорится далее, — то Австралия и другие страны называли среди них императора Японии, но США избрали курс на исключение императора из числа обвиняемых».

Эти замечания японских авторов вполне обоснованы. Верно, что император Японии несет ответственность за войны, санкционированные им, которые Япония вела против других государств.

Также верно, что должны бы нести ответственность и представители дзайбацу, которые создавали материальную базу для ведения войн.

Несомненно, должен бы сидеть на скамье подсудимых и генерал Исии [1].

Совершенно верно и то, что именно Соединенные Штаты Америки, определявшие оккупационную политику в Японии и осуществлявшие руководство Токийским судебным процессом, сочли неце-

[1] Подробно о деятельности отряда № 731 и отряда № 100 см. книгу: Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов.

лесообразным включать в список обвиняемых на этом процессе императора Японии, представителей дзайбацу и генерала Исии и они, таким образом, были освобождены от ответственности.

7. К числу недостатков Токийского процесса некоторые японские авторы относят то, что Токийский Трибунал руководствовался принципами Нюрнбергского Трибунала, тогда как положение Германии и положение Японии, в частности, условия капитуляции, были различны.

В этой связи Такэяма пишет, что Германия начала с идеологии и затем совершила агрессию, чтобы претворить идеологию в жизнь. Война стала финалом.

Япония, напротив, начала с местных конфликтов, которые путем эскалации расширялись и на каждом этапе порождали соответствующую идеологию.

Книга Гитлера «Моя борьба» была опубликована в 1926 году, за семь лет до того, как он пришел к власти. Студенты германских университетов в то время относились к этой книге с благоговением, как к современной Библии.

Что касается Японии, то первым шагом был Маньчжурский инцидент 1931 года. По мере расширения этого инцидента и последующей эскалации войны возникали различные концепции и идеи, как-то: Китай как жизненная линия Японии, императорский путь развития, восемь углов мира под одной крышей, национальная оборона государства, освобождение Азии, сфера сопроцветания Великой Восточной Азии, «новый порядок» и др. Ни одна из этих идей не существовала до Маньчжурского инцидента.

Далее Такэяма пытается убедить читателя в том, будто демократия разрушила сердцевину нации. И тут же отмечается, что сильно проявлялась самостоятельность военных, и император не осуществлял своих прерогатив в отношении верховного командования.

Японский ученый утверждает, что в Японии не было фашизма, который бы осуществлял общий контроль над нацией. Нация в общем была аморфной и беспорядочной.

Правительство и военные органы функционировали раздельно, правительственные чиновники и военные командиры действовали независимо друг от друга. Армия и флот были расколоты; высшее командование и военная администрация — разобщены; местное командование не слушалось центрального командования; молодые офицеры имели свои собственные политические взгляды и пытались совершить революцию, в то время как офицеры среднего ранга вели наступления за морями. Дипломаты не контролировались. Посол Осима в Германии и посол Сиратори в Италии действовали, игнорируя политику правительства.

Автор указывает, что Япония так была устроена, что, якобы, диктатор в ней не мог появиться, так как не было возможности к объединению нации и концентрации собственности.

Даже Тодзио, которого называли диктатором, был вынужден уйти с поста премьер-министра в 1944 году, когда он не мог действовать совместно с новым кабинетом. Следовательно, заключает Такэяма, в Японии не было диктатора и не было фашизма.

К этому он добавляет, что дипломатия и администрация юстиции действовали от имени императора, но император был только символом, а не реальным источником власти.

Конечно, Такэяма, как говорят, «сгущает краски», описывая существовавшие порядки в Японской империи.

Такого рода аргументы приводились в выступлениях японских защитников на Токийском процессе, но они не произвели того впечатления, на которое рассчитывали их авторы.

Во-первых, не верно, что милитаристско-захватнические идеи высказывались в Японии лишь после Маньчжурского инцидента 1931 года, они пропагандировались и до него, в частности, во времена войн Японии против Кореи (1876 г.), Китая (1894—1895 гг.), России (1904—1905 гг.).

Во-вторых, рассуждение о том, что первично, а что вторично — идеология или война в данном случае является надуманным и вряд ли имеет значение для оценки последствий агрессивных войн, которые вела Япония против других государств.

Что касается утверждений Такэяма, будто в японской империи царил полный беспорядок, то они не соответствуют действительности. В самом деле, если бы не было порядка в стране, то как можно было насаждать милитаризм и национализм, готовить армию и население к тотальной войне и вести эту войну в течение 14 лет.

Или. Как можно поверить тому, что послы Осима и Сиратори были вне контроля и действовали, не считаясь с политикой своего правительства?

В ходе Токийского процесса отмечалось, что Осима и Сиратори подали в отставку, когда их мнения по вопросу союза Японии с Германией и Италией разошлись с позицией своего правительства. А их адвокаты заявляли, что они невиновны, так как в качестве послов они действовали в соответствии с инструкциями своего правительства и министерства иностранных дел.

Необходимо также заметить, что в Японии существовал культ императора и культ почитания старших в семье и на службе и эти культы, несомненно, содействовали установлению в стране порядка и дисциплины.

В заключение следует сказать, что и обвинители и судьи на Токийском процессе вполне понимали, что было общего у немецких и японских главных военных преступников и каковы были различия в положениях и действиях Германии и Японии и все это ими учитывалось в оценках и выводах.

8. В ряде работ японских авторов указывается, что приговор Токийского Трибунала основывается на ex poct facto Laws, т. е. на законах, которые не существовали во время совершения факта,

а были приняты после того, как совершился факт. Иначе говоря, они считают, что был нарушен принцип: закон не имеет обратной силы.

В книгах Кодзима и Киосэ утверждается, что часть инкриминируемых подсудимым преступлений не считалась преступлениями на момент их совершения, поэтому судить за них означало бы нарушить правовые принципы, согласно которым «нет преступления и нет наказания без указания на то в законе» и «закон не имеет обратной силы». Авторы считают, что подсудимые не знали о провозглашении этих деяний преступными.

По мнению Онума, «взгляд, что война является незаконной, уже существовал как компонент преступлений против мира в соответствии с международным правом во время Маньчжурского инцидента, но мнения, что отдельные лидеры являются ответственными за акты государства, не было». Он утверждает, что международное право, каким оно было к концу войны, не признавало преступления против мира, т. е. планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны.

Ввиду этого автор заключает, что Токийский суд стоял на шаткой юридической основе, когда он налагал тяжелые наказания на отдельных лиц за преступления против мира.

Киосэ отмечает, что та часть Ялтинского соглашения, которая касалась Японии, не была оглашена и о ней не знали японцы.

В книге Ватанабэ и других говорится: «На суде в Токио имелось несколько проблем. Например, раздавалась критика, согласно которой в международном праве до второй мировой войны действительно предусматривался запрет агрессивной войны, но не было норм, в которых ставился бы вопрос об уголовной ответственности отдельных лиц, планировавших и осуществлявших ее.

Но на той же странице книги содержится и такое высказывание: «Наказание японских военных преступников было признано необходимым для того, чтобы установить ответственность за агрессивную войну и продвинуть вперед демилитаризацию: Япония приняла этот принцип уже в Потсдамской декларации».

В связи с тем, что некоторые авторы считают, что в международном праве не было норм об уголовной ответственности лиц, которые планировали и вели агрессивную войну, Фудзивара и другие пишут: «Союзные государства уже во время войны ясно высказались о том, что в целях предупреждения повторной агрессии со стороны фашистских стран будут наказаны военные преступления. Затем на основании Лондонского соглашения (США, Великобритания, Франция и СССР) от 8 августа 1945 г. было решено, что в дополнение к обычным военным преступлениям будут наказываться как преступления по международному праву и «преступления против мира», состоящие в планировании, подготовке, развязывании и т. п. агрессивной войны, а также «преступления против чело-

вечности». В отношении Японии в Потсдамской декларации было ясно указано на строгое наказание военных преступников».

По поводу высказанных японскими авторами замечаний в отношении применения Токийским Трибуналом ex post facta Laws следует сказать, что этот вопрос поднимался защитой в ходе процесса и обсуждался обстоятельно. В итоге возражения защиты были отклонены как неосновательные. Да и в самом деле, как можно было тогда и теперь заявлять, что агрессивная война не является незаконной, и государственные деятели, развязавшие ее, не несут ответственности? В процессе суда приводились международно-правовые документы, в частности, пакт Бриана-Келлога 1928 года, осуждавшие войну в качестве орудия национальной политики, и заявления союзных держав, предупреждавшие немецких и японских агрессоров и убийц об ответственности за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Да это подтверждают и японские ученые, в частности Фудзивара и другие. Поэтому высказывания Онума о «шаткой основе» Токийского суда являются неосновательными.

Лишено оснований и высказывание Киосэ относительно Ялтинского соглашения, принятого в феврале 1945 года. В самом деле, почему союзные державы (СССР, США, Великобритания) должны были оглашать ту часть соглашения, в которой говорилось, что СССР вступит в войну против милитаристской Японии через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе? Ведь война-то еще продолжалась. А когда Советский Союз решил вступить в войну против Японии (с 9 августа 1945 г.), то он об этом объявил в установленном порядке.

9. В статье Такэяма считается необоснованным первый пункт Обвинительного акта об «общим плане или заговоре» с целью установить господство Японии над Восточной Азией, Тихим и Индийским океанами.

А в статье Онума указывается, что вывод Токийского трибунала об общем заговоре базируется на признании того, что в период между 1927 и 1929 гг. «военная клика» проповедовала утверждение Окавы о том, что Япония должна обеспечить господство над Азией, Сибирью и Южными морями. Такое доказательство является явно порочным.

В связи с этими замечаниями надо сказать, что вопрос о заговоре, инкриминированном обвиняемым в п. 1 Обвинительного акта, обсуждался на Токийском процессе весьма подробно. Многочисленные доказательства подтвердили, что обвиняемые совместно с различными другими лицами между 1 января 1928 г. и 2 сентября 1945 г. участвовали как руководители, организаторы, подстрекатели и сообщники в выработке и выполнении общего плана или заговора с целью обеспечения Японией своего военного, морского, политического и экономического господства над Восточной Азией, Тихим и Индийским океанами и островами этих районов. Следо-

вательно, замечание Такэяма является просто голословным, а замечание Онума — неверным.

10. Японские авторы высказывают ряд замечаний относительно преступлений против человечности, предъявленных главным японским военным преступникам, и в этой связи поднимают вопрос об общем принципе правосудия.

Такэяма рассуждает так: Токийский трибунал следовал принципам Нюрнбергского трибунала. Это означает, что данный трибунал вынес приговор на основе общего принципа правосудия. Если мы должны будем выносить приговоры, опирающиеся на общий принцип правосудия, как стандартные, то не будет безвинной страны нигде, ни в какое время.

Универсальная нравственность не изменяется в специфические времена или в особых обстоятельствах. Нет вопроса относительно одобрения вторжений, которые имели место до пакта Келлога — Бриана 1928 года, и неодобрения вторжений того же типа, которые имели место после него. Здесь не должно быть различия между агрессией, совершенной Японией, и агрессией, совершенной ранее передовыми странами, такими как Великобритания, Франция и Нидерланды, которые захватили путем агрессии огромные колонии и эксплуатировали их, основываясь на силе и власти. Исходя из этой превосходной точки зрения, общий принцип правосудия должен быть одним и тем же в обоих случаях.

Рассуждая таким образом, Такэяма ставит вопрос: должна ли Япония одна нести ответственность за преступления против человечности, за убийство огромного числа невиновных людей?

И далее он указывает, что в самом конце войны флот США окружил Японию и базирующиеся на военных кораблях самолеты бомбили японскую территорию, нанося разрушения в огромных размерах. США знали, что Япония ищет мира и находится на грани капитуляции. Это было сообщено через Советский Союз, которого Япония просила быть посредником. И все же Соединенные Штаты сбросили атомную бомбу — и не один раз, а дважды. Они убивали беззащитное гражданское население.

Автор спрашивает: почему США использовали атомную бомбу против Японии, когда она уже стояла на коленях? Разве это не составляет преступления против человечности?

Поскольку решение об использовании атомной бомбы было принято президентом США Г. Трумэном, нельзя сваливать вину на какую-то необузданную военную силу.

В книге Фудзивара и других высказывается критика по поводу того, что суд в Токио не затронул атомных бомбардировок и воздушных налетов, жертвами которых стали все без исключения граждане.

Наряду с этими имеются замечания и иного характера.

Так, Онума, отмечая, что Англия, Франция и другие европейские страны имели своей целью в войне вернуться в Азию в их

традиционной роли колониальных держав, пишет, что когда Япония бросилась в великую Восточно-Азиатскую войну под предлогом «освобождения Азии», она сама была колониальной державой, которая управляла азиатскими народами в Корее и на Тайване. Война была развязана, когда японские лидеры решили, что они никогда не выведут их войска с территории Китая и других азиатских стран, где эти войска убили и искалечили большое число как комбатантов, так и некомбатантов». В статье высказывается и такое мнение: «Соединенные Штаты лишили жизни более 100 тыс. гражданских лиц Японии, чтобы отчасти испытать новое оружие в действии, и отчасти продемонстрировать его разрушительную мощь перед Советским Союзом».

А далее Онума рассуждает таким образом: «Мы имеем неясное мнение, что с Пёрл Харбором на одной стороне и Хиросимой и Нагасаки — на другой, военный счет между Японией и Соединенными Штатами более или менее сбалансировался... Как признано, мы действовали подло в развязывании неожиданного нападения. Но вы убили 200 тыс. невинных гражданских лиц вашей жестокой атомной бомбой. Следовательно, мы квиты» [1].

Что можно сказать по поводу приведенных здесь высказываний ученых Японии?

Эти высказывания в общем направлены на оправдание империалистской агрессивной политики Японии.

Дескать, если подходить с общим принципом правосудия ко всем странам, то нужно признать их всех виновными и уж во всяком случае виновными являются колониальные страны, такие как Великобритания, Франция, Нидерланды, захватившие и эксплуатировавшие посредством военной силы огромные территории. А если так, то почему одна Япония должна нести ответственность за преступления против человечности?

В этих рассуждениях, конечно, смысл есть и об этом говорили защитники подсудимых на процессе. Но дело в том, что Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока был создан для суда над японскими военными преступниками. Это, во-первых. А, во-вторых, Токийский процесс был ограничен временными рамками: с 1928 по 1945 год.

К этому следует добавить, что японские авторы признают, что сама Япония была колониальной державой в то время, когда она «бросилась» в войну. Следовательно, виновность самой Японии не подлежит сомнению.

Что касается виновности других колониальных держав, которые ранее вели войны с целью захвата чужих территорий, то это

[1] Цифры 100 тыс. и 200 тыс. указаны автором статьи на с. 63 и с. 69 журнала «Японское эхо».

сложный вопрос, относящийся к прошлой истории, и он, понятно, не мог входить и не входил в компетенцию Токийского Трибунала.

Теперь об атомных бомбардировках американской авиации японских городов.

Японские ученые считают, что не было необходимости с военной точки зрения для США сбрасывать 6 и 9 августа 1945 г. атомные бомбы на города Хиросима и Нагасаки и что они сделали это, с одной стороны, чтобы испытать новое смертоносное оружие, а с другой, чтобы продемонстрировать разрушительную мощь этого оружия перед Советским Союзом.

Думается, что это мнение имеет основания. Соединенные Штаты, конечно, не могли допустить, чтобы вопрос об атомных бомбардировках их авиацией японских городов рассматривался Токийским Трибуналом, и он не рассматривался. Однако в ходе судебного процесса американский защитник Блэкни касался данного вопроса в том смысле, что если убийство адмирала Кидда при налете на Пёрл Харбор является убийством, то таковым должно являться и убийство японских людей американскими атомными бомбами. Но Блэкни тут же заявил, что, по его мнению, ни в первом случае, ни во втором не было наказуемых актов убийства, поскольку эти акты были совершены во время войны.

Что касается рассуждений Онума о том, что, мол, Япония нанесла бомбовый удар по Пёрл Харбору, а США сбросили атомные бомбы на японские города и таким образом они остались «квиты», — то нам эти рассуждения представляются весьма упрощенными.

11. Киосэ в своей книге, как и на судебном процессе, считает необоснованным обвинение Японии в агрессии против Советского Союза. При этом он ссылается на то, что, дескать, между Японией и Советским Союзом действовал пакт о нейтралитете, Япония соблюдала этот пакт и не нападала на Советский Союз, а военные действия у озера Хасан и у реки Халхин-Гол были в свое время урегулированы.

В таком же духе высказываются в своих статьях Такэяма и Онума. Такэяма пишет: «Япония никогда не нападала на Советский Союз, а Советский Союз напал на Японию». Несмотря на это, советский обвинитель выступал с обвинением Японии в агрессии — против Советского Союза и «все судьи согласились, что Япония была виновна».

Наряду с этим японский автор указывает на то, что «Рузвельт нажимал на Советский Союз, чтобы он напал на Японию и добился от Советов несправедливого обещания в Ялте».

А далее Такэяма высказывает совершенно абсурдную мысль о том, будто «Советский Союз оценивает свое поведение как реванш за русско-японскую войну 1904—1905 гг. и Сибирскую экспедицию 1918—1922 гг.».

Что можно сказать по поводу этих замечаний?

Вопрос об агрессии Японии против Советского Союза рассматривался на Токийском процессе весьма подробно.

Во второй главе настоящей книги изложена советская фаза обвинения. На основе представленных Трибуналу многочисленных доказательств было установлено, что правящая милитаристская клика Японии проводила агрессивную политику против СССР и совершила военные нападения на него в районе озера Хасан и на реке Халхин-Гол. Все судьи, как правильно отмечает сам Такэяма, согласились, что Япония была виновна, и это зафиксировано в приговоре Трибунала.

Вместе с тем в приговоре указывается, что агрессивная война против СССР предусматривалась и планировалась Японией в течение 1941—1945 гг. Япония не соблюдала пакт о нейтралитете, держала на советской границе многочисленную Квантунскую армию, передавала Германии военную информацию о Советском Союзе, препятствовала советскому судоходству на Дальнем Востоке. Она усиленно готовилась к войне против СССР и ждала, когда в германо-советской войне наступит благоприятный для нее момент. Но не дождалась...

Ранее подробно говорилось о том, почему Советский Союз вступил в войну против Японии. Здесь отметим, что Япония, вероломно напав на США и Великобританию 7 декабря 1941 г., освободила СССР от обязательств по пакту о нейтралитете. Статья 2 пакта предусматривала сохранение Советским Союзом нейтралитета в том случае, если Япония окажется «объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав». Но Япония сама совершила агрессию, сама стала субъектом международного преступления и таким образом вышла за пределы нейтралитета СССР на Дальнем Востоке, указанные в пакте о нейтралитете. На Ялтинской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании в феврале 1945 года Советский Союз согласился вступить в войну против Японии и затем присоединился к Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., имея в виду ускорить окончание войны и тем самым содействовать восстановлению мира.

Следовательно, Советский Союз в своих действиях по отношению к Японии руководствовался не стремлением к «реваншу», о чем совершенно безосновательно говорит японский автор, а гуманными соображениями.

12. В работе японских авторов имеются сетования на то, что якобы на Токийском процессе были нарушения, ущемлявшие права защиты.

Так, Киосэ жалуется, что нарушался принцип состязательности между обвинением и защитой, что имели место задержки в ознакомлении защитников с материалами обвинения и др. А. Такэяма обращает внимание на то, что большое количество доказательств защиты было отклонено Трибуналом.

В связи с этими замечаниями хотелось бы сказать следующее.

Трибунал и его председатель Уэбб с большим вниманием относились к правам участников процесса, в том числе защитников. Конечно, в таком долгом и сложном процессе могли быть отдельные неполадки, в том числе задержки в подготовке и рассылке документов. Однако в общем аппарат Трибунала работал слаженно, четко.

И, конечно, соблюдался принцип состязательности сторон — обвинения и защиты. В подтверждение этого можно было бы привести много фактов. Приведем главные из них:

фаза обвинения заняла 160 дней. Трибунал принял от обвинения 2485 документов, 561 письменное свидетельское показание и допросил 109 свидетелей;

фаза защиты заняла 187 дней. Трибунал принял от защиты 1527 документов, 214 письменных свидетельских показаний и допросил 310 свидетелей.

Следовательно, по количеству времени и числу допрошенных свидетелей защита превзошла обвинение, по числу документов защита уступила обвинению.

Конечно, эти сравнения весьма условны, но они показывают, что Трибунал соблюдал в этом отношении объективность и одинаково лояльное отношение как к обвинению, так и к защите. Если какие-то доказательства, представляемые защитой, отклонялись Трибуналом, то к этому были причины и их приводит сам Такэяма: документ не имеет доказательной силы или не относится к делу. Например, Трибунал отказался принять от защиты доказательства, относящиеся к коммунистическому движению. И правильно поступил, поскольку этот вопрос не имеет отношения к делу, которое рассматривалось Трибуналом.

13. В некоторых работах японских авторов указывается на то, что приговор Токийского трибунала является «более жестоким», чем приговор Нюрнбергского трибунала. В частности, выражается сомнение в отношении смертного приговора Хиротэ, занимавшему посты премьер-министра и министра иностранных дел в 1936—1937 гг.

Вряд ли можно ставить так вопрос: какой приговор является более жестоким: Нюрнбергский или Токийский?

Ведь мера наказания определялась каждому подсудимому в отдельности с учетом его личности и содеянного им.

Если же говорить в общем, то картина такова: в Нюрнберге из 24 главных немецких военных преступников были осуждены к смертной казни через повешение — 12, в Токио из 25 — 7.

14. Японские авторы в своих работах высказывают ряд других замечаний.

Так, Ирис, указав на существующую якобы «угрозу» Японии со стороны Советского Союза считает, что Япония обязана занять роль, которую играла Великобритания в прошлом (во времена

Гладстона, Дизраэли и Пальмерстона). «Япония есть единственная страна со средствами играть такую роль»... Далее он подчеркивает «жизненную важность усилий на внутреннем фронте, чтобы создать необходимую обстановку и поддержать более активное участие Японии в международных делах». И первым приоритетом Японии, по мнению Ирис, является то, чтобы «пробудить ее истинную роль в реальном мире». Вот и такие рассуждения встречаются в работах современных японских ученых.

Иное мнение выражают миролюбивые, прогрессивные силы Японии. Они справедливо требуют от правительственных кругов изменить свой внешнеполитический курс, предпринять конкретные шаги в целях содействия начавшемуся процессу ядерного разоружения, поставить на прочную основу мира и дружбы отношения Японии с Советским Союзом, способствовать тому, чтобы Япония внесла свой весомый вклад в общее дело обеспечения международной безопасности в Азии и во всем мире, предотвращения термоядерной войны.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3
Вызов в Москву 4
Япония. Первые впечатления . 8
ОРГАНИЗАЦИЯ ТОКИЙСКОГО ПРОЦЕССА 17
Предпосылки для организации Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока 17
Учреждение Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока 29
Устав трибунала . 32
Судьи 41
Обвинители . . . 48
Советская делегация . 56
Защитники 58
Американские защитники . 59
Японские защитники . . . 60
Подсудимые . 61
Секретариат 80
Переводческая секция 82
Корреспонденты 85
Аудитория 87
Зал судебного заседания . 87
Распорядок рабочего дня в трибунале 90
Охрана . 91
СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА 96
Процессуальный порядок судопроизводства . . . 96
Обвинительный акт 102

Судебный процесс 116

Фаза обвинения 129

Советский раздел . . 150

Другие фазы обвинения 213

Фаза защиты . . 267

Советский раздел 274

Стадия опровержения доказательств защиты (rebuttle) 286

Опровержение защитой ответных доказательств обвинения (surrebuttle) 291

Заключительная речь обвинения . 293

Заключительная речь защиты . 325

Ответная речь главного обвинителя (реплика) 341

ПРИГОВОР 347

Структура приговора . . . 347

Создание и деятельность трибунала . 348

Правовые вопросы 350

Обязательства, взятые на себя Японией, и приобретенные ею права 353

Господство военщины в Японии и приготовления к войне . . . 354

Японская агрессия против Китая . 358

Японская агрессия против СССР 361

Тихоокеанская война . . 375

Преступления против законов и обычаев войны (зверства) . . . 378

Выводы по пунктам обвинительного заключения 380

Резолютивная часть 384

Санкции 387

Исполнение приговора 389

УРОКИ ПРОЦЕССА 395

Токийский процесс и современное общественное мнение в Японии . 395

На 1-м форзаце
Скамья подсудимых. Ниже — защитники и обвинители.

На 2-м форзаце
Начальник американской военной полиции (МР) держит руками подсудимого философа Окава после того, как он ударил сандалией впереди сидящего подсудимого бывшего премьер-министра Японии Тодзио (пятый справа).

НИКОЛАЕВ Анатолий Николаевич
ТОКИО: СУД НАРОДОВ.
По воспоминаниям участника процесса.
В издании использованы архивные документы.

Художник И. Е. Сайко
Художественный редактор Э. П. Батаева
Технический редактор Т. А. Киселева
Корректоры Н. А. Гежа, Л. Г. Кузьмичева

ИБ № 1882
Научно-популярное издание

Сдано в набор 14.04.89. Подписано в печать 25.01.90.
А-07404. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 2.
Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная.
Объем: усл. печ. л. 26; усл. кр.-отт. 26; учет.-изд. л. 29,22.
Тираж 48 000 экз. Заказ № 2. Цена 2 р. 10 к.

Издание подготовлено к печати на ЭВМ и фотонаборном оборудовании в ордена «Знак Почета» издательстве «Юридическая литература»
121069, Москва, Г-69, ул. Качалова, д. 14.

Типография № 6 ордена Трудового Красного Знамени издательства «Машиностроение» при Государственном комитете СССР по печати.
193144, Ленинград, ул. Моисеенко, 10.

«Юридическая литература»
предпринимает издание многотомного
иллюстрированного сборника материалов
«Токийский процесс», в котором
с наибольшей полнотой и точностью
будут воспроизведены стенограмма и документы
Международного Военного Трибунала
для Дальнего Востока, судившего
главных японских военных преступников
в 1946—1948 гг.
Составитель сборника —
автор настоящей книги,
участник Токийского процесса
А. Н. Николаев.
Издание предполагается подписным.
Первые тома выйдут в свет в 1991 году.

ТОКИО: СУД НАРОДОВ

А. Н. Николаев